

НЕВА

12
2019

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Саша НЕМИРОВСКИЙ

Стихи • 3

Инна БЫКОВА

Поиск метра. *Повесть* • 8

Наталья КРАВЧЕНКО

Стихи • 30

Дмитрий ТАРАСОВ

Господин Яновский. Ряженые, или Паровая машина Джеймса Уатта. *Рассказы* • 34

Злата ЛИННИК

Час дворника. Третья сторона апельсина. *Рассказы* • 70

Наталья ОКЕНЧИЦ

Стихи • 77

Александр НЕХАЕВ

Кафе «Поезд». *Рассказ* • 80

Александр МЕНДЫБАЕВ

Греческий бриз. Чиновничьи забавы. *Рассказы* • 94

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Юдит АГРАЧЕВА

Когда я была маленькая. *Рассказ* • 105

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей КУРАЕВ

Укротители наводнений • 122

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Ям—Ямбург—Кингисепп?—Ямбург! • 151

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

К 100-летию Федора Абрамова

Олег ТРУШИН

«Правда, правда и еще раз правда». *От опального писателя до лауреата Государственной премии СССР* • 165

- Вячеслав ВЛАЩЕНКО**
«Зимнее утро» А. С. Пушкина
как чудо русской поэзии • 189

ТЕАТРОТЕКА

- Алексей ПАНОГРАФ**
Дорога в дивный ад • 206
- Людмила БЕЗРУКОВА**
Театр по имени Алиса • 211

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

- К 100-летию Федора Абрамова.** Елена Галимова. Полнота русской жизни. **Территория памяти.** Игорь Шумейко. Ибсен, феминизм и куклы с низкой социальной ответственностью. **Книжный остров.** Публикация Елены Зиновьевой • 221

ПИЛИГРИМ

- Архимандрит Августин (НИКИТИН)**
Обители Афона. Часть 5 • 239

- Содержание журнала «Нева» за 2019 год • 251**

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Д. Зенченко**

Саша НЕМИРОВСКИЙ

ДЖАЗ-КАФЕ

Что тебе рассказать про джаз-кафе?
Одно из последних, дышащих на ладан
строкой саксофона.
В местах, где, закон
не нарушив, нельзя покурить.
Да и ладно.
Открыто в weekend. На ковре —
следы пятен.
Пожилой пианист — в пальцах прыть,
знаменитый ударник, певица, тромбон (чуть невнятен)
скромно делают джаз на малюхонький зал.
Из сифона
за барною стойкой, за стенкой, в бокал
разливается эль и патроны,
смеясь и качаясь в синкопах,
ногами стучат по паркету.
В душном зальчике лето.
Вот девчушка из прошлого века,
забросив за спинку пальто,
гонит воздух салфеткой.
Тот веер ее
раздувает туман Миссисипи
над воронкой трубы,
чтобы он поднимался под люстру.
Ее кавалер, неуклюже рассыпав
закуску,
подначит в пространство: «Играй, не вникай!»
Низкой крыши опоры-столбы
изогнутся стволами.
«Summertime»
поплывет. А он вспомнит течение Невы.
Время, место, где дым и туман в пополаме
покрывают буксирный тягач.
Как похоже дрейфует в стакане
мартини маслина, проплывая от стенки
до стрелки,
где остров из кремня.

Саша Немировский (Александр Немировский) — поэт, писатель, хай-тек-антрепренер, гражданин мира. Родился в 1963 году в Москве. Считается основоположником поэтического стиля «джаз-поэзия». Автор пяти книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в изданиях США, Германии, Финляндии, России. Член Санкт-Петербургского Союза писателей (иностранное отделение).

То же синее небо и ясное
солнце. То же «Летнее время»,
в котором и папа богач,
да и мама прекрасна,
и ты, моя бэби, не плачь.

ВЫБОР

Как говорить с девчонкой на пороге материнства?
Мелькает слышимое слово перед божьим.
Раздвинулись границы
языка.
В них невозможен
стыд. Грядущее присутствует, пока
незримо,
и судит не обрамленным в глазницы
взглядом.
Зачем мы здесь, когда бы не за Этим?
И кем хранимы,
если не Всевышним?
Так над весенним,
еще спящим садом
в преддверье мыши
ухает сова,
да полнолуны свет подробно смотрит в нишу,
выхватывая: грех, кровать,
фасад
от хижины —
спектакль давней встречи.
Кто храбрым был, а кто сегодня смел,
когда сплетенье тел —
глаголом высшей речи
звучало вслух?
Чтоб, отломав щепоть,
мел
той луны просыпался в питье
и дух
смог опуститься в бытие,
благословляя человечью плоть.

АВСТРИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.
Наряженная елка.
Зачем я здесь?
Гениальные панели,
взвесь

мороси, что воздуха барокко
легла на спесь
фасадов, на кафедральных башен стебли.
Весь город разукрашен
к Рождеству, что длится месяц
из обветшалых дней.
Как пряна ночь искусственных огней,
когда над улицами люстры светят,
когда ступени лестниц,
не стыдись граффити,
нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.
В зените
красный шар — как есть намек.
Полотна площадей, холсты дворцов.
Под козырек
парадного подъезда забился фэзтон.
Зажаты тормоза.
Возница что-то мямлит —
немецкого стаккато сухота.
Кариатиде мокрое лицо
поможет вряд ли,
где каменных орлов отбеленный жетон
все стережет
еврейского квартала воздух
от побега. Барух ата...
Прижата глыбой память холокоста
на Юденплац.
Давно ли Питер рисовал те кости?
Почти полтысячи годов тому назад.

* * *

Мы спорим о птицах,
как будто свобода — синоним полета.
Помню, трамвай мерзлым утром везет на работу
мою повседневную тень,
чтоб вечером темным обратно вернуть.
И жизнь утекает меж пальцев. Меняются лица.
На завтра отложено счастье. Оно непременно случится.
Чуток пережди дребедень,
потом позабудь.

Не кончается вальс,
лишь природа сменяет мгновенья.

Вот рождается Слово, встает с колыбели и курит в окно.
Собираются гости. На раз
на столе накрывают соленья,
и кажется, больше другого уже не дано.

От снов
разноцветных к эпохе
помятых бессонниц
по ветру вращается лист, представляя, что путь выбирает.
Его дерево сохнет,
да служат мишенью
для молний залысины кроны.
И кто его знает?
Он счастлив короткий отрезок движения,
что делит с вороной.

ГОРИЗОНТ

Осталось некрасиво постареть,
желания упаковать в бессилье,
пересмотреть
фотоальбомы, стиль
одежды, что носили,
и ту, что далее носить, пересмотреть.
Давно не треть,
давно за половину —
статистика отсчитывает срок.
Что раньше брал и делал —
ломит спину,
не впрок
еда. Да, это времени симптомы —
оброк
стригущего с пространства тела
болями, легкостью походки,
взглядом незнакомых
дев, скользящим мимо.
Осталось, меньшего прося,
умело
поменять привычки, кротко
жизнь жизни в жертву принося.
Осталось — в маске грима —
придумывать капризы, быть у дел,
незримо
двигать грани компромисса.
Уйти и не почувствовать предел.

СОЛДАТ

Ну плесни ностальгии
на два пальца в граненую рюмку.
Эта водка не вызывает похмелья,
она лишь футляр для беседы.
О чем? — да наутро не вспомнить.
Улетели валькирии —
значит, мы победили соседа,
из оставшихся сил задираем красавице юбку,
понятное дело, в продолжение веселья.
Что, нескромно? —
так пес его!
За Кесаря
мы теперь голосуем ногами.
Побег — это тоже победа, где на выходе жизнь.
Я возьму себе ангела замуж. Нам тесная
комната будет дворцом. Там, шить
научившись,
она мне подарит накидку на шрамы.

Когда перестанут пугаться,
тогда я начну забывать. Только вряд ли забуду.
На войну отлучившись
однажды, с нее не вернуться.
Будут
всюду мерещиться ямы,
и в них иноверцы, что грудой
доверху. Ты выбрал — остаться.
Стремясь не споткнуться,
набивши карманы,
мы в храмы
приносим чуток подношенья,
опять начиная ходить, а не красться.

Ну еще на два пальца.
Мы пытались брататься
в избежание срама.
Победители — в пляс.
А теперь, в отрешенье,
ждать и молиться, чтоб не вышел приказ.

Инна БЫКОВА

ПОИСК МЕТРА

Довольно правдивая повесть
с фантастическим уклоном
на основании легко опровержимых фактов
и непреложной истины,
сопровождаемая восхождением
с лугов прозы на возвышенность поэзии

1.1. Базель. Швейцария

Небо было такого нежного оттенка, какой бывает только у сильно разбавленного проворной рукой умелой и доброжелательной молочницы, чья покупательница, увлеченная пересудами с товаркой, вовсе забыла, зачем она пришла в магазин. Поезд пришел точно по расписанию в 8:00 в Базель СББ. Я с трудом спустилась на платформу из жарко натопленного щедрой рукой вагона ночного поезда Берлин—Цюрих. С трудом, потому что, кроме двух чемоданов в руках, на правом плече у меня висела довольно-таки увесистая сумка, а на спине я несла рюкзак, в котором со мной путешествовал по Швейцарии тот самый notebook, чьим клавишам я доверяю сейчас эти строки.

Если раскрутить глобус так, что континенты и океаны сольются в одну пеструю сферу и будут проноситься мимо, сначала быстро, потом постепенно все замедляя разбег, и вдруг, зажмурясь, пальцем правой руки взять да остановить эту веселую карусель, то всегда попадешь не в небо, а на землю. Если не очень повезет, то прямо в океанскую синеву, ничуть не уступающую по красоте оттенков небу, что с лихвой искупает опасность утонуть или быть проглоченным Левиафаном. Если повезет, то попадешь как раз на остров, с детства знакомый остров Буян. Случайно ли мы попадаем в те места, где мы родились, куда приезжаем на отдых, где стоит та башня и проплывают те облака, которые нам снились или о которых мы уже давно и тайно мечтали? «How did you get into...?» — Eine gute Frage, auf die man schlecht antworten kann.

Где кончается та держава случайного совпадения, где «запахи, казалось, готовые завопить», вдруг пропадают за углом и где начинаются владения непреклонной судьбы?

Я беру колоду карт с четырьмя мастями: вероятное, правдоподобное, истинное и ложное; старательно тасую ее и раскладываю пестрый пасьянс с необычными узо-

Инна Владимировна Быкова родилась в 1966 году в Ленинграде, окончила классическое отделение филфака ЛГУ. Автор статей о культурологии в «International Readings on Theory, History and Philosophy of Culture», эссе «Орнитология счастья» (Нью-Йорк, 2003) и книги рассказов «Освобождение» (2016, Твенти сикс, букс он деманд). Живет в Санкт-Петербурге и в Берлине.

рами: король с дамой и красная десятка легли направо, двойка налево. Туз ложной масти лег внизу. Пасьянс развлекает женское сердце в часы одиночества и легкой меланхолии. Зачем я приехала сюда? Заветная мечта стать доктором наук и сделать какую-никакую карьеру на научном поприще давно манила мое подвижное воображение. Швейцария, и это знает каждый бывший советский гражданин, есть страна нейтральная, давшая приют таким выдающимся (а главное, успешным) борцам с царизмом, как В. И. Ленин, Аксельрод, пробавлявшийся кефиром, Плеханов, который, однако, приучился было приподнимать котелок при встрече с представителями местной буржуазии, за что и был справедливо заклеен как ренегат возмущенными большевиками. Потом, спустя несколько десятилетий, уже другой сорт политических эмигрантов потек в хорошо защищенные от ветров исторических передряг закрома Швейцарии. Здесь были и шумный Солженицын, и тихий Некрасов, и «разбогатевший на страданиях бедной американской девочки» Набоков. Руки у меня чесались поскорее добраться до замечательных швейцарских архивов и откопать нечто сенсационное, неслыханное, написать об этом умную статейку, потом, глядишь, еще одну, еще одну, привлечь снисходительное внимание ученого мира и получить наконец место в каком-нибудь университете нашего хотя и тесного, по слову, но еще не вполне освоенного мира. Представит только, что в самом сердце пересохшей Сахары умные и добрые руки человека выстроили громадное здание из стекла и бетона — вот вам, бедуины, университет. Вот тут-то и подвернулась бы мне вакансия. Мечты, мечты!

Я вышла на вокзальную площадь с пятью гостиницами, названия которых навсегда запечатлелись в моем мозгу следующим образом (справа налево, по порядку): «Траектория», «Швайценегер», «Milton», «Eulenauglein» и «Swiss guy». Кстати, чтобы не забыть, привожу здесь (хотя и не совсем кстати) анекдот, случившийся в свое время с Тургеневым. Как-то Тургенев, будучи уже не на заре туманной юности, пришел в кафе, где собирались тогдашние сливки литературного Парижа. Сам он только что в Париж прибыл и не знал всех литераторов в лицо. Флобера он знал. Но тот отошел как раз в сторону, чтобы поцеловать ручку у одной еще не очень знаменитой, но еще вполне хорошенькой актрисы. Тургенев, крутя по своей дурной русской привычке бокал шампанского в руке, с любопытством оглядывался по сторонам. Его внимание привлек мужчина живописной наружности, который приглушенным голосом рассказывал истории собравшимся вокруг него мужчинам, от чего те периодически раздражались неудержимым хохотом. В это время Флобер, уже нацеловавшись с актрисой, подошел к Тургеневу. «Who is this guy?» — asked him Turgenieff. «This is Mopassan, but how did you know his first name?» — ответил удивленный Флобер.

Но я еще не дошла до моего будущего дома. Итак, я свернула налево и пошла все прямо и прямо, упрямо поправляя сползавшую с плеча сумку. Название первого ресторанчика, встретившегося мне по пути, привлекло мое внимание. Вывеска его гласила: «Pale fire». Дойдя до Kannenfelder Platz, я свернула направо и, минуя новую церковь, напоминающую своей фигурой скелет ископаемого доисторического завра, уже слегка под гору, добралась до дома 110 по славной улице Барона Мюнхгаузена, где меня уже ждала благожелательная пожилая, но все еще статная и внушительная консьержка фрау Нусбаум (в переводе на русский «крепкий орешек») со связкой ключей. О бессмертный Толстой, неужели слог мой порожден нездоровой завистью к твоим лаврам? Или неторопливый и обстоятельный немецкий язык уже успел наложить свою печать на мою (I confess!) довольно-таки безалаберную, легко поддающуюся под чужое влияние натуру?

Вселившись в квартиру со всеми удобствами и даже с лифтом, правда, без внутренней двери, по швейцарской моде, я первым делом записалась в университетскую би-

библиотеку. Я поднялась в книгохранилище, но нужной книги John Glad «Russian Exile» не оказалось на месте. Уныло побрела я вдоль плотно уставленных книжных полок, да все томами о России (тематическое расположение литературы), дошла до окна и с невольным вздохом вынула наугад черную книжку, не толстую и не тонкую, не вполне новую, но и не зачитанную, словом, книжку, которую только и стоило взять да прочитать. На корешке стояло тисненное серебром название «Pale fire», а под названием VLADIMIR NABOKOV. Перелистала: предисловие, стихи, потом что-то вроде комментария к стихам, все по-английски, непонятно, без послесловия издателя, где было бы все толково объяснено: кто автор, когда и почему написал эту книгу, а главное, о чем в ней говорится и почему так важно ее прочитать. Предисловие, подписанное Charles Kinbote, Oct. 19, 1959, Cedarn, Utana. Лицейская годовщина привлекла мое пушкинистское сердце, и я взяла книгу. С этого момента вся моя жизнь пошла наперекосяк.

1.2. Берег Рейна

Красная с золоченой росписью и разукрашенной крышей ратуша с трогательными башенками на большой башне. Отсюда два шага до левого берега Рейна, величаво текущего своим путем в Германию. Я вышла на берег и, глядя на реку, стала восстанавливать в памяти сюжет «Пэйл фая». В упрощенном виде вся история выглядит следующим образом. Charles Kinbote, очевидно филолог, немного мечтательного склада («Я в том большой беды не вижу»), молодой мужчина интересной наружности — его прозвище «The Great Beaver» вызывает в воображении каштановую бороду, густую каштановую же шевелюру и два белых, несколько выдающихся вперед больших верхних зуба, — комментирует поэму погибшего на его глазах друга — поэта John Samuel Shade. В переводе на русский фамилия означает «тень», что дает пищу различным толкованиям: или пожилой поэт имеет так называемые теневые стороны характера, или он сам стоит в чьей-то тени, или же он является сам чьей-то тенью. С другой стороны, если произнести это имя на немецкий лад, с несколько печальной интонацией, то получается Schade, что в переводе на русский дает нам «жаль». Набоков жалеет своего героя за то, что тот погиб той же смертью, что и отец Набокова. Так *qui pro quo* (ты убил не того) — прием, вообще говоря, комедийный — приводит к трагическому результату.

Тут мое внимание привлек полицейский катер, выплывший из-под Mittlere Brücke. Двое в мундирах шарили баграми в Рейне. Катер медленно плыл против течения. Что они могли искать в реке, что бы плыло против ее течения? Еще несколько человек остановились на мосту от любопытства. Катер поравнялся с лютеранским собором. Пожилой горожанин сказал: «Ich habe gehört, eine Frau sei ertrunken», покачал неодобрительно головой и пошел по своим делам. Русская народная сказка о несогласной жене вдруг живо вспомнилась мне. Я не стала, однако, дожидаться подтверждения или опровержения моей догадливости и пошла домой.

1.3. Кинбот и Шейд

Итак, два главных героя Кинбот и Шейд связаны друг с другом довольно запутанными отношениями (как это почти всегда и бывает). К слову, Шейд, может быть, был тенью великого Шекспира, к которому он часто обращается в пылу поэмы и у которого он при поддержке Набокова позаимствовал название книги: «Help me, Will! Pale fire». В таком случае Кинбот оказывается пародией на неумелого шекспироведа, готового все свалить в одну кучу и не умеющего отличить существенное от деталей, занятого ловлей блох вместо того, чтобы изучать повадки слона. Не могу забыть, как

один ретивый литературовед из Туманного Альбиона вменил Гамлету в вину ни больше ни меньше как неумение жить, то есть приспособливаться. Что тогда остается сказать о Дон Кихоте, Пьере Безухове и Годунове-Чердынцеве?! Неумехи, неудачники! Все литературоведение можно и впрямь свести к этим двум словам. Да и к чему она нам, такая литература о чудаках и неудачниках? Но на какую рапиру сарказма можно было бы нанизать всех горе-литературоведов?

Итак, далее (не путать с «и так далее!»). В предисловии рассказана коротко история знакомства Кинбота с Шейдом и его женой Сибил. Действие происходит или, как это принято говорить, разворачивается в маленьком университетском городке New Way, что сразу вызывает следующие ассоциации: Нью-Вью, Нью-Йорк и Новый Путь, идя которым мы почему-то приходим к Хиппи-Ус. Не совсем понятно почему, но задавать вопросы некому. Приходится поэтому идти все дальше и дальше.

Шейд и Кинбот — коллеги, преподаватели литературы. Шейд счастливо женат уже 40 лет, со своей женой он познакомился еще в школьные годы. Кинбот резко отличается по своим склонностям от своего старшего коллеги. Как бы это выразить поделikatнее? Попробую так... Он любил зеленый цвет (такое иносказание я вычитала много лет назад в одном учебном труде об Оскаре Уайльде). Нет, кажется темновато. Тогда так... Он разделял сексуальные убеждения Чайковского и Геккерена. Короче, он любил мужчин. (Фу, наконец-то я миновала это опасное место!) У поэта Шейда за год до написания его последней поэмы погибла единственная дочь Hazel, которую он оплакивает во второй и третьей частях поэмы. Имя дочери приводит вдумчивого читателя к следующим параллелям: газель — робкое и грациозное животное, предпочитающее жить на горах, а не в низинах. Ну, а уж если взяться за английский, то получается орех фундук. Как только перо Шейда отрывается от 999-й строки поэмы, к нему заходит Кинбот и запросто, по-соседски, приглашает поэта к себе на рюмочку ликера. По дороге к дому Кинбота Шейда застреливает некий террорист Gradus, в буквальном смысле теневой персонаж, посланник террористической организации революционеров (именующих себя «тенями») далекой северной страны Zembla, о которой мы узнаем из комментария Кинбота, что это скандинавская (вернее, псевдоскандинавская) страна, в которой произошла некоторое время тому назад революция, карикатурно напоминающая Великую Октябрьскую социалистическую. Кинбот делает попытку спасти горячо любимого поэта и даже подвергает свою жизнь опасности. Здесь на месте трагедии появляется Сибил Шейд, которой не оказалось дома в момент гибели мужа. Она соглашается на горячую просьбу Кинбота позволить ему быть издателем и комментатором последней поэмы Шейда. Кинбот уединяется где-то в горах, спасаясь от преследования официальных шейдоведов, чтобы откомментировать поэму на основании ему одному ведомых темных тайных намеков на историю короля Zembla, якобы содержащихся в поэме.

В процессе комментирования комментатор перманентно отвлекается в сторону от предмета своего изучения: он то принимается детализированно описывать вид карточек, на которых Шейд записывал строки своей поэмы, то полемицировать с оппонентами, не понимающими истинного значения поэзии Шейда, то сопоставлять моменты биографии поэта и короля Земблы Charles The Beloved, скрывающегося в Америке, причем после некоторого недоумения читатель приходит к выводу, что беглый король и комментатор — это одно и то же лицо. Под конец Кинбот все больше увлекается темой террориста Gradus. На последней странице книги следует образное описание карусели, потому что у комментатора голова пошла кругом от взваленной на себя непосильной задачи. Был такой фильм... Не могу вспомнить названия... Там двое героев борются не на жизнь, а на смерть на крутящейся карусели, и дети визжат от страха.

Я не совсем уверена, но кажется, эта сцена была в «Strangers on a train». Во всяком случае, эта фильмовая сцена смутно проявилась в моем воображении при первом чтении романа.

2. 1. Бабочки

Странным образом меня тянет начать разговор о бабочках, предмете необычайно волнующем Набокова, с парадокса об энтропии. Выписываю из Merriam-Webster's Collegiate Dictionary: «Entropy — the degree of disorder or uncertainty in a system; chaos, disorganization, randomness». Получается, что энтропия — некая отрицательная величина, свидетельствующая о степени разрушения системы. Однако при энтропии, равной нулю, система также не может функционировать, как и при энтропии больше единицы. В первом случае система застывает или превращается в камень (крылья бабочки постепенно тяжелеют, бабочка не может летать и постепенно превращается в фоссилию, которую когда-нибудь да откопает любопытный природовед), во втором случае система распадается под слишком сильным напором хаоса (бабочка не может совладать с непомерно разросшимися крыльями, теряет способность контролировать траекторию полета и в конце концов погибает, без сил упав на землю). Таким образом, нельзя не прийти к выводу о том, что оптимальным условием функционирования системы является уровень энтропии от нуля до единицы.

Бабочки были самой сильной и верной связью (чуть было не написала — привязью) Набокова с землей. В райской росписи их крылышек он видел действие тех земных и весьма приземленных законов, которые (вернее, мимо которых) под шумный и коллективный зовок проходят в школе. Не будучи любительницей отыскивать символы, я с простым эстетическим удовольствием читала о бабочках в «Даре». Но в «Пэйл фая» эти крылатые красавицы играют куда более важную роль, чем в других романах. Мне пришлось обратиться к специальной литературе. Найдя по каталогу Higgins L. S., Riley N. D. «Field Guide to the Butterflies of Britain and Europe», я принялась разглядывать (готовясь к поездке в альпийские горы для личного знакомства) наряды nereid воздушного моря. Но жажда литературоведческих открытий по-прежнему безраздельно владела моей душой. И я отправилась за томами Brian Boyd в отделение англистики и американистики Базельского университета. Я уже знала, что его «Vladimir Nabokov. The Russian Years. The American Years» — это лучшее из всего, написанного о Набокове и его романах.

Вот я несусь домой, окрыленная не хуже любой бабочки ожидаемым, голубой томик с разбором «Пэйл фая» и два объемистых тома с жизнеописанием Набокова. Дома, вооружась словарем, из которого я уже выписала цитату (см. выше), я принялась за штудирование Бойда.

Теория его о происхождении призрака в заброшенном сарайчике, к лепету которого напряженно прислушивается Hazel Shade, произвела на меня чрезвычайное впечатление. Бойд пишет, что этот призрак был просто-напросто духом покойной полупарализованной тетушки поэта Шейда Maud. Тетушка, вооружившись потусторонним знанием, пытается всевозможными и довольно эксцентрическими средствами предостеречь живых родственников о грядущих опасностях. Мне кажется, что это вполне в духе Набокова, который счел бы весьма увеселительной идею явиться самому кому бы то ни было с того света и ошарашить неожиданной, но вряд ли опасной или злой проделкой.

Эти попытки тетушки Мод (или ее фокусничество) заинтересовали прежде всего не ее племянника, по долгу поэта, казалось бы, наиболее тесно общающегося с ми-

ром духов, а его дочь. Газель Шейд, относясь чрезвычайно ответственно к общению с полтергейстом, как это свойственно всем лишенным чувства юмора людям, постаралась записать и потом расшифровать лепет призрака. Ее записи остались бы навсегда утрачены для потомства, если бы кропотливый литературовед Кинбот не процитировал бы их в своем комментарии.

Напротив, другая идея Бойда о происхождении двух бабочек, увиденных Шейдом за несколько часов до смерти и описанных им в последних строках поэмы, показала мне не совсем убедительной. Дело в том, что две эти летуны, и вполне возможно вестницы, принадлежали к разным подвидам и вряд ли могли служить символом для одной женской души (дочери поэта) у романиста-лепидоптеролога. Одна бабочка с белыми крылышками была мною идентифицирована по книжке «Field Guide...» как specimen of *Lysaeides*, вторая — с красными — как specimen *Vanessa (atalanta)*. Однако при моем слабом зоологическом фундаменте (из всех уроков зоологии в школе я помню ярче всего посещение зоологического музея и разглядывание чудовищных позвонков динозавра) я никак не могла осмелиться провозгласить эту загадку окончательно разгаданной. Из бойдовского жизнеописания Набокова я вычитала, что писатель в течение многих лет поддерживал научный контакт с Лозаннским музеем зоологии. Этому музею он завещал свою (третью) коллекцию бабочек. Так как я добросовестно решила ознакомиться со всеми доступными материалами о Набокове, то лозаннского музея мне было все равно не миновать, и я обратилась с довольно, но невольно запутанным запросом к тамошнему директору господину Michel Sartori. Он ответил мне любезнейшим образом по электронной почте:

Dear Inna,

Many thanks for your message and your query.

My answer will be short and simple. In no way, specimens of *Lysaeides* and *Vanessa* can crossbreed! They are as distant to each other as human being and spider monkey! Try on a oneiric point of view. What represented each species for Nabokov... Maybe you will find an answer! Good luck for your work and don't hesitate to ask if you have questions on butterflies.

Yours,

Michel.

Что за милый человек этот Dr. Sartori! Какой любезный и обстоятельный ответ! Ну конечно же, я без промедления (ведь сказано, don't hesitate) села на поезд и приехала в Лозанну для личного знакомства, разумеется, с набоковской коллекцией. Ну, и с директором музея тоже.

2.2. Papilioni Nabocovi

Летний день не был омрачен никакими облаками, когда я, слегка запарившись в новой замшевой куртке, вышла на широкую музейную площадь из тесной боковой улочки. Площадь оказалась запруженной студентами, мирно держащими самодельные транспаранты, и добродушными блюстителями порядка, наблюдающими за студентами. Кто-то миролюбиво говорил по-французски в рупор. Французского я не знаю, поэтому, не задерживаясь, вошла в здание кантонального музея. Зоологический отдел расположен на (проглатываю «женское», Блоком ненавидимое словечко «самом») верхнем этаже, прямо под стеклянной крышей; в тот день освещение было необычайно выгодным и для пуговичноглазых львов, и для подвешенных на лесках (вряд ли пойманных таким образом) акул, и для бабочек, раскинувших нарядные крылья для того, чтобы все на них любовались.

Dr. Sartori оказался плотным, деловитым и симпатичным мужчиной в очках в золотой оправе и клетчатой ковбойке. Проявив исключительную любезность, он уделил мне целый час, повел в хранилище, где темно и холодно — так лучше для экспонатов, — где стоят закрытые шкафы с выдвижными полками (я слегка защемила большой палец левой руки), а на этих полках стоят застекленные ящички, а в этих ящичках хранятся бабочки, аккуратно прищипленные булавками ко дну. Возле каждой бабочки малюсенькая этикетка с миниатюрной записью о том, где и когда данный экземпляр был пойман. Трогательный пример набоковского почерка, нарочно умельченного до бисера.

В палитре красок *papilioni Nabocovi* преобладали два цвета (со всевозможными оттенками): голубой и коричневый.

«These are the butterflies from his last summer trip to Davos. There he has fallen in the mountains and gotten that fatal illness», — сказал Dr. Sartori, показывая мне ничем не отличающийся от прочих ящичек с небольшого размера бабочками (голубые — male, коричневые — female). «Так вот где таилась погибель твоя...» — не совсем к месту подумалось мне. Маленькие, безобидные, невинные и невзрачные, лежали они под стеклом с блестящими булавочками, проткнувшими навсегда их высохшие тельца. А тот, кто их поймал когда-то в сачок, лежал совсем недалеко от лозаннского музея, на кладбище в Clagens. На ум пришли строки Белого, цитировавшиеся злорадными языками при всяком упоминании его смерти от последствий солнечного удара: «Золотому блеску верил, // А умер от солнечных стрел...» Почему-то никому еще не пришло в голову объявить Набокова жертвой его страсти к бабочкам. (Вот тебе и открытие! Но, к сожалению, не вполне научное...) Так, увлекшись первооткрывательской страстью, я уже не столь внимательно выслушала обстоятельный специальный комментарий Dr. Sartori. «А все-таки милейший человек!» — подумалось мне в то время, когда он демонстрировал мне три стадии препарирования бабочек. Так я узнала, как надо размочить засохшую бабочку, расправить на деревяшке крылышки, закрыв их аккуратнейшим образом полосками бумаги, потом проткнуть брюшко, пригвоздив его на веки вечные к деревяшке. Когда крылышки под бумагой высохнут, бумагу снимают — экспонат готов! Я оказалась не первой гостьей русского происхождения, побывавшей в музее, чтобы ознакомиться с этой драгоценной для всех любителей российской словесности коллекцией бабочек.

3.1. Montreux

Углубленная в лепидоптерологические впечатления, я рассеянно спустилась с вокзальной лестницы в Montreux. Солнце стояло еще высоко, освещая горы слева и позади, здания отелей высоких и пониже, причал, душистые деревья из далеких стран, анютины глазки на клумбах, уток, чаек, воробьев и почти музейный пароходик-долгожитель, отходящий как раз от пристани. Прогуливались туристы, громко переговаривающиеся на многострунных наречиях. Я остановилась, чтобы бросить крошки чайкам на валуны под набережной, и услышала женский голос за спиной: «Так вот я вам о чем и толкую: когда вы разговариваете с ней, у вас создается приятное впечатление, что вы сидите на пороховой бочке». Русские! Приятное ощущение неодиошечества мягко коснулось моей души, вышибая невольную слезу из уголка правого глаза (он у меня видит хуже, чем левый). Я оглянулась, но две русские дамы уже прошли мимо.

Леман! Какой русский его не любит? Иностранцам здесь тоже нравится. Так, Байрон восхитился и написал: «The Lake of Beauty». Лед с альпийских гор почти что весь стек весной в озеро, пополняя его тихие воды. Прекрасная панорама открывается взо-

ру любого восхищенного и любопытного путешественника, даже не вооруженного биноклем. По левую руку от Montreux виднелась крепость с круглой суровой башней. Шильонский замок. Байрон, Бонивар, Charles the Beloved.

Действительно, почему бы не мог Набоков воспользоваться столь соблазнительно близким замком с башенкой для описания места заточения царственного узника теньями революционеров. Солнце стало уже спускаться за Альпами, окрашивая всю картину в красноватые тона. Я не могла отвести глаз. Набоков был не только аристократом в литературе, но и эстетом в жизни. Более идиллического места на Земле трудно даже вообразить. Тихо, нет бурь и ураганов: Альпы плотной стеной защищают надежно от любого натиска извне; озеро, всегда живое и ласковое для обитателей: рыб и птиц, и для гостей: пловцов и пароходов; отели и chalet, ресторанчики и открытые эстрады. Слышны только музыка да веселые голоса. Отсюда рукой подать до альпийских лугов, где не только пасутся знаменитые швейцарские коровы, о которых я непременно хочу сказать ниже, но где порхают все те же бессмертные легкокрылые бабочки-психеи, сиюминутные и вечные, забываемые и восхитительные. Да, Montreux было создано для Набокова, выполнено словно по заказу в величайшей декорационной мастерской для заключительного действия его жизни. Под ногами валуны, над головой синева. Ограниченный простор совершенства. A limited space of perfection.

3.2. One step aside

На другой день в приливе благодарности послала электронную записку доктору Сартори, еще раз приветствуя его щедрость и отзывчивость. В университетской библиотеке стояли у стеклянной стены шесть компьютеров для безвозмездного получасового пользования Интернетом. Перечитав несколько раз загадочное послание некоего Мики о том, что апельсины полезнее маринованных огурцов, стерла его и пошла в читальный зал полистать журналы. Канадский, польский, немецкий, швейцарский литературоведческие альманахи по славистике. (Славное племя слабохарактерных, но свободолюбивых славян, лишь случайно связанных друг с другом узами крови, языков и границ.) Кое-что новое о Льве Толстом, пушкинистская конференция в Каннах, эмигрантский ежемесечник с остроумной статьей о загадочной кончине Моцарта (от отравления ртутью, по-латыни *mercurium*, Меркур был вестником разгневанных на композитора богов, разгласившего их тайны). А вот и совсем незнакомый мне том, вполне увесистый, венгерскими славистами изданный по следам конференции 2002 года. Любопытно, что это там пишут на семистах страницах о славянах и их письменности. Открыла наугад статью на русском, да еще о морфемах, вызывавших головную боль еще в студенческие годы. Листаю дальше. Вот опять статья по-русски. Автор с запоминающимся именем: Востроухова Теплица Кульмановна. (Мы точно не встречались.) Что-то про Набокова, правда, всего две-три скользковатые фразы о том, что, мол, замечательный стилист. Далее так же походя упомянуты Пушкин, Толстой, Ходасевич, Маршак, Пастернак и Шолохов — крошка из писателей всех мастей и вкусов. Переворачиваю страницу и нападаю на редкость (я падка на редкости). Стихотворение Н. К. Рериха под названием «НЕ УБИТЬ». Как Демьян с ухой, не могу утерпеть, чтобы не привести здесь его целиком, приправив собственным комментарием.

«Мальчик жука умертвил». Скверно, ай-ай-ай, мальчик! Предлагаю судить этого мальчика соответственно с его возрастом: если ему нет семи лет, то простить; если ему от семи до четырнадцати, то дать ему подзатыльник; если старше четырнадцати, заставить его сделать генеральную уборку в доме (высшая мера наказания за данное преступление!).

«Узнать его он хотел» — несколько загадочная, с трудом поддающаяся комментированию фраза.

«Мальчик птичку убил, / Чтобы ее рассмотреть». Нет, этот поступок мне уже решительно не нравится. Птичку убивать нельзя, а уж тем более с такой псевдонаучной целью. («Да был ли мальчик?»)

«Мальчик зверя убил, / Только для знания». Последняя строка безграмотна, но содержание волнует. Остается только уточнить, что за зверя убил этот мало и все менее симпатичный мне мальчик. Медведя? Слона? Леопарда? Всех жалко!

«Мальчик спросил: может ли / Он для добра и для знания / Убить человека?» Вот это да! Это уже не мальчик перед нами, а монстр. Так вот, значит, зачем он убил жука, вот в кого он целил — в человека! Такого мальчика нужно изолировать от общества сразу в раннем возрасте, то есть прямо с первой же строки стихотворения: «Мальчик жука умертвил». Все, на этом стихотворение кончается, точка! Читатель может быть уверен, что от последующей встречи с этим мальчиком он надежно защищен постигшей этого маленького монстра карой. Мы вытираем слегка вспотевший от возмущения и легкого ужаса лоб и облегченно вздыхаем. Серия убийств на сей раз была пресечена прямо вначале. Но не тут-то было! Еще три строчки: «Если ты умертвил / Жука, птицу и зверя, / Почему тебе и людей не убить?» Мурашки забегали у меня по коже, говорю об этом не шутя. Действительно, почему бы нет? ГУЛАГ и Освенцим представились моему испуганному воображению. Зловещий мальчик стал разрастаться и обзавелся уже усами, когда я сказала: стоп! При чем тут жук? Знание о жуке? Абстрактный зверь? Хорош тот мальчик, который может убить зверя! Геракл в детские годы?

Дальше по тексту ничем не смутившийся автор статьи вновь упоминает Набокова, который «открыл новые пути русской литературе и стал, как нам известно, знаменосцем ее постмодернизма». Спорный приговор, сформулированный как булавочный укол.

Набоков... Еще вчера я с трепетом разглядывала его коллекцию бабочек в Лозаннском зоологическом музее... Зловещая параллель с невинно умертвленным жуком напрашивается сама собой. Мне пришло на ум, что и всеми нами любимый классик Лев Толстой, упомянутый в той же статье двумя страницами ранее, ходил на медведя в свою довегетарианскую эпоху. Так что же получается? Набоков с Толстым оказываются в одной компании с этим страшноватым и противноватым мальчиком! Осталось вспомнить, что и Тургенев, упущенный из виду госпожой Востроуховой, подстрелил как-то куропатку, о чем в довольно хвастливых тонах писал другу Полонскому, который наверняка тоже был не прочь поохотиться, да только вот жил в Петербурге. И вот моему читательскому взору представилась кровавая толпа литераторов, вооруженных кто сачком, кто ружьем, кто пером под предводительством жуткого мальчика, со зверской радостью в блистающих очах приближающаяся ко мне. Я поскорее захлопнула книгу и поставила ее на полку. Брр... Ну и альманахи издаются нынче!

Я пришла домой, и первое, что попало мне на глаза, была сделанная на днях выписка из письма Набокова Эдмонду Вильсону (13.09.1941):

Разнообразное сложенье
Чешуекрылых мотыльков
Уготовляет услажденье
Для королей и бедняков.

И все сразу встало на свое место.

3.3. «Бедное пламя»

Однако «вернемся к нашим баранам» или «Андрей, отворяй ворота, волк идет» — бледные воспоминания университетских занятий по переводу.

Содержание романа тем и очаровательно, что никакой фабулы Набоков не навязывает читателю. Есть пожилой гениальный поэт, любящий единственной любовью свою жену, и есть безумец, но талантливый безумец, Кинбот, отождествляющий себя — истинно или ложно — с бежавшим после революции из своей страны королем. Все действие романа есть духовная дуэль между поэтом и его комментатором. Причем поэтическая мысль Шейда движется по весьма прихотливой и запутанной траектории, тогда как комментарий Кинбота движется как бы по спирали, как мотылек все кружит и кружит вокруг светоча, пока от постоянного кружения не теряет ориентацию и не падает в огонь. Кинбот в конце предисловия пишет: «with that carrousel inside and out side my head» — и тем самым проваливается в комментируемую поэму, хотя вначале он был уверен в своем могуществе: «it is the commentator who hast he last word». (Любопытная параллель с последним словом подсудимого на суде перед вынесением приговора.)

Не будучи уверена в своем знании английского (точнее, американского) языка, я взяла в библиотеке русский перевод романа и озадаченно прочитала на титульной странице: «Роман В. Набокова „Pale Fear“ в переводе N. N. (...)», фамилию я опускаю в надежде, что уважаемый переводчик крепко подумает перед тем, как взяться в следующий раз за перевод. Короче, после детального ознакомления с переводом, то есть когда подлинник и большой словарь лежат рядышком с переводом, мне только и остается, что наградить переводчика следующим посвящением:

Сначала я — угод,
Влетевший N. N. в открытый рот...
Он пожевал и выплюнул меня —
И стал я тетерев, токующий у пня.
Не свет луны: нам мавр держал свечу —
Уж я фазан и улететь хочу,
Но тут вцепившись в разноцветный хвост,
Мой горе-переводчик строит мост...
Не мост, а радугу! Что делать мне в ночи? —
Сияю без толку — эй, автор, научи!

Не удержусь, чтобы не привести хотя бы один увеселительный пример из перевода. Набоковский текст (поэма, 1-я песнь, стих 26) гласит: «Find in your China...», когда Шейд удивляется тому, что птицы все время собираются за его домом, как будто ищут там что-то. Невозмутимый переводчик пишет: «Фарфор найдя...», оставив читателя в потемках неведения, потому что и сам не догадался зажечь свет. Мало того, что China означает фарфор, который птиц никак не может заинтересовать, но China еще означает деньги. Таким образом, разгадка набоковского образа: «Что, им там медом намазано?» — что их, птиц, так тянет к моему дому.

Осталось только узнать, может ли мед привлечь птиц.

3.4. Загадки

Как бы здорово я ни научилась листать словарь, однако некоторые нюансы по-прежнему остались для меня нерасшифрованными. Шейд всю жизнь пытался приот-

крыть завесу перед потусторонним миром. Когда его дочь погибает, провалившись под лед, желание Шейда найти контакт с ней и вообще с миром иным приобретает оттенок мании. Он даже обращается к заведомым шарлатанам, организовавшим целый институт по подготовке к потустороннему существованию (см. 3-ю песнь поэмы). Отвратившись от них, он хватается за статью Mrs. Z., которая опубликовала свои впечатления, вынесенные из состояния клинической смерти. Эта дама видела «курящийся» фонтан (fountain), что совпадало, к радости Шейда, с его собственным видением во время клинической смерти. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что все многозначительное совпадение их опыта было основано на опечатке, так как дама видела курящуюся гору (mountain), всего лишь одна буква, а какова разница (f вместо m)! Но странно во всем этом то, что Шейду изменила его поэтическая интуиция: гора может куриться (вулкан), фонтан — никогда. Так разгоряченное воображение окутывает иной раз всевидящее око разума, скрывая горизонт подобием дымовой завесы. Кинбот оставил этот любопытный момент вовсе без внимания, как и Шейд никак не заинтересовался попытками дочери расшифровать язык полтергейста. Ее записи пошли в ход только в комментарии Кинбота. Так отец — поэт — прошел мимо небезынтересных опытов дочери, зато предался довольно-таки безвкусным описаниям своего родительского страдания при виде внешней непривлекательности дочери. Шейд даже признается в том, что он «рыдал» в школьной уборной, когда его дочери доверили играть роль ведьмы в детском спектакле. Право, странно читать это. Ведьма, а уж особенно в глазах поэта, существо неизмеримо привлекательнейшее, чем какая-нибудь благополучная княжеская дочь.

Невольно возникает вопрос, был ли Шейд тем поэтом-мудрецом, образ которого нам так красноречиво живописуется комментатором на каждой странице книги. Копнем-ка здесь поглубже.

3.5. Сивилла

Так и чешутся руки, нет, не могу удержаться, как та танцовщица из второго ряда кордебалета, что никак не могла перестать кланяться публике после окончания ее номера, и ее пришлось уносить со сцены на руках. Так вот и я. Так и я. Нашла сегодня в Интернете на страничке «Словопляс» шутку, которую здесь и помещу: «Х. читает что-то в интернете, вдруг начинает хохотать, да так, что не может остановиться, и убегает опрометью. Его сосед по компьютерному классу взглядывает на монитор Х., тоже давится от смеха и убегает. Вскоре один за другим все посетители компьютерного класса таким же образом покинули помещение. Работники сервера смогли в тот день раньше времени вернуться домой, чтобы заняться неотложными домашними делами».

Но ближе к теме. Жену Шейда звали Sybil, в девичестве Ironell. Сивилла — нарицательное имя всех предсказательниц будущего. Многообещающее имя! Был ли у Сибил Шейд дар предвидения?

Она, в отличие от дочери,нисколько не заинтересовалась возможностью пообщаться с духом из сарайчика. После некоторого бесплодного ожидания появления духа Сибил первая выказывает признаки нетерпения и не находит ничего лучше, как предложить всем втроем вернуться домой, чтобы отведать трубочек с кремом. Это вызывает взрыв негодования у дочери, сцена в сарае обрывается. Слова матери, возможно, приблизили решение дочери покончить с жизнью.

По отношению к Кинботу Сибил также не проявляет большой проницательности. При первой встрече с высоким соседом привлекательной наружности Сибил весьма приветливо заговаривает с ним и даже приглашает зайти в дом, чтобы выпить че-

го-нибудь покрепче. А так как Джону пить нельзя (потихоньку от жены он, конечно, с удовольствием потягивает ликер), то Сибил, очевидно, собирается выпить с молодым человеком вдвоем, что располагает к некоторой интимности. Кинбот же, заинтересованный в муже, но никак не в жене, отклоняет ее приглашение. Явная склонность соседа к гомосексуализму и его тяга к ее мужу (пусть и платоническая) превращают Сибил в яркую противницу Кинбота. По воспоминаниям Кинбота, она старается всеми средствами предотвратить встречи Джона с ним. Кинбот дает ей кличку «domestic anti-Karlist», приравнивая ревнивую жену к революционерам в Zembla. Он подозревает ее в самом страшном, с его точки зрения, преступлении, в том, что она настойчиво противодействует любому упоминанию о короле и его стране Zembla в поэме. А именно в рассказах о своем (действительном или воображаемом) прошлом и заключался весь смысл бесед Кинбота с поэтом. Кинбот пытался задать поэту тему для творчества, дать ему предмет для поэтического воспевания. Сибил, как кажется Кинботу, разрушает его планы, влияя на мужа и стараясь направить его воображение в другую сторону.

Мало того, Сибил начала не шутя ревновать мужа к Кинботу, иначе никак нельзя объяснить восклицание Шейда: «Let him in, Sybil, he won't rape me!», когда сосед, как всегда некстати, ворвался к дом Шейдов, чтобы повидать поэта, по примеру Архимеда принимавшего ванну. Красавица, сравнимая, по мнению мужа, с Ванессой: темный, жгучий колорит музыки, но не ясновидящей; ведь ясновидящая не уехала бы на обед в клуб, в то время как убийца уже бродил по университетскому городку. Сивилла не оправдывает своего имени. Но 40 лет счастливой любви Шейда к жене говорят в ее пользу. Она хозяйничала во всем, что касалось материальной стороны жизни, она регулировала социальные контакты всей семьи, тем самым давая простор для чистого творчества мужа. Одна лишь дочь омрачила незыблемость счастья этой пары. Сначала внешностью (вся в некрасивого отца), потом и странностями характера (затянувшееся девичество и увлечение полтергейстом). У умного отца и красавицы матери дочка-дурочка. Вполне сказочная ситуация: Газель Шейд в роле Царевны-лягушки, живущей на болоте. Погибает же она, как Офелия, утонув в озере, — опять связь с водным царством. Кинбот же, в роле почти что сказочного короля или принца, тоже отличающийся явными странностями (как, например, склонность к слововерчению, увлечение самого Набокова, щедро награждавшего свои персонажи собственными талантами), претендует на пост Гамлета или Ивана-царевича, чуть было не упустившего свою подругу (а у Набокова — даже не встретившего ее).

3.6. Орехи

Осталось дать и Кинботу на орехи. Орех фундук, быть может, оказался бы ему по зубам. Лишь одно обстоятельство несколько смущало пинкертоновскую часть моей души. А именно: Youd упоминает, пожалуй, самое героическое и отчаянное предприятие Набокова во славу русской литературы — его перевод и комментарий «Евгения Онегина». Набоковская шутка «You — gin? One gin!» могла бы войти во все юмористические альманахи. Набоковское восхищение подлинником вводило его все далее от заданного размера издания (карманный Пушкин для всех американских любителей российской словесности). Пушкина трудно спрессовать до такого размера. И вот я несусь из библиотеки еще четыре увесистых тома.

4.1. «Тайная свобода» или «ворованный воздух»

К Пушкину я отношусь с трепетом еще с молодых ногтей, по крайней мере с того лета, когда я, набрав в легкие побольше воздуха, который и ныне там, взялась выучить

наизусть всего «Онегина» и сдалась на середине третьей песни. Поэтому я даже к набоковским трудам отнеслась заранее с предубеждением, ведь сказано: «Умри, Денис..!» К счастью, мои опасения не подтвердились, и резвая рука мудрого комментатора, к моменту начинания бывшего чуть ли не вдвое старше Пушкина в день дуэли, хотя и набрала сатирический разгон, ничем не поколебала тот треножник, на котором сам Пушкин предпочитал стоять («Ich bestehe darauf!» — есть такое популярное немецкое выражение, обозначающее (моя книга не для детей) крайнюю степень мужского нетерпения).

Некоторые строки комментария прямо-таки восхитили меня своей филологической игривостью: например, пассаж из комментария к третьей строфе третьей главы. Ананасы редко вырастали на не слишком плодородной почве российской провинции, тем большее внимание им уделяли российские пииты, питающие склонность к воспеванию раритетов. Пушкин тоже не обошел их вниманием. Набоков пошел в этом по его стопам и написал следующее: «Сложнее было вырастить персики, а уж тепличным ананасам оставалось только изумляться тому, что им было уготовано». Изумленный ананас вылетел нечаянно из руки голубоглазого московского поэта приблизительно через 70 лет после «Онегина» и за 50 лет до набоковского комментария, да так и летает до сих пор. А московский поэт, робко протягивая перебеленную рукопись первой своей книги стихов суровой красавице повторял в приливе чувства: «I am dying to write something that could amuse you!» Но дама равнодушно съела ананас и пошла танцевать. Эта картина вдохновила в свою очередь Репина на создание известного полотна «Дама с ананасом» (похищена из бельгийского музея скромными любителями искусства, предпочитавшими остаться неизвестными).

Но покинем Флору, вернемся к Филологии. Цитирую по цитатам из набоковского комментария. Из Гейне: «Shade, dass ich ihn nicht küssen kann, // Denn ich bin selbst dieser brave Mann.» В моем переводе строки Гейне звучат так: «Жаль, старый Шейд, я не могу тебя поцеловать, // Зато за храбрость можешь ты меня обнять». А уж это прямо отсылает нас к тексту «Пэйл фая». Шейд, во всяком случае, назван здесь по имени. Впрочем, за точность моего перевода я не ручаюсь: словарь мой куда-то запропастился. Или вот еще лакомый кусочек из Байрона: «unemployed feelings». Где-то гуляет мой работодатель?

Но вот фраза, которая выдает с головой связь набоковского комментария с книгой «Пэйл фая». Набоков пишет по поводу повестей Белкина, услышанных им от некоей девицы К. Н. Т.: «Через этот двойной маскарад слышен измененный, но вполне узнаваемый голос Пушкина».

Так же слышен и голос Набокова из-за голосов его персонажей. Родство, пусть и отдаленное, но вполне узнаваемое, как, бывает, проглядывает в лице отдаленного потомка вдруг прадед, знакомый только по портрету в гостиной, между «Пэйл фая» и комментарием к «Евгению Онегину» хотелось бы мне доказать недоверчивому читателю на следующем примере. В комментарии к главе восьмой, строфе второй «Е. О.» Набоков приводит эпиграмму Карамзина: «Что наша жизнь? Роман. — Кто автор? Аноним. Читаем по складам, смеемся, плачем... Спим». Ср. в поэме Шейда: «Life is a message scribbled in the dark. Anonymous» («Palefire», 235–236).

Как доказать недоказуемое, во что можно только поверить, конечно, при условии, что поверить очень хочется? Абсурд, где серьез уступает место шутке, от которой щемит сердце и скулы сводит от смеха. Набоков откопал в воспоминаниях Е. Розена пассаж о том, как Пушкин, когда ему хотелось повеселиться, «принимался слагать в уме странные стихи — умышленную, но гениальную бессмыслицу». Задор литературоведа заговорил во мне в полный голос, и мне подумалось, почему бы не написать ста-

тью «Пушкин — пращур Хлебникова и обэриутов». Но и у Набокова встречается экзотический гость в его стихах — Минотавр, который занят тем, что щиплет струны на арфе Эола.

Со смелостью и решительностью, присущей, вероятно, всем львицам, берусь утверждать, что Набоков в его отношении к Пушкину и «Е. О.» ничем не напоминает Кинбота в его отношении к Шейду и его поэме. Однако структурная сторона трудоемкого и монструозного по размеру комментария к «Е. О.» несомненно вдохновила, а может быть, и внушила Набокову самую идею написать роман, состоящий из: а) произведения одного автора и б) комментария этого произведения другим автором. Титанический труд Набокова по изданию американского Пушкина затянулся на десять лет с лишком (своего рода «Одиссея», разыгранная в Ithaca в конце 40-х до конца 50-х годов), а в свет вышел он только в 1964 году, когда Набоков жил уже в Монтре. Роман «Pale fire» был задуман году в 1958-м и сравнительно быстро написан в «мертвящей», по мнению Питера Устинова, но несомненно спокойной предальпийской местности в 1959—1961 годах и благополучно издан в 1962-м. Титан уступил в состязании на скорость более хрупкому и проворному герою-полубогу.

4.2. Трели соловья

Птицы питаются насекомыми, как литературоведы романами. Итак, я продолжала мои изыскания, стараясь вжиться в роман как можно глубже. Наконец меня осенила идея, что если «Пэйл фая» принадлежит к типу так называемого романа с ключом, где все персонажи имеют свои реальные прототипы, и Набоков, живя в университетском городке, воспользовался натурой. Чтобы проверить этот тезис, правдоподобие которого правомерно подвергнуть сомнению, но который нельзя заранее отбросить на основании преднамеренного отрицания самой возможности этого, я вооружилась адресным листом Корнельского университета и принялась за составление официальных писем на самом невероятном американском, который и сам тойфель не разберет.

Противу всякого ожидания, на одно письмо пришел ответ, выпавший из почтового ящика одним летним вечером, когда я наудачу решила ответить на вопрос «Что нам пишут?». Это было письмо от русского преподавателя в отставке господина Алябьева.

Зная Набокова только поверхностно, тем не менее он пишет мне в надежде быть полезным и желая поддержать молодую коллегу. Надо ли говорить, что я с радостью ухватилась за возможность переписки с господином Алябьевым. Тотчас же я села за письмо, состоящее из слов благодарности за отклик и из вереницы вопросов, несколько напоминающих анкету: «Не кажется ли Вам...?» и «Правда ли, что...?». Между прочим замечу, что так как письмо профессору А. писалось на русском языке, количество ошибок было сведено к минимуму. (Набоковский набросок: «between my American maximum and my Russian minimum».)

Привожу ответное письмо полностью с приложенным к нему по непонятной мне причине отрывком «Идеалисты».

Глубокоуважаемая И. В.,

Ваше милое письмо тащилося ко мне больше месяца. Рад удовлетворить ваше любопытство, хотя и не скрою, что присоединяюсь к мнению, что книга Бойда — лучшее из всего написанного о Набокове. Но — держайте!

Мои столкновения с маститым писателем я с удовольствием предаю гласности, нисколько не заблуждаясь насчет их маргинального свойства. Так, один раз я столкнулся с ним в дверях курительной комнаты и другой раз я разминулс с четой Набоковых в университетском коридоре. Этим мои личные встречи ограничиваются.

Одно высказывание из лекции о Пушкине, которое не было процитировано до сих пор: «Как только нам удалось путем чрезвычайных усилий сбросить Пушкина с парохода современности, наш пароход начал тонуть.»

В свое время, когда интересующий вас роман только что вышел в свет, я задался вопросом, почему, собственно, Набоков опубликовал «Пэйл фая» под своим именем, а не подарил его, к примеру, Кинботу. Было ли то желание славы, не берусь судить, но роман сильно от этого проигрывает. Но это только мое личное мнение.

Желаю вам творческих успехов.

Ваш А.

А на отдельном листе, довольно-таки помятом и пожелтелом, стояло: «Идеалисты. Сначала вечеринки. Студенты в тужурках, крепкий чай, споры до глубокой ночи с блеском в глазах. Потом: отъезд в Швейцарию: учиться на медика или медичку. Заражение там революционными идеями. Но все еще очень невинно, по-вегетариански, т. е. „непролитие крови“ остается преваляющим условием. Прогулки по самым идиллическим альпийским местностям в студенческих компаниях, влюбленности на идейной почве. Окончание курса и с „ура“ отъезд на родину с набитым нелегалщиной чемоданом. Работа в российской провинции врачом. Пьянство и хамство. Несчастье крестьянок, драки по праздникам, лопухи и семечки. Крайний атеизм. Собственная опущенность, постепенно переходящая в озлобление. Возникающие все чаще мысли о необходимости «насильственного улучшения» жизни. Наконец, пост медика бросается. Переезд в столицу, вступление в какую-нибудь группу. Участие в терракте. Чей-нибудь донос. Ссылка в Сибирь. Бегство из Сибири в ту же Швейцарию. Так круг замыкается».

При чтении этого письма и отрывка в голове моей неотвязно звучал мотив «Сооловей мой! Сооловей! Гоолоосистый сооловей!». Музыкальное сопровождение, так сказать.

Ничего о предполагаемых прототипах в набоковском романе мне не удалось узнать.

4.3. *Delirium poeticum*

Мне начинает казаться, что мое отдаленное подобие диссертации кишит отступлениями, которые с трудом извинительны. Так вот и теперь... Стоило мне подойти к письменному столу, как головная боль одолела меня.

И вот я сижу перед компьютером и тру левую сторону головы (там сосредоточилась боль). Единственным утешением служит то обстоятельство, что Набоков страдал головными болями несколько десятилетий. А Пушкин страдал бессонницей... Впрочем, кажется, Набоков тоже не умел засыпать. Где-то я недавно прочитала — дай бог памяти! — если бы не головная боль, я бы сразу вспомнила, что, где и когда я вычитала. Память у меня с детства, что называется, лошадиная. Ой, как голова трещит! Так вот, у писателей профессиональными болезнями считаются головная боль и бессонница. Одно не обходится без другого: ночью вы не спали, днем болит голова. И наоборот, если днем болит голова, то ночью невозможно уснуть. Это и называется «круговорот в писательской голове», или, по-научному, *delirium poeticum*. У поэтов эта болезнь протекает в особенно тяжелой форме, иногда сопровождается бредом, который почему-то называют поэтическим. А один поэт даже сказал о себе и своей болезни так:

I am not crazy, I am mad —
And I am so very glad.

Прозаики, как правило, люди более здоровые, чем поэты. Лучше всегда оставаться на прозаической почве. Пушкин тоже пришел к этому убеждению, правда, с годами: «Года к суровой прозе клонят...» Набоков понял эту столь очевидную истину раньше Пушкина и уже в молодые годы стал все больше писать прозой, закрыв глаза на свой собственный поэтический дар. (Что я пишу!) В швейцарский период, считай, он написал только два стихотворения: «Средь этих лиственниц и сосен...» и «What is the evil deed I have committed?».

Первое стихотворение посвящено красотам швейцарских гор в окрестностях Санкт-Морица, второе описывает угрызения совести поэта по поводу зла, причиненного им его персонажам. Надо сказать, что не каждый поэт достиг такого высокого морального уровня, чтобы сожалеть о своих героях. Но от этого головная боль не проходит. Shade! Тень головной боли не дает ясно увидеть предмет моей книги. Что это, если не пример «автоматического письма»?

Главное, это перечитать все написанное и вымарать все лишнее. Ибо нет ничего хуже искусственных длиннот. Набоков задал идеальный размер современного романа: са. 250 страниц. Все последующие страницы он просто выбрасывал. Отец Блока страдал настоящей манией перфекционизма и всю жизнь писал и переписывал одну-единственную книгу по юриспруденции. От нечего делать я как-то перелистала ее, хотя я терпеть не могу право. Это было абсолютное безумие совершенства. Ни одного слова нельзя было ни переставить, ни заменить другим. В книге было примерно 100 страниц. Да, у Блока была дурная наследственность. Но спешу успокоить уже и так утомленного читателя: в моей книге будет от силы страниц 50. Может быть, это идеальный размер книги начала XXI века? А может быть, мой ограниченный талант просто не дает мне перейти сей Рубикон прозаического произведения. Все, не достигающее 50 страниц, каталогизируется под названием «Малая проза», все после — «Большая литература». Обойдя первое, не попасть во второе (я слабо понимаю, что я пишу). Кстати (вот привязалось это словцо!), Байрон тоже как-то обмолвился, что он, дескать, «always dizzy». Кажется, только Шекспир и Гёте и были вполне здоровыми людьми среди писателей. Лев Толстой будет третьим. А может быть, они умело скрывали свои недуги под личиной непринужденного веселья и олимпийского спокойствия.

Так тому и быть! Все писатели, за малым исключением, люди нездоровые. Многие были просто больными: Гаршин с красным цветком в руках, Свифт с его лилипутами и великанами, Батюшков с часами, Хармс с его явно нездоровым лозунгом «Мы не пироги!» (А голова-то все болит!) Тургенев уж на что был порядочным человеком, а и на него накатывало иногда, и он как-то, помнится, на званом обеде стал выкрикивать: «Баба, каша, лошадь, ваша, кляча!» Англичане, самые невозмутимые на свете люди, и те удивились.

А уж если писатель не был болен психически или нервно, то непременно подхватывал чахотку, по примеру Чехова, Гиппиус и Ахматовой. Многие становились наркоманами, в России самый распространенный вид наркомании — алкоголизм. Аполлон Григорьев и Блок спились, а Поплавский проглотил что-то не то и умер в Париже. А Булгаков был морфинистом одно время и даже не постеснялся написать об этом повесть. А Маяковский устал от насморка и застрелился, а Есенину надоело пить водку, и он повесился, а Галича убило током. А известный прозаик-заика Феррапонтий Спиридонов высказался однажды так: «Я предпочитаю умереть от смеха, чем от скуки, если уж вообще необходимо умирать». После чего он взял Козьму Пруткову, Ильфа и Петрова, Джерома, Свифта, Чехонте, заперся у себя в комнате и через несколько дней таки там и погиб, лопнув от смеха. Некоторые предпочитают ходить в кино с той же целью. Пушкин, наш гармонический гений, солнце русской поэзии, и тот однажды обмолвился в дружеском кругу: «I'd prefer rather to die than to stop playing». Так высказа-

лась вполне его природа игрока. Азарт — что это, как не особый род наркомании? И не был ли Германн гораздо более автобиографической фигурой, чем это принято считать? «Коварная двойка» не раз подводила поэта, который тем не менее оставался ей верен до последних дней своей жизни. «Кто мечет банк, всегда имеет шанс отыграться», — говаривал поэт, усаживаясь в сани после очередного проигрыша. Верный Никита всегда соглашался с баринном.

Как-то раз, возвращаясь домой из школы, я услышала разговор двух старушек, греющих свои косточки на солнце. Одна говорила, слегка шамкая: «До чего стали писатели бессовестными! Раньше называли друг друга все-таки прилично и уважительно: Белинский и Чернышевский, а теперь что? Белый и Черный! Совсем стыд потеряли!» Другая ей поддакивала. Может быть, мне вспомнилось что-то не то. В голову, сами знаете, всякое лезет иной раз.

Занятие литературой опасно для здоровья. Даже самое чтение иной раз бывает заразительным.

5.1. Поездка в Мюнхен

После долгой и успешной борьбы с собой я решила не беспокоить сына Набокова письмом с просьбой сообщить какие-либо неизвестные детали о жизни его отца в Швейцарии. Зато узнав о том, что Набоков давал интервью различным радио- и телекомпаниям, я положила непременно посмотреть хотя бы одно интервью. Доступным оказалось знакомство с Баварским архивом телевидения. После продолжительных письменных и телефонных переговоров я села на поезд Цюрих—Мюнхен и сняла потихоньку новые туфли (уж очень жали!).

Какой русский (русская) не любит быстрой езды?! Этим вопросом задался Гоголь примерно 200 лет тому назад. Я не являюсь исключением и люблю ездить на скорых поездах. Я была рада выехать из Базеля так же, как была рада в него приехать. Новое место всегда интересно. Вот теперь Мюнхен... Я люблю смотреть из окна вагона на пролетающие мимо поля, дома, города. Пять с половиной часов пролетели незаметно. Я придумала пару вопросов, которые мне бы хотелось задать фрау Кайзерлинк в связи с набоковским интервью. Я записала их на отдельном листке бумаги, сложила его аккуратно и запрятала поглубже в карман юбки. После Линдау мне захотелось попить кофе, чтобы чувствовать себя вполне бодро в Мюнхене. Я отправилась в вагон-ресторан. В дверях я столкнулась с каким-то симпатичным мужчиной, лицо его показалось мне знакомым. Я оглянулась на него, он блеснул улыбкой и извинился, кажется, по-французски. Очень милый молодой человек. Кофе меня оживил, но тем не менее я заблудилась на мюнхенском вокзале, пытаюсь отыскать нужный выход. Когда я добралась до Rundfunkplatz, было уже 12:30. Я спросила на проходной, как мне найти фрау Кайзерлинк, и, к моему вящему ужасу, узнала, что она и архив находятся в районе Фрайманн в другом конце города. Кроме того, рабочий день в пятницу кончается в 16:00, а это была как раз пятница. Короче, мне пришлось возвращаться к вокзалу, чтобы взять такси. Туфли жали. Таксист отказался везти меня за швейцарские франки, и я, слегка уже нервничая, побежала искать обменный пункт. Короче, когда я села в такси, было уже 13:30. Таксист оказался весьма разговорчивым мужчиной. Он пытался править машиной, не прикасаясь к рулю, что повергло меня в состояние легкой паники. Мало этого, достав откуда-то журналчик «Weekend news», он принялся вычитывать новости из семейной хроники знаменитых миллионеров Вундерильдеров. И хотя я очень люблю миллионеров (есть у меня такая слабость), я слушала не очень внимательно, переживая больше за преодоление пробок в дорожном движении, чем за судьбу чьего-

то внучатого племянника. Мое невнимание, очевидно, рассердило шофера, и он высадил меня, не довезя до места назначения, впрочем, всего каких-нибудь два-три километра. Дважды промахнувшись, я свернула-таки на нужную улицу и на окровавленных ногах (туфли!) дошла до архива Баварского телевидения. На часах было 14:45.

5.2. Набоков на экране

Репортаж начинается с того, как Набоков с сосредоточенным видом с сачком в правой руке отправляется на ловлю бабочек в саду отеля «Montreux Palace». Две улетели, но вот одна в сачке. Набоков бережно достает пленницу, сдавливая ее умелыми пальцами и расправляет ее, уже неживую, на ладони. (По-моему, то была *Inachisio*, но, может статья, *Aglaisurticae*.) Ловкие пальцы фокусника или волшебника. Набоков в пуловере, в шортах до колен и в гольфах. Лицо — самоуглубленного, гордого человека; спина — прямая. Голос звучит несколько монотонно, может быть, потому, что Набоков зачитывает свои ответы с листа. Текст его ответов так же безупречен, как и текст его романов. В именах бабочек, этих «летающих цветов», как их назвал однажды Саади, Набокову слышались, вероятно, отголоски гимназических лет: данаиды, сатириды, нимфалиды, пиериды, геспериды. Вот они — порхающие, в следующее мгновение — в сачке, потом — навечно сохранив свою небесную красоту — навечно проколоты булавкой под стеклом.

Съемка продолжается в гостинице. Набоков рассказывает о своем детстве, показывает планы поместий Рождествено и Батово, показывает фотографии бабушек, родителей, самого себя мальчиком. Он читает отрывок из «Speak, Memory». Разговор переходит на годы учебы в Кембридже. Виды Монтре: чайки над озером, они что-то воинственно выкрикивают. Смутные ассоциации: чайки, лодка, блондинка в лодке... (Откуда это вдруг?) Набоков идет в газетный киоск. Газету он свернул так, что от названия осталось только три буквы: DIE. Мне известны две газеты «Дивельт» и «Дицайт», которую из двух взял Набоков? Вот он берет еще одну, на этот раз название можно прочитать: «The Washington Post». Набоков в шляпе и в клетчатом пиджаке.

Набоков играет в шахматы с женой. Доска — та самая из «Память, говори!» в бланжевую и красную клетку. Вера Набокова барабанит тонкими пальцами по столу, сразу становится ясно, что положение ее фигур на доске весьма драматично. Вежливые переговоры на несколько старомодном безупречном русском между противниками. Вера делает ход. Увы! Набоков берет ее офицера. Легкое замешательство в рядах противника, непродолжительное порхание руки над фигурами. Набоков целует руку у побежденной жены. (Я чувствую легкий укол зависти и утешаюсь глотком кока-колы.)

Единственная фраза, которую Набоков произносит по-немецки: «Ich möchte was schenken.» Подарок его вполне ощутим. Набоков утверждает, что «Montreux Palace» — лучшая гостиница на Лемане, а у меня проносится в голове идея в виде заголовка «Набоков и реклама». Звучит набоковская формула ценностей: *tenderness, talent, pride*. Под занавес Набоков читает свою пародию на Пастернака («Что же сделал я за пакость, // Я — убийца и злодей? // Я весь мир заставил плакать // Над красой земли моей.»): «Какое сделал я дурное дело, // И я ли развратитель и злодей, // Я, заставляющий мечтать мир целый // О бедной девочке моей?» Сначала по-русски, потом так же невозмутимо по-английски. «Poems and Problems» только что вышли в свет: 1971 год.

Набоков опустил книгу и стал долгим пронизательным взглядом смотреть в камеру, прямо в меня. Передо мной был великий артист и великий ум.

Интервью кончилось. Фрау Кайзерлинк вошла в комнату и выразительно посмотрела на меня. Я взглянула на часы: 15:45. Где мои вопросы? Я лихорадочно полезла в карман и вытащила сложенный листок. Я развернула его и прочитала:

Что за возня у нас с возницей —
Сидит себе, баклуши бьет.
Свалиться с воза он боится,
И лошадь с места не идет.

В замешательстве кончаю эту главку.

6.1. Шахматы

Фазиль Искандер предварил первую в Советской России публикацию (1986 год) шахматной задачи Набокова следующими словами: «Его вымысел порой вызывает восторг, но никогда — восторженные слезы. Его творчеству не хватает домашнего тепла...» Интересно было бы узнать, какая шахматная задача может вызвать слезы, ну разве что если задача слишком сложна. Признаюсь, я-то чуть не плакала над шахматной доской, ломая себе голову. Эта шахматная задача вошла в «Другие берега» (15-я глава), а позднее была включена и в «Poems and Problems» как первая в ряду других задач.

Очевидно, что она была чем-то особенно важна и дорога ее составителю. В Париже 1940 года, перед отплытием в Америку, Набоков провел многие часы над шахматной доской. Его волновал вопрос отплытия, жизни и смерти. Шахматы служили не только громоотводом, но и своеобразной аллегорией жизненной ситуации. Набоков пишет: «Настала наконец та ночь, когда мне удалось воспроизвести диковинную тему, над которой я бился. ...Помню, как я медленно выплыл из обморока шахматной мысли, и вот на громадной английской, сафьяновой доске в бланжевую и красную клетку безупречное положение было сбалансировано, как созвездие. Задача действовала, задача жила».

Я расставила фигуры на доске и задумалась. В «Шахматном обозрении», где эта задача была опубликована, было дано и решение (набоковское же): слон белых отступает под кавалерийским напором черного коня (вспомним, что Набоков как раз работал над своим первым английским романом «The Life of Sebastian Knight», шахматный конь дал фамилию главному герою). Но это отступление только видимость уступки, и белая королева побеждает противника, переступая с b6 на c7. Я собирала фигуры в недоумении, потом расставляла их вновь. Решение задачи меня ослепляло своей простотой и еще чем-то. И вот в один прекрасный вечер стройность композиции вдруг стала мне ясна. Уверена, что этот секрет уже давно не является секретом, и потому решаюсь его разгласить. На седьмой линии (а число 7 является мистическим числом, символом счастья: седьмое небо, например) выстраивается тройка белых фигур: король, пешка и королева: большая фигура, маленькая фигура, большая фигура. В таком именно порядке шли Набоковы к кораблю, увозящему их в Америку: отец, сын и мать. Наглядный символизм этой чистой абстракции шахматных фигур не может не вызывать восхищения.

6.2. О коровах

Поговорим о прозаических коровах на поэтических альпийских лугах.

Кто только не писал о вас, о швейцарские коровы! Поезд, несущийся мимо зеленых склонов, уже никак не может привлечь ваше снисходительное внимание. Я оглядываюсь на вас, люблю и (стыдно признаться в этом) вам немножко завидую. Вы так живописно развалились на травке, без оград и охраны, вы тем не менее чувствуете себя вполне вольготно, подставляя бока солнышку. Вы неторопливо жуете зеленую

массу, слегка шевеля чуткими ушами, чтобы согнать слишком надоедливых мух. Если же какой-нибудь слепень осмелится ужалить вас, вы встряхиваете головой, и колокольчик, заботливо повешенный вам на шею хозяйской рукой, напоминающий женское украшение в увеличенном масштабе, начинает издавать мелодичный звон. У швейцарских коров всегда довольный, сытый и (можете смеяться) умный вид. Если мне доведется в будущей жизни воплотиться в корову, я бы хотела жить в Швейцарии.

Заглянув в сборник по славистике, изданный цюрихскими и базельскими специалистами, я отметила интересную деталь: русские, оказавшиеся в Швейцарии до революции, никак не поразились швейцарскими коровами, их образ не взволновал ни одного литератора. Ни одного, за исключением Пушкина, который, как мы знаем, из России никогда не выезжал. Он познакомился с вывезенными из Швейцарии коровами в России и поместил их портрет в «Дубровском». В восьмой главе они преспокойно пасутся на «густо-зеленом лугу» перед домом князя Верейского, «звеня своими колокольчиками». Набоков совсем не упоминает о них. Зато они производили неизгладимое впечатление на советских гостей. Нет такого стихотворения советского поэта, залетевшего по официальному приглашению в мирную Швейцарию, где бы не упоминались коровы на лугу. Впрочем, эта пасторальная, в общем, картина почему-то вызывала выпады против буржуазии и мещанства. Связь коров и мещанства мне так и осталась не ясна. Или немещане держат своих коров в темном стойле? А молоко-то у свободных коров вкуснее! Не помню, где я почерпнула шутку о том, что швейцарцам удалось вывести породу самодоющих коров. Некоторые шутки оказываются настолько удачными, что со временем становятся правдой.

Едучи в Женеву как-то летним днем, я наблюдала следующую картину. На лугу стоит одинокий журавль и смотрит пристально куда-то. Куда же он смотрит? На группу коров из семи голов, стоящих от него в некотором отдалении и так же пристально глядящих на журавля. Коровы, должно быть, думали: «Du bist aber ein komischer Vogel!» Поезд помчался дальше.

7.1. Окрестности Sankt-Moritz

Вспоминая тень Германа, счастливо женатого на Лиде, задаюсь вопросом, что общего у бабочки с маслом. Любители каламбуров, не грозите пальцем! Как бы легко мы ни порхали сегодня над цветами жизни, когда-нибудь осыплется яркая краска с невесомых крылышек, и мы, побледневшие и осунувшиеся, оседем прямо на землю, и цветы будут безразличны к нашей судьбе.

Тех голубых бабочек, прямых родственниц неба, выращенных в вышних цветниках, за которыми с особой страстью охотился Набоков, мне удалось увидеть только раз в Sankt-Moritz. В заповедной зоне для охраны альпийских ботанических редкостей. Зимой — это рай для лыжников, поклонников зимнего солнца и морозного флирта. Летом — сачок и кожаные штаны до колен, зимой — лыжные ботинки и спортивные шапочки. Летом — Набоков, зимой — Хичкок. Хичкок любил встречать здесь Новый год с друзьями и близкими.

Вот она, голубокрылая, маленькая, садится на клевер, сводит вместе крылья и становится совсем невзрачной, серенькой, незаметной. Только мне видно, какая она, но я никому не скажу. Вот она вспорхнула и летит дальше, вот ее уже не видно. Я не ловлю, я наблюдаю. Жизнь моя — *vita contemplativa*. Рим далек, я удалился от дел, хлопотливая жизнь сенатора утомила меня. Я взбираюсь на горы, рву цветы и люблю озером. Кто осудит меня за то, что я не надеваю больше тяжелой тоги с красной полосой внизу? Я созерцаю, я пишу. Кто-то прошел совсем рядом, но трудно разглядеть

лицо, когда солнце светит так ярко, что в глазах слегка темнеет и хочется пить. Я пью родниковую воду, смотрю на часы и начинаю спускаться. До Базеля езды около четырех часов. Я иду по Via Titus к станции. На душе у меня тишина и покой, синева — над моей головой, кто сказал, что жизнь — бесконечный бой, тот сразился с бессмертной судьбой. Если Байрон прав, сказав: «Peace waits us on the shores of Acheron (not before)», то я уже блуждаю с некоторых пор по бледным лугам Гадеса.

7.2. Неучтивый поступок

Пушкин — Плетневу (7 сентября 1835 года):

Вы говорите справедливо,
 Что странно, даже неучтиво
 Роман не конча прерывать,
 Отдав его уже в печать...

В Лозанне я спустилась к озеру и села на пароходик, плывущий в Монтре. «Виноградные берега да кудрявые облака», или, как выразился о том же предмете американский Олеша: «The shore is full of grapes, the sky of clouds». Весь берег составлен из отдельных зеленых кусочков, летнее одеяло из лоскутков материи одного цвета — лицо земли, выложенное малахитовой мозаикой, лицо нищего, который оказался загримированным Одоном и помог бежать бедовому королю Чарли в Америку. Молодой человек снимает на пленку все побережье. Он сходит в Монтре, я схожу вслед за ним.

Памятник Набокову перед отелем. Набоков сидит на стуле, только две ножки стула касаются земли. Он смотрит в сторону Шильонского замка. Я иду дальше, и мое внимание вдруг привлекает афиша; на ней изображен крылатый мужчина в латах, он красив загадочной красотой. Я стою перед афишей и смотрю. Рядом со мной стоит тот молодой человек, который плыл со мной на одном пароходике. На этом месте я прерываю эту невольную пародию на диссертацию, сознавая при этом всю неучтивость моего поступка. Мы встретимся.

Стихи

РАЙ, ОЛИМП И ПАРНАС

Есть две горы, и есть прекрасный сад:
 Олимп, Парнас и Рай среди оград.
 В Раю Адам и Ева, попугаи
 Кричат бессмыслицу, Адаму подражая.
 И тихим лепетом еще несмелых губ
 Начнет архангелу молиться Ева вдруг.

А там, главу вздымая до небес,
 Вершит судеб течение Зевес.
 Кивнет: тотчас шлет Афродита сына
 Со стрелами любви лететь в долину,
 Где в хижинах, дворцах или домах
 Проводят люди жизнь в обидах и страстях.

Не как Олимп высок и не как Рай беспечен,
Стоит Парнас, стихом увековечен.
Там водят музы дружный хоровод,
Слепой Гомер деянья славит греков,
Там очищаются страданья человеков,
И Феб им в утешение поет.

Парнас оброс шиповником и хмелем,
Гудят шмели, и зреет виноград;
Тот виноград мне сладок даже зелен,
Я на Парнас меняю райский сад.
И вот карабкаюсь наверх среди этих лоз,
Среди звенящих пчел, Ванесс и ос.

PAPILIONI NABOCVI

A sound of the innocent blue wings
Cannot be heard within the day noise.
There is no sense, you can by no means
Try to object or to conceal the choice.

On this blue planet can you dance a blues
Above the sea, above the sweetest meadow,
While being stone-firm as the own credo,
And willing not to play and willing not to lose?

Наталья КРАВЧЕНКО

* * *

Еще до слова, до поступка
я чувствую родство с людьми,
когда снимается скорлупка
с души — и вот она, возьми.

И точно так же, до знакомства,
походка, облик или взгляд
мне чью-то тайну вероломства
иль чужеродства оголят.

Вот так тебя, еще не зная,
и до того, как обняла,
как будто вспомнила из сна я
и с первой строчки поняла.

* * *

Все, что накопила на черный день —
вот он наконец настал —
любимый голос, родная тень —
прочнее чем драгметалл.

Все, что припасла на худой конец
(конец — он всегда худой) —
любви моей золотой телец,
омытый живой водой.

Наталья Кравченко родилась и живет в Саратове. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита», «Русское литературное эхо», «Сура», «Параллели», «RELGA», «Новый свет», «Фабрика литературы», «Портфолио», «Артикль», «Эр-фольг», «45-я параллель», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно», «Гостиная», «Подлинник», «День и ночь», «Южное сияние», «Зарубежные задворки», «Бумжур», «Южный остров», «Камертон», «Топос», «Новый день». Лауреат и дипломант нескольких международных поэтических конкурсов.

Пытаюсь расслышать сквозь шум и фон,
держась за каркас стропил, —
вот строки, что ты читал в микрофон,
вот музыка, что любил.

Пишу тебя, и держу в уме,
и умножаю на ноль,
и получаю солнце во тьме
и сладкую в ребрах боль.

Твои слова в сокровенный час,
портреты над головой —
вот мой НЗ, золотой запас,
что держит еще живой.

Звонит мобильник лишь по тебе,
теперь это мой смертфон,
где все номера ведут к тебе,
а смерть — это только фон.

* * *

Божия коровка, унеси на небо,
где мой любимый спит глубоким сном.
Одним глазком его увидеть мне бы,
хоть в облаке и в облике ином.

Лети к нему и сядь ему на пальчик,
как жаль, что мне нельзя туда самой.
Пусть ему снится, что он снова мальчик
и мама из окна зовет домой.

Я бы уснула тоже беспробудно,
но здесь его следы наперечет,
мне потерять их страшно — вот в чем трудность,
вот что мешает дать себе расчет.

Ни в Бога и ни в черта я не верю,
на все рукой безжизненной махну.
Но кроткому и крохотному зверю
ладонь открою, сердце распахну.

Лети, лети сквозь жизни амальгаму
туда, туда, за тридевять земель,
где милого его земная мама
небесную качает колыбель.

ОДНОВА

Сломалась жизнь — я смастерю другую,
отпилим хлам, а нужное прибьем!
Ту, что сейчас — и злейшему врагу я...
Мы одна вдвоем с тобой живем!

Ах жили, жили... Одна теперь я,
я одна, любимого вдова.
Летят души растрепанные перья,
и в перлы не слагаются слова.

Как хочется единственного чуда,
тепла плеча родного до утра...
Пошли мне снова весточку оттуда,
пусти меня погреться во вчера.

Коплю в душе все памятки и метки.
О кто-нибудь, прошу, умилосердь...
И бьют в окно поломанные ветки,
крест-накрест перечеркивая смерть.

* * *

Меня никто не сможет убедить,
что разделила нас с тобой могила.
И чтобы в реку дважды не входить,
я из нее еще не выходила.

Куда несет меня моя река,
любовь моя, отрада и отрава,
где мы с тобой сцепились на века,
река Забвенья, Плача, Переправы...

Держусь за память, словно за буюк,
на Переправе не сменю коня я.
Тут все уже последнее, мое,
я ни на что его не променяю.

Здесь будет все, как было при тебе —
твой кассеты, книги и пластинки.
И за улыбку в будущей судьбе
я ни единой не отдам грустинки.

Я удержу все, что смогла сберечь,
и сохраню твой образ на века я.
Моя река, моя родная речь,
что о тебе течет, не умолкая...

* * *

И тихо теплится окно,
чуть освещая жизнь,
что положила под сукно,
сказав ей: отвяжись.

Но даже в холоде и мгле
найдется уголек,
и будет снова на земле
светиться огонек.

Светай, светай в моем окне,
пусть разойдется тьма.
Как глубоко ты нужен мне —
не знала я сама.

И трубка пусть заморозит,
молчание поправ
и доказав, что дальше — жизнь,
что был Шекспир не прав.

Дмитрий ТАРАСОВ

РАССКАЗЫ

ГОСПОДИН ЯНОВСКИЙ

Право, как не хочется тащиться в Патриотический институт! На другой берег Невы, в это скучное здание канареечного цвета, как, впрочем, и все здесь. Сидят за партами благородные девицы, офицерские дочери, для которых элементарные начала истории и то есть высшая математика. В глазах рябит от их формы — светлое, коричневое, светлое, коричневое... А в мозгах у них, напротив, все одним цветом — серым. Знай себе щебечут да хихикают. Если б у нас патриотки определялись только по этому, то лучших было бы не сыскать. Какая насмешка все-таки читать им лекции, тогда как мечты да и способности позволяют иметь аудиторию из умов знающих и душ возвышенных.

Он шел вдоль Екатерининского канала без всякой цели и уже одолел несколько городских частей, отсчитывая их по числу мостов: Каменный, Банковский, Кокушкин... Нарочно избегал больших улиц, где стук, гром и блеск, и думал, что сколько ни привыкай к этому городу, хоть заставляй себя его любить, а все никак не привыкнешь.

Вот впереди еще один мост — Вознесенский, слегка горбится над мутной водой. На угловом доме вывеска, где господин с намыленной щекой, а понизу надпись: «И кровь отворяют».

Он постоял напротив и зашел туда с мыслью: коли нет никого, так и побреюсь, а коли ждать, тогда уж в другой раз. К счастью, маленькая зала была пуста, и все говорило в пользу того, что он не ошибся дверью: широкое кресло, пред которым зеркало, полочка с полным набором инструментов цирюльника; здесь и одеколony, и ножницы, и кисточки, и пинцеты, чтоб волосы из носу дергать... Однако ж где цирюльник? Хоть садись да и брей себя сам. Пусть кое-как, зато жаловаться не на кого и без всякой платы...

Тут отворилась внутренняя дверь, спрятанная от взгляда занавесью, и оттуда поспешно вышел хозяин. Как полагается, был он в белом переднике и на ходу, видно, затем, чтобы отпали уж всякие сомнения в его профессии, мелко стрекотал ножницами.

Что за манера стала у наших цирюльников? Вроде как воздух стригут, и кто в этом бойчее, тот, наверное, и мастер лучший. Надо бы предупредить, что мне не прическа, а бритье нужно. Иначе он, того и гляди, от воздуха сразу к волосам и перейдет.

— Желая побриться.

— Иван Яковлевич, — вместо ответа представился брадобрей, а остальное представил рукою, обведя свое рабочее место и закончив на кресле, которое пододвинул с любезностью и улыбкой.

Дмитрий Михайлович Тарасов родился в 1965 году в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. В 2015 году в издательстве «Лики России» вышел в свет роман «Пятый Собор», в 2018 году — сборник рассказов «Считая до ста». Член Союза писателей России с 2011 года.

— А вас, барин, как величают? — спросил он, закутав гостя салфеткой и быстро-быстро покрывая его щеки кремом.

И хоть не принято было при таких обстоятельствах называть себя и другой счел бы это странным и даже мог оскорбиться, Николай Васильевич отрекомендовался, не забыв присовокупить звание — титулярный советник. И с удовольствием наблюдал, как его недавнее приобретение в чине отразилось на лице цирюльника выражением самым угодливым.

— А где, извините, проживать изволите? Не в нашей ли части? — видя благосклонность собеседника, Иван Яковлевич пустился в расспросы, впрочем, с большим почтением и не отвлекаясь от дела.

— В Морской слободе, на Малой улице. То есть на Новоисаакиевской, — поправился Николай Васильевич.

— То так назовут, то этак. Только привыкнешь, как уже переучиваться надо... А вы не знаете, скоро ли Исаакиевский собор возведут?

На это Николай Васильевич счел правильным промолчать, поскольку кто ж его известит, когда и самому архитектору вряд ли сроки известны. Между тем цирюльник двумя пальцами ухватил его за нос и слегка приподнял, с тем чтобы сподручнее брить подборок, и Николай Васильевич тут же услышал, как пахнут его пальцы — то ли хлебом, то ли рыбой, то ли табаком, а скорее, всем вместе. Но сказать об этом в таком положении, с задранной вверх головой, он не мог, в то время как у Ивана Яковлевича не было ни малейших затруднений в речи.

— У нас сейчас штука престранная происходит: квартиры сдают почти что в каждом доме. Отчего бы это? Да только уж так. Есть и такие, что по вашему чину как раз подходят. Можно с отдельным входом, можно сразу с прислугой. Если только интерес имеется...

— Имеется, — выдохнул Николай Васильевич, едва высвободив свой нос, хотя никакого интереса не было, а был лишь недостаток воздуха и оттого легкое головокружение. Ляпнул, словом. А Иван Яковлевич только того и ждал:

— Тогда вы точно по адресу. Ходит ко мне один коллежский асессор, но всегда представляется майором. По середам и воскресным дням бреется. А сегодня что у нас?.. Середя. Стало быть, вот скоро и должен быть.

— Да мне-то, любезный, что с того? — наконец пришел в себя Николай Васильевич.

— Как же? Вы только что сообщили, что жильё ищите. А в доме, где тот самый майор живет, сдается преотличнейшая квартира. Да он сам вам и расскажет.

Сказав это, он прищурился и посмотрел на Николая Васильевича сначала с одного боку, затем с другого, а после, нагнувшись, еще и снизу. Из всего этого мастер бритвенных дел заключил, что работа не кончена, и снова ухватил Николая Васильевича за нос. Принудив таким образом собеседника к молчанию, он продолжил разговор, только теперь не о квартирах, а о предмете более близком:

— Экий нос у вас редкий, прямо выдающийся. У иного, бывает, не возьмешься, потому что братья не за что, а у вас, господин титулярный советник, совсем наоборот.

С этими словами он так нажал на нос, что тот, хрустнув, едва удержался. Как только равновесие в мыслях и чувствах восстановилось, Николая Васильевича охватила обида. Из-за чего он вынужден всю жизнь страдать? Вспомнились ему все злоключения собственного носа, как был он и длиннющим, и птичьим, и безобразным, и даже провокационным. В Васильевке Сашко высмеивал, в гимназии Зайончковский, в Департаменте уделов сразу двое, оба писцы, Аполлонов и Червоточин, который сам, по правде сказать, с немалым носом...

— Вот что, братец, — сказал Николай Васильевич сердито. — И нос мой, и волосы, и плата тоже моя. А раз так, то и хватит. Сколько с меня?

Тотчас Иван Яковлевич сделался услужлив и захлопотал вокруг кресла: то одеколончиком спрыснет, то салфеткой обмахнет, то воззрится с умилением на дело рук своих.

Вот так-то с ними нужно, едва успел подумать Николай Васильевич, как сзади раздался грубый голос:

— А, ты работаешь!

— Мы уж и заканчиваем, — цирюльник с утроенной силой стал махать салфеткой.

— Ничего, подожду, — вошедший уселся на стул подле окна, положив ногу на ногу.

Как виделось Николаю Васильевичу в зеркале, был он прост лицом, однако не без приятности и сидел, как сидит человек с доходом никак не меньше десяти тысяч в месяц.

Оставшись вполне доволен своим искусством, Иван Яковлевич решил показать и свои отменные манеры:

— Разрешите, господа, я вас представляю друг другу.

— Без тебя обойдемся, — незнакомец встал и по-военному четко произнес: — Майор Платон Платонович Полукирпичников.

Николай Васильевич тоже назвался и уже хотел было откланяться, сняв свой цилиндр с крючка возле зеркала, как вдруг цирюльник заявил:

— Николай Васильевич желает снять квартиру где-нибудь здесь поблизости. И я рекомендовал вас как человека...

— Квартиру? — решительно вмешался майор Полукирпичников и уставился на Николая Васильевича, будто такое испытание могло определить, правда ли сказанное брадобреем.

— Не то чтобы совершенно, но в известном смысле... Впрочем, я сам наверное не определил... Тут вопрос деликатный, — Николай Васильевич мялся, не желая давать точного ответа и в то же время обижать собеседника, и мял в руках цилиндр, то запуская пальцы в тулью, то с поспешностью их вытаскивая.

— Согласен, деликатный, — майор даже дернул головой, настолько был согласен. — Мы можем обсудить это сразу, как я побреюсь. Или вот!.. Оставайтесь здесь, а я все и расскажу.

— Мне, знаете ли, удобнее ждать на выходе. Тут очень душно и запахи.

— Как вам будет угодно, — ответил майор и сразу накинулся на цирюльника: — Говори вперед, чисты руки?

— Отчего ж бы им вонять?

— Врешь!

— Ей-богу, сударь, чисты.

Выбравшись на улицу, Николай Васильевич тотчас удалился от дома у Вознесенского моста в сторону Сенного рынка. Он собирался идти к себе на Морскую, прежде купив что-нибудь в овощных рядах. А разговор в цирюльне был так, глупым случаем, и теперешнее жилье его вполне устраивало.

Ему так не хотелось читать лекцию в институте, что прежде чем туда отправиться, он подвязал голову белым платком и в таком виде предстал перед директрисой Луизой фон Вистенгаузен. Маленькая старая горбунья выслушала его жалобы на здоровье с недовольным видом, но разрешила-таки не ходить на занятие. При этом не забыла упрекнуть, что он манкирует службой, и всегда по случаю зубной боли. Пришлось сочинить историю, будто у него это по наследству, от батюшки с матушкой, мол, они тоже зубами мучились. Словом, семейная болезнь, и доктора ничего поделать не могут.

Едва выйдя из института, он размотал платок и с опаской оглянулся на мрачное четырехэтажное здание, мало ли горбунья Луиза смотрит из своего кабинета. Свет там мерцал, но главной «патриотки» в окне не было. Он вдруг вспомнил, что она вдова майора, и, присовокупив к этому встречу с Платоном Платоновичем Полукирпичнико-

вым, с иронией заключил, что где ни окажись в Петербурге, а непременно какой-нибудь майор да и вылезет.

Был Николай Васильевич на Васильевском острове, на линиях. Нет ничего сумрачнее этих линий, однообразно прочерченных с педантичностью скучного немца. Как только люди здесь живут? Чем дышат? Прочь отсюда! Иначе задохнешься, сгинешь!

Он вышел на невскую набережную и при ясной погоде, какая в этом туманном городе редкость, увидел весь строй вельможных особняков и дворцов на том берегу. И как бы в противовес их нарядности чернел вдали столь знакомый ему казенный дом, куда прежде каждый день ходил на службу в Департамент уделов. С девяти утра был уже на месте, зарываясь в ворохи бумаг, с трудом выглядывая из-за частокола чернильных приборов. Сшивал листы, копировал ведомости, переписывал доклады, подчеркивал заголовки... Что еще?.. Пожалуй, лишь одно вспоминается: три часа пополудни, и этот долгожданный часовой бой — тяжелый, гудящий, кажется, во всех уголках огромной залы. И в тот же миг все преобразается! Папки ставятся на полки, дела закрываются в шкафы, хлопают дверцы, летят голоса. Общее движение несет к выходу чиновников всех рангов без разбору. В вестибюле висит большое овальное зеркало в раме с вычурными розами и двумя купидончиками наверху. Здесь останавливаются, чтобы одернуть фалды сюртучных мундиров, поправить прически, смахнуть щеточкой въедливую канцелярскую пыль. Стоит и он, а мимо язвительный Аполлонов: «Эй, Яновский, сейчас зеркало носом проткнешь!», а следом мерзейший Червоточин: «Макни нос в чернильницу, напиши кириллицу!» И хоть обидно, но более радостно: скорее на воздух, от рутины, от тупых и кислых, интриганов и подлецов!.. Наскоро пообедав, он спешит на Васильевский остров. Там, в здании под высоким куполом с восседающей на самом вершине Минервой, красота и гармония, мудрость и искусство, против которых весь чиновничий люд не то чтобы плох, а попросту ничто.

Приближаясь теперь по набережной к Академии художеств, Николай Васильевич вспомнил разом и преподавателей, Егорова с Шебуевым, и свои ученические работы карандашом и углем, и то, что портреты давались ему лучше, нежели натюрморты и пейзажи. По правде сказать, он давно уже там не был и стал забывать атмосферу рисовального класса, его особый запах, смешанный из красок, гипса и бумаги.

Массивная дверь открылась, выпуская дюжего художника с перекинутым через плечо мольбертом, академического вида старичка в пенсне, стайку студенток, болтающих о каком-то Борисе Львовиче. Пропустив их, Николай Васильевич, точно последний ученик в гимназии, бочком протиснулся внутрь.

Он пересек парадный вестибюль, поднялся на второй этаж и, постучавшись, вошел в знакомый класс рисования.

— А, господин Яновский, — донесся из глубины помещения знакомый голос Шебуева.

Николай Васильевич терпеть не мог, когда к нему так обращались. Будто начало фамилии неизвестно куда делось, а остался лишь ее облезлый хвостик. Однако поправлять учителей было не в его правилах.

Между тем преподаватель продолжал:

— Вы как раз по случаю. Не пришел натурщик, этот... — Шебуев сдержался. — Словом, хотел бы вас попросить сделать ему замену.

Рассудив, что отказывать негоже, тем более когда пропускаешь занятия, Николай Васильевич все-таки поинтересовался:

— Чему же я обязан такой чести? Почему другие студенты не годятся для этой роли?

— Видите ли... У нас сегодня голова в три четверти. Тут требуется особая внешность, — он посмотрел на Николая Васильевича оценивающе, даже слегка прищурился. — Про вас всякий рисовальщик скажет, что лучшего и не надо. А по какой причине — как вы думаете?

Поскольку вопрос был обращен ко всем, то в классе прозвучало вразноголосицу:

— Нос-нос-нос...

Усаженный таким образом на табурет, вдобавок стоявший на пьедестале, он оказался в положении человека, на которого слетаются все взгляды и который в течение двух часов должен сидеть не шелохнувшись. Тут любому, будь у него хоть одна извилина, полезут в голову разные мысли, тем более они полезли Николаю Васильевичу.

К люстре или к окну летит муха, спросил он неизвестно кого, и сей же час, точно вопрос был куда важнее ответа, снова начал допытываться у этого неизвестного: кто, мужчина или женщина, изображен на картине, что приставлена к шкафу с бумагами? какой вопль издаст та молоденькая девушка, ежели ее рисовальный станок возьмет да и завалится набок...

От мыслей простых он направился к сложным, вернее, даже не к мыслям, а к образам, которые возникали как-то сами собою. Примеривался один образ к другому, и ненужный исчезал, а взамен него появлялся следующий, что, впрочем, отнюдь не избавляло его от участи предыдущего, как не избавляло и первый, коли он такой капризный, что не выносит никакого соседства. И ладно бы складывались они с какой-либо целью, так нет: маячит что-то впереди непознаваемое, то чуть ближе, то в тень уходит, а то и вовсе не понятно, было или померещилось.

Если б бумагу и перо теперь, подумалось Николаю Васильевичу, тогда образы, сделавшись словами, быть может, и проявили бы перспективу... И тут же в его воображении возникла новая картинка: натурщик на том же табурете и том же пьедестале пишет сочинение и ведет себя как всякий сочинитель: откидывает голову назад, тербит подбородок, запускает пальцы в волосы, ногти грызет или, того хуже, в носу ковыряется.

От игры своего воображения он хихикнул и еще оттого, что опять не обошлось без носа. Этим он вызвал смешки в классе, и Шебуев строго посмотрел на студентов, после чего поднял глаза на натурщика. Николаю Васильевичу ничего не оставалось, как вновь принять застывшую позу.

Изредка слышались скрипучие звуки ластика, кто-то сдувал катыши с листа, кто-то чинил карандаш. И прохаживался между рисовальщиками учитель, поправляя их эскизы. Вдруг он громко произнес:

— А где же лицо?

Все посмотрели в ту сторону. Леша Воротников, выглядевший лет на восемнадцать против своих двадцати пяти, очень худой, с длинными, зачесанными назад волосами, краснел и не знал, что сказать.

— Я, собственно... Хотел ухватить за хвост некую субстанцию...

— А ухватили за нос, — закончил Шебуев, чем вызвал общий взрыв смеха.

Занятие кончилось, и студенты потянулись к столу преподавателя. Одного похвалив, другому указав на ошибку, он принял все работы, за исключением одной.

— Что же мне теперь с этим делать? — Леша Воротников держал свой рисунок вверх тормашками и снова краснел.

— Как вам будет угодно. Я принять не могу.

Уже в коридоре Николай Васильевич догнал Воротникова и по-приятельски обнял.

— Что-то наш старик сегодня не в духе. Покажи, Алексей, чем ты его разгневал?

От увиденного он чуть отпрянул, потому что посредине листа располагался его собственный нос. Тут сомнений не было, настолько искусно были изображены все впадины и возвышенности, вплоть до мелкого прыщика повыше обращенной к зрителю ноздри.

— Этакое сходство!.. Однако же почему...

— Не взыщи, Николай, без моего участия вышло... Лишь после я понял, что так оно и вернее, — когда он волновался, то говорил тихо, округляя глаза и торопясь. — Я буд-

то видел, что, с одной стороны, вы вместе, а с другой — по отдельности. Ты сам по себе, и нос сам по себе. Тут либо первое берешь, либо второе.

— И ты выбрал...

— Пойми, выбирал не я, а сам не знаю кто. Моей рукой водили, тогда как мне оставалось только держать карандаш. Ни одной пометки, ни одного исправления. Я так не умею!

Внутри Николая Васильевича что-то зашевелилось, вместе лукавое и значительное, и он вдруг с чувством произнес:

— Моя просьба может показаться блажью, но не мог бы ты дать рисунок мне?

— Охотно дам. Веришь ли, сам не знаю, как с ним быть.

— Вот только папки у меня нет.

— Бери вместе с папкой. После как-нибудь вернешь.

Они вышли из академии, продолжая обсуждать ту странность, которая случилась с Воротниковым. Почему не глаз, ухо или рот? Нет, именно нос, притом самым необъяснимым образом.

— Скажи, Николай, кто способен водить чужой рукою, кто автор?

Он заглянул в лицо Николаю Васильевичу как-то снизу и сбоку, отчего сделалось не по себе и припомнились былые случаи, когда прямо на занятиях Алексей начинал шептать что-то бессвязное, а в его глазах, вот как сейчас, появлялся этот безумный блеск.

— Ты не здоров? — спросил Николай Васильевич.

— Нет, мне хорошо, решительно хорошо, — заверил Воротников.

Они простились на набережной: Воротников жил неподалеку от академии, а Николаю Васильевичу нужно было идти на другой берег.

Подгоняя себя мыслями о содержимом папки, он дошагал до дома на Морской, где взобрался к себе по крутой и темной лестнице, бросил одежду прямо на лавку и, положив рисунок на высокий пюпитр в гостиной, крикнул в переднюю:

— Яким, свечу!

Слуга появился в ту же минуту, и на потолке комнаты заплескали яркие пятна света. Николай Васильевич принял свечу и установил ее рядом с пюпитром. Склонившись над ним, он всматривался в рисунок и одновременно нащупывал на соседнем столе карандаш. Когда тот оказался в руке, то, совершенно не задумываясь, он начал рисовать линию за линией, изгиб за изгибом.

Спустя некоторое время он вернул карандаш на место и с удивлением воззрелся на то, каким сделался рисунок. Нос оставался, где должно, только теперь его нельзя было назвать таковым, ибо он был в мундире, шитом золотом с большим стоячим воротником, на нем были замшевые панталоны, а при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника.

Словно боясь, что рисунок исчезнет, Николай Васильевич бросился к столу и начал точь-в-точь записывать изображенное. Закончив, он почувствовал, как то, что маячило вдали, когда он сидел натурщиком, стало гораздо лучше различимо, и если еще не далось в руки, так лишь потому, что с его стороны было недостаточно усилий.

Чем дальше он смотрел на дом возле Вознесенского моста, где внизу помещалась цирюльня, тем яснее становилось, что тот никуда не годится. Да и нужен ли дом?.. В журнале, дай Бог памяти каком, был недавно рассказ с такой же вот цирюльней, вывеской, с тем же нехитрым инструментарием из бритв и гребешков. Зачем тогда утомлять публику повторами? Пускай брадобрей сам ходит по квартирам и мылит на щеках да под носами.

Рассудив так, Николай Васильевич решительно повернул на Вознесенскую улицу, однако не прошел и двух домов, как стал свидетелем картины крестьянской телеги

и господского экипажа, которые никак не могли разъехаться. Спрыгнувший с передка кучер в ливрее кричал на мужика, пытавшегося, да все без толку, развернуть свою гнедую кобылу.

— Не туда, раззява, в другую сторону! — подал голос кто-то, наблюдавший за уличной сценкой неподалеку от Николая Васильевича. Он посмотрел на кричавшего и вздрогнул: майор Полукирпичников махал руками и, казалось, готов был сам броситься, чтобы направить лошадь куда следует. Их взгляды неожиданно встретились, и майор, тут же позабыв о дорожном происшествии, изобразил на своем лице чрезвычайную радость, будто судьба свела его, по меньшей мере, с другом детства.

— Ба, Николай Васильевич! Весьма обязан случаю вас видеть. Да, но куда же вы тогда подевались?

Едва Николай Васильевич открыл рот, чтобы объяснить, как майор продолжил с воодушевлением:

— Представьте, этот разбойник и пьяница — вы, кстати, не от него идете? — так орудовал бритвой, что пустил мне кровь из носу. Посмотрите, вот здесь.

При этом, задрвав голову, он указал пальцем на правое крыло носа, где точно был мелкий порез.

— А если б ему вздумалось какой-нибудь другой орган задеть, допустим, глаз? Тот наверное весь и вытек. А я, между прочим, в видные департаменты хожу, в лучших домах принят, среди дам общение имею. Как же мне без глаза, сами посудите?

— Вы начали о носе, — вернул его к предмету беседы Николай Васильевич, поскольку в нем снова зашевелилось то пугливое предчувствие замысла, что и давеча на квартире.

— Только вы удалились, как цирюльник намылил и на щеке, и за ухом, и под бородою. У него всегдашняя привычка: где хочет, там и мылит. А потом, скажите, как в этом пенном месиве разобраться и не спутать одно с другим?.. Вдобавок он пьян был изрядно. От него если черт знает чем воняет, значит, пил и закусывал всем подряд. Такая уж скотина, ничего не поделаешь.

Продолжил Платон Платонович тем, как служил на Кавказе, получил коллежского ассессора и теперь ищет приличного своему званию места в Петербурге. Вдруг он сказал, показывая на ту сторону улицы:

— Вот здесь я и живу. Как вам видится, хорош ли дом?

— Как здесь? — Николай Васильевич в задумчивости смотрел на безликое пятиэтажное строение с двумя симметричными проездами и гладким, за исключением скромного эркера, фасадом. — Этот дом совсем не то. Я приглядел вам другой, в Садовой, рядом с Сенным рынком.

— Прошу меня простить, но моя квартира во всех отношениях мне подходит. По какой причине я должен куда-то переезжать?.. Хозяин немец, из обрусевших, очень приличный человек и плату требует умеренную, всегда деликатно и, что важно, с почтением к моему званию. Я вас с ним в один момент познакомлю.

— Зачем же мне с ним знакомиться, когда это не тот дом?

— Позвольте, вы сами заявили, что квартиру подыскиваете.

— Да, пожалуй... Что ж, можно взглянуть...

Пропустив две кареты в одну сторону и извозчика в другую, они перешли Вознесенскую и остановились у парадного входа.

— Зовут его Александр Карлович, — говорил майор, — а вот фамилию запомнил, уж больно сложная. Хотя, при нашем доверительном разговоре, она и не понадобится. Занимает он весь второй этаж, живет с женой и семьей детьми. Без уговоров, под небольшой процент, ссужает деньги.

Появившийся на звонок лакей сказал, что Александр Карлович убыл по делу и вернется только ввечеру. Из этого майор вывел два важных заключения: во-первых, они

придут к домовладельцу в другой день, а во-вторых, немедленно поднимутся в майорскую квартиру, где припасена для таких случаев бутылка шампанского.

— Иван, — крикнул Полукирпичников, как только переступил порог квартиры, — тащи сюда «Моэта».

Они уже разделись, были в гостиной, когда в дверях возник слуга и хрипловатым голосом спросил:

— Какого поэта?

Вид у него был заспанный, к тому же одежда мятая и несвежая. Судя по оговорке, мимоходом подумал Николай Васильевич, он более расположен к стихам, чем к хорошим винам.

— Глупое ты существо! Это название шампанского — «Моэт». Ступай и без него не возвращайся.

Вскоре, однако, дверь снова отворилась.

— Нет-с нигде.

— Дурак! — майор встал и обернулся к гостю: — Извините, я сейчас.

Его не было долго, и Николай Васильевич принялся изучать комнату. Просторная и слегка вытянутая от окна к двери, по форме она его устраивала, а вот ее обстановку нужно было менять. Хотелось бы попроще, примерно так: шкаф со створкой, которая не до конца закрывается; продавленный полосатый диван; стол в винных пятнах и с царапинами; стулья разных мастей вдоль стен... Словом, выдавшая виды мебель, при том, что замыслы у хозяина самые грандиозные. И вот при таких-то обстоятельствах налицо пропажа, то есть на лице пропажа... А где же зеркало, куда он будет смотреться?.. На стенах не видно... А, вот, экое маленькое, на подставке, сразу и не углядишь...

В этот момент вернулся майор Полукирпичников и, хоть старался выглядеть так, будто только что получил Святого Георгия, был явно смущен.

— Тут история вышла. Третьего дня мы с приятелем, вместе с которым едва спаслись от пленения горцами, приговорили «Моэта» за беседой. Только нынче вспомнил...

Не любивший вина Николай Васильевич с облегчением подумал, что Бог оберегает его от чрезмерных испытаний, а вслух произнес:

— В следующий раз, когда приеду к вашему немцу, мы с вами и посидим, и поговорим, и на стол что-нибудь поставим.

После сказанного он рассчитывал, что визит окончен. Но не таков был майор, чтобы сразу отпустить гостя, и если уж шампанского не оказалось, то запас историй на все случаи жизни всегда был при нем.

Узнал Николай Васильевич о кавказских рекогносцировках, об аудиенциях у вице-губернатора и о том, чем дамское общество Татьяны Прокофьевны приятнее дамского общества Людмилы Харитоновны. Майор на этом не остановился и заявил, что готов жениться на первой, но только тогда, когда за невестою будет известный капитал.

Пока он рассказывал, Николай Васильевич обстоятельно изучил его манеры, лицо, особенно нос, и даже представил, как вместо него будет ровное и гладкое место.

Осмотром он был доволен, как и тем, что поддался на уговоры хозяина остаться. Когда б еще представился такой редкий случай? Теперь, хоть ночью разбуди, в точности опишет и еще рисунок представит. Вот только фамилия у майора уж больно длинна и тем заметна. Надобно ее укоротить и сделать самую расхожей, а то, пожалуй, жалобу настроит или, чего доброго, в суд подаст... И хотя, кроме распоряжений по своему ведомству, вряд ли он что-либо читает, однако же всегда найдутся такие, кто принесет и покажет, да еще совет даст, как дело повернуть, чтобы раскошелился дрянной писака на кругленькую сумму...

Откланяться Николаю Васильевичу удалось неожиданным способом. Он уже и на часы поглядывал с явным нетерпением, и про зубную боль говорил, и про деловую

встречу, и намекал на свидание с дамой, на что хозяин всегда возражал одинаково: «Такая забота — сущий пустяк, о котором между друзьями и упоминать не следует. Что ваши заботы, дорогой мой, в сравнении с моими?» Тогда Николай Васильевич пошел на иную хитрость, дескать, пора ему на занятия, читать лекцию благородным девицам. И пусть с тех самых пор, как пришел с перевязанной головой, он в институте не показывался, подумывая и вовсе его оставить, не подозревавший о том майор Полукирпичников был сражен весомостью причины. Еще бы, там дочери офицеров, возможно, и майорские имеются и даже наверное имеются. Как же можно тогда задерживать?

Он встал, прищелкнув каблуками:

— Прошу меня извинить, не знал о ваших благородных занятиях.

Прощаясь в дверях, церемонно произнес:

— Жду вас, Николай Васильевич, в ближайшие дни.

— Непременно буду.

На самом деле он не собирался приходить. Да и зачем, собственно? Сидеть с майором, который будет блистать в своем бесконечном хвастовстве... К слову сказать, навещать цирюльника тоже без надобности. Разве что фамилию узнать... Нет, хватит с него и Ивана Яковлевича, пьянства, немых рук...

То добавляя к образу брандобрее хлеб и кофий, то отнимая кашель и пощелкивание ножницами, то снова добавляя табак и сварливую жену, Николай Васильевич не заметил, как добрался до конца Вознесенской. И вот уже был перед огромной стройкой, обнесенной забором. Тяжело стояли облицованные мрамором стены, колоннами финского гранита высились портики, и на фоне зеленоватого заката висел, пока еще в лесах, вознесенный императорской волею под самые небеса купол Исаакиевского собора. Эту картину он видел много лет, когда только появился в Петербурге, но лишь теперь в его хохлацкой душе возникла теплота к нелюбимой, сырой и набитой чиновниками столице. И ему стало ясно, что нигде, кроме как здесь, не будет у него таких цирюльников и майоров, лакеев и живописцев. А что он без них?.. Тут он впервые воспользовался платком не как промокашкой для вечно текущего носа, а чтобы вытереть навернувшиеся на глаза слезы.

Отсюда до дома было рукой подать. Но Николай Васильевич, обогнув стройку, двинулся к Исаакиевскому мосту, что был напротив собора. Дойдя до середины, он поднял валявшийся под ногами камень и отпустил его в реку. Тот булькнул, да и только. Ежели так бросишь, подумалось ему, то лишь черт и найдет. Тогда, может, просто выронить или подсунуть куда-нибудь под ворота... Но кругом прохожие, полиция, а человек он пьющий, нервный, везде ему что-то мерещится...

Когда сходил с моста, так ничего и не решив, увидел квартального надзирателя. Крупный, с широкими бакенбардами и важным лицом, он прогуливался у спуска к Неве. И возникла дерзкая мысль — подойти да и спросить: «Разве вы не заметили, как я что-то швырнул в воду?» А квартальный удивленно: «Нет, не заметил. И что же вы бросили?» — «Уж и не помню, а только бросил». — «А в своем ли вы уме, коли так рассуждать изволите?» — «Сам не знаю... Вот встану дома за пюпитр, тогда и пойму, здоров ли или же одно беспокойство ума испытываю».

Взлетев одним духом на третий этаж, так, что даже запыхался, он едва не сбил с ног слугу, который вздумал в передней чинить обувь, и крикнул запальчиво:

— О, черт!.. Свечу! Сейчас же!

Пока ждал Якима, в голове без перерыва стучало: смогу ли? смогу ли? А если нет, то, выходит, и вправду лишь от болезни образы являются. И лучше бы не приезжал сюда вовсе и надежды себе не давал, и маменьке тоже, и друзьям, но прежде все-таки себе... Чем плоха жизнь в Васильевке? Гнутся в саду деревья под весом плодов, во дворе куры и гуси прохаживаются, а в доме запах сушеных яблок из шкафов, и полки с соленьями да вареньями, и стол, где оладьи со сметаной или грибы белые...

Успокоился Николай Васильевич лишь тогда, когда исписал своим мелким почерком несколько листов подряд. Отложил перо, чтоб дать роздых руке и порядок мыслям. И было уже без разницы, в Васильевке он или в Петербурге, гремят ли по бульжнику колеса, или скрипит яблоня за окном, доносится ли украинский певучий мотив, или горланит мужик возле дверей кабака сам не разберет что...

Теперь решилось окончательно: нос не только может покинуть своего хозяина, а после вернуться на место, но и должен именно так поступить. В противном случае зачем все это: ночь, Петербург, храп Якима за стенкой, купол под небесами...

* * *

Прошло изрядно времени, как книга была издана, и Николай Васильевич вновь оказался в той части города. Только сегодня ему сказали (не обошлось без общих знакомых), что майор Полукирпичников женился и живет теперь на Таврической улице в собственном доме, а вернее, в доме жены. Вот уж неожиданность так неожиданность! Хотя известно же, кому везет... А художник Леша Воротников попал в больницу с душевным расстройством и спустя месяц там скончался. Похоронен на Смоленском кладбище возле церкви. Николай Васильевич был там, положил на могилу цветы и долго стоял в раздумье, можно ли принести сюда лист, где нос и прочее, им добавленное, не против ли это правил и петербургской погоды. В конце концов решил, пусть рисунок останется у него как память.

Еще он заходил в цирюльню. Хозяин его не узнал. Похоже, он различает людей не по лицам, а по подбородкам. Но поди разбери, чей брил сегодня, чей вчера, чей год назад. Тут нужен навык скульптора, чтобы пальцами вспомнить, какой бугорок или ямочка кому принадлежит. Между прочим цирюльник рассказал, что русской печи в его квартире отродясь не было, а хлеб он покупает за углом, где всегда большой выбор и недорого. Выяснилась и еще одна несообразность: оказывается, жены у него нет — ни сварливой, ни покладистой, никакой, — точнее, была жена, да померла, как он сказал, из-за его черного пьянства.

Однако уже никак и ничего не поменяешь. Книга в продаже, и хоть книготорговцы, по своему обыкновению, нерасторопны и лживы, тем не менее уверяют, будто через месяц-другой весь тираж разоидется. Ну, пускай так и будет...

На прощание он хотел дать Ивану Яковлевичу один экземпляр и тут же передумал. По глазам было видно, что грамоту цирюльник не знает. А если кто и прочитает ему, то он либо не поймет, что лучше, либо обидится и пошлет автора к черту. Ему же туда пока рано, да и боится он его, рогатого.

А все же было бы хорошо, чтоб и печь имелась, и жена, и хлеб свежий!

РЯЖЕННЫЕ, ИЛИ ПАРОВАЯ МАШИНА ДЖЕЙМСА УАТТА

Глава I. КОТ

В центре города, как обычно, не протолкнуться. Теснота разгоряченных от жары человеческих тел и полное равнодушие к себе подобным. Друг на друга даже не смотрят, уперлись в гаджеты, разговаривают по мобильникам. Без извинений сталкиваются, с бранью разлетаются, наступают на ноги, стоят посреди тротуара, идут на красный свет — гаджеты, гаджеты, гад же ты...

И вдруг среди этой суеты прохожие слегка замедляют шаг, а особо любопытные останавливаются и глядят кто с улыбкой, кто с недоумением... Цилиндры и треугол-

ки, широкополые шляпы и тюрбаны фланируют туда-сюда и ведут неспешные беседы. Со стороны может показаться, что обсуждают театральную премьеру или давешний бал у графа N., однако стоит подойти чуть ближе, как от подобных мыслей не останется и следа.

— Какой сегодня улов, мин херц?

— Я просил без этого... К тому же не Петр так говорил, наоборот, так Меншиков к нему обращался.

— Ну, извини. Это же профессиональное, мин херц. Тыфу ты, опять!.. Так что с делами?

— Да не очень.

— У меня то же самое. Турист вяло идет. Иностранцев вообще нет... А что у тебя в руке?

— Вот нашел... Красивая штука, а чья — не знаю.

— Да... А может, старинная?

— Я в этом, честно говоря, смыслю плохо, но, по ощущению, непростая вещь.

— Повезло... Ладно, мне пора, мин херц.

— Я же просил...

Петр Великий двинулся навстречу группе туристов, по виду провинциалов, охочих до фотоснимков «я и император», а Николай Васильевич Гоголь присел на скамью, продолжая рассматривать свою находку. Это был металлический браслет с орнаментом, стилизованным под древнегреческий меандр. Вчера вечером он поднял его в Александровском саду, оглянулся по сторонам, точно потерявший должен был непременно стоять рядом. Но сад уже пустел, и последние туристы спешили на Невский проспект.

Оттого что Николай Васильевич в жизни не брал ничего чужого, тем более не приносил в дом, он долго лежал без сна. Лезло в голову странное, будто этот браслет перепутает в квартире все предметы, за которыми и без того глаз да глаз нужен. То край пиджака выгнет из шкафа для нижнего белья, то рубашка оказывается вывернутой наизнанку, а то вдруг, что чаще всего, носку не находится пара.

Измучив себя тяжелыми мыслями, Гоголь встал с постели и подошел к окну. Напротив был дом, на фасаде которого висела памятная доска в честь великого писателя, чью роль он исполнял на подмостках городской площади. В отличие от квартиры литератора, которая выходила во двор, его жилище всеми окнами смотрело на Малую Морскую. Улица не затихала ни на минуту. Шум от машин, троллейбусов, прохожих, ресторанов и кафе, что были здесь едва ли не в каждом доме, поднимался к нему на третий этаж и днем и ночью. А стоило лишь открыть окно, как в квартиру врвался жуткий грохот вместе с запахами бензина и гари.

Окно он закрыл. Сна по-прежнему не было. И тогда Николай Васильевич позвал в темноту комнаты: «Кис-кис-кис». Как обычно, животное появилось неизвестно откуда, точно проверяя, знает ли хозяин все укромные уголки.

Он подобрал его на улице и назвал КОТ — заглавными буквами, потому что эта конструкция расшифровывалась — Кот Особо Толковый, — мысленно он так и произносил. Его толковость заключалась в том, как он умел слушать — долго-долго, не сводя своих желтых глаз и словно бы все понимая. Изредка, когда одобрял хозяина, он кивал большой головой с черной полосой вдоль всего лба и двумя такого же цвета пятнами за ушами. Если не соглашался, то отводил взгляд и даже отворачивался. Или так только казалось? Ведь не способен же в самом деле... Хотя как знать, как знать...

О существовании КОТа он никому не рассказывал. Лишь однажды проговорился Владимиру Ильичу Ленину в Екатерининском саду и сильно об этом пожалел, потому что вождь мирового пролетариата при всякой встрече начинал расспрашивать о КОТе, и все с усмешечкой да с шуточками. Словом, с тех пор он стал избегать Ильича.

— Вот браслет, — Гоголь показал его КОТу. — Нужно найти человека, которому он принадлежит. Понимаю, конечно, ты не сыскная собака...

КОТ изобразил свое безмолвное «да» и приготовился слушать дальше.

— Но дело не в браслете, вернее, не только в нем... Я часто думаю о том, надо ли нам все это, — он показал в сторону улицы, но видя, что КОТ не понимает, распахнул окно. — Слышишь?.. Нет, я не ретроград, стоящий на пути у прогресса. Я против прогресса как такового, если от него лишь много жратвы, питья и удовольствий. Вдобавок наша жизнь бессмысленно ускоряется. Скажи, для чего нужна скорость в сотни километров в час, когда мы сами себя толком не знаем?

КОТ начал слушать более заинтересованно, аж ушами зашевелил, и Николай Васильевич склонился к нему и заговорил доверительным шепотом:

— Я нашел развилку, откуда цивилизация пошла неправильным путем, — он сделал паузу, а затем, будто ему внимала толпа, прокричал: — Начало девятнадцатого века! Все эти паровозы, пароходы, телеграф, электричество... Разумеется, были и раньше открытия, одно колесо чего стоит, но все-таки картина мира оставалась прежней. У человечества еще был выбор: либо жить в гармонии с природой, либо идти против нее. Точку невозврата, как теперь говорят, мы прошли из-за паровой машины, из-за этого чертова Джеймса Уатта!

Николай Васильевич подбежал к столу и стал с грохотом выдвигать и задвигать ящики. Иллюстрированный журнал нашелся на самом видном месте рядом с настольной лампой и был открыт на странице с портретом джентльмена в коротком парике, с изысканным белым галстуком, продолговатым лицом и крупным носом. За его простой внешностью Гоголю виделась изощренная уловка, на какую способен один дьявол. Ибо кто еще может таиться в глубине этих, казалось бы, бесхитростных глаз?

— Тут еще статья, — выкрикнул он, потрясая журналом, после чего начал его листать сначала по ходу страниц, затем в обратную сторону и вдруг разразился безудержным до истерики хохотом.

— Нет, ты только послушай! Благодетель! Ангел во плоти!.. Вот, например... С паровой машины Джеймса Уатта началась индустриальная эпоха не только в Англии, но и во всей Европе. Если говорить в глобальном плане, гениальный изобретатель подарил человечеству удобство скоростного передвижения, освободил рабочих от тяжелого труда, сделал жизнь более осмысленной и комфортной. Именно благодаря инженеру из маленького шотландского городка простые люди, конечно, не сразу, но со временем, получили возможность пользоваться всеми благами цивилизации...

В раздражении бросив журнал на стол, Гоголь схватил КОТа и поднес его к окну:

— Называется «блага цивилизации». Смотри!

Поскольку КОТ начал сразу же вырываться, пришлось снова усадить его на диван. КОТ демонстративно отвернулся: то ли ему не понравилось, что его таскают туда-сюда, то ли неприятны были речи хозяина. Николай Васильевич счел нужным объяснить:

— Ты, вижу, не возьмешь в толк, какая связь между браслетом и обществом потребления. Понимаешь, какое время, такие и слова. Гаджет, валидатор, мерчендайзер — дрянь, произносить не хочется! Но главное, насколько отличаются люди прошлого и теперешние человекоподобные! Представь девушку, на которой пусть простое, но платье, туфельки, ожерелье или бусы вокруг шеи, на руке браслет. А теперь, тут и представлять ничего не надо, выйди на Морскую и посмотри: толстые, извини за моветон, жопы, и чем толще, тем более узкие джинсы, наушники, в одной руке какая-нибудь гадость вроде гамбургера, а в другой — мобильник, где наша красавица либо что-то смотрит, либо орет туда на всю улицу... Теперь тебе ясно, почему я хочу найти хозяйку браслета?

Прозвучавшее в ответ урчание, по-видимому, было формой кошачьего одобрения гоголевских планов. Николай Васильевич уверился в этом окончательно, когда, съев

целую миску корма, КОТ долго и с благодарностью лизал его руку, после чего разлегся во всю длину своего тела в изножье кровати.

Уснул Гоголь с убежденностью в том, что надо искать среди своих, царей да поэтов. Доводов в пользу этой версии у него не было, однако так уж происходит между явью и сном, что никаких умозаключений и не требуется.

Глава II. БРАСЛЕТ-1

Под утро разразился ливень, настолько сильный, что вдоль улиц потекли ручьи. Так бы и стоять городу промокшим до последнего листочка, до последней травинки в парке, если бы не выкатилось на небо звенящее солнце и в один прием не выпило всю влагу. Днем пекло не меньше, так что особым спросом стали пользоваться скамейки возле фонтанов и набережные, куда от воды поднималась прохлада. Жара отпустила только ближе к вечеру.

Дул крепкий норд-вест, играли на Неве волны, по небу тянулись легкие облака. И смеялась на Дворцовой площади девчушка в цветастом ситцевом платье, и на Египетском мосту юноша целовал свою подругу, и старик вытирал платком вспотевший лоб перед колоннадой Исаакиевского собора...

Между тем Невский проспект и прилегающие улицы наполнялись празднично гуляющим народом. А где народ, там и ряженые фигуры, посланцы тех расплодившихся в последнее время фирм, чьей единственной задачей было облачить в костюмы разных эпох студентов и несостоявшихся актеров и отправить их в людные места.

У памятника Екатерине Великой, что на площади Островского, исторических персонажей явно прибавилось. Встал со скамейки и начал, заложив руки за спину, прохаживаться от фонаря к фонарю Гоголь. Чета Пушкиных обходила памятник по часовой стрелке, а Петр Великий с Екатериной Первой — против часовой. Неподалеку расположился Маяковский и, качаясь с пятки на носок, читал свои стихи. Был тут и Ленин и, словно бы готовясь произнести речь, оглядывал толпу из-под козырька кепочки, и императрица Екатерина Великая, которая неспешно обмахивалась огромным веером. Словом, компания подобралась весьма любопытная.

— В Каткином саду, как принято его называть в простонародье, ваше место всегда на пьедестале.

Сказав комплимент, Пушкин изогнулся в шутовском поклоне.

— Вы сегодня весьма любезны, — Екатерина Великая сложила веер и хлопнула им по ладони.

— Зачем же вы спустились на грешную землю, матушка? Вы были в таком блестящем обществе! — Пушкин показал на памятник, по окружности которого замерли в бронзе полководцы и государственные мужи.

— Ах, они мне все надоели, — отмахнулась императрица и проследовала дальше.

Пушкин подошел к Маяковскому с Гоголем:

— Нет, вы слышали? Возомнила о себе Бог знает что!

Возмущенный, он направился за утешением к супруге, тогда как Гоголь, глядя императрице вслед, заметил:

— Голубая кровь.

— Кто, она? — удивился Маяковский. — Да это Светка Попова, мы с ней в одной конторе работаем. Обыкновенная девица с окраины города. И манеры соответствующие: может и сплунуть, и по матушке послать.

— И все-таки... Дворянское происхождение, знаешь...

— Слушай, Николай Васильевич, а ты не заигрался ли, часом? Может, ты и себя великим писателем считаешь?

— Ну, писатель не писатель... К слову, Гоголь тоже был из дворян.

Маяковский с жалостью посмотрел на собеседника:

— Дворянство было сомнительное, поскольку какие ж из казаков дворяне? Смешно, Николай Васильевич.

— Может, ты и прав. Да только не тебе об этом судить.

— Намекаешь, что Маяковский был из простых?.. Тогда скажу прямо: если ты будешь продолжать в том же духе, то повторишь судьбу Гоголя. Надеюсь, тебе известно, насколько тонка грань между гениальностью и безумием.

Посчитав бессмысленным продолжать разговор, тем более что Гоголь, как-то покошачьи встряхнув головой, отвернулся с обиженным лицом, Маяковский подошел к молодым ребятам, чей вид ясно указывал на их принадлежность к веселому студенческому братству. Они уже давно отпускали шуточки, дескать, что делает революционный поэт среди эксплуататоров трудового народа.

— Желаете подискутировать?

— Странно видеть вас здесь, — ответил высокий парень в каком-то смешном котелке, из-под которого выбивались длинные волосы. — Одно дело, когда возле памятников трутся всякие Петры и Екатерины. Уже привыкли. Но при чем тут Маяковский?

— Хочу обратить ваше внимание на еще одного далеко не последнего поэта, — Маяковский показал на Александра Сергеевича Пушкина, который в этот момент под ручку с женой проходил мимо, при каждом шаге с важностью опираясь на трость.

— Ага, которого вы хотели сбросить с парохода современности, — мгновенно отреагировала девушка с необъятной фигурой любительницы фастфуда и социальных сетей.

— Ну, это давно было, — Маяковский на секунду задумался. — Если мне не изменяет память, 1912 год, манифест «Пощечина общественному вкусу».

— С тех пор вы обуржуазились? — не унималась девушка.

— С тех пор все обуржуазилось. А если бы мне понадобился адвокат в этом споре, то лучше Ленина не найти. Владимир Ильич, можно вас на минуточку?

Вождь мировой революции как раз только что вышел из кадра, где приятно проводил время в обществе двух блондинок. Быстрым шагом он приблизился к Маяковскому и, оставаясь в образе, на ходу произнес:

— Чем, Владимир Владимирович, могу вам помочь?

— Вы же начинали как адвокат. Защитите меня от наступающей молодежи.

— Товарищи! — Ильич резко выбросил руку вперед. — Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата!

— А как же... — начал парень в котелке, но Ильич его прервал:

— На этом все, товарищи! Пусть демагогией занимаются нанятые капиталом журналисты. У нас с вами другой путь!

Молодые люди, увидев, что противник не по зубам, тотчас покинули словесное ристалище. Вообще, Ленин обладал редким даром убеждать и умел своими речами так же легко овладевать вниманием масс, как и рассеивать их в беспорядке. Последнее свойство очень ценилось среди «ряженных» Екатерининского сада. Чуть что, они звали Ильича на подмогу.

Был он примечательным человеком. Когда только начинал, то отходил за дерево и там оттачивал ленинские жесты. Особенно долго работал над тем, как правильно выбрасывать руку. Разбил движение на три фазы: сначала поднимается предплечье, затем распрямляется локоть, после чего вперед идет кисть. На то, чтобы все получалось слитно, он потратил немало времени, зато добился исключительного правдоподобия. Им восхищались в равной мере Пушкин и Гоголь, Маяковский и Петр Великий.

— Как это у тебя получается? — снова восхитился Маяковский.

— Учиться, учиться и еще раз учиться!

— Ты все шутишь...

Опередив Маяковского, который собирался закурить папиросу, Ленин повторил свой доведенный до совершенства жест, только на этот раз в его руке была зажигалка в форме пистолета.

— Ловко, — оценил его трюк поэт и глубоко затаился, прежде чем продолжить. — А вот скажи, видишь ли ты разницу между собой и тем, кого здесь изображаешь?

— Если бы не видел, то лежал бы теперь в палате вместе с Наполеонами и Александром Великими.

— Ну, нам и своих великих хватает, — рассмеялся Маяковский.

— А почему ты спрашиваешь, батенька? — Ильич посмотрел с характерным прищуром.

— Беспокоюсь за хрупкую психику нашего Николая Васильевича. Понимаешь, он в последнее время когда говорит о Гоголе, то, похоже, имеет в виду самого себя.

— Вопрос столь важен, что решить его нужно незамедлительно!

С этими словами Ленин порывисто развернулся и, заложив руки за борт жилета, направился к памятнику. Он внимательно глядел по сторонам, пока не обнаружил Гоголя в глубине сада.

Из-за того, что ночью почти не спал, Николай Васильевич чуть не опоздал в контору за «гоголевским» реквизитом, чем вызвал немалое удивление у коллег. Светлейший князь Меншиков, любивший говорить выразительно, произнес очередной афоризм: «Раньше я определял время по тебе, нынче же придется заводить часы». Смущенно улыбаясь, Гоголь продолжил стягивать с ноги тесный ботинок. И теперь, поскольку одевался в костюмерной на скорую руку, вдобавок в потемках, приходилось то и дело поправлять съезжавший парик, крапчатую жилетку, перечеркнутую толстой цепью часов, поддергивать серые панталоны на широких штрипках. Любой другой на его месте, когда здесь тянет, а там свисает, и думать бы позабыл о такой безделице, как браслет. Но Гоголь был человек особенный. Если уж появлялась у него какая-нибудь мысль, то поглощала его без остатка.

— Привет, Николай Васильевич. Что тут делаешь?

— Стою. И настраиваюсь.

— Коротко и ясно. Над чем сейчас работаешь — «Шинель», «Ревизор», «Мертвые души»?

— Все уже написано. Я не повторяюсь.

— Написано, но не сожжено. Или я не прав?

Сколько Ильич ни прищуривался, сколько ни заглядывал в глаза Гоголю, тот упорно молчал. Тогда Ленин решил зайти с другой стороны:

— Как поживает твой замечательный кот?

— Спасибо, здоров.

— Здоров и умен, — поправил Владимир Ильич. — Он по-прежнему твой лучший собеседник?

Вместо ответа Гоголь стал шевелить губами, из чего сложно было вычленить слова, но одно Ленину разобрать удалось — готов.

— Что, готов?

— Настроился.

Покинув Ильича, который так и остался в неведении, правомерны ли опасения революционного поэта, Николай Васильевич захрустел башмаками по гравию дорожки.

Чета Пушкиных все так же неспешно делала круги, и к Гоголю вернулась прежняя неуверенность. Сжав браслет в кармане сюртука, он все-таки заставил себя к ним подойти.

— О, Николай Васильевич! — обрадовался Пушкин. — Наш малороссийский гений! Неужто хотите у меня опять какой-нибудь сюжет перехватить? — он рассмеялся.

— Можно вас на пару слов? — Гоголь покосился на руки Натальи Николаевны, есть ли там браслет, но рассмотреть не смог.

Александр Сергеевич служил прежде в театре. И хотя карьера не задалась, он по-прежнему считал себя мастером сцены, тогда как остальные едва дотягивали до кружка художественной самодеятельности. Разговаривая с ними, он при всяком удобном случае давал понять, какая пропасть их разделяет. Но, в сущности, был он человеком добрым и отзывчивым.

Они сели на скамейку в тени клена. Сняли цилиндры, при этом обнаружилось, что у Пушкина небольшая лысина, а бакенбарды приклеены.

— С лица юный поэт, а сзади, увы, не молод, — пошутил Александр Сергеевич. — Так что вы желали обсудить, Николай Васильевич?

— Собственно, предмет простой...

Видя, что собеседник затрудняется со словами, он решил взять инициативу в свои руки и с воодушевлением произнес:

— Я не перестаю удивляться, какой блестящий круг литераторов у нас сложился! Пушкин! Гоголь! Что ни имя, то целая эпоха!

— Есть еще Маяковский, — успел вставить Николай Васильевич.

— Да, конечно... Но это все-таки другое время... Мы-то с вами век Золотой, а он всего лишь Серебряный!

Александр Сергеевич увлекся, как бывало в театре, когда в его роли вдруг появлялись слова и целые фразы, не предусмотренные пьесой.

— Хотелось бы собраться всем вместе, поговорить о писательских делах, о творчестве, поспорить. Можно было бы и здесь, а лучше где-нибудь в кафе на веселой дружеской пирушке. Настоящий литературный салон, как в годы былые! — Пушкин помолчал, затем задумчиво произнес: — Да, годы, — и невольно потер лысину, что, видимо, заставило его вспомнить о собеседнике. — Извините, Николай Васильевич, вы хотели... Слушаю вас.

— У меня оказался браслет, — начал Гоголь, уже почти отчаявшийся изложить свое дело. — Я нашел его здесь, в саду. Вот, — он открыл ладонь. — Мне кажется, это браслет Натальи Николаевны.

От Гоголя браслет перешел к Пушкину. Тот покрутил его так и этак, даже слегка подбросил.

— Что ж, действительно, похож. Но я могу ошибиться, лучше показать ей.

— Видите ли, я ее побаиваюсь, — признался Гоголь и совсем не ожидал, что собеседник вдруг подхватит с живостью:

— Признаюсь честно, я тоже. Вот, думаю, удивился бы поэт, окажись у Гончаровой такой сложный характер. Впрочем, если вы робеете, давайте подойдем вместе.

Рядом с Натальей Николаевной стоял крикливый пожилой народ, все в одинаковых куртках оранжевого цвета, что служило, по-видимому, знаком принадлежности к одному туристическому автобусу. Кричали же они о том, что, дескать, ехали сюда ради Пушкина, а им подсовывают какую-то Гончарову.

— Александр Сергеевич, — позвала она, — люди желают видеть именно вас.

Несколько минут ушло на то, чтобы тетеньки в оранжевом запечатлели себя рядом с поэтом. Все это время Гончарова стояла, демонстративно отвернувшись.

— Помнят в России своего первого поэта, помнят. А ты жена первого поэта, — он обнял ее и поцеловал в щеку.

— Помилуй, мне нет дела до того, какая у тебя классификация.

— Наталья, — он чуть помедлил. — Мне нужно убедиться, есть ли на твоей руке браслет.

— Что за причуда, Александр?.. Ты, верно, прочитал «Маскарад»! — она громко рассмеялась своей догадке.

— Николай Васильевич, — окликнул он писателя, — давайте свою вещь.

Церемонно, будто он считал себя куратором выставки, перлом которой был браслет, Гоголь показал его с разных сторон, от чего Наталья Николаевна снова рассмеялась.

— Ребята, вы, ей-богу, смешны. Пушкин и Гоголь, которые неизвестно почему разыгрывают драму Лермонтова. У вас что, своих сюжетов не хватает?

— Для меня это вопрос чести, — тихо произнес Гоголь. — Я нашел браслет вечером возле памятника, когда тут почти никого не было. Теперь мой долг вернуть его владельцу.

— Прошу вас, — она по очереди приподняла широкие рукава, показав запястья. — Ну что, господа, убедились?.. А тебе, — она посмотрела на Пушкина, — стыдно не знать, как выглядит браслет жены.

Действительно, украшение на руке Гончаровой представляло собой разомкнутую змейку, голова которой пыталась уязвить собственный хвост, а то, что держал Гоголь, было попроще, в виде ажурно сплетенного обруча.

— Позвольте, Николай Васильевич, — она взяла браслет и посмотрела на него оценивающе. — Да это же, ребята, дешевка, уж извините за прямоту.

До Екатерининского сада Гончарова служила вместе с Пушкиным в одном театре, и, по слухам, вместе их оттуда и попросили из-за скандальной любовной истории, где, кроме них, фигурировали жена Александра Сергеевича и муж Натальи Николаевны, который в то же время был заместителем худрука театра. Сплетники на этом не успокаивались, утверждая, что сейчас они сожительствоуют, только почему-то скрывают свои отношения от посторонних.

Продолжая крутить браслет в руках, Гончарова сказала:

— Такие в сувенирных лавках продают для невзыскательных туристов. Наверное, кто-нибудь из них и обронил.

Гоголь опустил голову, от чего челка упала на глаза. Так простоял он довольно долго, когда же поднял взгляд, то был спокоен и сказал с решительностью:

— Все-таки я выясню, чей это браслет. Есть, знаете ли, вещи принципиальные.

— Я помогу нашему другу, — заявил Пушкин и устремился вдогонку за писателем.

Екатерина Первая, на самом деле и внешностью, и нравом напоминавшая веселую и беззаботную Марту Скавронскую, сказала, что ей не по душе надевать всякие безделушки, что и без них она хороша и любима Петром Алексеевичем. Разговор с другой Екатериной был больше похож на аудиенцию: литераторы вразной попытке объяснить причину своего визита, а императрица холодно выслушивала, после чего высказалась в том смысле, что подобная ерунда, возможно, интересна кухарке, но никак не государыне российской.

— Черт знает что, — ругался Пушкин. — Иногда мне кажется, что прав Маяковский. Хотя его мнение, конечно... Но ведь это так: мы уже не актеры, мы становимся теми, кого играем. Шизофрения в чистом виде!

— Теперь совсем непонятно, чей же он, — думал вслух Гоголь и почесывал затылок.

— Знаете что, Николай Васильевич, — в нетерпении сказал Пушкин, — Наталья Николаевна определила, что браслет копеечный, а она в этом толк знает. Так что вы оставьте его у себя или, если не нужен, просто избавьтесь от него.

— Избавиться, — повторил Гоголь и повернулся к собеседнику, но тот уже приподнимал в знак прощания цилиндр, и вот уже шел сквозь толпу, стремительный и легкий.

Предложение поэта показалось ему кошунством, едва он представил браслет среди окурков и битого стекла или под башмаками тысяченогой толпы. Но разве нет другого выхода?..

Глава III. БРАСЛЕТ-2

Возле садовых ворот стояла сувенирная лавка в стиле «а-ля рус». Обыкновенно Николай Васильевич обходил лавку стороной, лишь издали кивая Льву Николаевичу, продавцу. Тот был ворчлив, а временами скандален, когда возникал спор из-за цены или качества его ярких, но никудашных побрякушек. Теперь же Гоголь направился прямо к нему и выложил свой товар на прилавок.

— Отдаю просто так.

— Ты, мил человек, каждый день тут гоголем ходишь, а так и не посмотрел, чем мы торгуем, — продавец показал на целый ряд самых разнообразных браслетов и добавил: — Никак не возьму, хоть с доплатой. Эти бы кому продать. Может, купишь?..

В который уже раз Николай Васильевич начал объяснять, откуда у него украшение и почему его нужно вернуть владельцу. В конце концов он сам запутался и отошел в сторону, но так, чтобы держать в поле зрения торговую точку. В голове крутилось что-то неопределенное: девочка, браслет, пусть носит... Однако прошла их бесконечная вереница — длинноволосых и коротко стриженных, болтливых и молчуний, с родителями и без, — а Николай Васильевич так и не сдвинулся с места. То ли робость мешала, то ли не видел достойных...

От безысходности он решил воспользоваться советом Пушкина: незаметно вырвал браслет там же, где его и нашел. А затем, усевшись на край скамейки, наблюдал за происходящим.словно на сцене, перед ним разворачивалось театральное действие... Вот молодой, сияющий улыбкой парень поднял браслет, показал его своей девушке, на что она лишь брезгливо поморщилась. Спустя секунду находка летела в сторону, оказавшись совсем близко от Николая Васильевича. Через некоторое время браслет был уже в руках девчонки лет пяти, которая похвасталась перед мамой:

— Гляди, какая штука!

— Брось немедленно!

— Ну, почему?..

— Это грязь. Нельзя ничего поднимать с земли.

Пока мама вытирала пальцы платком, а после уводила за собой упирившегося ребенка, Гоголь заметил, как в саду появилась парочка бомжей: он в черной вязаной шапке, которая без всякого перехода превращалась в лохматую бороду; она с волосами, убранными в пучок, в длинной бесформенной куртке, из-под которой выглядывали резиновые боты ярко-красного цвета.

От неприятного предчувствия Гоголь слегка вжался в спинку скамейки и начал внимательно следить за перемещениями парочки. Обшаривая глазами пространство сада, особо тщательно урны, они неминуемо приближались.

— Во чего, — он медленно нагнулся. — А ты, слепота, все по верхам. Говорю ж, вниз надо смотреть.

— Закрой хайло, — она вырвала у него браслет, после осмотра которого кратко подвела итог: — Дрянь серийная.

— Много ты понимаешь, — он вернул находку себе, однако тут же засомневался: — Что, и на бутылку не потянет?

Она отрицательно покачала головой, а он уточнил, заглянув ей в глаза:

— А если пива?

Не ответив, она села на скамейку рядом с Николаем Васильевичем, а ее спутник расположился чуть дальше. Вскоре он повторил:

— Так чего насчет пива?

— Я ж говорю, дешевка.

Николай Васильевич произнес еле слышно:

— Заладили все — дешевка, дешевка... У хороших дорогого не бывает.

Оба посмотрели на него, явно не расслышав, что он сказал, но заинтересовавшись его видом.

— Ты кто будешь, шут гороховый? — спросил бомж.

— Не узнал, что ли? Это Гоголь, великий писатель, — тоном учительницы произнесла она, при этом Николай Васильевич чуть приподнял цилиндр.

— А... В школе проходили, «Мертвые души», все такое... — бомж уже с любопытством разглядывал Гоголя и вдруг оживился от внезапной мысли: — Натах, ты посмотри, какой он жалкий. Давай браслет ему отдадим!

— Зачем? У него ведь ни жены, ни детей.

— Откуда ты знаешь-то?

— Надо было учиться, а не портвейн пить.

— Кто пил-то, а? — возмущенный, он встал. — Сама, наверно, вообще...

Теперь встала и она и сказала, отделяя одно слово от другого:

— Что вообще? У меня по литературе всегда «пятерка» была.

— Тогда чего ж ты теперь?

— Потому что с таким козлом, как ты, связалась.

— Да я тебя, стерву...

Они удалялись, двое алкашей, продолжая спорить, кто из них лучше знаком с русской классикой. Позабывтый ими браслет лежал на скамейке.

К Николаю Васильевичу подошли пожилые иностранцы, мужчина и женщина. Он поспешил встать, крайне удивленный: ведь туристы с Запада, как правило, не знали, что существует русский писатель по фамилии Гоголь. Впрочем, объяснение этому нашлось сразу. Мужчина преподавал славистику в университете Сиднея, владел русским, на котором и рассказал, что для него есть не только Толстой с Достоевским, но и такой, как он выразился, маленький человечек с птичьим носом.

Австралийский профессор одарил Николая Васильевича пятидолларовой купюрой и теперь, требовательный, засыпал его вопросами. Гоголь ухитрился отвечать и одновременно следить за скамейкой, где он оставил браслет как приманку. Поначалу туда никто не садился, затем появилась девушка: темно-синее платье, русые волосы, сумочка на коленях... Рассмотреть больше этого ему не удавалось, как бы он ни выглядывал то справа, то слева, то поверх голов.

Между тем профессору понадобилась очередная консультация:

— Морская слобода, адрес писателя. Где это в Петербурге?

Как знаток города и житель тех мест, Николай Васильевич объяснял во всех подробностях, а когда закончил, девушки уже не было. Наскоро попрощавшись с иностранцем, который изловчился сунуть ему в руку еще пять долларов, он первым делом бросился к скамейке, обнаружив, что браслет лежит на прежнем месте. Наверное, не заметила, решил он и принялся искать девушку по всему саду. Почему-то была уверенность, что ему нужна именно она, что иначе и быть не может...

Вернулся Гоголь мрачнее тучи и даже хотел, не будучи курильщиком, стрельнуть у Маяковского сигарету, да тот был занят с туристами. Однако долго горевать ему не дали. С легкой руки австралийского профессора народ валом повалил к Николаю Васильевичу, так что он едва успевал фотографироваться и рассовывать деньги по карманам сюртука. Только к вечеру, когда пора было собираться, чтобы порадовать хозяина фирмы заработанным барышом, он вспомнил о браслете.

Гоголь сел на ту же скамейку, устало и с безразличием осмотрелся по сторонам. Наступил тот час, когда перед вырставшим вдали Александринским театром собиралась толпа, и росла, шумела, и как будто отовсюду притягивала к себе дорогие автомоби-

ли и яркие платья. Он перевел взгляд вверх, где на фоне ясного неба громоздились темные кроны деревьев и на западе, над крышами домов, лежала зеленой полосой заря.

Ему не хотелось домой. Здесь он был Гоголь, а дома обычный человек, без друзей и привязанностей, если не считать КОТа. В этом своем одиночестве он ложился на диван, закинув руки за голову и глядя в потолок, и не знал, что делать, о чем думать, и лишь торопил сегодняшний день, чтобы завтра снова надеть цилиндр, взять в руки трость, почувствовать, как падает на лоб знаменитая гоголевская челка...

Перед самым выходом из сада его окликнул Лев Николаевич. Он укладывал свой товар в широкие спортивные сумки: матрешки в одну, футболки в другую, магниты с браслетами в третью.

— Ты, мил человек, не спеши, — сказал он и исчез под прилавком, впрочем, довольно быстро вновь появился. — Нашлась хозяйка-то. Говорит, потеряла вчера, в саду... А я, получается, вроде стола находок.

Николай Васильевич издал нечленораздельный звук то ли радости, то ли изумления. Продавец, однако, даже ухом не повел и скучным голосом продолжил:

— Я ее на тебя, то есть на Гоголя, сориентировал. Показал даже, куда идти, — он опять юркнул под стол и теперь пробыл там долго, так что Николаю Васильевичу пришлось его позвать:

— Эй!.. А что за девушка?

— Ай-ай-ай, значит, не нашла, — он высунул на поверхность голову, повертел ею и только после этого встал во весь рост. — Красавица. Штучный товар. Но, знаешь, она тоже того, — он выразительно посмотрел на Николая Васильевича. — Сначала ты эту браслетину приносишь, а после она ее ищет, потом тебя... Сумасшедший дом какой-то!

— Синее платье, волосы русые до плеч, сумочка? — выпалил Гоголь.

— Точно-точно, — торговец хитро посмотрел на писателя.

— А еще что?

— Мил человек, я тебе говорю — кра-са-ви-ца. Лицо как на старых снимках бывает — посмотрел, и на всю жизнь. Если такая хоть дохлую крысу потеряет, все равно найдешь...

Гоголь шел в контору, засунув руки в карманы, в одном из которых лежали заработанные за день деньги, а в другом он сжимал браслет. Там ему и место, думал Николай Васильевич и еще думал, что лучше искать одно большое, чем постоянно следить за кучей предметов, которые имеют привычку расползаться по разным углам квартиры. А уж найдется или нет... Хотя у него есть свидетель, да-да, чертов продавец тех самых расползающихся. Пускай он редкостный прохвост и торгаш без стыда и совести, но он ее видел, он не даст пройти мимо...

Глава IV. И. С. ТУРГЕНЕВ

Никто не любит памятники так сильно, как птицы, а среди них вне конкуренции голуби. Летят с чердаков, прервав любовные игры, с крыш, деревьев, летят отовсюду, и едва разглядят бронзовую голову, будь то человеческая, лошадиная или какая иная, — так сразу и пикируют. Чем голова больше, чем памятник выше, тем охотнее на него садятся эти искатели отлитой в бронзу вечной славы. Хочется понять, какая сила их сюда влечет? Неужели и вправду знают толк в живописи, стихах, науках, государственной власти?

Об этом, вопреки стилистике своего рваного стиха, думал, а вернее, мысленно сочинял Владимир Владимирович Маяковский. Вдохновением для него служил памятник Екатерине Великой, чья увенчанная лавровым венком голова побелела от птичьего помета.

Он писал стихи, которые изредка публиковались в журналах, а в последнее время решил раздвинуть горизонты — взялся за эссе и небольшие рассказы. Свое творчество он подписывал В. В. П. — с явным намеком на инициалы действующего президента, но в то же время и с полным основанием: он действительно был Владимир Владимирович, а его фамилия, пусть и не совпадавшая с президентской, начиналась с той же буквы «п». Какие претензии могут быть к начинающему автору?..

День начался с того, что к нему подошел Ленин и, чем-то взволнованный, спросил:

— Ты знаешь, о чем говорил Лев Николаевич с Николаем Васильевичем?

— По-моему, они не были знакомы.

— Брось, я серьезно. Оказывается, наш продавец просто соврал, что к нему подошла девушка, потерявшая браслет.

— Зачем? — удивился Маяковский.

— Пошутил, такой у него юмор. Я ему говорю: «Ты понимаешь, что он одинокий человек, что он ни с кем, кроме своего кота, откровенно не разговаривает, что его вообще непонятно что удерживает от безумия».

— А он? — коротко спросил Маяковский.

— Смеется, сволочь. Дескать, вот и проверим, больной он или только прикидывается. Я ему чуть в морду не дал. Единственно, удержало, что к нему покупатели подошли, а я, значит, в образе Ильича...

— Да, была бы эпическая картина: Ленин, изгоняющий с площади частного собственника.

— Говорю, брось. Надо открыть ему глаза, но очень осторожно, иначе и вправду с катушек слетит.

— Открыть или не открывать — вот вопрос. И я пока не знаю ответа...

На самом деле Маяковский принялся за эссе, посвященное птицам и императрицам, лишь потому, что в процессе работы решение зачастую приходило само собой. Станным образом текст от этого не только не страдал, а, напротив, делался много лучше.

Воробьи тоже хороши, никакого почтения к царствующей особе, — продолжил было Маяковский сочинять, однако тут к нему подошла Екатерина Великая.

— Володенька, — попросила ласково, — у тебя покурить есть?

Будучи поэтом пролетарским, борцом с самодержавием, он и не подумал встать со скамейки, лишь поднял на императрицу лукавый взгляд:

— Ладно я, мне курить и положено. Но вам, матушка, не по чину будет.

— Как-нибудь сама с чинами разберусь.

Он достал пачку папирос, затем, чему-то улыбнувшись, извлек из другого кармана сигареты.

— Две-то тебе зачем? — спросила Екатерина.

— Одна — дань уважения великому поэту, другая — дань собственной пошлой привычке.

— Раздвоение личности, — она пальцами, как пинцетом, вынула сигарету из пачки.

Они курили возле ограды сада, прикрывшись от гуляющей публики кустами роз и сирени.

— Вообще-то, я редко, — говорила она, выпуская струйку дыма за ограду. — И всегда здесь, чтоб никто не видел.

— А я, наоборот, часто. Когда на сцене, — он кивнул в сторону памятника, — то исключительно папиросы. Иногда одну от другой прикуриваю, как завещал непревзойденный мастер слова.

— Ты действительно как будто на сцене?

— Забочусь о своем душевном здоровье. Пример нашего Николая Васильевича перед глазами.

— Как он, кстати? Что-то не подходит, молчит...

— Понимаешь, некогда ему. По-прежнему разыскивает девушку, которая потеряла браслет, который он нашел и который, как ему кажется, она ищет... В общем, там все сложно.

— Так это ее браслет?

— Не бери в голову. Говорю же, все сложно. Перед Николаем Васильевичем явно невыполнимая задача, решать которую он готов до конца дней своих. И слава богу!

— Что ж здесь хорошего?

— Это, — он вдумчиво на нее посмотрел, — еще сложнее будет объяснить.

Екатерина, казалось, хотела по царской привычке вспылить, мол, как смеешь так со мной разговаривать, однако что-то ее отвлекло. Прищурился глаза, она долго всматривалась вдаль, прежде чем проговорила:

— А вот, кажется, и он.

— О, наш малороссийский гений, как любит выражаться Александр Сергеевич, — Маяковский развернулся и с улыбкой наблюдал за тем, как, склонив голову набок, роюсь в карманах, к ним приближается Гоголь.

— Потерял что-то, Николай Васильевич? — спросил поэт.

— Уже нашел. Просто сунул не туда.

— А что нашли? — уточнила Екатерина Великая.

— Вам это знать не надо, — пробурчал он и, повернувшись к ней вполборота, обратился к Маяковскому: — Там что-то начинается.

Не убрав улыбку с лица, поэт смерил Николая Васильевича взглядом, удивленным и вместе наполненным детской радостью, на что писатель зверьком глянул из-под челки.

— Чем объяснять, лучше будет, если вы сами посмотрите, — резким движением руки он отбросил челку со лба и принял вид рассерженного ребенка.

Они потянулись вслед за Гоголем: поэт — в предчувствии забавного продолжения; императрица — с тревогой глядя в спину этому насупленному безумцу.

«Великие» сбились в группу посреди сада, о чем-то жарко споря. Лишь Пушкин стоял в сторонке. Он-то первым и поприветствовал подошедших и особо обратился к Екатерине:

— Без вас принять решение никак не могут. Ведь вы тут... — он головой и глазами указал на самодержавную фигуру, царившую над садом.

Маяковский в нетерпении произнес:

— Давайте по существу, а то несете какую-то пургу.

— Вам лишь бы сплеча рубить да рифмами разбрасываться. Кстати, рифма неудачная.

Махнув рукой на первого поэта России, он поспешил дальше. Навстречу ему, отделившись от группы, зашагал в кожаных ботфортах, в распахнутом зеленом камзоле, при шпаге и засунутой за пояс подзорной трубе — Петр Великий.

По причине ли своего первородства, или в силу того, что основал этот город с его сочинителями и высоколобыми вождями, вечно спешащим народом и неторопливыми туристами в шортах, или просто потому, что был высок ростом и силен, император вызывал уважение среди коллег по «ряженому цеху». И хотя он не блистал умом и был не шибко образован, зато знал толк в делах практических и зачастую благодаря одному лишь голосу, поистине «петровскому», решал споры в свою пользу.

— У нас форс-мажор, — сказал он так бодро, точно знал какое-то другое значение этого вошедшего в моду словечка.

— Господи, что произошло? — испугалась Екатерина Вторая.

— Ваше величество, неужто бунт? — не удержался от иронии Пушкин.

— Вот именно что бунт, — согласился император и замолчал, посчитав, вероятно, что сказанного достаточно. Некоторую ясность внесла подошедшая супруга Петра Алексеевича.

— Объявился тут один самозванец. Вон ходит, — она показала рукой в том направлении, куда смотрел и Петр. Теперь и непосвященные увидели, да и трудно было не увидеть среди толпы человека, облаченного в темно-синий фрак с блестящими пуговицами, жилетку в яркую полоску и клетчатые брюки, с повязанным вокруг шеи разноцветным галстуком.

— Это кто ж такой будет? — поинтересовался Маяковский.

— Как, вы не узнаете собрата по перу? — Наталья Николаевна Гончарова преувеличенно изумилась. — Иван Сергеевич Тургенев. Разве вы не читали?

— У меня были другие литературные предпочтения, — начал Маяковский, но Екатерина Великая его перебила:

— Тоже мне, вырядился. Весь седой, бородатый, а туда же...

— Это куда же, матушка? — Ленин вздернул вверх свою бородку и нацелил ее на императрицу. Ее ответ прозвучал хрестоматийно:

— Да все вы, мужики, одинаковые!

— Екатерина Алексеевна, я вас, наверное, удивлю, — жена Пушкина тонко улыбнулась, — но Тургенев был редкостным франтом, особенно в молодости. Да и в зрелые годы своему стилю не изменял.

— Значит, козел.

Взмахом руки Петр Первый прекратил препирательство между женщинами и, нахмутив брови, обратился к Ленину:

— Доложи, как все было. И главное, эти... Выводы... Ну, ты знаешь.

— Попрошу внимания, — вождь обвел взглядом собравшихся, и было заметно, что выступать ему удобнее всего в ленинской манере. — Я лично не разговаривал с товарищем Тургеневым. Но я видел, как он появился в саду, видел, что он представляет для нас серьезную опасность. Можем ли мы верить человеку, которого совсем не знаем, который возник неизвестно откуда и с какой целью? Мой ответ, товарищи: нет, не можем!

Закончивший выступление Ильич с большевистской скромностью отступил назад. Тут же были выбраны парламентареры, чтобы идти к самозванцу: Петр Первый, Ленин, Пушкин и Наталья Николаевна Гончарова.

— Зачем жену-то с собой потащил? — прошипела Екатерина Великая вслед делегации.

— Она ему не жена, — напомнил Маяковский.

— Ты просто не в курсе... А вот Петр Алексеевич свою не стал брать.

— Я в государевы дела не лезу, — умно ответила Екатерина Первая.

— А тебя почему не взяли? — не унималась Великая и дергала Маяковского за рукав. — Ты же такой умный, столько всего знаешь, не то что эта Гончарова.

— А ведь и правда, — поддержала Екатерина Первая.

Поэту хотелось возразить, что Наталья Николаевна хорошо образованна и уж во всяком случае может женским взглядом увидеть то, чего мужики не заметят. Однако он счел разумным не вступать в спор сразу с двумя императрицами. Молчал и Николай Васильевич Гоголь, и вид имел такой, будто происходящее его интересует мало.

Довольно быстро парламентареры вернулись. Впереди торил путь через толпу Петр, за ним гуськом с какими-то обескураженными лицами шли остальные. Замыкал шествие Пушкин и что-то бормотал себе под нос. Его бы и спросить, подумалось Маяковскому: отчего так, Александр Сергеевич? Но первое слово принадлежало императору. Как всегда лаконично, он сообщил, что Тургенев не работает от фирмы, а так, сам по себе и что, похоже, с головой у него не лады, заговаривается и все повторяет «соблаговолите» да «соблаговолите».

— Темная личность, — заключил император.

— Позвольте мне, как актеру, — наконец-то дошла очередь до Пушкина. — Настолько вжиться в образ писателя, как вжился этот старик, невозможно. Тут либо психическая болезнь, когда больной искренне считает себя Тургеневым, либо...

— Он и есть Тургенев, — отчего-то с радостью закончил Гоголь, который все это время внимательно слушал поэта и изредка поглядывал туда, где по-прежнему то скрывалась из виду, то вновь появлялась фигура старика во фраке.

— Ты, батенька, с ума сошел! — Владимир Ильич в негодовании сорвал с головы кепку и по привычке сжал ее в кулаке. — Я знаю, как следует обращаться с такими проходимцами! Я ему покажу Тургенева, он у меня быстро забудет и «Первую любовь», и «Дворянское гнездо». Только «му-му» будет говорить.

— Ну, мин херц, ты это чересчур. Старик все-таки...

— Сейчас сразу помолодеет, — крикнул Ленин на ходу.

Незаметно отделившись от «ряженных», Маяковский двинулся следом за Ильичом. Когда он подошел ближе, Ленин бешено вращал глазами и разговаривал так, словно был героем бандитско-ментовского сериала:

— Вали отсюда, пока я добрый. И чем скорее, тем лучше. Иначе заказывай себе местечко на кладбище прямо сейчас, потом времени не будет.

Тургенев молча смотрел на говорящего, по-видимому, не понимая, кто перед ним, хотя облик Ильича идеально совпадал с прототипом. Наконец произнес высоким голосом, который совсем не вязался с его крепкой фигурой:

— Не имею чести вас знать. Соблаговолите назвать свое имя.

Неожиданно Ленин представился так, как представлялся до тех пор, пока партийная кличка окончательно не вытеснила фамилию:

— Владимир Ильич Ульянов.

— Нет, не припомню... А я, впрочем, думаю, вы догадались, Иван Сергеевич Тургенев. В молодые годы, знаете ли, смущался говорить, что я писатель, особенно робел в свете. А сейчас чего ж смущаться, когда все и без того знают.

От этого тона, от этой манеры выразиться Ленин выглядел несколько растерянным. Как последовательный марксист он не мог смириться с тем, что кто-то пытается выдать себя за умершего почти полтора века назад писателя. С другой стороны, уж больно его собеседник походил на умершего...

Когда Ильич заговорил, стало ясно, что в борьбе идеалиста с материалистом победу одержал последний:

— У нас конкуренция. Закон спроса и предложения. Звериный оскал капитализма. Человек человеку волк.

Очевидно, он готов был и дальше сыпать сентенциями, если бы перед ним не возник поэт Маяковский, на голову его выше, в грозно сдвинутой на лоб кепке.

— Извините, Иван Сергеевич... Я товарищ Владимира Ильича... Хочу задать на первый взгляд неожиданный, но, мне кажется, закономерный... Словом, вы артист?

— Упаси Боже! Мои опыты как драматурга, к тому же не вполне удачные, это единственное, чем я связан с миром театра. Очень важно вовремя понять, каким именно даром тебя наделил Господь.

— В таком случае... — Маяковский не знал, чем закончить. Он нервно мял в руках пачку папирос и даже не заметил, как закурил. Несколько затяжек привели мысли в порядок.

— Здесь нельзя просто так, без лицензии. Надо зарегистрироваться как юридическое лицо. Могу дать вам адрес и телефон фирмы, где я работаю. Если вы не против, готов похлопотать за вас.

— Что вы, какие хлопоты!.. Только я никак не возьму в толк, о какой работе вы говорите. Моя единственная работа — писательский труд, другого не знаю. Если, ко-

нечно, не считать, — он грустно улыбнулся в усы, — службы коллежским секретарем, правда, непродолжительной.

О психушке, где, по всей видимости, и было место старику, Маяковскому думать не хотелось. Однако его слова и поведение не оставляли сомнений в единственном и неутешительном диагнозе.

— Ой, — совсем по-женски вдруг вскрикнул Тургенев. Это Ленин ткнул его в бок пистолетом-зажигалкой, а затем тихо, но со злостью начал говорить:

— Нажму на курок, и сразу останешься без пенсии. Понял?.. Сейчас быстро-быстро и незаметно исчезаешь. И чтобы я никогда тебя больше не видел!

К удивлению Маяковского, Иван Сергеевич даже не попытался возразить. Он медленно шел, шаркая по гравию садовой дорожки башмаками, из-под которых поднимались облачка пыли.

— Видишь, метод действует, — сказал вождь.

— А ты кем в девяностые был? — спросил поэт.

— Кто старое помянет...

Посчитав дело сделанным, Ильич ушел, тогда как поэт продолжал наблюдать за писателем. И вдруг увидел, что откуда-то сбоку к Ивану Сергеевичу стал приближаться Гоголь. Когда Тургенев выбрался на Невский, Николай Васильевич был еще перед садовыми воротами. Встретились ли два колосса русской литературы, осталось за пределами взгляда. Равнодушная к тому, велик человек или ничтожен, знаменит или безвестен, текла по тротуарам шумная, бесконечная, многоязыкая толпа.

Глава V. ВВП

Словно что-то предчувствуя, с утра над Екатерининским садом вились голуби и вороны. Исчезали на время, но лишь затем, чтобы осypаться с ветки дерева или с навешенной ограды и снова кружить без устали. Тревожным было и небо: то синим, то бирюзовым, то выцветавшим до белизны; то вдруг налетали тяжелые тучи и раскалывались пополам, уносясь за крыши домов.

Ближе к вечеру атмосфера в саду сгустилась. И было непонятно, отчего так душно, почему замер воздух и установилась странная в центре города тишина. Однако же казалось: еще чуть-чуть, и проявит себя причина — дождем ли, ураганом или привычным за столетия подъемом невской воды выше ординарной отметки...

Ничего страшного не случилось, а только появились повсюду охранники: высокие, широкоплечие, в одинаковых темных костюмах с галстуками. Они заполнили сад, близлежащие улицы, площадь перед Александринским театром. Кто-то осведомленный сказал, что ждут президента — понятно какого! — и что он вместе с президентами дружественных стран пойдет на спектакль. Молва разнеслась быстро, и уже перешептывались старушки на скамейках, и дети дергали родителей, тот ли это дядя, что выступает по телевизору, а возле садовых ворот громогласный казак в синем кафтане и фуражке с красным околышем уверял, будто верховный главнокомандующий произнесет речь перед памятником матушке Екатерине.

Глядя на происходящее, Александр Сергеевич Пушкин, даром что артист, однако большой любитель «вестей и новостей», высказался со знанием дела:

— В последнее время президент сделался заядлым театралом. То в Большой гостей ведет, то в Мариинский, а теперь вот решил почтить своим присутствием Александринку.

Супруга его не без ехидства заметила:

— Тебе об этом в программе «Время» рассказали? А может, в каком-нибудь политическом ток-шоу?

— Ты зря иронизируешь, дорогая. Например, Пушкин прекрасно разбирался в политике. По некоторым источникам, он даже выполнял задания внешней разведки и самого государя.

Охранники вели себя спокойно. Никого в сад не пускали, но тех, кто там был, не трогали, лишь поглядывали искоса. Перемена в них случилась, едва президентский кортеж повернул с Невского: закрутили головами во все стороны, глазами забегали и успокоились только тогда, когда кавалькада автомобилей остановилась возле театрального подъезда.

С места, откуда смотрел Александр Сергеевич, было в точности не разобрать, что там происходит. Но он обратил внимание, что фельдмаршалы, как он их про себя называл, не торопятся на спектакль, а, напротив, сгрудились посреди площади и вроде бы что-то обсуждают. Когда они направились к садовым воротам, которые мгновенно перед ними распахнулись, Пушкин тут же догадался:

— Начинается любимая забава президента.

— Какая? — поинтересовался то ли Гоголь, то ли Ленин.

— Поход в народ.

— Рифма не только плохая, но и пошлая, — это уже Маяковский отомстил.

— Да заткнетесь вы, господа? — прогудел Петр Первый, который с высоты своего роста уже разглядел президента. Тот шел вдоль аллеи, улыбался, приветствовал собравшихся взмахом руки. Изредка он останавливался и накоротке беседовал со счастливыми, после чего под аплодисменты двигался дальше. У памятника Екатерине Великой он задержался, и какой-то тип с галантерейными манерами, по виду типичный прохвост, начал излагать ему историю замысла, строительства и бытования монумента.

— Вроде экскурсовод из турфирмы «Аист», — поделилась своими наблюдениями Екатерина Первая.

— А мне кажется, тот, который корейцев водит, — возразила Вторая.

— Нет, похож просто. У того и рост выше, и нос не такой длинный, — настаивала Первая.

Конец спору положила Наталья Николаевна Гончарова:

— Девочки, вы прямо как гоголевские персонажи! Сами подумайте, зачем ему местные экскурсоводы, когда у него на такой случай наверняка есть специально обученные люди.

Будучи уроженцем города, можно сказать, краеведом в душе, президент пропускал общеизвестные факты мимо ушей, больше следя за тем, слушают ли специально обученного главы стран СНГ. В конечном счете ему и это надоело или просто захотелось опять пойти в народ. Его взгляд приманила пестрая группа «ряженных», которые стояли неподалеку.

— Прямо глаза разбегаются, — сказал он с улыбкой. — Петр Великий, Екатерина Великая... Даже как-то боязно с великими рядом.

Тут же слева и справа возникли две телекамеры, одна на штативе, другая на плече у оператора, и обыкновенная сценка стала превращаться в сюжет для выпуска новостей.

— Мы всего лишь артисты, — театральным голосом произнес Александр Сергеевич. — И для нас, поверьте, большая честь разговаривать с президентом страны.

— Это еще стоит поспорить, для кого честь, — президент, похоже, был в хорошем настроении. — Идешь себе по улице, и вдруг — Пушкин, Гоголь, Маяковский... А кто у вас за старшего? Наверно, Владимир Ильич Ленин?

Поскольку упомянул его имя, Ильич чуть выступил вперед и, по-видимому, решил устроить небольшой спектакль, заговорив быстрым картавым голосом:

— У нас старших нет. Придерживаемся принципов демократического централизма. Все решается на коллегиальной основе, учитывая мнение меньшинства, но строго следуя воле большинства членов партии.

— Какой же это партии?

— Большевистской, — выкрикнул вошедший в раж Ленин.

Президент искренне рассмеялся. Было впечатление, что номер Ильича пришелся ему по душе.

— Вы и Геннадия Андреевичу Зюганову фору дадите, — президент получал видимое удовольствие от беседы. — Только наших великих писателей и государей в члены партии не записывайте. У них совсем другая роль в российской истории.

В этот момент к президенту из глубины сада стал приближаться Иван Сергеевич Тургенев, или вздорный старик, решивший, что он Иван Сергеевич Тургенев. Кто пустил? Как? Почему?.. Вероятно, охрана посчитала, что, раз президент так долго общается со всякими Пушкиными и Лениными, то он будет недоволен, если задержат еще одного «ряженого». А может, безумие имеет свойство преодолевать любые преграды?..

Показав, что навыки разведчика никуда не исчезают, президент резко повернулся к подходившему и, мгновенно оценив, кто перед ним, жестом остановил охранника, который все-таки попытался помешать старику.

— Нашего полку прибыло. Как прикажете к вам обращаться? — на лице президента появилось то приятно-хитрое выражение, которое так нравилось его избирателям.

Иван Сергеевич отрекомендовался подобающим случаю образом, даже, даром что не офицер, ботинками прищелкнул. И так же прищелкнул ботфортами Петр Первый, перед тем как произнести:

— Извините, он у нас малость того, не вполне нормальный.

Президент сказал, как отрезал:

— Такой вердикт могут выносить только компетентные органы, — после чего продолжил как ни в чем не бывало: — Поскольку у вас организация полувоенная, даже форма имеется, то порядок обязательно нужен. Кто здесь старший по возрасту? — его взгляд задержался на Тургеневе. — Вот пусть Иван Сергеевич и принимает командование.

Напоследок, перебросившись несколькими фразами с кем-то из среднеазиатских президентов, он вновь повернулся к «великим»:

— Я в городе часто бываю, так что как-нибудь загляну сюда, проверю, как мое распоряжение выполняется.

Как всегда, после таких слов было неясно, то ли в шутку сказал, то ли всерьез, то ли забудет сразу, то ли на самом деле снова явится в Екатерининский сад. И тогда спросит, спросит по всей строгости...

Стали искать Тургенева, благо после ухода высоких гостей народа в саду заметно поубавилось. Нашли слегка надорванную сторублевку, полупустую пачку сигарет и, что поразило всех, фотографию президента в морской форме. Великого русского писателя нигде не было.

Глава VI. РНБ

По телевизору выступал президент. Говорил о том, какой должна быть комфортная среда обитания в наших городах и как этого добиться. В частности, затронул тему развития туристической привлекательности и улучшения инфраструктуры. Привел в пример Петербург.

Александр Сергеевич, который на уединенной скамейке, что ближе к Александринскому театру, смотрел выступление на своем новехоньком айфоне, все ждал, когда покажут сюжет о посещении президентом Екатерининского сада. Не дождался. Тогда он вернулся к тому, о чем думал до телевизионных новостей. Мысли его были о Наталье Николаевне. Сделать ли ей предложение или пока не спешить? А если все-таки сделать, то когда лучше и в какой форме? Можно без всяких ухищрений, можно разыграть спектакль.

такль, можно с небрежностью, можно с иронией, можно с надрывом чувств... От этих «можно» голова пошла кругом, и возникло желание снова уткнуться в экран айфона.

В это время Петр Великий делал вокруг памятника уже двадцать первый круг, которые подсчитывала шедшая с ним под руку Екатерина Первая. Она расспрашивала, как так вышло, что, по существу, молодой человек успел трижды жениться и трижды развестись. После его уклончивых ответов она начинала сызнова с той лишь разницей, что теперь делала упор на его бывших женах, которые, вероятно, имели все без исключения скверный характер, раз не смогли ужиться с таким видным, полным сил, добрым и заботливым мужчиной. Тут ему оставалось только согласиться и, чтобы направить в другую сторону разговор, грозивший обернуться четвертым скоропалительным браком, попросить императрицу вести учет не только кругам, но и времени, которое они на каждый круг затрачивают.

Ленин, уже позабывший о своих угрозах в адрес Льва Николаевича, общался с ним весьма дружелюбно. Он убеждал продавца, что ассортимент товаров необходимо расширять и что как раз на этот случай у него имеется знакомый, который готов в большом количестве поставлять футболки с надписью В. В. П. и изображением президента. Возражения Льва Николаевича сводились к следующему: все, кто хотел, подобные футболки уже приобрел, а петербургской классикой, независимо от того, из какой страны приехали туристы, всегда была, есть и будет продукция с символикой города. Сошлись они на том, что небольшую партию Лев Николаевич все-таки возьмет и посмотрит, насколько успешно пойдет дело.

На другом конце сада Маяковский никак не мог отделаться от Екатерины Великой, которая уже битый час пыталась ему внушить, какой вред здоровью приносит курение. В ход шли доводы самой разной степени убедительности: лишние траты, одышка, рак легких, а главное, личный опыт Екатерины. Оказывается, она бросила курить, как только стала принимать некие чудодейственные таблетки, которые ей посоветовала подруга и которые, если Маяковский согласится, избавят его от пагубной привычки. Долгое время он старался доказать ей очевидное: папиросы — неотъемлемая часть его образа, пока, доведенный до бешенства ее очередной фразой, не пустил струю табачного дыма ей в лицо. Выругавшись сквозь зубы, Екатерина Великая удалилась. А Маяковский направился в противоположную сторону, но, не дойдя до ближайшего фонаря, застыл от изумления: прямо на него, смешно выбрасывая ноги и вертя руками, мчался Гоголь.

Спустя несколько минут все обитатели Екатерининского сада уже знали, что Николай Васильевич только что на Невском видел Тургенева. Тот стоял перед садовыми воротами, где тротуар уже многие годы был захвачен уличными художниками, и любовался карандашными портретами и зарисовками города.

После явления президента народу Иван Сергеевич пропал без вести. Уже думали, след его простыл, уже выдохнули облегченно, уже начали забывать...

Он прошествовал от садовых ворот до ограды памятника и замер с вытянутыми по швам руками и поднятой головой, будто хотел отдать дань памяти просвещеннейшей из императриц и ее сподвижникам в государственных делах.

— Переговорщиков он ждет, — заявил Петр Первый.

Никто спорить не стал, лишь Наталья Николаевна заметила:

— Пришел капитуляцию принимать.

Наконец, посоветовавшись, подошли к Ивану Сергеевичу. Только на этот раз Ильича с Маяковским к писателю не допустили, чтобы не напоминать об оскорбительном для него разговоре, а отправили девушек — Гончарову и двух Екатерин. Те, выполняя возложенную на них миссию, слушали писателя, раскрыв рты, льстили без всякой меры, говорили комплименты и в конце концов очаровали его до такой степени, что он расцеловал всех троих.

После этого общение с мужской частью «ряженных» было делом формальным. Однако у каждого в голове крепко засело, что теперь писатель был в их кругу старшим, как о том заявил президент, не оставляя возможности для иного толкования.

Иван Сергеевич Тургенев расположился по центру скамейки, тогда как все остальные стояли полукругом и заодно отгоняли туристов, желавших занять соседние места. Писателю предложили сигарету, затем поднесли зажигалку, и вскоре он почувствовал себя настолько свободно, что, окутав пространство пеленой дыма, предложил:

— Господа, а не отправиться ли нам всем ко мне?

— А это далеко?

— Что вы, рядом!

Перейдя улицу, они оказались перед Российской национальной библиотекой, чье здание находилось в двух шагах от сада. Иван Сергеевич остановился возле входной двери и значительным голосом произнес:

— Поразительная симфония человеческой мудрости, исполненная гениальными безумцами в соавторстве с Иоганном Гутенбергом.

— Так нам сюда?

— Именно, — Тургенев аж зажмурился от удовольствия.

— В библиотеку... Да она уже и закрыта.

— Это самое интересное время, — он нажал на кнопку связи, и изнутри откликнулось мелким колокольчиком. Появившийся охранник с пшеничного цвета усами выслушал Тургенева, после чего оба исчезли за дверью. Однако не прошло и минуты, как Иван Сергеевич выглянул из окна прямо над входом:

— Господа, прошу!

Когда они проходили мимо стойки, за которой сидел охранник, тот с удивлением спросил:

— Что, все?

— Все, — Тургенев опять чему-то обрадовался.

По широкой мраморной лестнице они поднялись на последний этаж, где повернули направо и прошли почти до конца длинного коридора. Иван Сергеевич отворил своим ключом деревянную под потолок дверь и жестом пригласил заходить.

Обстановку огромной комнаты составляли массивные книжные шкафы, расставленные вдоль стен, широчайший дубовый стол перед окном и кожаный диванчик, который был втиснут между шкафами.

— Иногда приходится ночевать, — пояснил Тургенев.

— Мин герц, не попрут ли нас отсюда?.. Понимаю, ты здесь охранником, и как бы все схвачено, но вдруг начальство зайвится...

Иван Сергеевич рассмеялся мелким счастливым смехом:

— Я и есть начальство. Руководжу отделом в РНБ, а это, — он раскинул руки в стороны, — мой кабинет.

— Ни хрена себе, — не сдержался Владимир Ильич, а Наталья Николаевна медленно произнесла:

— Не понимаю, зачем при такой должности устраивать спектакли с переодеванием.

— А вам зачем? — глядя на нее в упор, поинтересовался Маяковский.

— У меня, как и у вас, другого выхода нет. Что мы еще умеем, кроме как расхаживать в чужих платьях да выманивать деньги у туристов?

— Для меня вопрос так не стоит, — подал голос незаметный до сих пор Николай Васильевич.

— Тогда как же?

— А так, что иначе, чем Гоголем, себя не представляю.

— Гоголь! — расхохотался Владимир Ильич. — Родился в 1809 году, живешь более двухсот лет, а выглядишь, будто худшее, что может с тобой случиться, это бессмертие.

— Да, он бессмертен, — выкрикнул Николай Васильевич и вдруг сделался неудержим в словах: — Бессмертен и я. Настолько, насколько могу им быть. Я безмерно ценю те редкие часы, когда надеваю парик, цилиндр, когда иду сюда, когда мы с ним становимся единым целым. Без этого моя жизнь пуста, а я сам ничтожен.

— Мин херц, ну зачем ты так?

— Могли бы в таком случае за работу денег не брать, — вставила язвительное слово Екатерина Великая.

— Мог бы... Да только, если бессмертен, все равно на что-то нужно жить. Скажите, как бы писали свои книги Федор Михайлович или Александр Сергеевич, не будь у них в кармане хотя бы...

Екатерина Первая не дала закончить, заговорив с нарочитой лаской в голосе:

— А вот мы у Александра Сергеевича сейчас и узнаем, что бы он ответил собрату по перу.

— С вашего позволения я бы процитировал Бориса Пастернака, — Пушкин, отличный декламатор, каковым его знали на всех сценах Фрунзенского и Невского районов, взял в левую руку трость и, словно дирижерской палочкой, начал отмеривать ею ритм стиха:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

— Bravo! — истошно, от чего многие вздрогнули, закричала Екатерина Первая, и ей самой сделалось неловко, так что она отступила за широкую спину императора.

— Вообще, Пастернак тут ни при чем, речь о пропитании художника, — проворчал Гоголь.

— Оставьте споры, — патетически воскликнул Иван Сергеевич Тургенев. И хотя на нем по-прежнему были одежды давно минувшей эпохи, весь он преобразился и казался едва ли не восторженным юношей. Подвижный, с отставленной в сторону рукой, помахивая ею при каждом шаге, он пересек комнату и остановился недалеко от окна.

— Посмотрите, какой вид!

Все обступили его, глядя на простиравшуюся внизу площадь Островского с ее деревьями, колыханием сотен людей, Александринским театром и памятником императрице.

— Изо дня в день я наблюдал отсюда. Нет, не за теми, кто спешит на спектакль, не за гуляющими по Невскому, не за покупателями сувениров. Мне были интересны только вы. Я думал, что артисты, выходя на сцену в исторической пьесе, все-таки играют роль, слово в слово повторяя текст драматурга. И это мне не нравилось. Зато очень хотелось быть одним из вас, когда речь произвольна, а публика меняется каждую минуту. Сидя за своими книгами, старея вместе с ними, я уже позабыл, что значит ощущение свободного полета.

— Где вы взяли такой хороший костюм? — деловито поинтересовалась Наталья Николаевна.

— И знания о писателе? — добавила Екатерина Великая.

— Мой давний приятель работает с реквизитом в театре. А знания...

Он устремился от окна к одному из шкафов, распахнул разом обе верхние створки, затем обе нижние. Открывшиеся ряды книг, с чьих корешков благородно и тускло поблескивало золото названий, были как будто откалиброваны по толщине и формату. Он указал на правый верхний угол:

— Прижизненное издание Ивана Сергеевича Тургенева.

— Тут и Пушкин есть, — с удовлетворением отметил Александр Сергеевич.

— И Гоголь, — не смог удержаться Николай Васильевич.

— Что-то не видно Маяковского, — не без легкой обиды произнес поэт.

Иван Сергеевич бросил на него короткий взгляд и со словами «Сейчас, минуточку» направился к соседнему шкафу. Там он снял с полки тонкую брошюру и с гордостью показал Маяковскому.

— Казалось бы, книжица копеечная. Однако же это поэма «Облако в штанах», 1916 год, издательство «Парус», тираж всего две тысячи экземпляров.

Пока Маяковский, в почтении склонив голову, аккуратно листал страницы, хозяин кабинета открыл еще один шкаф и радостно сообщил:

— Возьму на себя смелость утверждать, что здесь почти все изданное о Тургеневе. Есть и мой скромный труд, посвященный «тургеньевским девушкам».

— По-моему, тема избитая, — Наталья Николаевна, пробежавшись глазами по книгам, нашла искомую с названием «Женские типы в произведениях И. С. Тургенева».

— Вы совершенно правы. Но я рассматриваю данную проблематику под иным углом зрения, чем рассматривалось прежде. То есть не девушка сама по себе, а то, как ее образ отражается в мужчинах. Причем это не обязательно героини его произведений, это и наши современники. Для меня важно, почему мы до сих пор без лишних слов понимаем, о ком речь, когда слышим «тургеньевская девушка», и что в биографии писателя позволило ему угадать, чем случайное в женщине отличается от типического.

— Гениальность, — резко сказал Маяковский, оторвавшись от книги.

— Что гениальность?

— Гениальность позволила, а не биография.

— Дискуссионный вопрос...

В литературную полемику вступила Екатерина Великая:

— Как по мне, так никаких «тургеньевских девушек» сегодня нет. Были, да сплыли. Зачем современному мужчине умная, гордая, готовая там ко всяким жертвам?

— Какая же, по-твоему, ему нужна? — спросил Маяковский.

— Красивая.

— И только?

— Ну, знающая себе цену.

— Как понимаю, в прямом смысле знающая, то есть за сколько продаваться.

Екатерина фыркнула, на что Маяковский рассмеялся и продолжил:

— От такой, какую ты сейчас нарисовала, мне хочется держаться подальше. И Пушкину хочется, и Ленину, и императору тоже. А взгляните на нашего Николая Васильевича — разве у него другое желание?

Екатерина и Тургенев невольно посмотрели на Гоголя. Тот, сняв цилиндр и положив его на подоконник, рассматривал гравюры и фотографии, висевшие в простенке между окном и книжным шкафом. Он то задирает голову вверх, то нагибался, то отходил чуть назад, пока не замер, обеими руками обхватив подбородок.

На вопрос, заданный Екатериной с усмешкой, а Иваном Сергеевичем с некоторой озабоченностью, Маяковский ответил мгновенно, точно держал фразу наготове:

— Ищет светлый образ.

— Не говори загадками.

— Какие уж тут загадки! Просто продолжение разговора о «тургеньевских девушках». Ему нужна одна из них, а какая именно, он сам толком не знает. Вот пока и занимается поисками.

— Может, ему чем-нибудь помочь?

— Дорогой Иван Сергеевич, в таких делах любая помощь только во вред. Тем более...

Он не закончил, потому что в этот момент они увидели, как Гоголь, шагнув вперед, начал с шумом что-то снимать со стены. У него не получалось, что только добавляло ему упорства, грозившего превратиться в погром в здании РНБ.

— Помилуйте, что вы делаете! — вскричал Тургенев.

— Николай Васильевич, остановись. Что за бес в тебя вселился? — Маяковский тронул его за плечо, ожидая какой угодно реакции, но только не того радостного лица, с каким Гоголь повернулся к нему, держа в руках наконец-то снятую со стены картину.

— Нашел, — просиял он, подняв находку над головой. Это была не картина, а помещенная в раму под стекло черно-белая фотография, желтоватый оттенок которой определенно указывал на ее старинное происхождение. Изображенная на снимке девушка лет двадцати пяти смотрела перед собой простым и ясным взором; волосы были аккуратно убраны на затылок, открывая высокий лоб; слегка выдавался вперед подбородок с ямочкой посередине, что говорило о характере прямом и самостоятельном.

— Ну, что вы нашли? — Иван Сергеевич выглядел недовольным.

— Ее, — Гоголь не выпускал из рук фотоснимок.

— Это Надежда Ларичева, моя прабабка по отцовской линии. Здесь она выпускница Бестужевских курсов.

— Иван Сергеевич, дайте мне ее на время.

— Зачем? — устало спросил Тургенев.

— Есть человек, который точно скажет, она это или нет.

— Она умерла в двадцатые годы на Урале от тифа.

Маяковский негромко обратился к Ивану Сергеевичу:

— Отдайте ему, иначе он от вас не отстанет.

— Понимаете, это семейная реликвия, из поколения в поколение...

— Он честнейший человек из всех, кого я знаю.

Их диалог прервал Николай Васильевич, повернувшись к Тургеневу и прошепав ему на ухо разочарованным голосом:

— Вы совсем не то, что я подумал о вас поначалу.

— Что вы имеете в виду? — от неожиданности голова писателя непроизвольно дернулась кверху.

— Нет, не то, не то...

Несмотря на этот странный разговор, Гоголь все-таки заполучил бестужевку и сразу начал суетиться у окна, высматривая за листвой, открыта ли еще сувенирная лавка. Махнув рукой, дескать, проще убедиться на месте, он торопливо протер ветошью рамку с фотографией и поспешил к выходу.

Глава VII. СПб.

В одной на всех примерке, она же была и костюмерной, вытянувшейся от двери в узенький коридор до грязного окна во двор-колодец, всегда было мрачно и сыро. Солнце сюда не добиралось, а лампы дневного света горели тускло, вдобавок, подобно провинциальным сплетницам, с шипением перемигивались, так что в любое время суток казалось, будто глубокий вечер.

Гоголь приходил раньше всех, чтобы не толкаться у шкафов с реквизитом, возле засиженных мухами зеркал и не слышать, как обмениваются ничтожными новостями герои городских площадей. Он старательно облачался в рабочий костюм под всегдашние жалобы входной двери на гулявший здесь сквозной ветер. Хуже всего было, что гардероб стоял в самом темном углу, и зачастую приходилось прыгать в одной штанине, не попадая в другую, или искать рукав рубашки, который так и норовил спрятаться куда-нибудь за спину.

Потом он гримировался, выбирая место, над которым не мигала лампа, и все-таки временами прикрывал глаза от слепящих отблесков, слетавшихся на зеркало со всей

комнаты. Если костюм, который он иногда брал домой, чтобы почистить или подшить что-нибудь, ему, в общем-то, нравился, то выражение собственного лица его никак не устраивало. Хотелось, чтобы было, как у Гоголя, особенно глаза, и он подолгу то прищуривался, то поднимал брови, то старался наполнить себя изнутри гоголевской печалью, пока не появлялся в гримерке кто-нибудь из коллег. Тогда он быстро здоровался, хватал со стола цилиндр с тростью и выбегал на улицу...

Николай Васильевич шел по Невскому и думал о том, что сегодня получилось похоже, и было во взгляде лукавое и грустное, ребяческое и мудрое, исполненное ума и вместе с тем наивное до глупости...

Вчера он не застал Льва Николаевича и теперь спешил к Екатерининскому саду, подгоняя себя каким-то детским: «Раз-два, раз-два...»

— Мил человек, слышал новость?.. У памятника Пушкину на площади Искусств освободилось «гоголевское» местечко. К твоей Морской гораздо ближе. Можешь работать и заодно кота выгуливать.

Не обращая внимания на приколы, как их называл Лев Николаевич, он молча пожал ему руку, положил портрет на прилавок и впился глазами в хитрое лицо торговца. Тот рассматривал фотографию под разными углами, словно оценивал, годится ли товар, после чего заявил, что девушка не та, что совсем не похожа. Возможно, его сбила с толку желтизна снимка или покроя платья, каких давно не носят; возможно, именно поэтому он рассмеялся, а потом сказал, что зря Гоголь ищет эту девушку, что ее не существует...

Не проронив ни слова, Николай Васильевич вернул портрет себе и двинулся в глубины сада, глядя, как носки его штиблет покрываются пылью. Он едва не налетел на Маяковского, когда поэт, который тоже любил приходить пораньше, вырос на его пути.

— Николай Васильевич, хотел бы с тобой поговорить. Понимаешь, твои поиски...

На Маяковского поднялись глаза, удивительные, гоголевские, и он невольно отошел в сторону, пропуская писателя. И то ли ему послышалось, то ли и вправду Гоголь произнес: «Разве нас представляли друг другу...»

Вдоль ограды сада торопливыми шагами навстречу налетавшему порывами ветру Гоголь приближался к парадной двери библиотеки. Оставалось только пересечь улицу, когда он поднял голову и сначала увидел белоколонный портик вдали, строгую линию фасадов со сказочной башенкой, будто над царским теремом, а затем небо вдруг открылось до самой своей глубины и окрасило город ровным бледно-желтым тихим светом. И хотя вскоре тучи вновь сомкнулись и по его щекам хлестнул ветер, на всем вокруг по-прежнему продолжала лежать тонким слоем позолота. На душе сделалось так хорошо и покойно, как никогда не бывало. И последнее, что мелькнуло в голове перед тем, как тот же свет проник в него самого, не оставив места никаким другим краскам, было желание (этакая закладка на будущее, которой никому не суждено воспользоваться) поделиться с КОТом тем, какими прекрасными были эти минуты.

Гоголя едва не ударило дверью, когда та распахнулась, выпуская из библиотеки военного, судя по фасону мундира, в чине никак не меньше генеральского. В знак приветствия он слегка коснулся пальцами своей двууголки и пошел в сторону Александринского театра. Надо же, подумал Гоголь с иронической усмешкой, так меня скоро пол-Петербурга знать будет. Впрочем, лицо военного откуда-то знакомо... Возможно, видел его в Павловске, когда был репетитором в княжеском доме...

На входе перед ним выгнулся в струнку солдат-инвалид, и опять пронеслось в голове: «И этого помню, его усы пшеничного цвета...» Он сделал несколько шагов, постоял в задумчивости и вернулся к инвалиду. Тот, сев на табурет, с увлечением рассматривал иллюстрированный журнал.

— Ты что, братец, грамоту знаешь?
— Как не знать. Всякий, кто при книгах, должен уметь читать.
— Вот возьми, — Гоголь протянул портрет, — да передай прямо в руки Ивану Сергеевичу Тургеневу.

— А от кого, коли спросит?
— Скажи, от Николая Васильевича Гоголя, сочинителя. Уж он знает.
— Не извольте беспокоиться, — солдат, даром что отставной, вновь встал по стойке «смирно», а Гоголь, поднявшись по ступенькам, очутился в небольшом помещении с ритмичными зеркалами в простенках между глухими арками.

Он осмотрелся на новом месте. Что-то здесь казалось ему странным. Подмешивался к безукоризненной позолоте то один цвет, то другой, то нагло лезли сразу несколько, от чего дивная картина мира превращалась в аляповатое нагромождение кубов, конусов, спиралей.

Вдруг Гоголь увидел крупного серой масти кота, который с сонным видом прошествовал вдали и перед тем, как юркнуть в приоткрытую дверь, внимательно на него посмотрел и встряхнул головою. Было в этом что-то хорошо знакомое, и непроизвольно Николай Васильевич повторил кошачью повадку. К его удивлению, скопище предметов мгновенно исчезло, а взамен бессмыслицы вернулись гармония и покой выцветшего от времени старого снимка.

— Кот, — произнес он, точно желая понять нечто большее, чем значение слова.
— Без них в библиотеке никак. Мыши, знаете ли, такие чтецы, каких еще поискать.

Перед ним стояла и мило улыбалась черноокая и румяная девушка, какие часто встречаются в малороссийских селах. Так же как у них, речь у нее лилась бойко, только говор был петербургский, без привычной для него южной певучести.

— Что, нынче и барышень на службу берут? — поинтересовался Николай Васильевич.
— Только тех, которые образование имеют.
— А какое, позвольте узнать, у вас образование?
— Патриотический институт.
— Вот как? А я там преподавал, но вас не припомню... Кто же ваши родители?

Получив читательский билет, который ему вручила «патриотка» через узкое оконце смежной комнаты, куда она упорхнула, предварительно сообщив, что отец у нее мелкий помещик с Полтавщины, в прошлом офицер, а мать из столичных мещан, — Николай Васильевич свернул по коридору налево, открыл двери и оказался перед лестницей, устланной красным ковром. По ступеням спускались студенты, четверо человек, и за ними еще двое. Прошел франт в заузюженном сверх всякой меры фраке, пестрой жилетке с двумя рядами пуговиц и галстук, повязанном по моде аж под самое горло. Между лестничными маршами Гоголь остановился возле высокого чугунного фонаря, который, подобно цветку, расходился в разные стороны лепестками, и глянул в супротивное зеркало, хорошо ли сидит сюртук и не растрепалась ли, по обыкновению, прическа. Наверху лестницы он оглянулся и заметил, что двое студентов смотрят ему вслед, о чем-то спорят и оживленно жестикулируют.

Он направился к открытой двери, сбоку от которой была крупная надпись «Читальная зала». Здесь было светло от высоких окон, выходящих на обе стороны; из-за жары створки многих были открыты, и виднелись верхушки деревьев, квадрига над фронтоном театра, мансарды и крыши домов на Невском. Ряды деревянных столов со скамьями, казалось, служили моделями для рисовальщиков, изучающих перспективу; то же и гипсовые головы мыслителей вдоль стен, и кадки с диковинными цветами на подоконниках, и растительный орнамент лепнины по периметру залы...

От созерцания предметов и бессмысленного счета, сколько рядов, кадок, окон, его отвлек голос, явно обращенный к нему:

— Извольте что-нибудь взять? У нас книги на любой вкус.

Мелькнула мысль, что эдак разговаривают в лавке, и еще возникло непонятное воспоминание о каком-то продавце, браслетах, значках и прочей мелочи. Встряхнув головой, чтобы отогнать морок, он повернулся на голос, обнаружив за высоким бюро женщину одних с ним лет с очень худым вытянутым лицом, грустным взглядом и смешно оттопыренными ушами. Была она похожа на лошадь, которой вечно недосыпают корму и погружают ее в печаль мыслей.

— Странное дело, кругом одни дамы... Отчего бы это? — задумчиво произнес Гоголь.

Она посмотрела на него, но тотчас опустила глаза и зарделась, что, подумал он, бывает редко у таких художочных особ.

— Вы, беру на себя смелость предположить, тоже «патриотка»?

— После ваших «Вечеров...», — начала она, однако задохнулась от подступившего к горлу восторга и долго теребила бахрому наброшенной на плечи шали, прежде чем выпалила разом: — Всякий, кто вас читал, есть безусловный патриот русской словесности!

Ему было приятно, что в нем узнают литератора, что барышни краснеют, а юноши оглядываются, что Петербург, каким бы мрачным он ни казался, бывает все-таки к нему приветлив. Эх, никто ведь еще не знает, что он пишет теперь! То-то удивятся, когда посмотрят на себя!.. Однако же коли пришел в читальную залу, следует что-то выбрать...

Он уселся возле окна, чего обыкновенно не делал, поскольку в этом промозглом климате простывал очень быстро. Но сегодня был столь редкий в Петербурге погожий день, что хотелось отменить все строгие правила. И хотя перед ним лежал томик с любимым еще с гимназической поры «Евгением Онегиным», Гоголь все больше смотрел в окно, откуда пахло совсем не вишней и не яблонями, как бывало в юности в Васильевке, но все-таки куда лучше, чем во дворах Морской слободы, где он квартировал во флигеле дома Лепена.

Ветерок поигрывал челкой, то бросая ее в глаза, то причесывая на пробор, и было странное ощущение, будто уже сквозило так же, и будто скрипела дверь, и он облачался в потемках узкой и сырой комнаты...

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны...

Поначалу казалось, что и шрифт не тот, и буквы какие-то неладные, что иных и во-все нет, словно их изъяли по чьему-то произволу. Затем, однако, то ли привык, то ли пушкинский стих развеял очередной морок, и теперь уже ничто не замутняло единственный чистый свет, лившийся отовсюду.

Как обычно, он увлекся безупречной онегинской строфой, а когда оторвался от книги, чтобы отогнать желавшую разделить с ним чтение муху, то увидел, как от бюро с журналом в руках отходит дама редкой красоты. Статная, с уложенной на макушке прической, с тончайшей талией и рельефным бюстом, в темно-вишневом платье до полу, она плыла между рядами. И каждый провожал ее взглядом: чиновник в кителе железнодорожного ведомства, двое гвардейских офицеров, один из которых даже подкрутил усы, старушка в чепчике екатерининской эпохи, интеллигент, надевший пенсне, чтобы лучше рассмотреть, истощенного вида студент, купец, точно с провинциальной ярмарки, вывозного сорта англичанин, еще один гвардеец, еще студент, девушка с лицом ангела, грешницы, рабы и хозяйки, странницы на этом коротком и в то же время вечном пути...

Что же теперь делать? Как распорядиться редким случаем, благосклонностью судьбы, даром свыше?.. Забыть об условностях, подойти к ней, сидящей с книгой на коленях, будто сей экземпляр достоин лучшего, нежели грубый стол... Быть может, это его «Вечера...», тогда и повод есть... Но так нельзя, дурной тон, пошлость... Встать перед ней на колени, открыть свое чувство и смиренно ждать ее решения... Нет, безрассудный порыв может ее скомпрометировать. Да и что он такое в сравнении с нею? Неказистый малоросс, выскочка, надевший цилиндр и фрак, бытописатель сельской жизни. Самовлюблен и пуглив, порывист и осторожен, добр, но язвительен... И все-таки он ей пара! Именно потому, что оба состоят из разного, порой чуждого друг другу и обоим так сложно найти тех, кто похож на них, и они обречены на бесконечные поиски, если только он прямо сейчас не направится к ней и не отдаст как опознавательный знак потерянный браслет. Да чей бы он ни был, Господи, он принадлежит только ей! Это так же верно, как то, что он Гоголь — Николай Васильевич Гоголь!..

Он уже готов был идти, уже все в нем билось и трепетало в предчувствии ни с чем не сравнимого счастья, когда он сунул руку в карман сюртука, куда обыкновенно прятал... Браслета не было. Его не оказалось и в других карманах, хотя Гоголь крутился ужом, склоняясь то влево, то вправо, сползая вниз по скамье, чтобы ощупать самые укромные уголки вечно рвущейся подкладки.

Наконец, чего никак нельзя было предположить, браслет обнаружился в нагрудном кармане жилета. Он выдохнул с облегчением, зачем-то взглянул на брегет и тут услышал звук отодвигаемой скамьи. Было два часа пополудни, как мельком отметил Гоголь, когда его взгляд ненароком остановился на человеке, севшем неподалеку через проход. На его кителе был шеврон со сложенными крест-накрест топором и якорем, какие носят инженеры путей сообщения, а на столе перед ним лежала огромная книга с графиками и схемами. И вот перевернув разом несколько страниц, он задержался на той, где во всю ширину раскинулся какой-то чертеж.

Что-то холодное и враждебное поднялось в Гоголе и заставило его встать, подойдя к инженеру. Некоторое время он рассматривал рисунок с множеством непонятных колес и поршней, пока не обратил внимания на надпись внизу страницы: «Паровая машина Джеймса Уатта». Его лицо искривилось, как будто от боли. В следующий миг он уже вырывал книгу из рук инженера, и поскольку тот упирался, Гоголь пустил в ход трость. Бил и приговаривал: «Вот с чего началось, вот откуда зараза... Получай! Получай!»

С шумом и криками его оттащили в сторону. Поначалу он пытался оглядываться, чтобы еще раз увидеть ту девушку с неземным лицом, чтобы она поняла, что все это ради нее, ради них, чтобы больше никто и никогда не составлял таблиц и не чертил схем, чтобы до всех наконец дошло, что есть вещи важнее комфорта...

Когда у него забрали трость, оторвали пуговицу на жилете, стащили с головы парик, когда, подхватив под мышки, поволокли к выходу, он продолжал проклинать ненавистного шотландского изобретателя. И тогда кто-то, похоже инженер, прокричал ему прямо в лицо: «Ты что, козел, против прогресса?»

Злата ЛИННИК

РАССКАЗЫ

ЧАС ДВОРНИКА

Когда затемненная часть земного шара уже почти повернулась к солнцу, когда все вокруг пребывает в зыбком промежутке между светом и тьмой, они выходят из своих потайных убежищ. Повсюду раздаются шуршание метел, шум моторов и плеск воды. В этот час городские улицы безраздельно принадлежат им.

И вот они снова скрываются от человеческих глаз. Все вокруг выглядит свежим и отдохнувшим, все будто улыбается новому дню. У прохожих, спешащих на работу или учебу, неизменно поднимается настроение.

Единственный, кто никогда не разделял всеобщего энтузиазма, был Василий Кузьмич, персональный пенсионер, ветеран «невидимого фронта». Выглядывая из-за занавески, он неизменно сверлил их полным ненависти взглядом, сожалея, что смотрит в старый полевой бинокль, а не сквозь прорезь прицела.

— Я вас всех выведу на чистую воду! — повторял он, разве что не скрежеща зубами, и то лишь потому, что искусственные челюсти надо беречь: таких нынче уже не делают. — Не уйдете от суровой руки мстителей!

Вокруг возвышались бетонные стены, покрытые пятнами сырости и надписями на непонятном языке. Его руки, которые снова были молодыми и сильными, уверенно держали маузер. Где вы спрятались, гады, выходите, уничтожу вас всех до последнего!

Будто в ответ на его мысли, из-за одного из бесчисленных поворотов выскочила фигура в черной шапочке-маске. Выхватив из-под оранжевого жилета автомат неизвестной конструкции, противник с ходу сделал несколько выстрелов. Но боевая выучка и тренированная годами реакция, как всегда, взяли верх. Маузер выплюнул небольшую ракету, и дворник взорвался веером красных брызг, перед этим на мгновение превратившись во что-то зеленое, обросшее огромным количеством рогов и щупалец. Отовсюду лезли другие, визжа и улюлюкая, но и их настигала неотвратимая гибель. Василий Кузьмич продолжал двигаться по лабиринту, истребляя эту нечисть. Несколько пушечных ядер попало в него, но они тут же отлетели назад, отброшенные новейшей амуницией. Сейчас он их, всех до единого, под корень...

— Дед, мама ужинать зовет! Нет, не выходи из игры, нажми кнопку «сохранить результаты», потом можно возобновить с того же места. Никуда от тебя твои дворники не уйдут. Да ты молодец! Еще немного, и перейдешь на следующий уровень.

Вообще-то, на самом деле он сын его внука, но «прадедушка» звучит как-то мелкобуржуазно. Его гордость, единственный, кто хоть как-то поддерживает ту борьбу, которую он давно ведет, не щадя ни времени, ни сил. Внук с семьей все время крутят пальцем

Злата Линник родилась в 1967 году, окончила филфак СПбГУ, французское отделение. Автор пяти книг прозы, а также десяти романов в переводе с французского. Рассказы публиковались в журналах и сборниках. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге.

у виска, думая, что он ничего не замечает. Районный депутат, которому он просигнализировал, сперва прислал сперва длинное письмо о том, как он заботится о благе трудящихся, а потом социального работника, который «ненавязчиво» пытался выяснить, не хочет ли Василий Кузьмич отдохнуть в специализированном санатории. Знает он эти санатории строгого режима, в свое время сам туда сколько человек отправил! В комитете госбезопасности ограничились краткой справкой, что его заявление принято и будет рассмотрено в надлежащем порядке. В городской администрации его откровенно проигнорировали, даже на прием к мэру не стали записывать.

Считаю своим гражданским долгом довести до Вашего сведения следующую архиважную информацию: инопланетяне, злонамеренно притворяющиеся дворниками, захватили власть над земным шаром и безнаказанно расхищают социалистическую (зачеркнуто) народную (снова зачеркнуто) общечеловеческую собственность под самым носом преступно бездействующих правоохранительных органов. Убедительно прошу доверить мне операцию по очистке города от этой буржуазной (зачеркнуто) капиталистической (снова зачеркнуто) вредоносной нечисти, а для этой цели выделить под мое командование роту пулеметчиков...

Которое уже по счету письмо: в ООН, на домашний адрес президента, в Конституционный суд. Ничего, что не отвечают: его дело правое, и отступать он никак не может. Правнук, конечно, молодец, не зря его в институте учат. Хорошее средство придумал. И к тому же сумел доходчиво изложить всю стратегию: инопланетные захватчики существуют главным образом в виртуальном мире. Стоит только ему застрелить одного из дворников в компьютере, как кто-то из тех, кто вершит свое черное дело на городских улицах, тут же разлагается на атомы. Поэтому теперь Василий Кузьмич каждый день выходит на свое боевое дежурство, в бетонный лабиринт. Еще десяток уровней, и он сможет добраться туда, где находится гнездо этих тварей.

Но, проводя разведку каждое утро, он всякий раз убеждается: дворников не становится меньше: не иначе, новых забрасывают на место испарившихся. Поэтому втайне ото всех, даже от любимого правнука Василий Кузьмич продолжает и продолжает сигнализировать. Если никто из вышестоящих организаций не откликнется, придется поступиться принципами и обратиться на телевидение.

*Планета Деворр. От нашей галактики
через два гиперпространственных туннеля
Прямо и налево*

— Сбор урожая проходит, как всегда, успешно.

— Хорошо. Продукция высшего качества, натуральная, никаких примесей. Удачную планету вы нашли: эмоции даже не надо выращивать, валяются под ногами, будто мусор. Местные жители не ценят сокровищ, которыми так щедро наделены.

В кабинете Главного Сборщика, межгалактического концерна, снабжающего допинг-эмоциями больше половины планет техногенного альянса, наступила тишина. Близился Час Дворника.

На огромном голографическом экране, занимающем почти всю переднюю стену кабинета, возникло объемное изображение земного шара, где тонкими линиями были обозначены часовые пояса. На очередном часовом поясе — на всех континентах, а также водном и воздушном пространстве — копошилось множество крохотных фигурок. Повинуясь ментальному сигналу, ожили боковые экраны, на которых процесс был виден более детально.

Улица какого-то из европейских городов. Крохотный открытый автомобильчик, в котором видны три фигуры в кислотно-зеленых комбинезонах, останавливается у пово-

рота в круто уходящий вниз узкий, мощный камнем переулочек. Вдалеке можно заметить несколько ярких бумажек — вездесущей рекламы и упаковок от фастфуда. Нет, работники клининговой фирмы не спускаются туда с метлами в руках. Вытащив шланг и проворно подключившись к уличному гидранту, они направляют струю воды вниз, по переулочку. Камни и стены древних зданий сияют чистотой. Блочные девятиэтажки, которые нынче можно встретить практически в любой точке мира. Дворники в оранжевых жилетах выкатывают из каждой парадной контейнер с мусором, другие в это время старательно метут тротуары. Метелки из гибких древесных прутьев проникают в самую мелкую трещинку на асфальте, извлекая оттуда пыль и мусор. Одна из жарких стран: дворники в одинаковых набедренных повязках и ярко-желтых соломенных шляпах с номерами старательно выполняют свою работу. Голыми руками они сгребают валяющийся на улице мусор и набивают им черные пластиковые мешки. Их усилия кажутся тщетными: мусора не становится меньше.

— Но почему здесь их так мало? — поинтересовался стажер — сын Главного Сборщика.

— Южные страны производят слишком много эмоций, — терпеливо пояснил ему отец. — Если урожай окажется слишком большим, нам грозит затоваривание, продукция упадет в цене, и тогда мы потерпим убытки. Обрати внимание: в северных странах жители более сдержанны, поэтому туда мы посылаем гораздо больше дворников. А теперь внимание!

В каждом из часовых поясов поочередно заканчивалась работа. Как по команде, все фигурки, покрывающие его поверхность, замирали в неподвижности. На боковых экранах было хорошо видно, как они, стоя, будто солдаты по стойке «смирно», поднимают над головами метлы, шланги и совки для мусора. Включив эpsilon-режим, присутствующие любовались разноцветными полупрозрачными сгустками, срывающимися с древесных и синтетических прутьев метел, вспархивающих с совков, подобно стае мыльных пузырей, вылетающих из шлангов поливочно-моечных машин. Все это поднималось вверх, а затем, подобно тоненьким ручейкам, устремлялось в одну точку над Южным полюсом, где собранные эмоции скапливались, подобно переливающемуся всеми цветами облаку.

Наступил самый ответственный сакральный этап операции: последние несколько секунд Часа Дворника. Облако вздрогнуло и, приняв вытянутую форму, устремилось за пределы земной атмосферы, туда, где завис в пространстве корабль-сборщик с эмблемой концерна.

— Потрясающе! — выдохнул стажер. — Но, отец, получается, что мы грабим эту планету: забираем такие ценности, ничего не давая взамен.

Главный Сборщик качнул правой передней антенной в сторону референта, перепоручая тому ответить на этот примитивный вопрос.

— Мы имеем дело с тех редким случаем, — начал референт, от усердия трепеща всеми псевдоподиями, — когда переизбыток эмоций может оказаться губителен для земной цивилизации. Войны, катастрофы экологические бедствия — вот далеко не полный перечень того, что ожидало бы эту планету, если бы мы вовремя не взяли ее под свой контроль...

Разговор прервало срочное сообщение. Распечатав материализовавшийся перед ним герметичный цилиндр, Главный Сборщик погрузился в глубокую задумчивость. Возникла неожиданная и на редкость досадная проблема. Один из обитателей земного шара, наделенный особыми ментальными способностями, видит истинную сущность агентов Деворра. Если его призывы к государственным и военным руководителям планеты будут восприняты всерьез, последствия могут быть самые катастрофические. Но физическое насилие давно было исключено из списка методов, которыми должны действовать разумные цивилизации.

— Все свободны, — протелепатировал он в регистре, предусмотренном для экстренных случаев. — Соедините меня с аналитической группой по земной истории.

Василий Кузьмич шел отправлять письмо в очередную вышестоящую инстанцию. Именно бумажное письмо, запечатанное в конверт, со всех сторон обклеенный коричневым скотчем в качестве средства безопасности. Не доверяя общественному транспорту и почтовому отделению, он отправился на главпочтамт пешком.

Внезапно в тихом безлюдном переулке рядом с ним затормозил старомодный черный автомобиль с занавешенными стеклами: такие теперь можно увидеть разве что в старой кинохронике или в историческом фильме. Открылась задняя дверца, и человек в штатском жестом пригласил Василия Кузьмича занять место в салоне.

Некоторое время ехали молча, а затем человек в штатском заговорил сухим бесцветным голосом, глядя в переносицу своего собеседника.

— За проявленную бдительность вам выносятся благодарности. Как ответственно проверенному кадру вам сейчас будет доверена информация государственного значения. Ознакомьтесь с документами.

Подписав, как положено, договор о неразглашении, Василий Кузьмич получил картонную папку с надписью «Дело». Там было несколько страниц, заполненных машинописным текстом. Прочитав его, ветеран невидимого фронта почувствовал, как остатки волос у него на голове становятся дыбом. Он чуть не провалил важную государственную операцию! Едва не выдал наших разведчиков скрытым агентам международного империализма!

— Не снимаю с себя вины, — едва выдавил он из внезапно пересохшего горла. — Готов искупить...

— Такая возможность у вас есть, Василий Кузьмич. — Голос человека в штатском немного потеплел. — На этом диске ваше новое боевое задание.

Он шел по улицам города, которые выглядели почти как настоящие. Всюду усердно трудились дворники в оранжевых жилетах и белых детских панамках. Вот один из них сделался полупрозрачным. Ай-яй-яй, уровень жизненных сил упал ниже допустимого. Вынув из кармана большую зеленую лейку, Василий Кузьмич проворно подскочил к дворнику и принялся усердно поливать его. Разулыбавшись и на мгновение покрывшись цветочками, тот принялся с удвоенным усердием орудовать метелкой.

Еще несколько шагов, и новое ЧП: дворник со слезами крутил в руках сломанные грабли. Для него Василий Кузьмич тут же выписал со склада новые. Еще один потерял где-то панамку и трудился с непокрытой головой. А это катастрофически снижает уровень здоровья...

— Дед, иди ужинать, мама зовет!

— Сейчас, только еще одного обеспечу инвентарем и сохранию результаты.

«Вот теперь с ним все в порядке, — подумал правнук, бросив взгляд на экран компьютера. — Моя идея сработала. Никаких параноидальных мыслей, никаких стрелялок. Сидит, в „городское коммунальное хозяйство“ играет».

ТРЕТЬЯ СТОРОНА АПЕЛЬСИНА

По непонятному капризу мироздания день самого большого триумфа, исполнения мечты, к которой идешь столько лет, может одновременно оказаться и днем, когда так и хочется сказать: «все, это конец». Цель достигнута, что дальше? Шедевр завершен и начал жить своей жизнью. Твоя роль выполнена, и отныне лучшая помощь — не мешать.

Эти непрощенные и, в общем-то, правильные мысли не покидали женщину, которая даже не вспомнить, сколько лет мысленно называла себя «мама Артема». Только так и никак иначе!

Сын — образованный, взрослый, самостоятельный — получил работу в солидной, всемирно известной фирме, творческую ответственную должность. Его таланты, в которые она верила с самого рождения, оценены по достоинству.

Ложкой дегтя в цистерне ароматного нектара стало то, что сын в тот же день переехал, чтобы начать самостоятельную жизнь.

— Я давно из этого вырос, понимаешь? — сказал он ей, уже стоя в дверях. — Мне надоело быть сыночком, объектом для заботы.

В полной растерянности бродя по квартире, мама Артема заглянула в бывшую комнату сына. Все как всегда, как было многие годы. Стол, за которым ее милый мальчик делал уроки, аккуратно заправленная тахта, на подоконнике стопка компьютерных журналов.

А это что там, в углу? Апельсин, он все время где-то забывал их. Источники витаминов портились, и ей приходилось незаметно доедать их. Некоторые уже никуда не годились, с плесенью и резким запахом, но ради высокой цели пойдешь и не на такое. Сперва маме Артема приходилось делать это из экономии, но потом вкус испорченных апельсинов стал для нее символом, знаменем и моральным вознаграждением в одном флаконе, то есть коже.

И так во всем! Каждый раз, отказывая себе в покупке какой-нибудь мелочи, вроде колготок или модной стрижки, она ощущала, как становится все более и более достойной восхищения, росла в собственных глазах. Сын много раз пытался изменить положение вещей, убеждал ее «пересмотреть семейный бюджет», отказывался от очередного лакомства или обновки, но она всякий раз мягко и настойчиво возвращала все на круги своя.

Что же теперь получается? Ее ежедневное самопожертвование больше никому не нужно! По крайней мере, пока не появятся внуки. К тому же большой вопрос, когда это произойдет и как к этому отнесется невестка, которой пока еще нет даже в проекте.

Этот испорченный апельсин — вздохнула мама Артема — последний, надо постараться, чтобы его хватило хотя бы на неделю. Хотя нет: если его съесть вот так, для своего удовольствия — это уже будет не самопожертвование, а махровый эгоизм.

* * *

Ну почему добившись всего, о чем когда-то мечтал, вдруг понимаешь, что не хватает самой малости, чтобы чувствовать себя счастливым? — рассуждал по дороге из магазина бывший корифей панк-рока, когда-то известный в определенных кругах как Помойный Гуру.

Приличное состояние, достойное место в обществе и нерастраченное здоровье; — казалось бы, живи и радуйся. Но, как сказал кто-то из классиков, счастье — это когда тебя понимают. С мамой, которая наслаждается новым браком, они много лет не разговаривают. Жена — уже бывшая — оказалась гламурной фифой, дети — махровыми карьеристами и конформистами. Перевоспитать они его, видите ли, пытались!

Жизнь стала пресной и скучной, потеряла что-то важное, словно внутри выключили светомузыку. А ведь когда-то с единомышленниками он устраивал классные перформансы, демонстративно поедая апельсины, оставленные в ящиках у магазинов и ларьков. Какой запредельный драйв, пьянящее чувство свободы от всех условностей, пощечина общественному вкусу! Сначала он делал это ради эпатажа и пиара, потом по привычке, а теперь иногда пытается напомнить себе, как это — чувствовать себя полным сил, радоваться жизни.

Переспелые оранжевые шары — забродившие, некоторые уже с градусами и пятнами плесени — эх, были же времена! А запах! Голова кругом идет, а мелодии и ритмы придумываются сами собой.

— Трава раньше была зеленее, крыши и подворотни уютнее, а фрукты нынче так вообще разучились портить! Ну, куда это годится, — размышлял бывший Помойный Гуру, брезгливо разглядывая свою покупку. — Понятным же языком объяснил: чем испорченней, тем лучше! Для убедительности даже врать пришлось, будто беру на домашний ликер. А что в результате положили?! Всего-то один подгнивший, а у другого только бочок помят... Придется пару дней подержать на подоконнике, чтобы дошли до нужной кондиции. Так ведь все равно: удовольствие, которое не с кем разделить, теряет большую часть привлекательности.

...Настроение немного поднялось, стоило ему обнаружить в электронном почтовом ящике приглашение. Его, автора хита «Мама любит испорченные апельсины», просили почтить своим присутствием презентацию ликера «Мамми оранж» — «с оригинальным букетом хорошо выдержанного цитруса». Помнят, ценят... Что ни говори, а приятно!

* * *

В начале презентации слово взял сам герой дня:

— Свой новый ликер «Мамми оранж» я посвящаю маме. Именно она открыла для меня этот незабываемый вкус — дерзкий и пьянящий, понятный только истинным гурманам и ценителям, этот аромат с благородной ноткой диссонанса, пробуждающий самые смелые фантазии.

Под бурные аплодисменты Артем обнял маму и сдернул покрывало с увеличенной в несколько раз бутылки ликера. На яркой этикетке сразу бросалось в глаза сердце с золотыми буквами внутри спелого апельсина. Длинноногие ассистентки из модельного агентства принялись разносить подносы с хрустальными ликерными рюмками, в которые был разлит «Мамми оранж».

Гости пробовали, расхваливали вкус, аромат и новизну самой идеи, но в основном — чтобы не прослыть отсталыми и не понимающими современных веяний. Энтузиазма а главное, искреннего удовольствия на их лицах пока не наблюдалось. Ничего, попробуют, а потом и других убедят. Так мода и создается, потом этих эстетов за уши не оттащишь...

Отступив в тень, герой дня наблюдал за происходящим.

— Артем Александрович, какой успех! — заговорила, подойдя к нему, одна из ассистенток. — С испорченными апельсинами просто суперская идея! Я учусь в институте управления, пока на первом курсе; у нас на лекции как раз недавно рассказывали про нестандартные решения. Скажите, вы сами придумали эту историю? Что ваша мама любит... ну...

— Иногда вещи именно такие, какими кажутся, — задумчиво произнес Артем, успешный и сам опустошить пару стопок презентуемого напитка. — Мама действительно их любит. Я это заметил еще в школе, в младших классах. Она думала, что делает это незаметно... Потом я нарочно их забывал — на столе за стопкой учебников, на подоконнике. А став постарше, специально выбирал в магазине перезрелые, чтобы скорее испортились. Должен сказать, это было не так легко. Знали бы вы, какие они вкусные, когда свежие, лучше прямо с дерева!

* * *

Мама стояла посреди зала, вытирая слезы радости. Презентация удалась на славу. Ее сын — такой взрослый в этом костюме... Все его хвалят, такие важные люди подходят к ней с добрыми словами.

А ликер, созданный в ее честь! Когда Артем успел подсмотреть? Она же так старалась делать это незаметно. И правда тот самый вкус. Как она без него скучала! Жаль, что все здесь только делают вид, что он им нравится. Нет, почти все...

Сквозь толпу гостей к ней протолкался немолодой господин в костюме из черной кожи и с длинными седыми волосами, убранными в элегантный хвост.

— Я заметил, мы с вами единственные, кто получает удовольствие от этого напитка.

...На следующий день мама Артема получила курьерской доставкой огромный букет роз — свежих, будто только что сорванных — и корзину апельсинов, распространяющих, как недавно говорилось, «утонченный интригующий аромат, провокационный в самом лучшем смысле этого слова». К подарку прилагалось письмо от недавнего собеседника; как выяснилось, у них столько общего.

«Дорогая Людмила, надеюсь, вы позволите так вас называть...» Остальное, едва умещавшееся на трех страницах убористого рукописного текста, мама Артема сперва просмотрела по диагонали, а затем внимательно перечитала — медленно, наслаждаясь каждым словом. Впрочем, все содержание письма можно было передать одной-единственной фразой: «всю жизнь я мечтал встретить такую женщину, как вы».

Но наибольшее впечатление произвело даже не это. Сколько лет ее никто не называл по имени! И какое оно, оказывается, красивое... Вслед за этой мыслью пришли и другие не менее удивительные. Если хорошо забытое старое все равно что новое, то почему бы?..

* * *

— Что не сделаешь для самой лучшей на свете женщины? — размышлял бывший Помойный Гуру, очищая очередной апельсин. — И какая прекрасная мысль — отправиться в свадебное путешествие туда, где они растут. Людмила, нет, милая Люда любит их свежесорванными, прямо с ветки.

— Если тебе для вдохновения нужны хорошо выдержанные апельсины, не имею ничего против, — сказала она ему тогда, поблагодарив за подарок. — Тем более если у тебя это семейная традиция. Но мне с некоторых пор больше по вкусу свежие.

А потом как-то само собой выяснилось, что не надо ничего доказывать — ни другим, ни самому себе. Он полон сил, и жизнь играет всеми красками. Доказательством этому послужил клип «Дорога к апельсину», посвященный самой любимой и мудрой женщине.

* * *

По непонятному капризу мироздания к каждому счастливому финалу непременно прилагается что-то, нарушающее всю идиллию. Возможно, чтобы участники не особенно расслаблялись, а может быть, просто так интереснее.

К свадьбе сын Людмилы порадовал очередной новинкой — лимонадом «Бисквит оранж», а мама новобрачного — поздравительным письмом. Правда, в своей излюбленной манере:

«Я пережила, когда ты открыл перед всем миром мою тайну, но ты снова испытываешь мое терпение. Я внимательно рассмотрела твои фотографии и на одной из них увидела апельсин, он лежал в мусоре! Ты сделал это нарочно, чтобы подразнить меня! Кстати, один молодой кондитер относится к моим чувствам с куда большим уважением. Я заказала целый ящик его элитного ликера «Мамми оранж»; приезжайте ко мне попробовать это чудо».

Наталья ОКЕНЧИЦ

НА СВЕТЛОЙ ГОРЕ

Мою душу коварные воры
Обобрали сегодня до дна.
Кто со мной на зеленую гору?
Вот опять отправляюсь одна.

Ах, какие чудесные виды!..
Что за грех моя светлая грусть...
Постараюсь уйти без обиды.
Просветленной обратно вернусь.

Горизонт, облака — это вечность.
Небо близко, а боль далеко.
И какой-то веселый кузнецик
Прямо в сердце запрыгнул легко.

ДОВЕРИЕ

Моя жизнь пронеслась со свистом.
То ли явь, то ли сладкий сон...
Доверяла ее таксистам
На загруженной трассе «Дон».

Доверяла врачам и скальпелям,
Доверяла учителям,
И случайным мужчинам, мальчикам,
И заснеженным поездам.

Доверяла, казалось, многим.
Но, поверьте, в тяжелый час
Доверяла всецело Богу.
Доверяю ему сейчас.

УХОДЯЩАЯ АКТРИСА

Дом заставлен пустыми вазами.
Перестали дарить цветы.
В новой роли опять отказано
(За отсутствием красоты...).

Наталья Владимировна Окенчиц родилась в Киргизской ССР. Стихи публиковались в журналах: «Литературное Ставрополье», «Бийский вестник», «Нижний Новгород», «Полярная звезда», «Дарьял», «Под часами», «Ставрополье XXI век», «45-я параллель», «Нана», «Голос Кавказа», «Литературный Кисловодск», «Союз писателей» и других. Автор пяти поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в г. Михайловске Ставропольского края.

Открываешь оконный занавес.
Жизнь играет, а зритель ты.
Наблюдаешь рассвета зарево.
Облака... Зацвели кусты.

На прогулку выходишь вечером,
Собирая остатки сил.
Ставишь в церкви покорно свечечку
Тем, кто раньше цветы дарил.

ВПЕРВЫЕ

Я обласкана щедрой судьбой.	Что за слезы из радостных глаз?
Удручающий ветер затих.	Я смешною кажусь. Ну, и пусть!..
Захотелось просить для других	За Россию впервые молюсь:
Перед ликом Матроны святой.	Все когда-то у нас в первый раз...

— Дай нам веру, здоровье, покой...
А еще... ты, Матрона, прости...
Уголька бы к зиме привезти
Бабе Вале — старушке одной.

ТЕМНО

Легко парить над облаками,
Когда закончились дела.
Я небо трогала руками,
А то Вселенная была.

Любовь терзала без ответа.
Зачем такую дорожить?
Прошло стремительное лето.
Но оказалось — это жизнь.

Уже не верится в приметы.
Планету душат провода,
Чтоб всюду было больше света.
В душе темно... и в том беда...

СПУТНИЦА

Нужно много прожить или мало,
Чтоб любовь твоей спутницей стала;
Просветленье с небес опустилось,
Словно божья великая милость?

Ветер гонит с неистовой силой
Тучи, словно голодную стаю.
Я сегодня любовь отпускаю,
Потому что она попросила...

НЕ БРОСАЙТЕ...

Роняет старая рябина
Седые листья на село.
Живет неслышно баба Зина
И любит Родину светло.

Она, сама того не зная,
Служила Родине своей,
Из года в год легко рожая
Красивых, крепких сыновей.

Она сама того не знает,
Зачем уехали они.
Одна осталась, коротая
В заботах солнечные дни.

Она сама того не знает,
Где силы и былая мощь.
Повсюду Родина родная,
А на столе соседский борщ...

ТВОРЧЕСКОЕ ГОЛОДАНИЕ

Художник поймает летящую птицу.
Украсит закатом волну.
Покажет, как воет зимою волчица
На стылом холсте на луну.

Сотрудник усталый, газету верстая,
О чем-то печально вздохнет.
И снимок поставит, где хищников стая
По снегу к станции идет.

И мне беловетреной ночью не спится.
И даже сомнения нет:
В душе моей воет седая волчица.
Я очень голодный поэт.

ВЕСЕННИЙ МУЖЧИНА

Сияют в небе солнца нити.
Всю душу пробуют зашить.
— Мужчина, что вы говорите?!
Меня не принято хвалить.

Меня не принято лелеять.
Жалеть не принято меня.
И потому душа болеет,
И нет весеннего огня.

Мужчина, что вы сочинили?..
Но ничего, что это ложь...
Ведь так хорош букет из лилий...
И голос жизни — так хорош!..

Александр НЕХАЕВ

КАФЕ «ПОЕЗД»

Рассказ

— Добрый день, командир, про Архиповку знаешь?

— Слушай, а зачем заявление было писать? Без этого нельзя было? Может, объяснишь, в чем дело? Мне и без твоего хватает заявлений...

— Объясню. Конечно, объясню. Прошлый раз, когда в моем магазине стекла побили, заявление было? Твои должны были популярно, очень популярно, объяснить местной борзотё, что нельзя мои точки трогать. Или не знаете, кому объяснять? У тебя что — осведомителей нет? Участковому все перепоручил? Оказывается, это только я с тобой дружу, а тебе отрабатывать нашу дружбу необязательно. Тогда я буду с другими людьми...

— Сергей Николаевич, давай мы не будем горячку пороть, а я обещаю — сам во всем разберусь. Сам. Договорились? Найдем, накажем. Не надо так, сразу шашкой махать. Не будем нервничать. Договорились?

— Договорились.

Он, что — решил, что я ему деньги за просто так плачу? «Найдем, накажем». Подождем, посмотрим. Подержав телефон в руке, сунул его в карман брюк, а потом переложил в пиджак. Все-таки излучение — и так уже здоровье не то. Похудеть бы тоже не помешало. Ничего, в Архиповке шороху наведут, а я ментовскую крышу считаю более надежной. Надо будет управляющему сказать, чтобы в Архиповку наведался и по остальным моим точкам проехал. Надо, надо, чтобы контроль чувствовали.

Я подошел к окну, отбарабанил пальцами что-то похожее на марш, сделал несколько кругов вокруг стола. Возле зеркала, оставшегося от прежнего владельца офиса, остановился. Прежнему надо было стихи писать, а не в бизнесе крутиться. Да, вид сбоку, если втянуть живот, еще ничего. Я выдохнул. Внешность, конечно, не очень приметная. Меня мой нос картошкой раньше, в молодости, расстраивал. А теперь — нет. Конечно, не красавец, но главная сила и красота где? В бумажнике. В банке на счете, точнее. Денежки свои я сразу нес на второй этаж банка, мимо этой толпы на первом. Сумы другие, и поэтому меня там, вверху, обслуживают. А вот с лысой «новорусской» головой быть не хочется. А к тому и идет. И рекламам пышных выращенных причесок веры нет, когда видишь в ящике небедных лысых ведущих.

Снова подошел к окну. Беспокоило меня новое кафе. Зря я пошел на поводу у Юрича и дал себя уговорить. Чтобы я вкладывался в этот проект, было две причины: я знал, что к Юричу надо прислушиваться, хотя он иногда и хамит. Но он может делать деньги, поэтому его и держу. Если быть точным, это кафе — не его идея.

Александр Алексеевич Нехаев родился в 1949 году в г. Снежное Донецкой области УССР. Образование среднетехническое (Новочеркасский геологоразведочный техникум). Публиковался в журнале «Южная звезда». Живет в г. Буденновске.

Вторая причина — театр, черт бы его побрал. Она меня таскала на спектакли, а потом спрашивала: «А ты понял, почему она так с ним себя вела? А чья игра тебе больше всего понравилась? А ты понял, зачем вообще этот спектакль?» Мне больше всего нравился мужик, который пьяного играл. Этот артист мне нравился. Юрич об этом знал и как-то сообщил, что теперь он работает у нас. Из театра его выперли за пьянство, хотя сам артист называл это «настоящей работой».

Началось с того, что Юрьевич, мой управляющий — я его зову короче: Юрич, — придумал простую вещь: он в Интернете поместил объявление-конкурс на лучший бизнес-проект. А я определил премию в три тысячи. И когда он спросил, какой дурак мне денежную жилу отдаст за такие деньги, я ему объяснил, что дурак и отдаст. И, похоже, был прав. Поначалу проект хотел назвать «Кафе „Театр“». Раисе сказал, что это я придумал. Но она посоветовала назвать по-другому. Так и появилось это название: «Кафе „Поезд“». Юрич идеей воспламенился, договорился в депо под Ростовом за спианный вагон, перегнал его сюда по жэдэ, а тут, на месте, было уже проще. Да где же его черти носят, этого Юрича?

Я наблюдал, как у входа курит охранник Витька. Иногда бывают разные поручения, которые он когда сам, когда со своими дружками выполняет. Надо кого-то под рукой иметь. Витька — сын моего водителя Василия Петровича. Поэтому Витьку иногда зову Виктором Васильевичем — смехота, конечно. Но Юрич убедил, что я не «новый русский», а бизнесмен нового поколения и имиджу должен соответствовать. Может, пошутил? Ну и ладно, за это не платить. Витька мне обязан: я его когда-то от ментов прикрыл. Но дело как прикрыли, так и открыть можно. И «терпила» может вспомнить, что он травмы до падения получил.

Сколько ж его ждать?! От нечего делать полил стоящий в углу хлорофитум. Хорошее растение, выносливое. Раскинул в разные стороны стрелки-усы с розетками: размножаться решил. Пообрезать надо. Или нельзя? Юрич его сюда притащил — «воздух очищает» — пускай сам и ухаживает. И что он имел в виду: «воздух очищает»? С Юричем была одна напряженка: было непонятно, почему он не едет в свой Израиль. В то, как он это объяснял: «Это я здесь еврей, а там я русский» — я не верил. Мало ли, что у него там никого нет. У него и здесь никого. Какая-то причина есть, и надо ее знать.

За дверью послышались шаги, и вошел Юрич. Непроизвольно взглянув в окно — Витька смолил очередную сигарету, — спросил:

— Ты как зашел?

— Через дверь, — Юрич оглянулся на дверь и непонимающе уставился на меня.

— Я тебя уже полчаса у окна сторожу, как ты зашел?

— А, так я у бухгалтерши был. И должен вам, Сергей Николаевич, сообщить неприятное известие: ревизор к нам не едет, но отдел в универмаге прибыли почти не дает...

Сколько я помню своего управляющего, всегда одет так, словно бракосочетаться собрался. Только что без цветка в петлице. И вечно путается: то на «вы», то на «ты» обращается. А когда сообщит что-нибудь неприятное, начинает пальцами свой длинный нос тереть.

— Он такой и нужен, — перебил я его, — там все прозрачно.

Ревизора еще приплел, вечно у него какие-то закидоны. У него дома соседка убирает. Домохозяйкой работает. Он ей платит, а она выплачивает свой кредит. Я ему говорил, что мог бы и не платить, да и помоложе можно бабу найти. Еще не старый Юрич объяснил, что кредит — дело хорошее, пусть подольше платит. У него шутки такие бывают. Интересно, у всех евреев крыша не на месте или только у моего управляющего? Он ей даже цветы дарит. Объясняет, что за деньги жизнь не купишь, а за цветы — можно.

— Что с новым кафе? Ты уверен, что не пролетим? — конечно, пролететь могу я, но если прибыль будет, то ему зарплату можно добавить. Конечно, если прибыль будет. Да и смотря еще какая прибыль будет.

— Сергей Николаевич, ты же бенефициар¹, вроде тебя и нет, значит, регистрация по новой, и новая лицензия на алкоголь, СЭС² тоже не бесплатно. И ЕГАИС³ нужен: не будет нас в ЕГРЮЛе⁴ — штраф до двухсот тысяч. И налог поквартальный — сорок тысяч. Как сейчас считать? Надо подождать хотя бы месяца три, — он выжидающе смотрит на меня и опять трет свой нос.

А то я без него это не просчитывал. Хорошо, что на канализации сэкономили: к моему старому кафе подключили.

— У тебя родственники в Израиле есть? — неожиданно спрашиваю и наблюдаю за его реакцией. Юрич печально смотрит на меня.

— Ладно, ладно, — успокаивающе говорю я, — пошутил. У тебя в новом кафе как? Сегодня поеду проверю. И мотнись по точкам, проконтролируй. Если что — зарплатой наказывай. Может, кому-нибудь не нужна. Увольнять не надо: новые такие же будут.

А я в новое кафе наведуясь. С ним у меня свои планы. С государством в прятки играть сложно, но можно. Там тоже деньги делают.

Позвонил водителю:

— Василий Петрович, забери из дома мою жену... а, черт, она ж еще собираться будет...

— Да без проблем, я там подожду. Сюда потом?

— Да, дуй.

От Юрича много зависит, и он много знает, поэтому надо руку держать на пульсе. Что его тут держит? Я все равно докопаюсь.

Есть такие водилы: двадцать лет за рулем и все ямы на дороге ловят. Про Петровича такое не скажешь: Петрович дорогу чувствует. Раиса смотрела на идущих по тротуару людей. Внимательно смотрела. Смотри, смотри. Вот эти люди на тротуарах — это народ. И мы с тобой, Раечка, тоже народ, правильно? Интересное слово — народ. Вот если КПРФ победит, тогда народ сам себя станет раскулачивать? Или они гражданскую войну замутят? А может, никаких изменений и не было бы — у них не только с пролетариатом дружба.

А в жизни математика простая: все богатыми быть не могут, надо кому-то и богатства производить. Денежки просто так, ниоткуда, не появляются. А те, которые ничего не производят, а с бюджета деньги получают, потом в чей карман их перекладывают? А если такие, как я, не будут давать народу работу, то что с ним, с народом, будет? Нас только за это надо от налогов освободить. Свои, не чужие, отдавать приходится. Но покажите мне того, кто не любит деньги. Много не надо, одного покажите. И у красавиц тоже губа не дура. Раиса моя...

— Сергей Николаевич, приехали, — сообщил Петрович.

— Да, Петрович, это я задумался. Жди нас.

За прозрачным окном кассирша выписывала нам билеты. На стекле, на его внутренней стороне, прозрачным скотчем было закреплено небольшое объявление:

¹ Бенефициар — закон допускает оформление предприятия и счета в банке на псевдоруководителя, хотя фактическим владельцем всего (конечным бенефициаром) является другой человек. При таком варианте имеется больше возможностей для мошенничества.

² СЭС — Санитарно-эпидемиологическая служба.

³ ЕГАИС — Единая государственная автоматизированная информационная система.

⁴ ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц.

«Вам предоставляется возможность пригласить в ваше купе одного из попутчиков: фокусника; гитариста-песенника; артиста театра; художника-портретиста».

Естественно, кассиршу я узнал. И сразу же стало расти раздражение. С билетом для Раисы неожиданностей не было — откуда ей было знать ее фамилию. Вот когда она раскрыла мой паспорт, ее голова дернулась, и наши глаза встретились. Но она быстро взяла себя в руки:

— Вагон шестой, седьмое купе, места шестнадцатое-семнадцатое. Платформа номер один, путь первый. Счастливого пути.

— Большое спасибо. Ну что, пошли? — повернулась ко мне Раиса.

Мы вышли на перрон. Конечно, Юричу я втык сделаю. Нечего было мою бывшую кассиром брать. Тем более что детей против меня настроила. Ну, ничего, деньги будут нужны — папу вспомнят. Я огляделся. Указатель сообщал, что мы находимся на платформе номер один и путь тоже номер один. Вагон номер шесть стоял прямо перед нами, и пока я его разглядывал, Раиса направилась к ларьку на перроне. И я опять полюбовался ее фигуркой. Нет, я все-таки не зря на ухаживание столько денег грохнул. Вагон какой был, такой он и остался, но здесь он воспринимался объектом из какого-то другого мира. Я вспомнил, что шторы-занавески Юрич потом отдельно добывал. Хорошо вагон смотрелся.

В бизнесе жена значит много. Если бизнес идет успешно, то и жена у бизнесмена что надо, а не старая калоша. Многие дела в бизнесе делаются на банкетах и других гулянках, и когда рядом с тобой такая красивая женщина, то «деловарам» экономить бывает неудобно. Ну и, кроме того, красивая, молодая жена — это престижно.

У нашего самого крутого банкира тоже жена Раиса, но он ее только по имени-отчеству, потому и отношение к ним соответствующее. И понимаешь, что те, у которых жены Ленки-Машки, стоят на ступеньку пониже. Раиса по имени-отчеству не захотела.

Я тоже подошел к ларьку — не мешает лишний раз проверить ценники. Некоторые продавцы хотят на мне зарабатывать. В этом ларьке торговала ее одноклассница Валентина. Или одногруппница? Она раньше работала в старом кафе — я ее помнил. Память на лица у меня хорошая. Правда, Валентину запомнить несложно — про таких говорят: «Чернявая такая, шустрая — да вы ее сразу узнаете, как увидите». Ну а как ее не узнать, если она полсекунды спокойно постоять не может? И челка у нее на лбу не лежит, а туда-сюда мотается: Валентина успевает и на часы глянуть, и на мужика на перроне, и маникюр свой проконтролировать, и список продуктов, в тележку сложенных, а мужику тому пялиться на нее нечего — не сам стоит. Кобелина. Вот так, незаметно, пара секунд и пролетит.

Я замечал, что Раиса радуется встречам с Валентиной больше, чем сама Валентина. Та была при встречах то ли чем недовольна, то ли чем обижена. Хотя чего тут непонятного: Раисе повезло со мной, пусть брак и гражданский, а Валька в своем ларьке сидит. У Раисы есть все, что она хотела. Оранжевую — пожалуйста, украшениями тоже побаловал, выставки ее картин — это еще проще. Сейчас, правда, она к этому охладела: последняя картина не продвигается. Как по мне, так нарисовала бы нападающего волка с открытой пастью, с зубами, а не луну над ночным лесом и нечетким воющим волком. Ну, я в эти дела не лезу. Жена-художница — это для имиджа тоже неплохо.

Я сфотографировал правую часть ларька, чтобы сверить ценники. У Вальки голос громкий, и не захочешь, услышишь:

— Ты представляешь, тут одни ребята с севера были. Приехали на юг греться, а билеты на зимний сибирский маршрут взяли. Во придурки, правда? Мой Андрей тоже, как приехал, только про север и разговоров. Как ты поживаешь? Как сыр в масле?

— У него отпуск уже? Я тоже хотела на север взять, но сказали — туда поезда не ходят...

— Да, пролетела птичка райская, как фанера над Парижем. Только юг Сибири. На Магадан ждэ еще делают, но у нас хватает и других направлений, — да любой каприз за ваши деньги, ноу проблем! — резко выбросив руками куда-то вверх все проблемы, которых нет, засмеялась Валентина. — Деньги можете вон там, в углу складывать, — она ткнула пальцем в сторону, — а уж капризы я вам обеспечу! — Теперь они уже хотали вдвоем, еще и потому, что кое-что было понятно только им — женщинам.

Пока Раиса болтала с Валентиной, я вышел на середину перрона и огляделся. Интересно было, как он сделал видимость остальных вагонов поезда? Понятно, что экраны, но выглядит реально. Молодец Юрич.

«Уважаемые пассажиры! Скорый поезд Москва—Минводы прибывает к платформе номер четыре...» — мне стало смешно, — какая платформа номер четыре, но запись передала и шум большого вокзала, и характерное эхо, и я начал ощущать странное, двойственное чувство. Начинаешь чувствовать какое-то беспокойство — и пока не сядешь на свое место... Я достал билеты. Шестнадцатое и семнадцатое... Чего это она дала верхнее и нижнее? Все нижние полки в купе нечетные. Хотя никого больше не будет, но все-таки...

«Уважаемые пассажиры! Начинается посадка на фирменный поезд Минводы—Санкт-Петербург! Поезд находится у платформы номер шесть. Нумерация вагонов с головы поезда. Отправление поезда...»

К вагону прошла группа молодых мужчин с тяжелыми пакетами. Явно пивом затарилась. Я подошел к ларьку.

— Валя, где они пиво брали? — и тут же подумал: если я бенефициарный владелец, чего ж я высываюсь... Валька, зараза, и глазом не моргнула.

— А в нашем старом кафе и берут — думают, что тут, на перроне, дороже будет. Владимир Юрьевич сказал, что надо как раз тут сделать дешевле, чтобы народ на перрон привлекать. Мол, пусть присматриваются, может, заинтересуются.

А что это Владимир Юрьевич решил не своими деньгами распоряжаться, подумал я. Если не своими, то, конечно, не жалко. А мы это запомним и пока на полочку положим. До поры до времени. Может, еще поделится новостью, прежде чем деньги на ветер выкидывать... Мужики толпились у вагона — ждали проводницу. Проводницей была Валька: за полставки.

— Ну и сколько народу в день бывает? — интересуюсь я, мне это тоже знать надо не только со слов управляющего.

— По-разному, — отвечает Валька, — мне уже пассажиров запускать надо.

Из ларька сначала появляется тележка с товаром, а потом и сама Валька. У Вальки опыт: не зря она загрузила, кроме выпечки, напитков и сладостей, еще и ящик пива.

— Куда едем, мужики, — весело кричит она, — и что вам на месте не сидится? Билетики приготовили, не толпимся, все уедем! Помогаем хрупкой женщине поднять груз в вагон, для себя, для себя стараетесь!

И когда это Валька переодеться проводницей успела? Нет, Юрич молодец. Стоп. А откуда деньги на форму взял? Что-то не помню я в отчете такую строчечку...

Чуть в сторонке стоит пожилая пара, в руке у мужчины паспорта с билетами. На паспортах в свое время настоял я — так проще за сохранностью имущества следить.

— Поднимаемся, не задерживаем, — командует Валька, — поезд никого ждать не будет.

«Внимание! По второму пути проходит товарный состав! Вниманию проводящих: просьба покинуть вагоны пассажирского поезда Минводы — Хабаровск!»

Вслед за пожилой парой поднимаемся в вагон и мы с Раисой. В проходе вагона обращая внимание на занавешенные окна. Попробовал отодвинуть занавеску — не отодвигается. Надо спросить у Юрича почему. Слышно, как прогрохотал товарняк на втором пути. Из последнего, самого дальнего купе вышел плотный, среднего роста мужчина с большими залысинами и немаленьким животом и направился к шумному купе, похоже, там обосновались те мужики с пакетами. Я его узнал — артист, про которого Юрич говорил.

— Ребята, — артист остановился у открытой двери купе, — у вас есть чем пиво открыть?

Точно артист, восхитился я. Пиво он открыть не может. Тем временем в том купе внезапно все затихло.

— Нет, я все понимаю, — продолжал артист, — но в театральном этому не учили. Нас учили падать, умирать и смеяться, изображать чемодан и дождь, а вот пиво... Зубами мне нельзя, а о край стола тоже, знаете, неудобно...

Мы с Раисой еще не успели зайти в свое купе, а артист уже рассказывал мужикам и как изображать дождь, и что главное театральное действие происходит в театре за занавесом: именно там главные драмы и трагедии, предательства, интриги и романы...

— Вы знаете, что сказал Высоцкий Золотухину, когда тот решил играть вместо него Гамлета? — спросил артист, но потом, видимо, дверь задвинули, и артиста стало не слышно. Нет, артист не зря свои деньги получает. Мне и самому захотелось послушать.

Рая раздвинула занавески, и я увидел вокзал. Нет, одно дело обсуждать это все с Юричем и совсем другое видеть за окном проплывающий мимо вокзал и слышать стук колес. За окном замелькали перелески, чаще стали попадаться хвойные деревья — это явно был северный пейзаж. Куда Раиса брала билеты? Я вспомнил: за окном каждого купе свой монитор и свое видео. Как в том анекдоте: «До чего техника дошла: в одном вагоне в разные стороны едем». Еще, помнится, прикидывали: если дело пойдет, то и европейские записи надо будет добавить. Я достал телефон и набрал Юрича. Недоступен. Раиса внимательно глядела в окно. У нее даже глаза увлажнились.

— Ну как, нравится? — спросил я, но Рая продолжала глядеть в окно и лишь кивнула.

— Да, очень, — тихо добавила она.

«Станция Хани. Стоянка две минуты», — донеслось из динамиков.

В окне действительно была станция Хани. Во всяком случае, так читались большие синие буквы на сером здании местного вокзала. Чуть подальше виднелись пятиэтажные хрущевки. Их явно уже после Хрущева строили. А за выстроившимися в ряд пятиэтажками поднимался крутой горный склон, поросший редкими деревьями даже на пологой вершине. На склонах, где покруче, деревьям зацепиться было не за что, и на скальных обнажениях даже снега не было.

Послышался убыстряющийся стук колес, за стеклом поплыло здание станции, несколько контейнеров-пятитонников, выкрашенных в кирпичный и синий цвета и какие-то, видимо, складские, невысокие помещения, сложенные из бетонных блоков. На блоках очень крупными буквами было написано: «РОДИНА, ПРИНИМАЙ НАШ ТРУДОВОЙ ПОДАРОК!» Еще какое-то время мы наблюдали стоящие на подъездных путях два грузовых состава: один с цистернами ГСМ, а второй с безоконными вагонами, и опять потянулась смешанная негустая тайга с заросшими склонами невысоких гор и неглубокой, пенящейся бурунами речкой. Речка то бежала в одном направлении

с дорогой, то виляла в сторону, и через несколько километров, погуляв в тайге, возвращалась. Мелькали бетонные опоры электролинии, аккуратно выкрашенные голубой краской в нижней части, и редкие путевые будки, тоже голубые, но с белой широкой полосой во всю длину стены.

— А я помню, — тихо сказала Раиса, — я была маленькая, мы ехали отдыхать на юг, у нас куча вещей, а на вокзале неправильно объявили начало нумерации вагонов. Все сначала с вещами и детьми побежали к своим вагонам, а после второго объявления, — Рая закрыла глаза и покачала головой, — навстречу друг другу. С вещами и детьми. Представляешь? А мне кажется, я действительно еду, — она улыбнулась. У Раисы глаза темно-темно-карие, я еще когда-то хотел ей комплимент подготовить, но так и не узнал, на какой драгоценный камень они похожи, а потом уже и не надо стало.

Раиса грустно смотрела на оконный пейзаж. И вдруг я увидел бегущего зайца! Заяц неся по вырубленной полосе вдоль железной дороги, — тут же посвободнее, тут быстрее, — а потом рванул прочь от дороги, в лес. Поезд, как на взлет, взбирался на нескончаемый подъем, а далекий хребет-водораздел тоже становился выше, выше и величественней. Лиственницы при взгляде сверху казались маленькими, но только теперь можно было увидеть и ощутить всю бесконечность тайги, и весь наш поездный состав стал ощущаться незначительным и лишним.

Я вышел в коридор. Валькина тележка стояла у выхода в тамбур возле купе для проводников, а из предпоследнего купе в другом конце вагона слышался перекрывающий стук колес уверенный голос артиста:

— Мы в городке этом проездом были. Ну, не совсем проездом, одно представление мы дали. А давали «Грозу» Островского. Ну и как вы знаете, там героиня бросается в реку — и все. Но она же, героиня, на следующем спектакле тоже нужна будет! А у нас с собой столько груза всякого, одних костюмов — это ужас! Мы даже металлический лист с собой возили! Ну, а как ты стрелять будешь? Никого же не застрелишь без листа!

— А с героиней, с героиней что?

— С героиней? А! Для нее на месте матрацы искали, за маты в спортзалах договаривались, да... Ей больше перины нравились, но кто же тебе перину даст? А тут ничего не нашли. Ни-че-го! Зато нашли батут. А героиню эту — ей все время главные роли давали — предупредить... ну, ну забыли предупредить, бывает...

Да, артист этот свои деньги не зря получает, ребята еще на него придут. А что это Вальки не видать? Работница... Я и сам бы с ним пива попил.

— Кульминация! Зал замер! Она бросается с моста! В реку! И вылетает обратно... Там же батут! Она опять в реку — ей деваться некуда — роль! И обратно! Опять — с моста — и опять! И тут я говорю:

— Да, не принимает Матушка-Волга... Все наши уже лежат, а тут и зал с кресел сполз. Если бы вы знали, какой это был успех... А что, у нас пива уже нет?

— Викентьич, сейчас все будет! — в проход выскочил молодой парень. — Валенька-а-а!

У тележки появляется Валька. Она широко улыбается парню, — ну, когда ж вы уже нажретесь? — но это слышно только мне, а для парня громко:

— Иду, яхонтовый, на следующей станции еще затарюсь. Опять такое же?

Пропуская проводницу Вальку (у Юрича спросить надо — откуда форма), замечаю, что пиво в тележке одного сорта. Чего тогда спрашивать? На обратном пути ее останавливаю.

— Отдыхала, что ли?

Она какое-то время прокручивает ситуацию обратно и, взглянув в сторону своего купе, рапортует:

— Работала. Бабулька одна приходит с пирожками. Угощает меня пирожками своими и про свою жизнь рассказывает. Ей дома поговорить не с кем... Она на БАМе работала. Говорит, что сто сорок мостов и семь крупных рек... у нее и награда имеется.

— Билет берет? — перебил я ее, блин, опять прокололся. — А что, только один затейник работает?

— Берет. Там у пожилых трюкач этот, ну, фокусник, работает. Фокусы показывает. Говорит, вам со мной повезло: я честный человек, а раньше вас нечестные люди обманывали. Один раз посмотреть можно. Но я все не смотрела, — спохватывается Валька, — мне же работать надо.

— Фокусы какие показывает, — останавливаю я ее, — на картах, что ли?

— Не только на картах, — у нее загораются глаза, — он еще ленты из руки вытягивает и через стол монету проталкивает — вот так: трах монету об стол — и монету под столом в руку ловит. Он мне один фокус рассказал, как надо делать. Надо только купить несколько колод, повытаскивать с каждой колоды по тузу... Ой, я же обещала не рассказывать...

И ты дура, и фокусник твой такой же, думаю я. Возвращаясь к Раисе, попробовал дозвониться до Юрича — бесполезно.

Рая сидит, как сидела, и смотрит в окно. Она вообще последнее время какая-то скисшая. Поначалу она мне в большие деньги влетала. Выставка — это еще куда ни шло. Оранжерея... оранжерея я ей еще с самого начала обещал — пришлось потратиться. Но с оформлением особняка подожду. Дизайнериха — вот кто акула бизнеса! «Имидж фирмы должен вызывать доверие, поэтому надо думать не только о бюджете... Вам, солидному руководителю, подойдет стиль, нет, не фьюжн и не арт-деко — только классика и ампир — отличный вариант! Как вы понимаете, дешевые подделки здесь неуместны — это демонстрация престижа и вашего безупречного вкуса...» Каково?! Авторский надзор тридцать кусков, дизайн-проект за квадратный метр тысяча двести рэ — за двести двадцать квадратов сколько получится?

Лапшу на уши она мне вешала в офисе, и я потом еще несколько раз прослушал запись. Если диктофон не в кармане пищит, то запись качественная получается. Красиво работает: «дешевые подделки здесь неуместны».

Ее фирму по дизайну помещений Раиса в Интернете нашла и захотела оформить дом в стиле «современный интерьер». Я предполагал, что это недешевое удовольствие, но не настолько же... Только планы помещений, перепланировки, планы электропроводки, светильников — штук восемь планов — только за них надо отдать двадцать пять штук. За бумажки, срисованные с генплана.

Так что офис свой я сам оформлю, подешевле. Хохлов найму, и сделают. И санузел в офисе меня вполне устраивает, это в особняке Раиса в ванной размахнулась. Поначалу надоедала, спрашивала за всякую ерунду: «Как ты считаешь, столешница в ванной какая надежнее: из кварцевого агломерата, стекла или акрилового композита? Ты не против, если у нас в ванной и туалете все будет в красно-белых тонах? Слушай, я остановилась на черно-бело-сером оформлении, красное — это все-таки чересчур, ты не против?»

Получилось, конечно, красиво, но бабок вылетело немерено. С дизайном дома подождем пока. Бабки надо беречь. Если уж вкладывать, то в проекты надежные и иметь в виду, что двадцать-двадцать пять процентов — расходы, которые заранее не учесть. Я это по жизни знаю.

Когда-то Раиса сказала, что любовь бывает редко, а деньги нужны всегда. Впервые я увидел ее в ресторане и пригласил на танец. В этом ресторане я тогда бывал часто, пока наш банкир в нем столовался.

Они сидели за столом втроем: она и Валентина с парнем. Парень — с первого взгляда было понятно — не деловой. Он ехал куда-то работать, а Валентина и Раиса его провозжали. Я еще тогда спросил: за туманом едет или за деньгами? «А я еду, а я еду за туманом», — тихо напел я, а Рая подпела, поддержала: «За туманом и за запахом тайги». И мы с ней засмеялись, и мне понравилось, как она смеется. Нравятся мне ямочки на щечках.

Вообще, мне она сразу показалась: и фигурка что надо, и не скелет-вешалка для подиума, и блондинка настоящая — мне такие нравятся... Я еще тогда так удачно съюморил, что если кинуть на дорогу пачку денег, то все эти романтики передают друг друга. Да, вот как раз после этого Рая и сказала, что любовь бывает редко, а деньги нужны всегда. Насчет любви я ее разубеждать не стал, молодая еще. А то, как она сказала про деньги, мне понравилось. Как ни крути, а все равно придешь к тому, что деньги — это главное.

За стеклом неслось все больше снежинок, и я подумал, что все-таки хорошо быть в тепле.

— Знаешь, у нас говорят — метель, а на севере говорят — пурга. Если пурга, то сразу понимаешь, что снег везде, правда? Слова разные, а явление одно и то же...

Я осматривал интерьер купе и не понимал, почему этот вагон списали. Я видел действующие купе, которые выглядели хуже. Юрич рассказывал, что деповские итээры из списанных вагонов дачи себе строили. Доска-вагонка из вечной лиственницы — чего уж лучше...

— Метель от слова «метет», кажется, понизу метет, а вот и нет, — продолжала Раиса, — когда снежинки несутся горизонтально и выше двух метров над поверхностью земли — вот тогда это метель, а если низко — поземок. Вот какая я теперь грамотная.

Зазвонил телефон, сначала мой, а потом и у Раисы. Проснулся наконец-то, глянув на дисплей, подумал я.

— Юрич, ты где был, я дозвониться не мог, я сейчас в кафе и имею к тебе вопросы...

— Так я по точкам ездил, по пути в село не везде связь бывает. В селах надо сделать так: если берешь товара на пятьсот и выше, то минус стоимость билета до города и обратно. Вы как на это смотрите? Гитарист к вам пришел? У него под цыган здорово получается. Я Валентине Егоровне сказал, чтобы его к вам направила...

— Ничего поживаем, едем, за окном пурга воеет, у нас тепло, — отвечала кому-то Рая, — нет, мы вдвоем, пока никого. А мы зайца видели...

— Не гони лошадей, Юрич! Насчет денег мы потом перетрем. Ты мне скажи, форма проводницы откуда появилась? В отчетах такого не было, я помню. И еще: занавески почему не раздвигаются в коридоре? Я пробовал — мертво...

— Занавески и не должны раздвигаться — не вешать же и с другой стороны мониторы, сам же давишь, чтобы дешевле было, а за два комплекта формы бесплатно договорился, они снашивать не успевали, им новую выдавали. Давайте в расходы внесу, чтобы в отчетности все в порядке было, деньги мне не помешают...

— Все, все, все, Юрич, молодец! Извини. Я тебя о чем хотел спросить... о чем я тебя спросить хотел...

В дверь постучали.

— Да, открыто, — крикнула Раиса, — входите.

Дверь отъехала, и в купе нарисовался нескладный хмурый парень — похоже, тоже из театра — лицо знакомое. Их там, молодых, много. Мне вспомнился треп толстяка-артиста: «Роли достаются не всем, а кушать хотят все». Гитара в его руке выглядела так, словно она ему мешала. И его «здравствуйте» тоже прозвучало нелепо и как-то не к месту. Нет, вот тот действительно артист, а этот так... бюджетник. Надо будет турнуть его отсюда, чтобы клиентов не распугивал...

— Я хочу, чтобы вы нам на гитаре поиграли, — не терпящим возражения тоном произнесла Раиса, а я даже от телефона отвлекся, ты гляди — какая королева проснулась. Правильно, с такими так и надо разговаривать. Я таких «бюджетниками» зову.

— Слушай, Сергей Николаевич, ты меня слушаешь или нет? Я тебя уже второй раз...

— А что, облезешь, если лишний раз спросишь? Ты говорил, хочешь сделать, чтобы вагон трясло? Это удовольствие сколько будет мне стоить?

Я почему-то вспомнил: в Америке в рельсах специально пропилили делали — для стука при движении поезда. Американцы — они и есть американцы. У нас двойную работу делать не будут.

— Пиво, напитки, конфеты, печенье, — послышался Валькин голос — вот это голова — и глухой услышит, — журналы, кроссворды, бижутерия, киндер-сюрпризы...

— Обожди, Юрич, пиво возьми. Валя! — крикнул я в дверь, и дверь сразу отодвинулась, словно с той стороны только и ждали — Валька сама как киндер-сюрприз:

— Что желаете? Есть...

— Стой, не кричи, — успел я, — одно пиво...

— Вам открыть сейчас или сами потом? — Нет, Валька все-таки вѣдєрга порядочная. — А ты чего не работаешь, паши давай! — Это она уже этому гитаристу. Да, надо Юричу сказать, чтобы он ее начальником над затейниками поставил. Пусть свои полставки отрабатывает...

Парень с таким видом «двум смертям не бывать, а одной...» уселся на мою полку и, прилаживая поудобнее гитару, мягко провел ладонью по ее боку. Это выглядело так, словно он погладил ее, как собаку. Видимо, это было неожиданным и для Раисы, и она непроизвольно провела ладонью по столику — тоже погладила. Бюджетник после первого же аккорда стал чувствовать себя намного увереннее:

Природа душ не терпит пустоты,
Нам снится то, что больше беспокоит.
И вот из вертолета вышла ты
В мою тайгу — приснится же такое...

Парень смотрел на проплывающую мимо окна тайгу и то ли пел, то ли рассказывал:

А мне бригада дарит выходной,
И я, с мелкашкой по хребту гуляя,
Гляжу на мир — тут мир зовут тайгой —
Вон там, иголкой, наша буровая.
И там ребята — лучше нет ребят.
Они решили: мне жениться надо.
А в отпуске, как сами говорят,
У жен упрек: «Тебе родней бригада!»

Дверь немного отодвинулась, и в проеме нарисовалась Валька. Взглянув на парня, показала мне, приподняв повыше, два стакана чая в подстаканниках — не желаете? Я указал на пиво.

Из коридора послышалось залихватское: «А я еду, а я еду, за туманом!» Видимо, с открытой дверью поют, подумал я. Романтики в тумане. Артист за этим следить должен. Штрафануть, может? Или Вальку? А потом говорят: богатых у нас не любят. А я вас люблю? Пахать надо, чтобы денежка была. Я когда из Орла какао-порошок возил, вы на диванах задницы грели! Так еще и кривились: «Ах, если бы иностранное,

импортное...» Фасовали, конечно, на орловской кондитерской фабрике, но где у нас какао растет, не скажете? А когда я из Барнаула костюмы мужские возил — и не черные-серые, а разных цветов-оттенков — а вдруг бы не раскупили? На костюмах хороший навар был.

С зерном, конечно не сравнить. Зерно — это уже другой уровень. Но мы с директором совхоза еще по службе в армии друг друга знали, и все было в документах как надо: урожай у совхоза выкупается, хранится там, где и был, машинами оттуда же и вывозится на мельницы. Все по закону: договор на аренду помещений имеется, документы на покупку и продажу зерна в порядке, налоги с указанных на бумаге циферок выплачены — что не так? Главное, делиться надо. Вам кто не дает зарабатывать? Хотите зарабатывать — зарабатывайте! Правительство частный бизнес поддерживает, а если кому в частном бизнесе не нравится, ищите другую работу — у нас безработицы, считай, и нет — всего-то пять процентов... Работы навалом — вперед. Только хорошо ищите.

Тайга по-женски дарит красоту,
В любом наряде выглядит красиво,
Я снова за снегами вижу ту,
Которая об этом не просила...

Запиликал телефон: совсем я забыл про Юрича... Раиса смотрела на парня, и было не понять, то ли слушает она его, то ли о чем своем думает... Я нажал на кнопку приема. Парень продолжал:

Иду домой пустой — пускай поржут.
Жалеешь, скажут, фауну, мазила.
А я поеду в отпуск и скажу —
Все ей скажу: бригада так решила.

Глотнув пива, ответил:

— Юрич, отвлекся я тут, ты мне скажи, тряска вагона во сколько выльется?
— Механику для тряски с мельницы возьмем, они же муку сеют, но резинки-амортизаторы долго не выдерживают, надо будет менять. Как тебе новое кафе? Да, Сергей Николаевич, не хотел сразу говорить, но еще заплатить придется... Как вы понимаете, аренда...
— За какой хрен?! Юрич, ты в своем уме? То, что снаружи во дворе под вагон место заняли — это все равно мое кафе и моя территория — расширил только! Втянул ты меня в это дело... и трясти вагон — это лишнее! Не надо! Лишнее!

«Стоянка две минуты», — сообщил динамик.

Я отключился и, споткнувшись о ботинок этого неудачника, вышел в коридор. Певец хренов. Лучше бы анекдоты рассказывал. О, а насчет анекдотов это мысль... Хотя еще вопрос, будет ли этот проект выгоден. В коридоре появились два пожилых мужика. Идущий первым кособочился, стараясь на ходу обернуться, и, размахивая руками, громко объяснял:

— Мы же заранее к его дню рождения подготовились, ну, само собой, поздравили хорошо, ну а потом — что? Нет его! В одну сторону дороги глянули — Кольки нет, в другую — тоже одни рельсы блестят! Кричим — а кругом тайга, сам знаешь! А он в яму залез и заснул. А мы орем: Колька-а-а! Мы же опоры, ну, столбы бетонные для ЛЭП в ямы ставили! Метр сорок на метр сорок и четыре с половиной. А ямы мы знаешь,

как делали?! Там же мерзлота ниже начинается! Хорошо, что выкопали неглубоко. А он там, понял! — восторженно кричал мужик в стоптанных кроссовках и даже потыкал пальцем вниз. — Думали, капец имениннику — ведь мерзлота, а ему хоть бы хны! Сейчас посмотришь на наши опоры. Стоят как миленькие! Я тебе наш участок покажу... Между прочим, самый высокий участок дороги — выше нет.

Мужики зашли к себе. У него обувь разваливается, а он пришел на столбы любоваться. Мужик в кроссовках вышел в коридор и, коротким жестом выставив раскрытую ладонь в купе: «не волнуйся, я угощаю!», направился к Валентине. Стук колес учащался, поезд набирал скорость, «угощатель» прошел обратно, прижимая к груди четыре бутылки пива. Я подошел поближе к купе этой двоицы. Слышен был уже другой голос:

— Вы-то опоры свои ставили когда? А мы первые шли. Мы трассу прокладывали. А если горка или яма, то корректируем направление. Меняем трассу. А если крутой поворот — поезд так не повернет, — то опять деревья валим. Иногда по три раза трассу меняли. Я не знаю, как вам платили, а у нас со всеми накрутками — безводных, правда, не было — на руки четыреста, а остальное проедалось там же.

Дальше я слушать их не хотел. Герои. Мечтали сделать скорей. Совки задуренные. Нормальные оттуда давали деру без всяких документов. На плотях сплавлялись. Вас, таких идейных, и сейчас по БАМу много пооставалось. Я оттянул шторку окна в коридоре. Конечно, там все было по-прежнему, и Валькин ларек стоял там, где и должен был стоять. Столбами они пришли любоваться. Бамкнутые на все голову. Бам-кну-ты-е. Могли бы и дома пиво попить. Я вызвал Юрича.

— Слушай, сюда не мешает еще анекдотчика найти. Анекдоты — это беспроигрышно будет. Я тут побыл, присмотрелся. Люди идут. За что еще платить?

— Так ведь не твое кафе на твоей территории...

— Как не мое? А... ну и что дальше?

— Так за аренду платить надо....

— Кому платить, у тебя что — крыша поехала?

— Вот вы себе платить и будете. Договор об аренде помещения — нужен? Нужен. Значит, и квитанция об оплате пусть будет.

— Ладно, уговорил.

Что-то эта затея мне переставала нравиться. Может, он и не едет в свой Израиль, потому что одну ниточку оборви — и кафе... Но пока оно прибыль не приносит, а потом я ему случайно сообщу, что право владения оформлено уже не на меня. Черт возьми, а на кого? Из-за этой мысли я на какое-то время застыл перед дверью своего купе. Гитарист-бюджетник пел, приглушенно звучала гитара:

Судьба водит не теми дорожками,
С ней удача никак не подружится.
А на фото та козочка с рожками —
Напилась, наверное, с лужицы.

А действительно, на кого? Подкатила Валька со своей тележкой — изображает активность, не иначе. Унюхала, кто тут хозяин. Почему-то все стало раздражать. И вагон этот старинный, сейчас такие уже не выпускают, и все эти бамкнутые...

— А что — они все билеты только на БАМ берут?! Что больше никаких других направлений нет?!

Валентина опешила:

— Почему только на БАМ? Эти пожилые хотели взять до Киева, но до Киева видео-записи нет, так они взяли до Воронежа — у нее там бабушка жила — я слышала. Она к ней на каникулы ездила. Я тоже к своей бабушке...

Я отдернул дверь-каталку вправо:

— Все, хватит! Закончен концерт!

Бюджетник, словно извиняясь, развел руки в стороны, встал и вышел. Раиса смотрела на меня. Я подошел к столику, допил пиво.

— Все, пошли. Поехали домой.

Джип заурчал сразу, как только вышли на улицу. Юрич убедил, что престиж значит много, но этот престиж столько бензина жрет... Хотя не на велосипеде же мне ездить. Усадив Раису сзади, сам сел впереди, к Петровичу поближе.

У моей бабули штук пять икон было. Одна, маленькая, в серебряном окладе была. Может, она и не знала, что оклад серебряный, но пропажу иконки заметила. Бабуля простила бы потом, конечно. Не успела.

— Водила Влада интересовался, как у вас дела идут, — подал голос Петрович. Петрович свой, он сыном крепко привязан.

— Ну, а ты?

— А я говорю, молчит, как сыч, вечно чем-то недоволен.

— Правильно, Петрович, ты так и говори.

Влад держал хозяйственные магазины. С железками удобно: не испортятся, хоть сто лет лежать будут, и отапливать их не надо. Это тебе не фрукты. Хотя и фрукты сейчас другие. И не портятся, и жрут их только люди. А насекомые не хотят. Но на продуктах навару больше. Кушать хочется всегда.

Какая-то мысль не давала покоя. Что-то я упустил. Про форму проводницы я узнал, про снижение цены на пиво — это не сейчас, это я помню. В Архиповке надо продавщицу предупредить — в будущем пусть сначала советует, прежде чем заявление писать. А чего это вдруг Вальке еще полставки платить? За что? Она же в своем ларьке не работает, когда в вагоне ошивается... а в ларьке в это время кто? Ларек должен все время работать, пока вагон работает. Будет толк — старое кафе прикрою и на его месте... Качнуло. Так. Приехали уже.

— Петрович, завтра, как обычно.

Пока шли по гравийной дорожке к дому — когда я ее уже забетонирую, — пришла толковая мысль. А что: спальные места есть, можно еще и ночлежку сделать, а? Завтра Юричу дам задание. Раиса пошла к себе, а я еще долго не спал. Надо проверить, не зря ли уборщица деньги получает. А то Раиса с ней запанибрата общается, тоже мне — подругу нашла. А я Раисе скажу, что если где пыль найду, то... Вот пускай Раиса ее и контролирует. Все должно приносить прибыль. А ведь если ночлежка, то я конкурент гостинице получаюсь. Надо это дело прозондировать. И уже засыпая, вспомнил, как Раиса приказала этому убогому петь — молодец, привыкает к своему положению...

Проснувшись утром, еще долго лежал с закрытыми глазами. Перевернувшись на спину, открыл глаза. Вот так, лежа и глядя в потолок, мне нравилось продумывать свои действия на день. Что-то я вчера упустил. С бухгалтершей сегодня надо посидеть, разобраться за этот месяц. Затейники, Юрич сказал, в копейки обходятся — мол, им самим интересно себя показать. Артисту лысому можно и не платить, разве чуть-чуть — он и так ходить будет. Да и Юричу самому интересно довести этот проект до ума. Сколько, он сказал, клиенты за гостя-затейника доплачивают? Артист этот лысый, похоже, сам вчера напросился. Ухарь.

Вот что нужно: прибыль за последние три дня минус затраты... хотя дело новое — всего три дня и работает — рано. Я резко взмахнул выпрямленными ногами и вывел себя

в вертикальное положение. Тяжеловат стал, худеть надо. Вообще-то, давно уже худеть надо. Да и за Раису не надо забывать.

Сунув ноги в шлепанцы, а телефон в карман халата, пошел в ванную. Ванная выглядела, конечно, круто. И была она не черно-серо-белая, как вначале хотела Раиса, а светло-серая и белая, с широкой, под золото, полосой в мелкую клетку над ванной. Хорошо смотрелась. Хотя кто ее видит. И пока чистил зубы, вспоминал рекламу зубных щеток и зубной пасты. Туфта на постном масле. Я и простой, не электрической щеткой почищу зубья не хуже, а, скорее, лучше. И паста во рту меньше минуты находится, прополоскал и выплюнул. Толку от ее навороченного состава. На лохов реклама рассчитана.

Побрившись, пошел к выходу и остановился. И обернулся. Фигурная ванна с ручкоятками по бокам и золочеными краниками... Прозрачный пластик, ограждающий душевую кабину, — тут тоже вроде все так... два унитаза: один с краником, краник тоже с напылением под золото — я не мог понять, что не так, но я привык себе доверять. Большая раковина, которая выглядела как громадная белая утятница, белый шкафчик на стене возле раковины... Я открыл шкафчик.

Вот оно что: когда ставил свою зубную щетку на место, не обратил внимания, что второй щетки нет. Она их регулярно меняет на новые, но сразу обе. Ну, со щетками она и сама разберется, моя на месте, и ладно. Утром мы общаемся редко, но я все-таки пошел к ней. Сразу не разберешься — и будет это потом занозой сидеть.

В спальне ее не было. На столике у кровати лежал лист белой бумаги. И на нем наискосок, крупно: «Я ушла к Андрею». Какой еще Андрей? Как его зовут, этого деда с оранжереи? Нет, с оранжереи я еще раньше уволил — и без него все растет, — пусть уборщица поливает. К охраннику с утра пораньше? Я позвонил охраннику. Он со своей собакой приходит дежурить, Раиса ее подкармливает.

— Да, Сергей Николаевич, доброе утро!

— Раиса у тебя?

— Нет. Она еще вчера вечером ушла и не возвращалась.

Он еще не договорил, а я кинулся к шкапулке. Серьги, кулон и пара колечек — на месте. Цепочки не было. Нет, цепочка с крестиком — они у нее и раньше были. И я вспомнил. У меня хорошая память на лица — я вспомнил! Я вспомнил этого гитариста! У Раисы был небольшой такой фотоальбомчик-книжка, и на одной из фотографий хотали Валька с Раисой, а между ними стоял Валькин брат. Повернув голову к Раисе, он улыбался, а правой рукой, пальцами, сделал ей рожки. Романтик хренов. Певец долбаный! «А на фото та козочка с рожками...» Уволю гада! На стеклянной полочке альбома, конечно, не было. Неделанная картина в подрамнике с воющим волком лежала в углу. Чего вдруг? Я же для нее... И хохлов бы нанял... Конечно, это не потеря, это заменить несложно. Но я все равно докопаюсь — чего ей не хватало... Я все равно докопаюсь...

Александр МЕНДЫБАЕВ

РАССКАЗЫ

ГРЕЧЕСКИЙ БРИЗ

— Итак, уважаемые родители, что будем делать?

Гурунопуро Эмма Николаевна блеснула стеклами очков.

— Не молчим. Высказываемся.

Я исподлобья посмотрел на своих товарищей по несчастью. Никто не знал, что отвечать. Эмма Николаевна повернулась ко мне. Я не видел ее глаз. Лишь очки, огромные, как авиационные прожекторы.

— Артем Витальевич, повторяю, что нам делать?

В этом пропахшем мелом, мытым полом и партами классе мне снова казалось, что я — тот самый подросток, Тёма-Воробей, которого распекает училка.

— Артем Витальевич. Я жду.

Я не знал, чего от меня хотят. Я выполнил все требования. Приехал, бросив работу. Отменил важную встречу, едва услышав в телефоне прокуренный, не терпящий возражений голос.

— Не-е знаю. Реагировать, что ли?

Эмма Николаевна крикнула, усмехнувшись такому неопределенному ответу.

— Реагировать. Я разговаривала и с милицией, и с районо. Всем безразлично. Частная собственность, клуб работает без нарушений. За детьми должны следить родители.

К счастью, прожекторы отвернулись от меня, упершись в единственную маму среди присутствующих.

— Диана Сергеевна, вы же мать! Это нормально, что ребенок играет в такие игры?

Диана Сергеевна робко улыбнулась.

— Нет, Эмма Николаевна, это очень плохо. И очень страшно.

— Я не хочу, чтобы мои ученики выросли садистами. Вы хоть понимаете, какой ущерб эти забавы наносят детской психике?

Прожекторы нацелились на громоздкого бугая, отца Сережки Шаина.

— Василий Валерьевич, а вы понимаете?

Бугай поморщился. Однажды на новогоднем вечере, когда дети лихо отплясывали в спортзале, а родители усиленно следили за порядком, мы разоткровенничались. Разомлев от коньяка, который я протасил контрабандой в плоской фляжке, Василий Валерьевич, пытавшийся весь вечер «склеить» зеленоглазую и длинноногую Диану Сергеевну, вдруг ляпнул, что в детстве насмерть приросла к нему кличка — Баран. Мы все почему-то очень хорошо это запомнили. И вот теперь Василий Валерьевич, богатый

Александр Олегович Мендыбаев родился в 1982 году в г. Алма-Ате (нынешняя Алматы), Казахская ССР. Выпускник Казахской государственной юридической академии по специальности «Международное право». С 2015 года — слушатель Открытой литературной школы г. Алматы. Публиковался в журналах «Литературная Алма-Ата», «Za-Za», в сборнике прозы «Дорога без конца». Живет в г. Алматы.

человек, владелец автомастерской, отец двух дочерей и сына-спортсмена, снова слышит недоверчивое «а вы понимаете?».

- Это самое. Я понимаю, да.
- Что вы понимаете?
- Игра. Они там бьют кур лопатами.
- Это нормально?

Баран уставился на Эмму Николаевну, не зная, что ответить. Зачем-то посмотрев на меня, сказал:

- Нет. Кур не нормально... Их топором рубят. Голову, конечно. Мы так в дерев...
- Достаточно!

Рядом с Бараном сидел расхристанный папаша, мало чем отличающийся от школьников. Одет он был в заляпанный свитер и непомерной широты джинсы. Очками мог посоперничать с самой Эммой Николаевной. Нам он был известен как Сява. Училка никогда не окликала его по имени-отчеству, что не мешало ей бесконечно припахивать несчастного родителя для нужд компьютерного класса и всей школьной электроники. С отверткой и обжимкой в руках он ползал под партами, проводил кабели, устанавливал софт, подключался к высокоскоростному Интернету. В родительском чате постоянно флудил ссылками на полезные, малополезные и совсем бесполезные приложения, стремительно исчезая, если кто-то задавал вопрос по IT-тематике. Сява уже минуты три пытался что-то сказать. Он даже поднял руку, но на него никто не обращал внимания. Сява имел привычку полулежать, выставив из-под парты хилые ноги. Прोजекторы наконец развернулись в его сторону.

- Вы что-то хотели сказать?

Вращая карандаш через большой палец, Сява заунывным голосом начал вещать:

— Игра называется — СС или Create Chaos, что в вольном переводе означает «творить беспредел». Возрастное ограничение — восемнадцать лет. По сюжету фрик-отморозок устраивает произвол в вымышленном городе. Пинает бабушек, бьет лопатой прохожих, мочится на могилы, поджигает голубятни. Можно крутить однополую, двуполую, многополую любовь, предаваться блуду и всяким извращениям. Можно заниматься бизнесом. Можно стать пастырем, разглашая по радио секреты исповеди и доводя прихожан до самоубийства. Игрушка мегапопулярна, предусмотрен многопользовательский...

Эмма Николаевна в сердцах бросила ручку на стол.

— Хватит! Сядьте по-человечески, когда разговариваете с учителем! Не хочу больше слышать про игру. Мне этой мерзости в интернетах хватило. И откуда вы знаете все подробности? Чего хохочете, Артем Витальевич? Я сказала что-то смешное?

Мне нечего было ответить. Да и что отвечать, если сам играл в эту игру на домашней консоли. Голубей не поджигал, паству не исповедовал. Но стрелял в коров из ружья для пейнтбола, а жена любила забегать в раздевалки, смущая фитоняшек и ловко разбивала клюшкой для гольфа садовых гномов. Мы оба думали, что играем втайне от сына, но, судя по всему, любимое чадо, несмотря на строжайший запрет, не хило куролесило, используя мой профайл. Иначе как объяснить кучу оружия и достижений, о которых мы с женой и помыслить не смели.

Я посмотрел на Диану Сергеевну. Она едва сдерживалась от смеха. Эмма Николаевна бросила на нее грозный взгляд и недовольно буркнула:

- Не мои, а ваши дети вырастут садистами. Нужно срочно принимать меры.

* * *

История вряд ли будет полной, если я не расскажу немного об Эмме Николаевне. Греческие корни делали ее похожей на богов-олимпийцев. Те же кудри и неистребимая

тяга к приключениям. Не хватало лишь лаврового венка. Хотя лавровый венок вроде римляне таскали. Впрочем — неважно. Эмма Николаевна — не просто заслуженный педагог с тридцатилетним стажем, она — автор нашумевшего бестселлера «Стой. Бойся. Иди» для учеников младших и средних классов. Книга состояла из правил дорожного движения, краткой (около десяти страниц) биографии автора и советов. Советы были полезными, философскими и ориентированными на детскую психику. Лично мне запомнился один пример. На картинке — могила с неизменным Р. И. Р. Внизу веселым шрифтом было написано: «Это Вася, он так торопился в магазин, что побежал на красный свет. Теперь лежит на свете том». Весь тираж (пятьсот экземпляров) был немедленно выкуплен фанатами творчества Эммы Николаевны. Ученикам, отказавшимся покупать, запретили переходить дорогу без родителей и тиранили до тех пор, пока брошюрки с подписью автора не заняли почетное место на полках юных читателей.

Эмма Николаевна не только писатель, но и филантроп. Организатор акции «Пусть растут вместе». Акция была доброй, интересной и очень гуманной. Ребятишки из детских домов и воспитательных колоний сходили в кино вместе с учениками ее любимой школы. Увы, все закончилось грандиозным побоищем, которое удалось усмирить лишь с помощью заместителя колонии по воспитательной работе и десятка солдат срочной службы.

* * *

Снова крикнув, Эмма Николаевна привлекла к себе внимание, напомнив, что ее «окно» заканчивается. Я не впервые был на встрече. За пресловутое «окно» можно было не переживать. Его размеры и продолжительность, выражаясь языком физики, стремились к бесконечности. Однажды, когда восемь учеников сбежали с уроков, мы разошлись домой к одиннадцати ночи. В другой раз смотрели документальный фильм про педофилов, и я полдня не мог объяснить шефу, чем сейчас занят. Обсуждение государственного устройства, роли человека в обществе, огромного влияния школы на жизненный путь, религии, политики, культуры, науки — Эмма Николаевна была кладезем знаний и оплотом единственно верного, неоспоримого и безапелляционного мнения. Любые споры пресекались в зародыше. Инакомыслие наказывалось. Временами родители сами верили, что их точка зрения лишь вредит детям.

— Стыдно и больно, смотря на вас, уважаемые родители, осознавать...

В класс заглянула рыжая, словно пожар, голова и, пропищав что-то невнятное, медленно скрылась, хлопнув дверью.

— Прошу прощения. Я на две минуты к директору. Никуда не расходитесь.

Когда Эмма Николаевна вышла, мы посмотрели друг на друга, как узники, ожидавшие скорой и неотвратимой казни. Сява, Баран и даже прелестная Диана Сергеевна оставились на меня, молчаливым укором обвиняя во всей случившейся заварухе.

* * *

Неделю назад Эмма Николаевна вызвала меня в школу, чтобы задать ряд неудобных и, я бы даже сказал, нескромных вопросов о судьбе чучел крапчатого голубя и черношапочного сурка, таинственное исчезновение которых чудесным образом связывали с моим сыном. После получасового допроса, когда отпираться было бессмысленно, юный террорист признался, что крапчатого голубя забросили в окно, надеясь испугать впечатлительную географичку. Географичка не испугалась, вышвырнув голубя обратно. Черношапочным же сурком немного поиграли в футбол. Слегка потрепанные чучела были обнаружены в школьной столовой, в шкафчике с пометкой «Крупы».

Эмму Николаевну удалось успокоить, лишь когда сумерки опустились на остывающий от полуденной жары город. Она говорила о какой-то игре, сповадившей юных злодеев на такие нестандартные развлечения. В воспитательных целях Эмма Николаевна даже заставила меня прогуляться до ближайшего компьютерного клуба. Я наслаждался свежим, вечерним запахом сирени, надеясь, что Эмма Николаевна отпустит нас, немного пожутив. Но, увы, чудес не бывает. Проходя мимо клуба, мы посмотрели на курящего хозяина. Тот, обнажив бесподобные чистого золота протезы, вежливо поздоровался и даже кивнул головой. На порог вальяжно вышел Сережка Шаин. Увидев училку, Сережка смущенно скрылся в недрах клуба. Эмма Николаевна тяжелой поступью пошла за ним. Я, крепко взяв сына за куртку, двинулся следом.

За компьютерами сидела парочка сутулых совершеннолетних длиннот, остальные места были пустыми. В пепельнице курилась сигарета, стояли жестянки с пивом, прямо на клавиатуре валялся недоеденный бутерброд, а на полу — пустые бутылки с энергетиком. Длинноты давно окончили школу. Они учились на третьем курсе местного Политеха и подрабатывали в клубе сисадминами. Чары Эммы Николаевны на них не распространялись. Не отрывая взгляда от монитора, длинноты продолжали играть. Я завороченно смотрел на монитор, где мужик в «алкоголичке» носился по вагонам метро, раздавая тумачи пассажирам. Мужик выскочил на полпути и, подбежав к будке с контролершей, повалил будку на бок. Несчастливая контролерша пыталась выбраться, но мужик, подпалив будку, стремительно умчался вверх по эскалатору, расталкивая попутчиков. Попутчики летели кубарем по ступеням, а на экране мелькали зеленые, желтые, голубые цифры и золотое слово «Bonus». Лошары, желторотики. Когда я проходил эту миссию, то спихнул будку на рельсы, заработав кучу очков за каждую станцию, через которую подземка ее протащила.

Хрустальную тишину клуба разорвало пошное клокотание воды, сброшенной сливным бачком в унитаз. В дальнем углу открылась дверь, и нашему взору предстал еще один школьник, смотревший на учителя взглядом лисицы, по ошибке выскочившей на охотника с ружьем. Раздался дребезг разбившейся посуды, и Эмма Николаевна бросилась на шум. На кухне, столпившись, словно ээки в карцере, стояли ее ученики, а с ними незнакомые, малознакомые и полужнакомые школьники из соседних домов и окрестностей.

— Дивюшка. Извинти, сида низя.

Хозяин клуба вежливо, но настоятельно пытался защитить свою клиентуру. Клиентура, пережив первый шок, вернулась на свои места. Банки с пивом полетели в мусорное ведро. Сигарета осталась нетронутой, школяр сделал вид, что к куреву не имеет никакого отношения. Ученики косились на Эмму Николаевну исподлобья. Оплаченное время утекало в трубу, и жадность взяла верх. Сначала один, потом другой, а за ним и все остальные робко вернулись к игровому процессу. При училке стремились не беспродельить, ограничивались избиениями прохожих и грабежом автомобилей. Кто-то аккуратно разгромил цветочный ларек.

В воздухе явно ощущался греческий бриз. Безмятежное спокойствие, последнее предупреждение, грозное дыхание палача, закрывшего лицо лиловым колпаком. Эмма Николаевна повернулась к Сережке.

— Шаин, быстро встал из-за компьютера!

— Ну, Эмма Николаевна, ну пожа-а-алуйста. Я же не в школьное время...

Сережка оправдывался, не отрываясь от монитора, где творилось то, за что Господь спалил Содом и Гоморру. Эмма Николаевна сгребла Сережку в охапку, пытаясь стащить со стула. Тот, цепляясь ботинками за ножки стола, повалил на пол клавиатуру. Его куртка задралась, оголив тощий подростковый живот. Шаин бился, как лев. Вырвавшись, красный и растрепанный, поднял клавиатуру и поправил куртку. В глазах, упершихся в экран, застыли дикая ярость и вселенская обида. Эмма Николаевна ткнула

кнопку, выключив компьютер. Сережка включил. Эмма Николаевна, оторопев от такой наглости, снова щелкнула блестящей кнопкой. Сережка не хотел сдаваться. Зеленая лампочка опять замерцала. Тогда Эмма Николаевна выдернула кабель из розетки, отключив компьютер слева. Раздался раздраженный вопль. Неловко повернувшись, малолетний игрок смахнул на стол бутылку с энергетиком. Бутылка, булькая, катилась по столу, заливая пол пахучей пенной жидкостью. Когда струя прошла по лаковым штиблетам Эммы Николаевны, началась гроза. Училка неистово металась по клубу, нажимая резеты¹, отключая системники, вырывая штекеры и кабели. Хозяин бегал за ней в попытке урезонить. Ученики стали качать права, напирая на «внеурочное время». Прибывший наряд милиции выставил всех на мороз. Через десять минут, разобравшись, учеников запустили обратно. Меня с сыном и Эмму Николаевну, на свою погибель, увезли в участок. Не прошло и часа, как возле РОВД собралось около тридцати человек во главе с председателем греческой диаспоры и руководителем администрации района. Приехала пресса. Начальник РОВД, сожрав полпачки валидола, уверял, что разберется в случившемся, но Эмму Николаевну было не остановить. Она писала заявления, давала показания, заставляла меня подписывать какие-то бумажки и жутко злилась, если я отказывался. Лишь глубокой ночью, озаряя сонные улицы красно-синими всполохами патрульной машины, нас развезли по домам.

На следующий день Эмма Николаевна подняла на уши знакомых, друзей, встречаемых и даже поперечных. Меня, ставшего невольным свидетелем вчерашнего конфликта, Эмма Николаевна почти насильно вовлекла в водоворот последующих событий. Мобильный дребезжал весь день. Училка сообщала мне о каждом шаге. Удалось выяснить, что владельца клуба зовут Хафизулла. Имеется несколько братьев, торгующих овощами и коврами на местном рынке. У Хафизуллы все схвачено-заплачено, законов не нарушает. Эмма Николаевна ринулась по инстанциям, никто не отказал в помощи, но многие вежливо намекнули, что в правовом поле сделать ничего нельзя. Мне же было приказано раздобыть первоклассного юриста. Я разыскал телефон бывшего одноклассника, а ныне крупного юриста, с которым имел неосторожность поссориться много лет назад. Забыв старые обиды, попросил его позвонить Эмме Николаевне. Приятель перезвонил мне не раньше чем через три часа. Эмма Николаевна выпотрошила из него все подробности, но в суть так и не вникла. А суть сводилась к следующему: Хафизулле по закону сделать ничего нельзя, ибо школота играет в свободное время, а значит, запретить Хафизулле собирать гешефт могут лишь родители или Аллах. Вот если бы нам удалось раздобыть доказательства, что клуб оказывает негативное влияние на неокрепшие умы, тогда юрист сам бы взялся за скромный шестизначный гонорар. Весьма полезными для суда были бы факты, что в клубе покуривают травку, бухают или хотя бы смотрят порно. Обязательно нужно проверить — законно ли установлены игры и имеются ли возрастные ограничения. Эмме Николаевне такую информацию никто не даст, но родители — другое дело. А лезть на рожон — бесполезно, ибо благородные интересы Хафизуллы защищены Конституцией и законом о частном предпринимательстве.

Шумиха с клубом начинала изрядно надоедать, но выбора не было — моему оболтусу надо было как-то заканчивать последний класс. К счастью, Эмма Николаевна отстала от меня с хитросплетениями законодательства. Время от времени она звонила разузнать, что такое «шутер от первого лица», «донат» или «фраг». А потом и эти звонки прекратились. Наступил греческий бриз.

И вот теперь я и мои товарищи по несчастью сидим тут и ожидаем Эмму Николаевну, которая обязательно вовлечет нас в какую-нибудь заваруху. Да что же они на меня так смотрят?

¹ Reset — кнопка перезагрузки компьютера.

— Чего уставились?! Я виноват, что Эмма Николаевна поперлась в клуб? Между прочим, это ваши дети играли, не стесняясь классухи.

— Но ведь она же не просто так туда поперлась...

Нашу словесную перепалку прервала распахнувшаяся дверь. Эмма Николаевна прошла на свое место, нещадно отравляя воздух тяжелым ароматом популярных некогда духов.

— Подвожу итог. Я проконсультировалась с компетентными людьми. Нужно идти в клуб и требовать документы. Мне могут отказать. Вам как родителям отказать не имеют права. Так вот поэтому завтра мы с вами...

Эмма Николаевна долго перечисляла, что следовало затребовать от несчастного Хафизуллы. Она поминутно сверялась с каким-то списком. Список был обширен, пространен и нелеп до невозможности. Я бы нисколько не удивился встретить там свидетельство о смерти бабушки Хафизуллы.

— Встречаемся в девять тридцать утра. У клуба.

— А как же работа?

Эмма Николаевна свирепо блеснула своими прожекторами.

— На карту поставлена психика ваших детей. Любая работа может и подождать.

Когда мы вышли за ворота, Дианка попросила подбросить ее до метро. В машине она закурила.

— Старуха совсем с катушек съехала?

— Надеюсь. Жду не дожусь, когда закончится эта треклятая школа. Ты не пове-ришь. Она учила еще моего младшего брата.

— Если судить по бесконечным рассказам, она учила самого Калинина.

— Разве она такое говорила?

— Не помню. Но совсем не удивлюсь.

Я горько ухмыльнулся.

— Не смейся, что будем делать?

— Что-что. Штурмовать ибитель Хафизуллы. Последний класс. Иначе мадам Гуру-нопуло не даст жизни детям.

* * *

На следующее утро все было готово к решающему сражению. Эмма Николаевна с распечатками законов в руках проводила инструктаж, скрупулезно повторяя наши права. Мы обсудили все варианты событий, в случае сопротивления ожидалась тяжелая артиллерия в виде начальника ГУВД, ставшего лучшим другом Эммы Николаевны, и председателя греческой диаспоры, который не успел улететь в отпуск. Я наслаждался последними секундами греческого бриза.

— Друзья. Родители. Хочу еще раз напомнить о важности мероприятия. Дети — наше будущее. Мы обязаны оградить их от насилия и беззакония. Самое главное — это права детей. Слово «учитель» звучит гордо. А слово «родитель»...

Диана, коснувшись губами моего уха, осторожно шепнула:

— Чувствую себя гвардейцем-панфиловцем перед решающим боем.

— Не нахожу большого сходства Эммы Николаевны с генералом Панфиловым. Разве что усы?..

— Тихо! Артем Витальевич, идите первым. У вас лицо интеллигентное.

* * *

Дверь долго не открывали, но когда открыли, поняли, что Хафизулла вряд ли умрет в одиночестве. Плечом к плечу, словно крепкие тополя над могилой солдата, стояли его братья. Эмма Николаевна, заглянув в свой бессмертный блокнот, назвала каждого по имени. Зихрулла, Ахмедулла, Пархат и внезапно Абдулло. Все в коричневых кожаных куртках. В утреннем солнце угрожающе заблестело червонное золото: перстни, цепочки, зубы. Мы так и не узнали, откуда им стало известно про рейд.

— Че надо?!

От такой бесцеремонной наглости на секунду опешила даже бесстрашная Эмма Николаевна.

— Что значит надо? Вы с кем разговариваете? Вы с заслуженным учителем разговариваете!

Эмма Николаевна пыталась проникнуть в клуб, но Зихрулла толкнул ее с крыльца, за что получил мощнейший удар от Барана в челюсть. Ахмедулла, выскочив на улицу, пнул Сяву. Тот, потеряв очки, сразу же вышел из строя. Что-то кричала Дианка. Эмма Николаевна таскала за волосы Абдулло, хотя, может быть, это был и Пархат. Били мы, но больше били нас. Сбежались соседи, а вскоре примчались и ученики во главе с трудовиком, вооруженным металлической скобой. При детях драка прекратилась. Я отделался парой ссадин и оторванным рукавом. Эмма Николаевна растерянно смотрела на туфлю-лодочку, которой минуту назад молотила Абдулло. Шпилька была на месте, но шаталась, словно молочный зуб. На полу валялись разноцветные черепки от разбитых пиал. Серебристый чайник сиротливо закатился под стол. Пол был усыпан конфетами, изделиями из жареного теста, козинаками. Плевать. Вряд ли Хафизулла припас эти лакомства для нашей компании. Я посмотрел на Барана. Ему досталось больше всех. Зихрулла, Ахметулла и Пархат суетились возле него, вытирая кровь, прикладывая невесть откуда взявшийся лед. Когда приехала «скорая», они почетным молчаливым караулом подняли несчастного и погрузили на носилки. Эмма Николаевна сидела в патрульной машине. Хочу верить, что она флиртвала с начальником РОВД, но скорее всего, это не так. Сережка Шаин, прибежавший сюда вместе с моим сыном, просился ехать в больницу с папой, но я предложил Барану забрать мальчишку к себе. Дианке пришлось сесть за руль Сявиной машины, поскольку тот теперь мало чем отличался от слепого крота. Его очки, безжалостно раздавленные в пылу битвы, превратились в блестящую кучку стеклянной крошки.

Вернувшись домой, я первым делом накормил пацанов. Затирликал мобильник. Выслушав лекцию от жены, которой кто-то успел все рассказать, я набрал Барана. После разговора подошел к Сережке и потрепал его за щеку, как маленького.

— Серый. С папой все нормально. Через пару часов приедет сюда.

— Спасибо, дядя Артем. Просто папа...

Шаин-младший почти расплакался, но мой оболтус потащил его в комнату.

— Па, мы играть. К нам не заходи.

— Нужны вы мне больно.

Когда мальчишки заперлись, я включил консоль и безвозвратно удалил Create Chaos. Чертова игра. Без нее мир несомненно станет лучше.

ЧИНОВНИЧЬИ ЗАБАВЫ

Акакий Акакиевич домой возвращался в веселом расположении духа. Шампанское так на него действовало либо шедшая впереди девица — знать нам об этом совсем не обязательно. Об оставленной на квартире пестрой чиновничьей компании наш герой нисколько не сожалел, а даже весьма был благодарен тому, что отпустили его без излишней суеты. Снег уже перестал, но морозец, однако, начинал прихватывать. В шинели было тепло и вполне уютно, но вот обувь, давно забывшая вкус дратвы и стук сапожного молотка, казалось, и не думала удерживать тепло истомленных дорогой чиновничьих ног. Из носу потекло немилосердно, и Акакий Акакиевич, оглядевшись по сторонам, полез в карман за платком, не бывавшим у прачки еще с Покрова. Едва не угодив в канаву, на выпорошенную мокрым петербургским снегом мостовую, с лязгом повалился кремневый пистолет с куцым дулом. Уж одному Богу известно, как он не выстрелил при падении. На Акакия Акакиевича, в жизни не державшего никакой оружия, страху наделал такого, что бежал он во всю силу своих худосочных ног почти до самого околотка.

— Эка, право же, откуда ему взяться? Совершенно того... — несчастный Акакий Акакиевич, никогда не отличавшийся красотой и изяществом мысли, смутился вконец. Он, что называется, был в полном недоумении. Шутники ли, чиновники подбросили ему оружие в просторный карман или захмелевший гость после пары фужеров перепутал свой вицмундир с его шинелью — нашему герою это было неизвестно.

— Стало быть, оно денег стоит. Да и виду сурового. Чего доброго, которые это... — Акакия Акакиевича пронзила жуткая мысль, что оружие всенепременно начнут искать. Проспится ли невнимательный чиновник, или спохватятся шутники — конец один. Пальцем вмиг укажут на Акакия Акакиевича, и тут уж не отвертеться.

— Надо бы, конечно, подобрать. Сторожу в присутствии сдать с оказией... — Акакий Акакиевич с робостью вернулся к канаве. Пистолет тускло чернел на залитой лунным светом мостовой. С третьего разу только и удалось заставить себя завернуть стального злодея в платок. Не без боязни Акакий Акакиевич сунул опасный сверток в карман. Понимая, что уже далеко за полночь, наш бедный титулярный советник заторопился домой.

Скоро потянулись перед ним те тоскливые улицы, которые и днем унылы до отвращения. Зажмурившись, он ступил в темноту, решительно отказываясь глядеть вперед. Споткнувшись о выпирающую брусчатку, Акакий Акакиевич чуть не полетел наземь и, распахнув глаза, вдруг увидел две безобразные, глумящиеся рожи. От страха живот у него скрутило так, словно кто-то нарочно запустил в кишки загребушую пятерню.

— А ну сымай шинельку, живо! — прорычал громовым голосом один из незнакомцев.

Акакий Акакиевич завизжал со страху, но зловонная, насквозь протухшая луком рука намертво затворила его уста. Второй разбойник, схватив Акакия Акакиевича тонкими, до жути цепкими пальцами за воротник, оттянул его назад, а затем швырнул, словно кошку, своему приятелю. Уткнувшись самым носом в густую, совершенно неприбранную бороду, Акакий Акакиевич уловил тяжелый дух гнилой рыбы вперемешку с запахом дешевой водки, ароматами, вполне знакомыми и изрядно нашему герою поднадоевшими, поскольку такими же, что ни утро, потчевал его сторож в департаменте, принимая одежду. Чернобородый в долгу не остался и отправил Акакия Акакиевича обратно. Тот непременно бы убится о каменную мостовую, ибо после такого толчка стоять не было никакой возможности, но цепкие пальцы, крепко ухватив чиновника за воротник, удержали его у самой мостовой. Так бы и летал наш титулярный советник про-

меж двух образин до второго пришествия, если бы длинный, как жердь, ловкопалый злодей, которого сотоварищ кликал Мыкытой, схватив Акакия Акакиевича за рукав, не полез к нему в карман. Чернобородый, изо всех сил плясая маленькими свинными глазками, глядел, да никак не мог высмотреть, чем же там занят его знакомец.

— Ну чего канителишься, ворона? Сымай одежду и деру. Не ровен час, будочник зачуеть...

— Погоди, Фрол. Дай допреж в карманах погляжу...

Приятели, видать, большой дружбы меж собой не водили, ибо сговориться им в ту студеную ночь так и не пришлось. Фрол набросился на полумертвого от страха Акакия Акакиевича, пытаясь стащить шинель, в то время как Мыкыта своею длинною и тонкою, похожей на сухую ветку, рукою шарил у чиновника в кармане.

— Гляди, Фрол, а у судыря-то пиштолет имеется, — Мыкыта размахивал мерцающим в лунном свете коротким, словно рубленый песий хвост, стволлом перед чернобородым дружкой, который уже стянул с несчастного титулярного советника шинель и примерялся нацепить ее на свои геркулесовы плечи.

— Эй, эй! Шельма пучеглазья! Себе в рыло тычь этой дурой. Чего доброго, пальнет ненароком.

Акакий Акакиевич, натерпевшийся такого страха, больше которого и мочи не было терпеть, соображал теперь быстро и складно. Он бы и сам подивился невесть откуда взявшейся мысленной прыти, да только времени на думы отпущено было столь мало, что рассусоливать долго не приходилось. Шинель, добытая с таким трудом, навсегда уходила от него, покрывая исполинское тело нового хозяина. Пистолет, спрятавшись за пазуху длинного, похожего на высушенного паука Мыкыту, возвращаться назад тоже не собирался. Какой позор! Бесчестие. Завтра же чиновники покажут на Акакия Акакиевича. Пошутили-де, пора и честь знать. Извольте, сударь, пистолет вернуть. Акакий Акакиевич понимал, что ни в жизнь не расплатится за этот лешерез².

«Стало быть, эти лиходеи снесут его на рынок и сдадут за бесценок какому-нибудь Гавриле Пантелеймонычу или Сысою Капитонычу, у которых совести ни на грош. Вырученные же деньги пропьют там же, неподалеку, в шинке», — Акакий Акакиевич выпучил глаза, подивившись содержанием и глубиной своих суждений. Засим жуткая мысль, шмыгнув, словно прусак за воротник, вызвала в нем брезгливую дрожь. Не сдадут. Не сдадут эти душегубы пистолета ни Пантелеймонычу, ни Капитонычу, ни даже Мартемьяну-перекупщику, предлагавшему по дешевке краденых куниц на воротник. Будут грабить и дальше, тыча пистолетом в лицо, в лоб и во все что ни на есть места порядочного дворянства. Тем же, кто посмеет сопротивляться, чего доброго, выпалят промеж глаз или в самый живот забавы ради. Прибегут жандармы, будочник засвистит в свой вечный свисток. Скрутят антихристово племя и бросят в острог. А там уже под плетями или еще чем-то похлеще эти кречеты быстро запоют, где добыли пистолет. И не миновать тогда Акакию Акакиевичу своей ужасной участи. Жандарм, бряцая саблей, возьмет его под стражу на глазах всего департамента. Будет попорано честное имя, ошельмуют перед народом православным, побреют половину головы, вторая сама поседеет от невзгод и позору. Погонят, аки скота, в зной и стужу за Уральский камень, на самую что ни на есть лютую каторгу...

Несчастный Акакий Акакиевич закрыл лицо руками и начал рыдать вначале тихо, потом с прикашливаниями, а в конце разразился натуральным волчьим завыванием. Невесть почему во рту запахло тухлым яйцом, в глазах пошла такая рябь, что и стоять не было никаких сил. Акакий Акакиевич рухнул лицом в снег. Пропали все звуки мира. Лишь колючий, холодный сугроб таял под его губами. Вскочив на ноги, он

² *Lechère chose* (фран.) — дорогая вещь.

трусцой помчался вослед за своими обидчиками. Наш титулярный советник и сам не знал, откуда взялась прыть в ногах. Фрол и Мыкыта плутали по подворотням, озирались по сторонам, быстро минуя освещенные места, бежали вдоль заборов. Акакий Акакиевич был совсем рядом, когда они его наконец заприметили.

— Эй, да ты никак за своим добром пришел? Видать, мало мы тебя, убогого, у площади проучили. Не кручинься. Сейчас добавим. У нас этого добра еще...

Рябь, почти уже прошедшая, снова застила титулярному советнику глаза. Запах яйца стал совсем невыносимым. Акакий Акакиевич сдерживал рот рукой, чтобы не вышло какого конфузу. В голове пискнула такая высокая нота, что казалось, лопнет череп и глаза улетят в Неву. Зажмурившись, не понимая, что делает, он бросился на Мыкыту и крепко вцепился в зипун, за которым прятался покраденный пистолет. Мыкыта, никак не ожидавший беды с этой стороны, повалился на мостовую. Акакий Акакиевич хрипел, кусал Мыкыту за лицо, царапал шею и визжал по-бабьи.

— Ах ты, стерва... Да я же тебя... Фрол, ну чего зеньки выпялил? Подсоби малеха.

Растерявшийся могучий Фрол двинулся было, дабы унять дерущихся, но то ли Акакий Акакиевич ненароком задел курок, то ли пистолет сам по себе думал-думал, да и выпалил, только Фрол уж как остановился, так и рухнул на землю, словно подточенный вешними водами гнилой столб, не выдержавший вконец тяжести висевших на нем двухсотпудовых ворот. Мыкыта, выбравшись из-под рябого чиновника, ринулся к товарищу. Причитая, он умолял Фрола подняться. Акакий Акакиевич неслышно подошел к своему супротивнику. Щека чернобородого была изорвана свинцом нещадно, и правый глаз словно провалился куда-то внутрь головы. Левый же, напротив, вылез и таранился, как у испуганной лошади. Фрол раскрывал рот, глотая зимний воздух. С каждым выдохом изо рта выплескивалась кровь, заливавшая черную бороду, снег и грязную мостовую.

— Ты это чего натворил?! Говори, злодей!

Мыкыта грозно двинулся на Акакия Акакиевича, которому почему-то было совсем не страшно. Тихим голосом он промолвил:

— Отдай шинель, голубчик. Будь человеком. И пистолет верни. Ни к чему он теперь...

Мыкыта, достав из-под зипуна нечто длинное и острое, похожее на штык, яростно дышал, приближаясь к отступающему чиновнику. Раздался пронзительный свист. К ним со всех ног, тряся колотушкой, бежал будочник.

— А ну стой, сволочь мухоблудная! Я вам покажу — беспорядки учинять!..

Акакий Акакиевич что есть мочи завопил:

— Грабют! Гра-а-аб-юют!

Мыкыта в недоумении обернулся на него, не понимая, кто кого грабит. Будочник налетел на разбойника и, одолев его в свирепой драке, скрутил Мыкыте руки сорванным второпях поясом. Посмотрев на Акакия Акакиевича, будочник, тяжело дыша, скороговоркой промолвил:

— Бегите, барин, до городского. Тут неподалеку околоток. Я покараулю покамест. Да долго не протяну, шельмец своей пикой поддел...

Только теперь Акакий Акакиевич заприметил темное, все больше растекающееся пятно на шее так вовремя подвернувшегося будочника. Тот, сев в сугроб, пытался перетянуть рану шарфом. Акакий Акакиевич неспешно, как во сне, стащил шинель с безжизненного, словно чурбан, Фрола, прикрыл ею будочника, засим подошел к Мыкыте, вытащил из-за пазухи пистолет, сложил его себе в карман.

— Торопитесь, барин, кровью же истеку, Христа ради умоляю...

Будочник не успел договорить. Он завалился на землю рядом со своим супротивником. Мыкыта, изгибаясь, словно червяк, пытался освободиться от пут, да только ничего у него не ладилось.

— Эй, барин! Барин. Поможи. Сыми путы. Детки у меня в деревне, шешнаццаць штук. Ведь на каторгу пойду — все с голоду сгинут. Поможи. У тебя небось тоже детки есть... Деньги у меня немалые припасены. Тебе все отдам. У Фрола, царствие ему небесное, тоже имелась... ты в карманах пошарь, обыщи. Только допреж освободи, не бери грех...

Акакий Акакиевич подошел к Мыкыте. Оттащив его подальше от будочника, приказал:

— Ляг на живот, руки выше подыми. Сейчас распутаю, — Мыкыта быстро перекатился на брюхо, изогнув что было мочи связанные со спины руки. Во рту у титулярного советника снова запахло яйцом, а в глазах пошла плясать знакомая рябь. Акакий Акакиевич, подобрав Мыкытину пику, неумело, но сильно ткнул Мыкыту промеж лопаток, потом еще раз и еще. Очнулся он в сугробе неподалеку от трех тел. Светало. Редкие прохожие двигались вдаль, у набережной Невы. Акакий Акакиевич поднялся, прикопал снегом пику, всю в крови и ошметках, похожих на те, что покрывают колоды для разделки туш на рынках. Затем подошел к Фролу, обшарив его карманы, раздобыл несколько мятых рублей да кисет табаку. Мыкыте, из которого натекла целая лужа крови, засунул руку за пазуху, где наткнулся на гаманок, доверху набитый медью. «За хлопоты и пережитый срам», — подумал Акакий Акакиевич и забрал гаманок себе. Будочника обыскивать постеснялся, лишь прикрыл ему замерзшие очи и, прихватив свою шинель, отправился восвояси.

Весь следующий день Акакий Акакиевич провалялся в постели. К ночи во рту снова появился запах тухлых яиц, а когда зарябило в глазах, Акакий Акакиевич вошел без стука в почивальню к спящей хозяйке. Когда дело было сделано и дрожь немного унялась, Акакий Акакиевич обшарил каждый уголок ее убогой комнатухи, разжившись двадцатью рублями. Он поглядел на кровать. Старуха не дышала, но глаза ее были открыты. Видать, распахнулись, пока прижимал подушку. Хорошая она была, безобидная. Пожелав ей царствия небесного, Акакий Акакиевич собрал свой нехитрый скарб, не забыв прихватить и то, что старухе никогда уж не понадобится. Завтра он съедет с квартиры и больше не вернется в департамент. Тускло там, нет сердцу радости. Он насобирает денег, разживется бричкой и отправится по городам и весям необъятной отчизны. Есть, есть теперь в его жизни великая услада, дюже прикипевшая к сердцу. Чистописание, каллиграфия, бумагомарательство — сущий вздор. Не тем он занимался все эти годы. Эх, обучиться бы заряжать пистолет. Ну, ничего. Наверстает, не упустит.

Прихватив до остроты отточенный топор, Акакий Акакиевич накиннул шинель. Бойко спустившись по лестнице, распахнул дверь парадной и с неистовой дрожью помчался по уснувшим петербургским улицам.

ЮДИТ АГРАЧЕВА

КОГДА Я БЫЛА МАЛЕНЬКАЯ

Рассказ

1

Когда я была маленькая, мне сшили шубу — перешили из маминой. Шуба была мутоновая, коричневая, неподъемной тяжести и на вырост. На много-летний вырост. Потому что нельзя же было испортить мамину шубу так, чтобы мне сшить всего на год или два. Потом, что ли, следующую мамину шубу резать?

И вот я шла, по питерским проходным дворам, вся — шуба. А в каждом дворе компания мальчиков, злых и жестоких, которым всем предстояло весной меня, конечно, любить, но зимой кому ж из них было об этом известно? И вот они все надо мной смеются — и в одном дворе, и в другом, и обзываются, и свистят, и кричат, окружая и вслед, что-то жутко обидное, типа «шуба идет», и с разными красочными прилагательными.

А мне даже голову было не повернуть так, чтобы плюнуть в их сторону, и не огрызнуться, потому что воротник шубы был выше рта.

Еще шапка была шерстяная, ерзающая и колючая. Может, тоже из маминых забракованных. И вот я ее взяла, эту шапку, безразмерную и бесформенную, и натянула до самого носа. И дальше пошла. Сверху шапка, снизу шуба. А меня больше нет!

И все, кто смеялись, уже смеялись не надо мной.

И больно уже — не мне.

...

2

Когда я была маленькая, нам задали на дом написать сочинение на тему «Как я провел зимние каникулы».

Я открыла новенькую тетрадку, написала название сочинения, план, потом написала, что я отдыхала в доме отдыха в Комарово и каждый день ходила на лыжах по лесу. Что было чистой правдой.

Поэтому мне стало скучно. Я перевернула страницу и, чтобы восстановить забывающуюся атмосферу леса, этот лес нарисовала. Очень похоже.

Поскольку картинка мне показалась скучной, я решила, что деревьям хорошо бы поговорить между собой. И поэтому каждому из деревьев я пририсовала рот, а к каждому рту — текст.

Поскольку это был именно тот текст, который и произносят обычно деревья, то мне стало скучно. Я перелистнула страницу и нарисовала людей, которые не слышат, о чем

Юдит Аграчева родилась в Москве в 1958 году. С 1960 года жила в Ленинграде. Окончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена (отделение литературы и русского языка). С 1990 года живет в Израиле.

говорят деревья и катаются себе на лыжах. И люди, и лыжи получились очень реалистичными. Поэтому мне стало скучно. Имело смысл рассказать о текстах, рожденных хрустом лыж о свежепроложенную лыжню, и я перевернула страницу.

Текст могла слышать, если не отступать от правды, только я. Поэтому я нарисовала себя. Введение в картину автора развязало мне руки, и писать, перелистнув страницу, можно было уже не только о том, кто что сказал, но и о том, что я подумала. Ведь автору, то есть мне, могли быть известны мои же собственные мысли, как и наоборот, в смысле мне — мысли автора.

Поскольку я воспроизвела все, о чем думалось в том зимнем лесу, то мне стало скучно. Перелистнув страницу, я изложила те чувства, которые посетили меня в момент написания сочинения, то есть через определенное время после выхода из леса, который по начальному замыслу должен был оставаться темой моего сочинения. Взломав рамки классицизма и перевернув страницу, я с удивлением обнаружила, что тетрадь кончилась.

Несмотря на то, что тема осталась нераскрытой, больше я никогда, никогда не отдыхала зимой в доме отдыха в Комарово.

Да и зачем, собственно, нужно возвращаться в реальные обстоятельства после того, как на их описание уже ушла вся тетрадь?

...

3

Когда я была маленькая, я была очень послушная девочка. Чему меня учили, то и делала.

Меня учили сидеть ровно, не ерзать, не чесаться, не вертеть головой, не дергать ногой, не крутить ничего в руках: «Села тихонько, на краюшек, аккуратно и молча, а не плюхнувшись в сопровождении „уфф“ какого-нибудь или вообще „пуфф-пуфф“, коленочки вместе, сложила ручки». Вот чтобы все по линейке: ножки по линейке, ручки и спинка. По разным линейкам, разумеется, но чертеж я держала перед глазами.

И ходить меня тоже учили ровно. Не разглядывать, раскручиваясь юлой, облака, не тарашиться, замерев, на прохожих. И ногами не загребать, и не подбирать постоянно какие-то камни с дороги. «Грязь, грязь, выбрось немедленно, никакая это не тень, отвалившаяся от птицы!»

Ровно — это значит выстроить спинку в линейку, и ножки, и ручки, и головку... и все что в головке, и шаг, и вздох, и стон, и смех, и жизнь, и смерть.

Я не возражала. Вообще-то, мне нравилось все складывать по линейке: карандашики, тетрадочки, маечки (две), трусики (три), букочки (очень много)...

И нравилось, что меня хвалили.

А потом, когда все уходило из дома, я забиралась в шкаф к маме, вытаскивала от туда что-нибудь из вещей, ею сложенных (по линейке): чулки (25), лифчики (15), платья (2515 приблизительно), шубы (о Господи, об этом даже страшно вспомнить), брала ножницы и разрезала на части. Неровные.

Видимо, была эстетическая потребность сломать линию. Иначе как же это объяснить?

...

4

Когда я была маленькая, я должна была умереть, как только родилась. Так маме и сказали: «Эта — не выживет!»

И отнесли меня туда, где лежат дети, которые должны вот-вот умереть.

Я не помню, как выглядело это место, но всякий раз, когда я попадаю туда, где все должны вот-вот умереть, я вспоминаю, что я там уже была.

Оказалось, что у меня с мамой резус-конфликт, ее антитела для меня смертельны, но ей ничего не грозит. Поэтому она может идти домой. Но мама домой не пошла — наверное, ждала, пока я умру, чтобы потом еще раз не возвращаться. А папа тем временем переворачивал город, чтобы найти какой-нибудь выход.

Я не помню, как именно выглядел перевернутый папой город. Но каждый раз, когда мне требуется найти выход, я понимаю, что его не найдешь, нарезая те же круги по тем же маршрутам. Надо взять этот город, со всеми его удобными улицами, знаковыми переулками, тропинками, привычными тупиками, садами, домами, парками, людьми любимыми и нелюбимыми, и обязательно перевернуть.

Папа нашел и привез профессора, который мне перелил кровь и пообещал, что я буду жить.

Но врачи и санитарки сказали, что многое видели за время работы в больнице и поэтому даже если я выживу и поживу немножко, то все равно останусь физически недоразвитой, или отсталой умственно, или и то и другое вместе. И они бы такое домой ни за что не взяли, потому что: «Вообще неизвестно, что от нее ждать».

Я не запомнила точно голосов тех врачей и санитарок. Но всякий раз, когда слышу, что от меня неизвестно что ждать, я вспоминаю, что именно с этим напутствием меня и выписали оттуда, где все вот-вот должны умереть.

...

5

Когда я была маленькая, я летом летала с родителями на юг, в дома отдыха. Дома отдыха в разные годы были в разных местах юга. Но везде были одинаковые открытые кинотеатры, один и тот же сладкий горячий запах магнолии и крутились одни и те же картины, застревавшие кажется, на тех же сценах. Фильмы были индийские и арабские. Я их не различала. Там всегда были препятствия для достижения неведомых целей, в процессе преодоления которых все сначала жестоко дрались, а потом кровопролитие немотивированно переходило к ритуальным руладам.

Задела меня, однако, зацепив однажды и навсегда, повторяющаяся основа сюжетов. Например, одну из сестер украли в младенчестве, и она выросла в другой семье. Или юноша влюбляется в девушку, но она оказывается его сестрой, потому что в детстве ее украли.

Так, однажды, душным и влажным вечером меня постигло ясное как день откровение (да, банальное, как прояснилось позже из психологических книжек): меня тоже украли или подменили в роддоме! Наверняка та девочка, которую родила мама, умерла, а папа, чтобы не расстраивать маму, договорился с профессором, который привез другую, живую девочку.

Вот теперь-то все и объяснилось! И стало понятно, почему я дома всегда давлюсь каждой ложкой невыносимой склизкой остывшей каши. И от позавчерашних щей меня выворачивает. И от жирных котлет. И от масла, на котором жарились эти котлеты, и другие, и вообще не котлеты, сто дней подряд. И горло слипалось от приторного холодного чая. Если бы я была мамина дочка, то ведь я бы любила то, что готовит мама?

Те серые с серебристыми холодными переливами обои, к которым нельзя прислониться, полированный стол, на который ничего нельзя положить, зеленая штора до пола, отгораживающая мою кровать от родительской и заодно от воздуха, — разве это моя жизнь?!

Детский стульчик, на котором надо было сидеть ровно и тихо. Полочка, на которой покоились аккуратно и неподвижно, как мертвые, в коробках две куклы. На каждой коробке я написала имя лежащей там куклы — одна была названа в честь мамы, другая в честь бабушки. И как в них после этого было играть?

А над крашенным в синий цвет столиком висела розовая фанерная картина, на которой уродливый заяц, глядя на меня тупым взглядом, указывал волосатым перстом на текст: «Видишь коврик у порога? Он положен неспроста. Вытирай получше ноги. В нашем доме чистота».

Разве это моя жизнь?!

«Ну откуда, — кричала мама, — откуда ты такая взялась?»

А я кричала в ответ: «Вы меня украли!»

И тогда она, возмущенная, плача и покрываясь красными пятнами, что-то мне продолжала кричать, наверное, от беспомощности и отчаяния. Но я не задумывалась тогда отчего. Я топала ногами и кричала в ответ: «Аааааааа», так долго, как только могла. А потом крик прерывался хрипом, я задыхалась и заходила наконец, падая, в приступе астмы.

Тогда мама меня хватала, заворачивала в одеяло, и мы мчались в больницу с сиреной по улицам, даже на красный свет, в «скорой помощи», где мне на лицо надевали маску с трубочкой, как для ныряния, но оттуда шел какой-то пар.

В больнице перед глазами плавно плыли люди с тихими голосами, в коридорах — белые стены, к которым разрешено прислоняться, в палате белые тумбочки, на которые можно все класть. Белье было хрустящим и белым, и на окнах белые ситцевые занавески. Посещение запрещено — никаких родителей! А кругом — девочки, девочки, девочки. Каждая со своей бедой, о которой она рассказывала шепотом, когда выключали вечером свет. А потом я каждую убеждала, что это совсем не беда, потому что во многих фильмах я видела вот такую или такую историю. И я рассказывала истории виденные и придуманные.

И это была — моя жизнь!

...

6

Когда я была маленькая, меня подозвали к себе старшие девочки. Они были очень взрослые, старше меня на месяц, год или даже десять. Не знаю на сколько.

Они решили играть в дочки-матери и меня взяли дочкой. Летом на пустыре, заброшенном, под бледными питерскими деревьями.

Взяли с условием: «Только это совсем не игра. Мы тебя примем, если ты согласишься, чтобы все было по-настоящему».

Я с благоговением согласилась.

Сначала, сказали они, мы тебя будем причесывать. Я встала в центр круга и стояла не шевелясь. Мне распустили волосы, потом их начесали. Потом, чтобы избавиться от начеса, который никак не расчесывался, пришлось выдрать кое-где клочья, а то неровное, что осталось, чтобы не сразу бросалось в глаза, приколоть ржавой заколкой к незатянувшемуся родничку.

Я поняла, что «по-настоящему» — это когда очень больно. А иначе не по-настоящему.

Теперь, сказали они, мы тебя будем укладывать спать. Ты должна раздеться. Я разделась, легла на землю на спину и лежала не шевелясь. Они сначала ходили вокруг, потом сели, кто на корточки, кто на коленки, и принялись, наклонившись, рассматривать все, что им показалось важным увидеть.

Я поняла, что «по-настоящему» — это когда очень стыдно. А иначе не по-настоящему.

А сейчас, сказали они, мы тебя будем кормить. Подобрал консервную банку, они напихали туда, нарвав, заячью траву — такая росла на том пустыре. Добавили землю. Все это перемешали подгнившей щепкой и велели мне съесть.

«Это же есть нельзя», — прошептала я.

«Ну и не ешь, — сказали мне девочки, — но тогда будет не по-настоящему».

Я поняла, что «по-настоящему» — это когда можно умереть. А иначе это игра.

Я съела. И зелень, и землю. Я знала, что смерть неминуема. И спросила серьезно, совсем не плача, у них, которые были намного старше: «Когда я теперь умру?»

«Это же заячья трава! От нее не умирают, — засмеялись девочки. — Ты просто ночью, сегодняшней скорее всего, превратишься в зайца. Ну, может, и завтра. Но навсегда».

...

7

Когда я была маленькая, папа любил меня утром так.

Едва проснувшись, он выпрастывался из-под одеяла, в черных сатиновых семейных трусах и бесцветной, провисшей под мышками майке. Приподнимался. Его смутный взор с удивлением наткнулся на мою кровать, почти впритык придвинутую к взрослой. Опираясь одной рукой на перила, он второй приподнимал мое одеяло, чтобы убедиться, что это именно я, и дышу, и соплю, и прокуренным, осевшим за ночь голосом, выдававшим сиплых петухов, начинал осторожным прерывистым речитативом:

«Маме, мег их гей шпацирн? Йо, майн либе тохтер!.. Маме, мег их романцирн? Йо, майн либе тохтер!»...

По вечерам папа любил меня так.

Вернувшись с работы, он был всякий раз потрясен, обнаружив, что на маршруте к кухне я попадалась у него на пути, например, сидящая на горшке. Никак не выясняя, на какой стадии находится процесс, он выхватывал меня за подмышки, как есть, прижимал мое лицо к колючему своему и обмусоливал мокрыми поцелуями. Потом, держа меня, обвисшую, на своих вытянутых руках, запевал очищенным за день, нежным лирическим тенором : «Я встретил девуушку, полумесяцем бровь, на щечке родиинка, а в глазах люююбовь...» Совершив почти пируэт, он возвращал меня обратно, не всегда, правда, совмещая центр горшка с моим...

...

Каждый раз папу потрясала встреча со мной, потому что сначала, — но уже после того как он прошел всю войну, а его семью тем временем сожгли, заперев, в сарае, — его арестовали и посадили в тюрьму, потом отправили в лагерь в Воркуту, а потом, уже после сто первого километра, неожиданно получилась я. Хотя папа думал, что у него уже никогда ничего не получится.

...

Когда я чуть подросла, папа любил меня так.

Он ко мне немножко привык, но скорее как к чуду, а не как к конкретному существу со своими физическими и метафизическими параметрами, в подробности которых он просто не вникал.

«Какое, какое имеет значение, в каком классе она учится! — возмущенно кричал он кому-нибудь из дотошных друзей, понятия не имея на самом деле, в каких вообще рамках происходит мое обучение. — Да она в любом, куда ее ни посади, будет отличницей!»

В период моего подросткового увлечения охтинскими притонами папа любил меня так.

Во-первых, нашел. И несмотря на то, что туда никто не входил, даже милиционеры, он — это уже во-вторых — вошел. А я — там, в уголочке, на ящике с одеялами, подбрав ноги, с неподдельным восторгом слушаю байки про жизнь и смерть. Поскольку ребята меня там с нежностью берегли, видимо, слушала я, как им надо: задавала правильные вопросы, сопереживала, ну вся как есть, плакала там, смеялась, просила, чтобы продолжали еще. Если бы папа ворвался туда и захотел забрать меня силой, думаю, кончилось бы поножовщиной. Но он вписался с какой-то правильной пластикой, безошибочно выделил, с кем здороваться первым. Язык для него был привычный. Его подпустили ко мне. Подсев, он тихо сказал: «Пойдем, перекурим на воздухе... Только ты давай поднимись, и выберемся на часок. Захочешь — вернешься».

И нас — это в-третьих — пропустили и выпустили...

Когда я выходила замуж, папа любил меня так.

— Слышь, как профессор профессору говорю, — напутствовал он моего избранника, держа его за лацкан свадебного пиджака, — я тебе ее пока доверяю. Ты понимаешь, да, ну, если ты ее, там, или ты, наоборот, например, или если она вдруг, то это тоже твоя ответственность, ну, в общем, ты понял, да, что если что, то что именно я тебе оторву?..

Когда я переехала в Израиль, папа любил меня так.

«Я понятия не имею, моя дорогая дочь, — писал он в своем последнем письме из Питера, — какие у тебя позиции относительно политической и экономической обстановки в твоей стране, а также международного положения. Мне не известны твои сегодняшние взгляды на семейную жизнь, а также твои профессиональные планы. Но знай, что все твои взгляды, позиции и планы я полностью разделяю!»

...

8

Когда я была маленькая, мама должна была звонить бабушке два раза в день. Вечером, чтобы рассказать, как прошел день, и утром, чтобы рассказать, как прошла ночь. А также «хотя бы поинтересоваться у матери, жива ли она вообще».

Мама плакала во время каждого разговора, после каждого и иногда еще до разговора.

— Я не для того всю жизнь экономила, — кричала бабушка в телефон, — чтобы все это раздавать направо-налево, направо-налево!

А мама кричала:

— Я не «направо-налево», я — твоя дочь! И я тебя попросила об одолжении!

— Я тебя тоже просила об одолжении, — кричала бабушка, — чтобы ты воспитала как положено, свою дочь!

А мама ей отвечала:

— Ее воспитаешь! Порода уродская, вся — в своего отца!

— Тебя замуж силой не выдавали, — бабушка не проявляла эмпатию, — жила дома как сыр в масле...

Про сыр в масле мне особенно нравилось. Я представляла себе, что мама — такая головка сыра, обернутая красной пленкой, а внутри желтая и дырявая. И вот это все попадает в масло. А масло разогревается, и сыр начинает плавиться и терять форму, сначала снизу, потом оседать и продолжать растекаться.

Я не задавалась особенно вопросом, почему они все кричат. У моих друзей тоже все дома кричали, и у соседей, и на улице. Воспитательница в детском саду кричала, и доктора в поликлинике, уборщицы, продавщицы, портнихи, водители, контролеры и кондукторы в трамваях, автобусах и троллейбусах, все и всегда кричали в бесконечных очередях...

Кто-то сказал при мне, что моя бабушка прошла рядом с дедушкой всю войну. И я так себе и представляла, что они идут рядышком, под руку, а вокруг все взрывается, земля и камни вздымаются фонтанами вверх, всех подбрасывает и переворачивает. А они продолжают идти и беседовать, но из-за взрывов им плохо слышно.

А мама, кто-то мне рассказал, в это время была в эвакуации, и там сплавляла деревья на холодной реке. Она стояла на берегу, как и другие подростки, и если к ней подплыло бревно, она отталкивала его палкой к середине реки. Конечно, чтобы сообщить, что у нее околели руки или она теряет сознание, надо было кричать...

Направо-налево бабушка не хотела раздавать бриллиантовые кольца, серьги, браслеты. А мама очень хотела ходить с папой на важные приемы именно в бабушкиных украшениях. У мамы были свои украшения, очень много, по-моему, целая хрустальная вазочка под зеркалом в спальне. Тоже серьги, кольца, браслеты. Но они были золотые, без бриллиантов.

Бабушка требовала от мамы взамен своих украшений, чтобы мама так меня воспитала, чтобы я тоже ей регулярно звонила. «Хотя бы поинтересоваться у бабушки, жива ли она вообще».

Поэтому бабушка кричала на маму. А мама потом — на меня.

А я думала, как же решить проблему, чтобы все перестали кричать.

И однажды вдруг поняла!

План был двухэтапным. Как я осуществлю второй этап, я решила подумать завтра. Но начать осуществление первого можно было немедленно.

Перед тем как выйти гулять, уже одетая, я забежала в мамину спальню и высыпала в карман из хрустальной вазочки все золотые кольца, серьги, браслеты.

Потом на улице, проскочив поле видимости из окон и отдышавшись, я спокойно уже зашагала вдоль проходных дворов. Доставая время от времени какую-нибудь из оттягивающих карман, пропитанных злом и завистью золотых безделушек, я забрасывала их, одну за другой, так далеко, как только позволяли силы, направо-налево, направо-налево...

...

9

Когда я была маленькая, мой портрет в овальной ажурной раме из черного золота висел в самом центре самой главной стены квартиры бабушки с дедушкой.

На этой стене не было ни шкафов, ни сервантов, ни полок. Только два бра, над креслами, в виде бронзовых ангелов, которые тонкими ручками направляли светильники, специально, чтобы подсвечивать мой портрет.

На портрете я была чуть растрепанная. Сползшая белая рубашка оголяла мое смуглое и угловатое плечико. В моих глазах был такой огонь, будто ничего-ничего нельзя было скрыть от этой девочки. Она сразу видела ложь. Даже не надо было специально врать вслух, произносить запутанные, фальшивые речи. Просто если кто-то что-то скрывал, даже молча, она сразу видела. На этом портрете я была очень похожа на цыганскую девочку, как я ее себе представляла.

...Когда бабушка мыла тарелки, то дедушка брал из ее рук вымытые, одну за другой, вытирал большим льняным полотенцем и укладывал в стопку. А фужеры и бокалы, перемытые бабушкой, дедушка, протерев фланелевым полотенчиком, устанавливал в ровный ряд. Потом бабушка открывала нужные дверцы от нужных шкафчиков, и дедушка ставил туда то, чему было определено там стоять.

Когда бабушка начинала жарить что-нибудь в глубоком масле, например клопсы или корюшку, то дедушка ставил вокруг сковородок вырезанные им из картона и про-

мазанные специальным составом уголки, как стоячие обложки книг, чтобы масло не брызгало на стену и другие комфорки.

А когда бабушка гладила, дедушка расправлял и растягивал тот кусок ткани, к которому направлялся утюг.

В этом доме меня никто не воспитывал. Когда я спрашивала почему, мне отвечали: «Зачем? Разве ты что-то скрываешь от взрослых? Разве ты кого-то обманываешь?»

Еще не хватало. Обманывать!

Я же знала, что дети и даже взрослые, если только кого обманут, то тут же сгорят в огне. Причем быстро сгорят только те, которые не специально соврали, а, например, от страха и потом побоялись признаться. А вот те, которые специально обманули, продумав вранье заранее и решив, что им можно, или обманывали в течение долгого времени, те не просто будут гореть в огне, а сначала долго-предолго мучаться.

Бабушка с дедушкой были так поглощены друг другом, что я бы подумала, может быть, что никому в этом доме не интересна, если бы не мой портрет, который висел у них в самом центре квартиры.

Что бы они ни делали, проходя мимо картины, они всегда говорили: «Ах, красота!» А проходя мимо меня, немножечко удивленно: «Вот ведь цыганенок!»

Я очень любила свой портрет. Кто и когда меня нарисовал, я не спрашивала. Может быть, вообще мой портрет появился в квартире бабушки с дедушкой еще раньше, чем я. Там было очень много сказочных и необъяснимых вещей, которые появились раньше чем я.

Сам дом был волшебным, с башнями и часами, которые отбивали время и днем и ночью; узким и длинным двором, куда не проникал ни один луч ни солнца, ни луны; со странным адресом «Пять углов» и квартирой, состоящей из преогромной комнаты с бесчисленными углами.

Войдя в подъезд, люди шли к стучащему, скрипящему, дышащему жаром лифту или лестнице с витыми перилами. А к бабушке с дедушкой надо было идти за лифт, под лестницу, вниз, где была тайная дверца. И взрослые, чтобы туда войти, должны были пригнуться. «Бывшая петербургская дворницкая», — говорили про эту квартиру, не похожую ни на какое жилье на свете.

Там, внутри, был альков, отделенный портьерами, как в театре, с падугой и воланами. Портьеры были тяжелые, бархатные, внахлест, такие бесконечно широкие, что в них можно было, если зацепиться за край и начать заворачиваться, обернуться тысячу или больше кругов. Там была хрустальная люстра, как в музее, с тысячей или больше совершенно разных по форме деталей, огромных и крохотных. Все это — когда ее мыли — снимали и раскладывали по ванночкам, тазам, мискам и маленьким плосечкам с мыльной водой. Если бы вдруг в квартиру проник ветер, то все подвески зазвенели бы тысячей или больше неземных голосов. Но ветра там не было. Окон я не помню вообще.

Если не принимали гостей, то в комнате теплился тусклый электрический свет. В его отблесках глаза девочки горели еще сильнее. Я садилась на мягкий диван в парчовых чехлах, которые шила бабушка по лекалу, вырезанному предварительно дедушкой. Я облакачивалась на атласные подушки с птицами и цветами, бисером вышитыми бабушкой. Я сползала, специально скользя спиной по шелку, и полулежа смотрела на свой портрет.

«Никто никогда нас с тобой не обманет», — говорила я девочке. И она отвечала: «А если вдруг кто обманет, то он умрет. Но не сразу. Он сначала помучается страшно-престрашно». А потом мы с ней хором шептали заклятие: «Он будет гореть в огне. Он будет гореть в огне».

Было и правда немножко страшно. Ноги, если снять тапочки, мне разрешали закинуть на пуфик. Пуфик, столярный шедевр бабушки, был расшит бабушкой золотыми драконами, и у каждого из зубастой блестящей пасти вырывались клубящиеся языки пламени, ожидающие лжецов.

...Даже когда я не сидела напротив портрета и была далеко от квартиры бабушки с дедушкой, цыганская девочка неразлучно была со мной. Если меня принимался ругать кто-то из взрослых несправедливо, я умела так посмотреть, глазами со своего портрета, что прерывалась ругань и захлебывался поток удивленно-отчаянным «вот ведь цыганская кровь!».

А когда в меня намеревались влюбиться мальчики, я честно предупреждала всех до единого, чтобы сначала взвесили свои возможности, потому что меня ни обмануть, ни разлюбить будет никак нельзя. Кто полюбит, тот будет любить до смерти. Кто обманет, тот будет гореть в огне.

Так и было. Шли годы. Потом я оставила Питер. Потом все переехали. Потом все умерли. Потом меня вдруг спросили, не хочу ли я что-нибудь из вещей бабушки с дедушкой. Я сказала, что, конечно, хочу. Картину с цыганской девочкой. Мне ответили, что, во-первых, это был мальчик. А во-вторых, эта бумажная копия неизвестно кого, приобретенная в комиссионке, при пожаре сгорела дотла вместе с пластмассовой рамкой...

...

10

Когда я была маленькая, у моей бабушки было много братьев и сестер, из которых мало осталось в живых.

И тех и других я иногда рассматривала на коричневых фотографиях в альбомах. У каких-то фотографий было узорчатое обрамление, а какие-то оказались приклеенными прямо с оборванными краями или замятыми уголками. Такие альбомы хранились у нас дома и у тех бабушкиных сестер — мне совершенно чужих, пахнущих приторными духами пожилых дам в халатах с золотыми птицами, — которых мы с мамой зачем-то регулярно ездили навещать.

Эти поездки всегда были скучными, потому что единственное развлечение, которое меня там ждало, — рассматривать эти альбомы с коричневыми фотографиями.

Хуже всего приходилось зимой. Надо было втискиваться в трамвай, куда ломилась толпа сердитых людей. Под меховой шапкой — перехваченный под подбородком и завязанный сзади платок, от которого мокро и жарко голове, а от узла больно сзади, на шее. Сидячих мест нет. Из-за толстых кусачих носков, всунутых в войлочные сапоги, приходилось подгибать пальцы ног. Мама меня держала, не отпуская, за руку в варежке, чтобы меня не снесло толпой в сторону. Потом больно тянула, чтобы не заезжаться и заранее протиснуться к выходу. Когда мы протискивались, мое лицо все время терлось о чужие грубые пальто, и я старалась не оцарапать щеки пуговицами.

Дольше всех надо было ехать к старушке, которую звали тетя Верушка. «Тридцать три несчастья», — говорили про нее родственники, но называли всегда только три: нищету, болезни и одиночество.

От трамвая надо было долго и почему-то быстро идти по едва освещенной, почти пустой улице, по грязному снегу, мимо складских бараков с заколоченными окнами. Потом мама нервно и сильно сжимала мою руку, потому что мы шли через двор, где на ящиках сидели недружелюбные дядьки в телогрейках. «Не смотри туда», — одергивала меня мама. Я бы посмотрела, конечно, но голова не могла повернуться, потому что поднятый воротник шубы был прижат туго стянутым шарфом. Только и удавалось

разглядеть, что еще один ящик у этих дядек был вместо стола, и там, на газете, были видны куски хлеба и стаканы, как в автоматах для газировки, из которых мне не разрешали пить...

Лестница была узкая, а дверь, наоборот, широкая, от стенки до стенки. И сбоку дощечка с проводами и кнопками для звонков. Наверное их было сто. Я никогда не успевала сосчитать. И позвонить мне не удавалось. Потому что тетя Верушка ждала нас у двери с той стороны, чуть ее приоткрыв.

«Не надо, — шептала она, прикладывая палец к губам, — не надо лишнего шума».

Мама велела мне быстро проскальзывать в комнату, ближайшую к входной двери, чтобы не попадаться, на всякий случай, на глаза квартирным соседям.

Эти соседи кричали на тетю Верушку. Они не любили, чтобы к ней приходили гости. И даже медсестры из поликлиники не хотели к ней приходиться из-за этих соседей. И участковая доктор тоже сказала, что никогда не придет. Еще соседям не нравилось, что тетя Верушка выходит на кухню. Однажды, когда она поставила на плиту кастрюльку с супом, они кинули в нее этой кастрюлькой. Они ее обзывали жидовкой, уродинной, ведьмой, и она это все тихонько рассказывала моей маме, пока я листала альбом с коричневыми фотографиями.

Они обе вздыхали и говорили: «Ну, тут уже ничего не поделаешь».

Я сидела на жесткой тахте, покрытой колючим, с пролысинами, ковром, подобрав под себя ноги в кусачих толстых носках, и думала, что же все-таки можно поделать, если злые соседи ворвутся сюда, в комнату. И тут я такая вскочу, грозная, сильная, справедливая, и как размахнусь... Я оглядывала комнату в поисках каких-то предметов, которые можно было использовать в качестве устрашения. Но там не было ничего подходящего, кроме палки с резиновым наконечником, на которую опиралась тетя Верушка, когда стояла. А когда сидела, то палку свою она оставляла, куда-нибудь прислонив. Я переползала к тому краю тахты, который поближе к палке. Взгляд скользил по осыпающейся лепнине на потолке. Потом по пустым стенам. Ну — ничего, чтобы напугать злых соседей! Комната была узкая-преузкая и называлась «пенал». Вся мебель вжималась в стены в шахматном порядке. Сначала, у дверей слева стул и вешалка. Потом справа тахта, и поэтому слева уже ничего. Иначе не было бы прохода. А за проходом слева буфет с прислоненной к стеклу потрепанной открыткой со странной золотой птицей. Потом справа стол с еще одним стулом, на котором сидела мама. Видимо, где-то прятался шкаф с вещами, но я не помню, чтобы у тети Верушки вообще были вещи, кроме тех, что на ней.

У нее были худые руки, тоньше чем у меня, только с узловатыми искривленными пальцами, а платье или кофты сливались по цвету с телом так, что это как будто и не одежда.

Когда она стояла передо мной, она была крохотная, почти одного со мной роста. В лице и в волосах не было цвета. А черты лица не прочерчены. Хотелось все линии обвести цветными карандашами.

Однажды тетя Верушка сидела ко мне боком, на табуретке, и рассказывала моей маме, что доктор ей посоветовал спать на доске, но доску взять негде и принести ее некому. Поэтому «ну, тут уже ничего не поделаешь».

Я глянула и вдруг впервые поняла, почему она маленькая, с меня ростом, и всегда опирается на палку, когда стоит. Оказалось, что спина у нее была согнутая, просто кривой дугой, а на дуге — горб...

Раз в год тетя Верушка приезжала к нам в гости сама и привозила пачку квадратных и безвкусных пластинок. Как их есть и зачем, я не понимала: они были такие сухие, что их было не проглотить ни с сахаром, ни с колбасой. Но мама ужасно радовалась. Называлось это «маца-из-синагоги-но-об-этом-нельзя-никому-рассказывать».

Они пили чай, и говорили в этот день на другом языке. Такая была игра. Мама, похоже, рассказывала тете Верушке о своей жизни. Тетя Верушка поддакивала и говорила: «Аби гезунт, бубалэ!» А если я крутилась рядом и мама рассказывала ей обо мне, тетя Верушка говорила: «Зет, зет, аидише коп!»

Один раз, когда мама ушла разговаривать по телефону о чем-то важном, мы остались с тетей Верушкой вдвоем, и повисла неловкая пауза, она вдруг еле слышно запела: «Эс кумт цу флиэн ди Голдэне Павэ ин а фрэмдн ланд, хот зи фарлойрн а гилдэнэм фэдэр мит а гройсн шанд...»

«Это о птице, — пояснила она и смахнула слезинку. — Улетела золотая пава в чужую сторону. Обронила там золотое перо, к своему стыду...»

Я ничего не поняла.

Про свою жизнь тетя Верушка на нашей кухне не рассказывала, чтобы не отвлекать на себя внимание. По квартире она не двигалась. Палку свою оставляла в прихожей, чтобы не пачкать резиновым наконечником наш паркет. Ей было трудно дойти до кухни, но она ковыляла, не облакачиваясь на стены, чтобы не испачкать обои. Она старалась не пить много чая, чтобы не пользоваться туалетом. Она вообще все время хотела уменьшиться или в кого-нибудь превратиться. Ей такой, какая она была, казалось нелепо и неловко занимать место в пространстве.

У нее были две дочери, но она им не звонила. Однажды она позвонила одной из них на работу, но там рявкнули: «Вам кого?» И она, позабыв имя-отчество дочери, пролепетала: «Мусеньку. Мне Мусечку, я ее мама». Раздался хохот. А вечером дочка попросила не звонить больше ей на работу.

Домой она ей позвонить не могла, потому что там не было телефона. Телефон был у второй дочери, но она была замужем, и ее муж не любил, чтобы тетя Верушка им звонила.

«Взрослые люди, — пожимала худенькими плечами тетя Верушка, — тут уж ничего не поделаешь!»

Она вообще встретилась с дочерьми, когда те уже были взрослыми и чужими. То есть сначала она их родила и немножечко вырастила. Вместе со своим мужем. Но во время войны, в блокаду, ее муж вышел из дома и не вернулся. Ее, едва живую с голодными девочками, кто-то забрал, чтобы вывезти из Ленинграда. Рычали моторы, ревели сирены, разрывались снаряды. Все потерялись. Она кричала, но ее никто не услышал. Всех разбросали по разным грузовикам. И так получилось, что одну из девочек увезли в один детский дом, а другую — в другой. Им дали новые имена и записали другие национальности.

...Однажды тетя Верушка к нам приехала летом. Наверное, было лето, и оголилась шея, потому что даже я обратила внимание, какая она худая. И мама, увидев ее, всплеснула руками:

— Ты что-нибудь ела в последний месяц?

Она ответила:

— Я пила чай, — и добавила: — С хлебом.

— Куда ж ты девала пенсию? Что ты купила?

— Конфеты, — пробормотала тетя Верушка. — много разных конфет.

Мы с мамой, удивленные, замерли.

— Когда я выхожу на улицу, — начала тихонько тетя Верушка, — дети там, во дворе, меня окружают и дразнят. «Жидовка, — кричат, — уродина, ведьма!» И иногда даже что-то бросают в меня... Они не злые. Их так научили. А я учу их иначе. Я им хочу показать, что уродство — не всегда зло. Я — страшная, скрюченная. Конечно, они боятся. А притворяются храбрыми. Вот и кидают в меня чем попало. А я останавливаюсь и протягиваю им конфеты. Я им говорю: «Подойдите ко мне, угощайтесь, это все вам!»

Сегодня уже подошел один мальчик. Он хорохорился, шел кривляясь, все время оглядываясь на друзей. Но конфету взял, а я еще целую горсть положила ему в карман. Для других. Подойдут и другие. А если и не подойдут, они вырастут, вспомнят... Это же еще дети!

Она лепетала по-прежнему тихо, неразбочиво и невнятно. Но мне показалось, что громко и очень четко.

Ночью мне снилось, что тетя Верушка распрямляется, разворачивается и превращается в огромную, переливающуюся всеми красками золотую волшебную птицу, с такими широкими крыльями, которые смогут укрыть меня от всех бед: нищеты, одиночества, болезней, еще тридцати других и от «ну, тут уже ничего не поделаешь» — тоже...

...

11

Когда я была маленькая, родители летом полетели на самолете в санаторий, который был далеко, в поселке у моря, и взяли меня с собой.

В санаторий ночью детей не пускали. А днем можно было посидеть в холле, но только тихо и так, чтобы не засовывать под себя ногу в сандалике, потому что чехлы на креслах и на диванах в санатории были белыми. Болтать ногами тоже было нельзя, потому что чехлы спускались до самого пола и сандалики могли их испачкать. Еще можно было сидеть на стульях, но они были жесткие.

Зайти к родителям в комнату разрешалось только вместе со взрослыми. По коридору, выстеленному бордовой ковровой дорожкой, топившей звуки, надо было идти не подпрыгивая. Эта мягкая дорожка, перехваченная металлическими прутьями, спускалась вниз, вдоль ступенек, но только до входа. Оттуда начиналась жесткая гравиевая тропинка. Почему-то никто не придумал продолжить красивый ковер дальше и дальше, вдоль тропинки, потом по всей территории санатория, потом за калитку, к дорожке, убегающей к морю. Почему? «Потому что, — мне объяснила мама, — так устроена жизнь. Есть начало, и есть конец».

Мама точно знала, как именно устроена жизнь: есть послушные дети, они все красивые, и их любят, а есть непослушные, они уродливые, и их наказывают; взрослые объясняют детям, что правильно и что неправильно, дети с радостью соглашались; всем хорошо.

Все дети день проводили с родителями, а после ужина родители их отводили в «угол», который для них снимали, — вокруг санатория было много таких домишек с «углами». В большой комнате, где жила хозяйка, мне отвели кровать, отделенную плотной шторой. В этой комнате были еще такие «углы».

Когда мама договаривалась с хозяйкой, чтобы она взяла меня ночевать, хозяйка спросила: «А ваша девочка не капризная? Не будет мне здесь устраивать фокусы?»

И мама сказала: «Нет, моя девочка не нарушает границы дозволенного».

Хозяйка осталась довольна и согласилась.

Вечером мама меня приводила в «угол», а по утрам приходила меня забрать. Мне было страшно, потому что я оставалась одна и потому что штора не пропускала свет. Но я помнила, что есть начало и есть конец. С мыслью о том, что темень не бесконечна, я засыпала.

Иногда я до того, как ложиться спать, играла с другими девочками, которым тоже снимали «углы». И одна девочка вдруг сказала, что папа у нее не родной, потому что ее родной папа умер.

Умер?!

Я тут же попыталась представить себе своего папу мертвым, и у меня ничего не вышло. Получилось вообразить, что он закрыл глаза, но все равно продолжал бежать, говорить и махать руками. Потом я попыталась представить себе мертвой маму. Получилось намного лучше. Она лежала, не двигаясь, на спине, сложив на груди красивые руки, но все равно я знала, что и с закрытыми глазами она видит, когда я нарушаю границы дозволенного, и читает все мои мысли.

Потом я попыталась представить мертвой себя. Вот я лежу в хрустальном гробу, как в книжке о спящей царевне, в красивом кружевном платье и думаю, что... И тут очень резко поразило, как громом, осознание, что я уже не думаю. И не чувствую ничего. Как это?! Чувства и мысли конечны?

Я оглянулась вокруг. Вот трава. Она будет всегда. Вот небо, то темно-тяжелое и густое, как моя подсохшая и потрескавшаяся гуашь, то легкое и прозрачное, как мои новые акварельные краски. Краски закончатся. Небо — нет. Так же будет по утрам подниматься солнце и луч пробираться сквозь листву, через окно и щекотать нос... Не мне.

Взгляд заскользил по предметам, которых однажды не станет: чашка — она когда-нибудь разобьется. И все, ей конец. Обрывок газеты. Обмылок. Карандаш.

Но так же, как и сегодня, будут слышны детские голоса, потому что другие дети будут всегда. Только меня не будет.

Стало жарко. Особенно в самой макушке головы, там, где незатянувшийся родничок. Горячая струйка пота потекла прямо по лбу и смешалась с подоспевшей слезой. И мокрым стал подбородок. Меня качнуло, и я пошла куда-то к калитке, за которую было нельзя. Потому что это граница дозволенного. Я споткнулась о палку, сломанную и ничью. Но я-то ведь «чья»! И там, в санатории, была мама, которая мне не даст умереть. Я же послушная! И красивая!

Я бежала. За спиной что-то кричали девочки. Хозяйка бежала за мной. Потом мама уже бежала навстречу, потом, вернув меня к моему «углу», стояла напротив, и держала меня за плечи, и ругала, потому что я пересекла границу дозволенного. А я кричала громко, просила, чтобы меня не оставляли здесь ночью, а мне говорили прекратить фокусы, немедленно раздеться и лечь в постель. А я повторяла, что очень-очень прошу, и стучала ногами, и цеплялась за мамино платье, а она говорила строго, что нет слова хочу, а есть слово надо. Я убеждала, что не могу, не могу оставаться здесь, и было так важно, чтобы взрослые мне поверили. Но хозяйка сказала: «Стыдно быть такой капризной!» И была недовольна.

Я устала кричать и просить и смирилась, что останусь в чужом углу, одна в целом мире. Мне задернули шторы.

Я сидела во тьме, вжавшись в разогретую за день стенку, обняв подушку. Смерть, постояв напротив меня неподвижно, принялась менять форму, как в мультиках, и расплзаться. Она наполняла собой все ограниченное шторой пространство и постепенно оказалась везде: в запахе одеяла, в перьях подушки, на полу, рядом с сандаликами, в полых трубках спинки кровати, в металлической сетке под тонким матрасом. Она была в воздухе, и я ее впитывала с каждым вдохом... Конечно, если бы я захотела, я бы успела от нее убежать. Но жизнь была устроена так, что детям не разрешалось пересекать границы дозволенного.

Мама пришла за мной утром, взяла за руку и повела в санаторий. То же небо, та же трава, вдаль — то же море. Но что-то совсем иначе, чем было вчера. Я ее слушала, но как будто не слышала одновременно. Потом я сидела в холле, как положено, ноги в сандаликах на полу. Взрослые люди говорили о чем-то своем. Я слушала и не слышала.

Мне после ночи — рядом со смертью — о чем-то рассказывала трава. И небо, и земля со мной говорили, и их я слышала. Я слышала даже море, которое было так далеко, что взрослые никогда бы мне не поверили. Но мне стало все равно. Я услышала то, что звучит внутри: что-то стучало в груди, а потом плескалось, потом наступало с ревом, как волны в бурю, и отступало со свистом. Потом закричали чайки гортанными голосами, и я не поняла, откуда этот звук, вдруг сменившийся хрипом. Изнутри или снаружи? А я сама — где? Снаружи этого мира звуков или, наоборот, внутри? А страх, он приходит извне или изнутри?

Я не успела додумать, потому что грянула музыка. Во всю мощь. Из тарелок на всех столбах. «Вышла мадьярка на берег Дуная, — разнеслось, растянулось по санаторию, — бросила в воду цветок». Я любила эту прекрасную песню про девушек, выходящих, каждая в своей стране, на берег и бросавших цветы: «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок», — гремело со всех сторон.

Я сорвалась с места и побежала, несмотря на запрет, ворвалась в комнату мамы и папы, схватила цветные карандаши и всю пачку бумаг, хотя можно было брать только по листику. Я сбежала вниз, в холл, пристроилась на полу, положила листок на стул и нарисовала мадьярку, которая вышла на берег Дуная. Она бросает цветок. Для цветка места почти не осталось — он прилепился к краю листка и получился тощим и вялым. Тогда я решила, что это всего лишь полуцветок. И чтобы спасти его жизнь, я просто приложила к листку с рисунком другой листок, так, что не видно было границ, и на нем уже дорисовала вторую половину цветка. И он стал живой и пышный. Дунай потек, огибая маленькие островки, и быстро притек к краю второго листка. Я тут же приставила третий. Выходили, как в песне, девушки, бросали цветы. Теперь для каждой из них и их цветов было сколько угодно места. Мои листки давно перекочевали со стула на пол. Дунай устремился вперед, по полу, вдоль холла. Река стекала по лестнице вниз, и какие-то туфли, босоножки, сандалии обходили мои листки и что-то там комментировали, но слова утопали в мягком бордовом ковре. И я утопала, и уносила моя река, куда хотела, а не туда, куда надо, соскользнув с ковровой дорожки на гравиевую. Бесконечный поток с цветами лился по тропинке от входа к калитке и за территорию санатория, за забор, за границу всего...

Кто-то, наверное, позвал мою маму. Я рисовала, то лежа на животе, то сидя на коленках, измазанная, сосредоточенная. Она, прибежав, замерла надо мной и фрагментом моей картины. Я посмотрела на нее снизу. В ее глазах был знакомый ужас, потому что ее дочь нарушила границы дозволенного. А еще появился другой ужас, незнакомый, как будто произошло нечто не поддающееся представлению о том, как устроена жизнь. И смерть.

...

12

Когда я была маленькая, мне подарили двухколесный велосипед. Ослепительно-алый.

Но поскольку велосипед был двухколесный, а я маленькая, то усевшись, я немедленно потеряла равновесие и упала. Подняла велосипед, снова забралась и снова упала с ним вместе. Испачкалась.

— Так дело не пойдет, — решили папа и бабушка, которые наблюдали этот процесс. — Надо ее учить!

Дело было в летнем военном лагере. Воскресным утром. Трава, в отличие от городской, дышала: мне было видно, как шевелились травинки — отклонялись назад, раскрывая со вдохом грудь, и наклонялись вперед, выдыхая. Над травяным ворсом —

то светло-салатным, во время вдоха, то темно-зеленым, когда трава закрывалась, чуть подрагивая горчичными заостренными кончиками, — поднимался едва заметный дымок. Он переливался на солнце то сиреневыми, то синими бликами. И от этого чуть рябило в глазах. Тропинка, то с серыми пятнами россыпей острых камушков, то с песочными проплешинами, вилась между стогами сена. От непривычного пряного запаха немножко кружилась голова. Жизнь казалась вечной и бесконечной, о чем она и нашептывала мне нежно, но какими-то другими словами, потому что я еще не знала эти. Но уже знала, что если прислушаться к тишине, то услышишь что-то самое важное, важнее всех взрослых споров и разговоров. Хотелось услышать это самое важное, а остальной шум как-нибудь выключить. И лечь, прямо там, на траву рядом с тропинкой, раскинув руки, или забраться на стог, провалиться немножко, а потом начать туда ввинчиваться, пока не доберешься до самого центра. И там, в глубине, найти лаз в волшебное королевство...

Я стояла рядом с велосипедом, ослепительно-алым, девочка в белом, сшитом бабушкой ситцевом сарафане, с воланом на юбке, отделанным шелковой лентой, и с бретельками из той же ленты. Одна из них, будто репетируя будущее, тренировалась чуть что соскальзывать со смуглого плечика.

Так получилось, что у папы и дедушки с маминой стороны была очень маленькая разница в возрасте. Дедушка рано стал папой, а папа поздно женился.

Мой папа вообще познакомился с мамой в первый раз еще в самом начале войны. Даже не с ней еще, а с ее фотографией. Потому что мой папа, который служил на флоте, полетел с поручением на базу, где подводной лодкой командовал дедушка. А бабушка, которая не расставалась со своим мужем, служила там же, на базе. И вот когда туда прилетел мой папа, дедушка его познакомил с бабушкой, они оба позвали папу куда-то к себе, накормили, выпили за победу и показали фотографию четырнадцатилетней дочери. «О, — сказал папа, — на этой красавице я и женюсь». А бабушка сказала: «Нет, ни за что! Ведь вы, я чувствую, такой жук», — и пригрозила кокетливо пальчиком. А дедушка ничего не сказал, поскольку он был очень большим командиром только на подводной лодке, а дома он был подчиненным бабушки. Но поскольку папа был в том же звании, что и дедушка, или по какой-то другой причине, например почувствовав себя виноватыми, бабушка с дедушкой передали посылку для своей дочери. Дочь их жила почти одна, ну, с какой-то родственницей в Москве, куда папа летел после базы.

Папа, добравшись до Москвы и выполнив все военные поручения, вызвал на встречу маму. Та пришла за посылкой, и папа, впечатлившись ее красотой, пригласил ее к себе в гости, в какой-то дом. Хотел ли он что-то с ней сделать, то, что не принято, осталось навеки тайной. Папа всех убеждал: «На черта было возиться с целкой, когда на меня вешались грозди девок в самом соку?» А мама утверждала: «Хотел, хотел!»

Я понимала не все слова. Но очевидно, что на том свидании маму возмутило неприличное предложение, она решительно развернулась и гордо ушла, а папа уехал к своим гроздям девок в самом соку. Потому что у него оставались сутки до фронта.

Прошли годы.

Сразу после войны в Москве, в Доме офицеров был устроен на Новый год настоящий бал. Туда мечтали попасть все на свете! Дедушка — ему по рангу было положено — получил два билета. И отправил туда свою уже восемнадцатилетнюю дочь в сопровождении домработницы.

Маме там было неловко и неудобно. Она прислонилась к стене, оглушенная музыкой, смущенная и ошарашенная множеством офицеров.

А тем временем папа, такой лихой, в орденах, да еще курсант Юридической академии, в окружении свиты поклонников, едва оглядев зал для танцев, поднялся, как

это было принято, сначала в буфет. Там после рюмки-двух он поинтересовался, кто внизу, в зале, мол, все те же дежурные б... или есть кто-то свеженький? А ему докладывают, мол, есть одна, тут явно впервые, скромная и неземной красоты.

Необязательно было знать точно значение всех употребляемых папой слов, чтобы понять, что сейчас начнется самое главное.

Папа, спустившись в зал, пригласил маму на танец. Она согласилась и спросила у папы: «Вы меня не узнаете?» Потому что она-то, в свои четырнадцать, его запомнила! Но папа, услышав вопрос, сразу скис. Он готовил себя к сражению за сердце неприступной красавицы. А она — сама в руки, мол, вам не кажется, что мы встречались?

Он не скрыл разочарования. Она рассердилась, прервала танец, развернулась и снова гордо ушла от него. Он бросился следом за ней. Но она, к разочарованию домработницы, решила покинуть зал, где ее оскорбили. И поспешила домой.

А папа такой, на трофейном «опеле», пригнанном из самого Берлина, едет тихонько вдоль тротуара, как в кино, и зовет: «Садитесь, милые барышни, я вас подвезу!» А мама ему: «Ни за что! Только пешком и до самого дома!» Тогда и он вслед за ней — до самого ее дома.

Потом папа увидел, на каком этаже зажегся свет, и поднялся в квартиру.

И тут все всех узнали, расплакались от радости, что все выжили, сели за стол, выпили за победу, повспоминали всякое. В том числе бабушка с дедушкой напомнили папе его обещание жениться на маме.

В том же месяце сыграли свадьбу.

Потом вскоре папу посадили в тюрьму. Дедушку, чтобы спасти, перебросили на далекую морскую базу. Бабушка, разумеется, поехала с ним. Квартиры у всех отобрали и заселили другими людьми. Мама, как всегда, осталась в Москве, может, у той же родственницы, но на сей раз с младенцем, моим старшим братом.

Я родилась уже после того, как все снова вернулись в Москву. И однажды, когда я была маленькая, все вместе поехали летом в военный лагерь — ведь папа и бабушка, пережив всякое, все равно оказались большими морскими офицерами и командирами. Потому что жизнь вечна и бесконечна. И в воскресенье утром мне подарили двухколесный ослепительно-алый велосипед.

Когда я несколько раз свалилась, папа взялся за мое седло сзади и, приправив свою речь парой-другой непонятных, но знакомых с рождения слов, велел мне потихоньку крутить педали, а сам побежал со мной рядом, удерживая мое равновесие.

Дедушка сказал, что так я не научусь. Он предложил папе встать поодаль, напротив, а сам подтолкнул меня, предварительно выравняв велосипед, и велел доехать до папы, быстро-быстро крутя педалями. А падать — уже к папе на руки, который ждал, раскрыв объятия.

Но я шлепнулась по дороге, не достигнув намеченной цели.

На следующий день все ушли на службу. Я вывела на тропинку с серыми и песочными пятнами свой двухколесный велосипед и поехала. Я падала, поднималась, снова пыталась, расшибалась, терла зеленой травой разбитые в алую кровь коленки и так, пока не научилась.

Я поняла, что это не страшно — падать. Страшно — бояться упасть. И испачкаться.

А если не бояться упасть, то не страшно и падать.

И еще, когда совсем трудно и больно, надо себе представить что-то очень хорошее. Я представляла себе, как стану взрослой и буду смелым, непобедимым, несломленным, как папа и дедушка, командиром.

Вечером все мной гордились. Окна были открыты, и теплый ветер с пряными запахами летал по комнате. На столе — белая скатерть, в стеклянной банке — цветы.

Когда ветер их задевал, они вдыхали и раскрывали, подрагивая, синие грудки, а когда он уносился, они огорчались и сердились сиреневым трепетом.

Все сидели за столом вместе. В первый раз вспоминали при мне, как папа познакомился с дедушкой, а дедушка его познакомил с бабушкой, как они познакомили его с маминной фотографией и как бабушка сказала папе, что он жук.

Все смеялись, и перебивали друг друга, и пили разбавленный спирт, который детям нельзя даже нюхать, а папа сыпал словами, которые детям нельзя было слушать, но я все слышала. А потом папа с дедушкой пели: «Устал я греться у чужого огня, ах, где же сердце, что полюбит меня?»

Было немножко жалко, что они не замечали, что я и есть то самое сердце.

Опять прошли годы.

Жизнь пробила много сиреневых и синих дыр в королевстве, долго державшемся на волшебстве. Силы, оставив меня, брызнули во все стороны и растеклись по тропинкам с серыми и песочными пятнами. Новые было трудно собрать, но я, прислушавшись к тишине, которая важнее всех споров и разговоров, поняла: «Страшно не умереть. Страшно бояться умирать. И испачкаться. Если не бояться умирать, тогда умереть не страшно».

Ну, а когда очень больно и трудно, нужно просто представить себе что-то очень хорошее.

И вот когда мне больно или когда мне трудно — что-то одно, — я представляю себе, что я снова маленькая, а папа с дедушкой, два очень-преочень больших командира, которые могут победить всех на свете, встают напротив друг друга. Потом один из них, выравняв мне равновесие, подталкивает вперед, а второй ловит, раскрыв объятия.

И я, хоть немножко кружится голова, лечу, по-прежнему во всем белом, ситцево-шелковым и струящемся, со соскользнувшей бретелькой с плеча, все такого же смуглого...

Но когда очень больно и трудно одновременно, я представляю себе, как папа, крепко держа велосипед за седло, бежит со мной рядом.

...

УКРОТИТЕЛИ НАВОДНЕНИЙ¹

Мне кажется, что люди моего поколения, а может быть, и предшествующего всерьез относились к словам поэтов. И слова нечасто поминаемого ныне Маяковского, «чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела», были вполне созвучны нашему представлению о предназначении в этой жизни.

Долгие годы мне казалось, что у поэта сказано «воплотиться... в стройки», но оказалось «в строчки». Ну что ж, каждому свое, у него «в строчки,» у нас — «в стройки».

Тем более что наша стройка оказалась действительно долгим, непомерно долгим делом. Десять лет вынужденного простоя. Десять лет очередной «победы» политики и политиканов над экономикой, здравым смыслом, инженерным расчетом и наукой. Но об этом чуть позже.

В истории Санкт-Петербурга и Политехнического института есть объект, не вспомнить о котором в год 120-летнего юбилея Политеха никак нельзя, потому что он построен благодаря заботе о безопасности города, создан знаниями и участием большой плеяды инженеров — выпускников нашего института.

У русских инженеров был своеобразный пароль профессионального товарищества и чести: «Всегда рад буду встретиться с вами в деле!»

Вот я и решил рассказать о своих коллегах, выпускниках нашей альма-матер — Петроградского, Ленинградского, Санкт-Петербургского политехнического института, университета, встретившихся в общем деле, в деле защиты нашего великого и многострадального города от морских наводнений.

12 августа 2011 года премьер-министр правительства России В. В. Путин в присутствии губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, представителей Совета Федерации, правительства России, проектных, строительных, конструкторских и научно-исследовательских организаций — участников возведения Комплекса защитных сооружений от наводнений (КЗС) ввел этот объект в постоянную эксплуатацию.

Необходимость этого долгожданного свершения была подтверждена практически сразу — уже через три месяца КЗС встал на защиту города. Наводнение в ноябре 2011 года было небольшим, но уже следующее — декабрьское, с возможным подъемом уровня до 281 см — привело бы к многомиллиардному ущербу.

Шумные, даже крикливые, всезнающие противники строительства защитных сооружений встретили это событие молча.

Сергей Николаевич Кураев — заслуженный строитель РФ, главный инженер проекта Комплекса защиты Ленинграда — Санкт-Петербурга от наводнений. Родился в 1937 году. В 1960 году окончил гидротехнический факультет ЛПИ им. Калинина. Сотрудник Ленгидропроекта. Работал на проектировании и строительстве гидросооружений у нас в стране и за рубежом. С 1981-го до окончания строительства в 2011 году — главный инженер проекта КЗС.

¹ Журнальный вариант.

Окончание строительства и ввод в эксплуатацию КЗС стали достойной вехой и в истории города, и в истории Политехнического института. Именно его выпускниками и учеными в основном и была наконец реализована 300-летняя мечта жителей Северной столицы России об избавлении от пагубных и разорительных набегов морской стихии.

Нужно напомнить, что за 300 лет существования города случилось более трехсот наводнений и было выдвинуто много предложений по его защите от затапливающей город воды...

От подъема территории за счет грунта из каналов, создаваемых для превращения города в Северную Венецию, до создания каналов для отвода при наводнении вод из верхнего течения Невы «прямоком» в залив «в обход города». Для этого как раз и были построены Обводный и Екатерининский (Грибоедова) каналы.

Но все эти попытки спасти город от наводнений были обречены на неуспех, так как природа наводнений понималась «по-пушкински»:

Но силой ветра от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...

Великолепная, чудесная поэтическая картина, а то, что поэт был во власти заблуждений касательно природы наводнений, лишь дань времени.

Воображение поэта создало впечатляющее полотно!

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам! Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?..

Узнав из писем и газет о бедствии, постигшем Петербург, поэт, сосланный в Михайловское, живо откликнулся на беду, помня при этом о тех, кто всегда больше других страдает от стихийных бедствий.

«Газеты говорят об одном розданном миллионе, — пишет Пушкин девятнадцатилетнему младшему брату Льву в конце декабря 1824 года в Петербург. — Велико дело

миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? об этом зимою не грех бы подумать хоть в одиночку, хоть комитетом. Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного».

А для нашей семьи наводнение не история и не литература.

Едва в январе приняв в четвертый раз новое имя, ставшее символом стойкости и мужества, город осенью 1924 года испытал тягчайший удар морской стихии.

Мастерская моего деда, Петра Петровича, на углу Старо-Петергофского (пр. Газа) и Обводного канала, была затоплена. Квартира в этом же доме была на третьем этаже и уцелела. Мама, в ту пор шестнадцатилетняя девушка, рассказывала, как под окнами плыли с размытого наводнением и бурей гробы с Красенького кладбища, туши утонувших и всплывших лошадей и коров, плывущие собачьи будки с воющими обитателями на крыше, рассказывала о барках, о разной морской и речной посудине, оставшейся посреди улиц после того, как вода схлынула. Бегала на Невский, чтобы своими глазами увидеть перекореженную, размытую и поднятую водой торцовую мостовую, этот знаменитый «городской паркет»...

И мама, читавшая нам с братом в детстве по памяти любимые страницы чудесной поэмы, дополняла картину 1824 года тем, что видела своими глазами в 1924 году. Вот и я прекрасно помню четвертое (по максимальному уровню — 293 см) наводнение 16 октября 1955 года. Я шел местами по колено в воде домой на Выборгскую сторону от Горного института, напротив которого на Неве стоял английский авианосец «Триумф», прибывший впервые к нам с визитом вежливости. На площади Революции, превратившейся в озеро, на улице Куйбышева, ставшей протокой между Большой Невкой и Невой, замерли трамваи. Немногие пешеходы, как и я, перекинув связанные шнурками ботинки через плечо, шлепали босиком по воде. И как-то тогда не думалось о том, что происходит в это время в подвалах Эрмитажа, что творится в полуподвальных жилищах и мастерских, каковых немало было в городе, в какую сумму обойдется городу (стране!) этот щекочущий нервы набег стихии.

В тот грозный год
 Покойный царь еще Россией
 Со славой правил. На балкон,
 Печален, смутен, вышел он
 И молвил: «С божией стихией
 Царям не совладеть».

Царям не царям, а кому-то, в конце-то концов, и с «божьей стихией» совладать надо.

Понадобились годы и годы наблюдений и исследований, чтобы понять: не Нева, «как зверь остервенясь», кидается на город, а идущая со стороны моря с ветровым нагоном «длинная волна».

И что это за «зверь», понял и доказательно обосновал выпускник Политехнического института 1937 года Сергей Степанович Агалаков, первый главный инженер проекта КЗС, вместе с гидрологами Ленгидропроекта и опытным гидрологом Государственного Гидрологического института д. т. н. Рувимом Афроимовичем Нежиховским.

Изучение и научно обоснованное понимание природы наводнений стало фундаментом проекта и строительства защитного комплекса.

Наконец удалось понять, что наводнения возникают в результате воздействия циклона на поверхность Балтийского моря.

Циклон — это атмосферный вихрь с пониженным давлением в центре, в котором поверхность моря как бы спускает на 10—15 см, образуя так называемую «длинную волну» протяженностью в сотни километров. Высота этой волны возрастает по мере ее перемещения при движении циклона с запада на восток в узкие и мелководные участки моря, такие, как Невская губа.

Установлено, что на морской акватории от Таллина до Ленинграда высота волны увеличивается в 2,5 раза и совместно с ветровым нагоном, сейшмами и приливными колебаниями уровня моря может вызвать наводнение в Ленинграде с уровнем затопления 5,15 м.

Может быть, и не надо беспокоиться? Но для нашего города подъем воды в три метра уже катастрофичен.

Наводнения на территориях, прилегающих к Невской губе, — проблема древняя. Русские летописи свидетельствуют, что в 1060 году вода поднялась на 7 м, а шведские — что в 1691 году, за двенадцать лет до основания Санкт-Петербурга (первое историческое название города), вода поднялась на 7,6 м в районе притока Невы — реки Охты.

Даже если предполагать явное преувеличение в этих свидетельствах, все равно катастрофический характер бедствия очевиден. Более того, возможность таких событий подтверждена тяжкими испытаниями, периодически обрушивавшимися на город — «полнощных стран красу и диво».

Самое страшное наводнение, повлекшее гибель более тысячи жителей, произошло ночью в сентябре 1777 года, хотя уровень воды был на метр ниже максимального уровня наводнения 1824 года (4,21 м). Большое число жертв объясняется внезапностью ночного нападения стихии на обитателей, в первую очередь огромного числа одноэтажных построек в приморской и центральной части города.

Во времена, предшествующие строительству комплекса защиты, были приняты три уровня бедствия. Первый — 2,1 м, опасный, второй — 2,99 м, особо опасный и третий — катастрофический, выше трех метров.

В истории города было много авторских идей и предложений по защите от наводнений. После первых наводнений по повелению Петра его архитекторы Доменико Трезини и Жан Батист Леблон в проектах планировки Санкт-Петербурга предусматривали подсыпку его территории до отметки 3,2 м.

Поднять город на три метра? Задача практически невыполнимая. В 1727 году фельдмаршал Б. Миних предложил каждый остров будущей территории города оградить дамбами высотой 4 м. Учитывая, что в то время дельта Невы располагалась на сто одном острове (сейчас их 29, только имеющих названия), предложение не было принято.

После страшного наводнения 1824 года с подъемом уровня воды до 4,21 м в поиск средств защиты города включился директор Петербургского института путей сообщений генерал-лейтенант Корпуса путей сообщений Базен, Петр Петрович на русской службе и Пьер Доминик по рождению.

Выпускник парижской Политехнической школы (1806 г.) предложил проект защиты города путем строительства глухой дамбы от Ораниенбаума через остров Котлин до Лисьего Носа длиной около 22 верст с подъемом уровня Невской губы на один метр и устройством одного водосброса с затвором и шлюза.

То-то бы ему досталось от современных экологов и отставных адмиралов за глухую дамбу!

Но и этот проект был отвергнут из-за необходимости проводки судов через шлюз и огромных для того времени объемов работ.

После П. П. Базена было еще очень много предложений по защите — А. Н. Мосаковского, Я. К. Гандемана, В. П. Пруссака и других. В советское время после катастрофического наводнения 1924 года с уровнем 3,8 м, рассматривался проект профессора С. А. Советова, сотрудника Института коммунального хозяйства.

Времена изменились, и сегодня проект КЗС — труд коллективный.

При этом роль и ответственность каждого специалиста только возрастает, так как его ошибка может если не перечеркнуть, то непременно негативно отразиться в реализации проекта, в решении общей задачи.

Нужно напомнить, что Политех — уникальный технический университет, готовящий специалистов самых разных направлений — от строителей, гидротехников и экономистов до электриков и физиков-ядерщиков. Он не только обучает, но и ведет научно-исследовательские работы в интересах хозяйственной практики нашей страны.

Закономерно, что в решении многообразных задач при исследованиях, проектировании и строительстве защитных сооружений участвовало множество выпускников ЛПИ. Поэтому почитаю за честь назвать в своей статье поименно как можно большее число инженеров, окончивших ЛПИ, тех, кто внес свой вклад в создание КЗС.

Велика роль руководителя и координатора работ, возглавляющего разработку проекта. При необходимости главный инженер проекта привлекает к его разработке специализированные проектные, конструкторские организации и научно-исследовательские институты. Он же осуществляет защиту проектных решений в органах государственной экспертизы и организует работу авторского надзора за соответствием строительства утвержденному проекту.

Главным инженером проекта КЗС, руководившим разработкой и технико-экономического обоснования и технического проекта, был с 1967-го до 1981 года Сергей Степанович Агалаков.

Это был выдающийся инженер, позволю себе сказать — рыцарь отечественной и мировой гидротехники, его имя и дело достойны благодарной памяти.

Сергей Степанович родился в 1910 году в деревне Миничи Вятской губернии. Фундамент инженерных знаний получил на гидротехническом факультете Ленинградского политехнического института. После окончания вуза всю свою жизнь с 1937-го по 1981 год он работал в Ленгидропроекте.

В годы войны служил в инженерных войсках Ленинградского фронта, защищал город, был награжден орденом Красной Звезды, боевыми медалями.

После окончания войны до 1960 года Сергей Степанович возглавлял отдел производства работ. Отдел С. С. Агалакова участвовал в проектировании мощных ГЭС на реках Свирь, Иртыш и Обь. Этот отдел в интересах строительства ГЭС проектировал временные строительные-производственные базы, сооружения и карьеры грунтов, что требовало полного представления об объеме и сроках предстоящей работы по возведению сложных гидроэнергетических объектов.

В ходе этих работ Сергей Степанович накапливал уникальный опыт. В 1953–1960 годах он трижды по поручению Минэнерго выезжал в Китай, где в 1957 году под его руководством был разработан проект перекрытия реки Хуанхэ на строительстве ГЭС Саньмынься мощностью 1100 Мвт, в ту пору самой крупной в Китае.

Хуанхэ («Желтая река») — одна из крупнейших рек в Азии, по протяженности шестая в мире и первая в мире по выносу взвешенных наносов в море, 1,3 млрд тонн в год! Потому и море, куда она впадает, называется Желтое.

Еще у реки название «Горе Китая». Ее наводнения периодически несут неисчислимые бедствия, даже несмотря на то, что для укрощения реки возведено в общей сложности 5 тысяч (!) километров защитных дамб.

Гидроэлектростанция Саньмынься с перекрытием этой реки по проекту Агалакова стала первой из 14 ГЭС, впоследствии воздвигнутых на строптивой Хуанхэ.

Эта работа позволила Сергею Степановичу вплотную столкнуться с проблемой борьбы с катастрофическими наводнениями, уносившими десятки тысяч жизней.

Вклад в развитие гидроэнергетики Китая Сергея Степановича был по достоинству оценен, он кавалер трех высоких наград правительства Китайской Народной Республики.

С 1961-го по 1964 год он — главный инженер проекта самой крупной тогда в СССР Красноярской ГЭС мощностью 6000 Мвт.

С 1965-го по 1968 год по приглашению ООН Агалаков ведет разработку схемы использования реки Маховели Ганга и проектов первоочередных гидроузлов на острове Цейлон. Его работа получила высокую оценку правительства Цейлона и экспертизы ООН.

Имя Сергея Степановича Агалакова заняло достойное место в мировом сообществе гидростроителей.

Накопленный огромный практический опыт и фундаментальные инженерные знания стали убедительным основанием для поручения Агалакову возглавить работы по изучению и обоснованию целесообразности и возможности создания комплекса защиты Ленинграда от наводнений.

Вспоминая Сергея Степановича, конечно, надо сказать о том, какой опорой в его жизни была семья.

С Валентиной Станиславовной Агалаковой, его женой, я познакомился в трагические дни 1981 года, когда не стало Сергея Степановича.

Мне кажется, что жены гидростроителей — люди совершенно особой породы. Кто бы они ни были по профессии, они еще и соратницы своих мужей.

Такой была Антонина Адамовна — жена патриарха отечественной гидроэнергетики Генриха Осиповича Графтио — создателя Волховской ГЭС и Нижне-Свирской ГЭС. Такой была и Клавдия Георгиевна — жена начальника Братскгэсстроя Ивана Ивановича Наймушина, трагически погибшая с ним при аварии вертолета. Вот и у моего отца, Николая Николаевича Кураева, построившего не одну ГЭС, жена Анна Петровна делила с ним, говоря по-армейски, все тяготы службы.

Мы все знали и помнили о том, что интерес Валентины Станиславовны к строительству КЗС, детищу Сергея Степановича, был неподдельным и тревожным.

Большие стройки живут, движутся от рубежа к рубежу. Одним из первых таких рубежей уже после кончины Сергея Степановича стало соединение Кронштадта с Большой землей — открытие движения на остров Котлин от северного берега по временной технологической автодороге, проложенной по строящимся сооружениям КЗС.

Естественно, в этот знаменательный для стройки день в конце декабря 1984 года мы с директором Ленгидропроекта Юрием Александровичем Григорьевым отправились к Валентине Станиславовне домой, чтобы поздравить ее с этим долгожданным событием.

Так уж повелось, что семьи гидростроителей живут стройкой.

Вот и младшая дочь Агалакова — журналистка Нина Сергеевна Андреева-Росс в 90-е годы в период острых дискуссий о влиянии КЗС на экологию Невской губы организовала выпуск приложений к газете «Вечерний Ленинград» под названием «Дамба. 50 вопросов и ответов».

В них специалисты института, ученые и толковые журналисты доходчиво разъясняли жителям города вопросы экологической безопасности КЗС и состояния Невской губы, убедительно отвечали на вопросы, волнующие горожан.

Уникальные стройки — это, как правило, и лаборатория, и полигон для апробации новых технических решений, представляющих интерес для целой отрасли и даже для всей страны.

Для Минэнерго СССР было очень важно получить опыт строительства сооружений наплавным способом для намечаемого тогда строительства крупных приливных гидроэлектростанций (ПЭС) мощностью в тысячи мегаватт на труднодоступных побережьях северных и дальневосточных морей.

При наплавном способе плавучий железобетонный блок ПЭС с оборудованием возводится в сухом доке в обжитых районах побережья. Затем буксирами он доставляется по морю на проектное место расположения ПЭС за десятки или сотни километров от строительного дока. Одна ПЭС может состоять из десятков или даже сотен таких блоков.

На строительстве КЗС в порядке эксперимента наплавным способом были построены два водопропускных сооружения В2 и В4. Их плавучие железобетонные блоки с затворами, длиной 132,4 метра каждый, были возведены в сухом доке на стройплощадке «Горская» и доставлены буксирами на проектное место трассы КЗС за 5 и 20 километров от дока, причем блок В4 — в декабре с ледоколом.

Цена этих наплавных блоков с доставкой по акватории была существенно выше возводившихся непосредственно на трассе КЗС.

Приливные ГЭС вычеркнуты при свертывании в наше время энергетического строительства, но опыт возведения наплавным способом гидротехнических объектов очень даже пригодился.

Сегодня первая плавучая атомная электростанция «Академик Ломоносов», начав свой путь на нашем Балтийском заводе, доставлена по воде в Певек вблизи Чукотки к месту постоянной службы.

Вот и помянем добрым словом тех, кто начинал и вводил в практику новые технологии в гидростроительстве с прицелом на будущее. «Ледовый маршрут» нашего наплавного блока такого же размера, как и плавучая АЭС не сопоставим с ледовой трассой в 5000 километров «Академика Ломоносова».

Однако «лабораторный» эксперимент с оборудованием в тысячи тонн — необходимый шаг в новом деле.

И уже в далеком 1986 году Нина Сергеевна Андреева-Росс в газетной статье «До и после ледовой проводки» дала грамотную инженерную оценку этого эксперимента, нацеленного на будущее.

Проектирование сложных, крупномасштабных объектов до начала строительства выполняется в два этапа. На первом этапе решаются вопросы технико-экономического обоснования. На втором — в техническом проекте, подробно разрабатываются проекты конструкций сооружений, оборудования и инженерных коммуникаций.

В основе проекта лежит тщательное изучение природных условий — топографических, геологических, гидрологических, климатических и экологических с определением реальных объемов работ и сметной стоимости строительства.

С 1968-го по 1981 год под руководством С. С. Агалакова были разработаны технико-экономическое обоснование (ТЭО), технический проект и начат выпуск рабочих чертежей для строительства КЗС.

В отдел защиты Ленинграда от наводнений я был направлен в 1975 году. Специальность инженера-строителя-гидроэнергетика получил на гидротехническом факульте-

те Политехнического института. Моей дипломной работой был проект Плявиньской ГЭС на реке Даугаве (Латвийская ССР).

После защиты диплома в 1960 году я поступил по распределению в институт Ленгидропроект, где и работал с небольшими перерывами до 2012 года.

К началу работы в отделе защиты Ленинграда от наводнений я имел уже пятнадцатилетний опыт работы по проектированию ГЭС, судоходных шлюзов и авторскому надзору за строительством гидротехнических сооружений.

Мне довелось участвовать в проектировании Красноярской, Вилюйской и Зейской ГЭС. С 1961-го до 1964 года осуществлял авторский надзор за строительством Волго-Балтийского водного пути, два года проектировал гидроузлы водохозяйственного назначения в Республике Куба.

Получив приглашение работать над проектом защиты Ленинграда от наводнений, признаюсь, я практически ничего не знал о своем будущем руководителе, не больше чем авторитетное имя.

Придя первый раз в его кабинет, был искренне удивлен. Сергей Степанович встретил меня стоя, предложив сесть, начал расспрашивать о моем инженерном опыте, местах работы и даже о семье и здоровье. Его мягкая, подлинно интеллигентная манера общения сразу располагала к себе.

Он был не только ровесником моего отца, но они и окончили Политех в один год, год моего рождения, только на разных факультетах. И сегодня, оглядываясь назад, я с благодарностью вспоминаю шесть лет работы под руководством Сергея Степановича Агалакова, его эрудицию, целеустремленность и удивительный такт в общении с людьми.

За годы сложной работы бывало, разумеется, всякое, но он ни в какой ситуации не повышал голос, и о его неудовольствии в случае промаха мы узнавали по с горечью произнесенному: «Дорогой мой...» И этого было достаточно, чтобы мы понимали допущенную ошибку.

А разнообразие поручаемых мне задач — от проектов гидроузлов на Неве и Вуоксе, проекта прокладки маслонаполненного кабеля 110 кв по трассе КЗС и до проекта эксплуатации защитного комплекса — значительно обогатило мой инженерный опыт. Конечно, я не мог предполагать, что Сергей Степанович исподволь готовит себе преемника.

Бесценный опыт борьбы за проект, умения обосновать принятые решения я получил в 1978—1981 годах, участвуя совместно с С. С. Агалаковым в защите проекта в государственных экспертизах. Рассматривались все составляющие проекта. Почему принят «западный вариант» защиты? Какими должны быть основные сооружения? Почему в интересах города автомагистраль по КЗС должна быть на шесть полос движения, такой, как предложено в проекте? Особое место, естественно, занимали проблемы, связанные с экологией Невской губы, как в проекте и при его экспертизе, так и во время строительства, и по его завершении.

Сергей Степанович, увы, не увидел даже разворота строительных работ, они начались в 1979 году, а в 1981-м его не стало. Как его заместитель я был назначен главным инженером проекта КЗС и начальником отдела ленинградских объектов. В отделе помимо рабочей документации КЗС разрабатывались проекты гидроэлектростанций Карелии, Кольского полуострова и Дагестана.

В связи с разворотом работ на комплексе защиты я в 1982 году отказался от должности начальника отдела в пользу КЗС. Опыт, полученный в работе с Сергеем Степановичем Агалаковым, его школа помогли мне через тридцать лет, естественно вместе с коллегами, благополучно завершить реализацию проекта КЗС в 2011 году и поставить точку в защите города от наводнений.

Но до этого было еще далеко-далеко, и предстояло пройти не только все необходимые этапы решения технических задач и проблем, но и испытания, лежащие вне инженерной проблематики.

Итак, пришло время, и власти наконец поняли, какое это дорогое удовольствие сидеть у моря и ждать погоды, когда в любой момент может нагрянуть катастрофическое наводнение с гибелью жителей и многомиллиардными ущербами.

Началом практического решения задачи защиты города от наводнений нужно считать Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 542 от 15.07.1966 года об утверждении «Генерального плана развития Ленинграда на перспективу в 25 лет».

Генеральным планом, разработанным архитекторами В. А. Каменским и И. А. Намумовым, предусматривался выход городской застройки к берегам Невской губы с созданием морского фасада города.

Не было морского фасада у морской столицы России катастрофически!

Сегодня не многим ленинградцам, да и обитателям Васильевского острова припомнится, как с 7-й линии, со двора на углу Малого проспекта еще в 1948 году весной выводили коров (!) пастись на Голодай (остров Декабристов). В нашей многолюдной квартире на 7-й линии жили две семьи — Кузнецовы и Шахмаметьевы, счастливые обладатели буренок, содержавшихся в бывшей каретной на нашем дворе! Пастбища были еще и в районе Гавани и Смоленских кладбищ. И как же забыть «богатые» гаванские свалки, куда мы после школы ходили «шакалить»...

Именно так город был обращен к морю.

«Морской фасад» со свалками и коровами на взморье!

Новые районы, которыми стал прирастать город, в первую очередь Приморский и Василеостровский, были подвержены угрозе наводнений. Вполне закономерно, думая о перспективе развития города, Генплан и включал необходимость разработки технико-экономического обоснования (ТЭО) защиты Ленинграда от наводнений.

Подготовка ТЭО (затем и технического проекта) исполкомом Ленгорсовета в 1965 году была поручена Ленинградскому отделению института Гидропроект, по проектам которого построено большинство ГЭС СССР, шлюзы, судоходные каналы, сооружения Волго-Балтийского водного пути. Ленгидропроект обладал опытным коллективом и техникой для всех видов инженерных изысканий природных условий.

В то время в Ленинградском отделении и его изыскательских экспедициях по всей стране трудилось более трех с половиной тысяч человек. Институт определял перспективы развития гидроэнергетического оснащения страны.

Сегодня в Ленгидропроекте работают лишь триста пятьдесят человек. В десять раз меньше прежнего! Только в истории остался и славный гидротехнический факультет ЛПИ.

К сожалению, в современной России электроэнергетика, основа экономического суверенитета, могущества и независимости страны, остается практически на уровне 1990 года: суммарная мощность электростанций России составляет около 250 ГВт, в то время как Китай за прошедшие 25 лет увеличил ее со 150 до 1500 ГВт, а США с 750 до 1150 ГВт. Это — о наблевшем.

Возвращаясь к истории создания КЗС, считаю своим долгом напомнить о том, что почти все директора и главные инженеры Ленгидропроекта, участники разработки проекта КЗС, в разное время, о чем укажу в скобках, окончили Ленинградский политехнический институт.

Вот этот почтенный список: директора — Лерен Петрович Михайлов (1955), Юрий Александрович Григорьев (1952), Рустем Якубович Кузнецов (1970), главные инжене-

ры — Борис Павлович Ферингер (1930), Лев Константинович Доманский (1937), Николай Николаевич Яковлев (1952), Борис Николаевич Юркевич (1974).

Кстати, и главный куратор стройки от города — заместитель председателя Ленгорисполкома Иван Андреевич Носиков — окончил ЛПИ в 1956 году.

Нужно отметить большую помощь, которую как в подготовке проекта, так и в строительстве комплекса защиты оказывало руководство страны и города, за исключением времен мэра А. А. Собчака, но об этом времени расскажу чуть позже.

Лев Николаевич Зайков, председатель Ленгорисполкома, во время разработки технического проекта пригласил главного инженера проекта КЗС и директора Ленгидропроекта на совещание с руководителями комитетов города и несколько часов (31 декабря!) детально ознакомился с проектом.

Он интересовался конструкцией защитных сооружений, объемами, стоимостью и возможными сроками строительства, рассматривал предложения по участию Ленгорисполкома в организации работ.

Много времени было уделено вопросам экологической безопасности Невской губы и ходу разработки в проекте прогноза изменения экологического состояния губы при планируемых сроках ввода городских очистных сооружений канализации.

Для заместителя Льва Николаевича — Ивана Андреевича Носикова — курирование всех работ по КЗС стало главным делом жизни. Он регулярно, обычно раз в две недели, собирал совещания со строителями, проектировщиками, руководителями управления «Ленморзащита» — заказчика КЗС от Ленгорисполкома — для решения вопросов, требующих помощи города, и для контроля за ходом работ.

Иван Андреевич участвовал вместе с С. С. Агалаковым в подготовке постановления ЦК КПСС и СМ СССР 1979 года о строительстве КЗС.

Он рассказал мне, что на Политбюро Григорию Васильевичу Романову, первому секретарю Ленинградского обкома КПСС, был задан только один вопрос: почему трасса КЗС принята не по прямой, а по кривой. Бывшему инженеру-кораблестроителю с Ленинградского завода им. Жданова ответить было легко: КЗС по этой трассе имеет минимальные объемы и стоимость работ. Ответ Григория Васильевича удовлетворил членов Политбюро, и постановление о строительстве КЗС было принято.

Главной заслугой следующего председателя Ленгорсовета, тоже бывшего кораблестроителя, Владимира Яковлевича Ходырева является мужественное решение о повышении надежности срабатывания защиты путем замены проектного откатного затвора С1 на плавучий затвор-батопорт, изобретенный и предложенный инженером-конструктором Ленгидропроекта, заслуженным изобретателем СССР Вячеславом Яковлевичем Кошкиным.

Дело в том, что межведомственная экспертная комиссия из наиболее авторитетных инженеров страны, рассматривавшая возможность замены откатного на плавучий затвор, не рекомендовала такую замену из-за необходимости выполнения для нее большого объема исследований, но отметила возможно меньший вес при достаточной надежности плавучего затвора.

Учитывая заключение комиссии, руководство Госстроя СССР и Госкомитета СССР по науке и технике (уходя от ответственности!) разрешило Ленгорисполкому сделать выбор типа затвора самостоятельно.

И тогда В. Я. Ходырев выбрал плавучий затвор-батопорт, взяв ответственность на себя!

Губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко участвовала во всех значимых этапах строительства КЗС. От первого затопления котлована водопропускного сооружения В6 в 1980 году до ввода в эксплуатацию подъемного моста на С2 в 2006 году и в завершении строительства КЗС в 2011 году.

Владимир Владимирович Путин не только помог получить кредиты трех европейских банков для частичного финансирования завершения строительства КЗС, но и лично участвовал в открытии судоходства через С1 в 2008 году и ввел комплекс защитных сооружений с участком кольцевой автомагистрали по КЗС в августе 2011 года в постоянную эксплуатацию.

Экономическая целесообразность строительства была определена в технико-экономическом обосновании (ТЭО) на основании оценки стоимости возможных ущербов от наводнений с подъемом уровня 2, 3, 4, 5 метров.

Методика оценки возможных ущербов была разработана на кафедре использования водной энергии гидротехнического факультета ЛПИ. Ее авторы — мои преподаватели — профессор д. т. н. Дмитрий Сергеевич Щавелев и ассистент кафедры к. т. н. Юрий Сергеевич Васильев.

Если лекции профессоров А. А. Морозова и Д. С. Щавелева стали фундаментом инженерного гидроэнергетического образования студентов, то практические занятия, проводившиеся Ю. С. Васильевым, ныне академиком РАН, научным руководителем СПбПУ, позволили нам ощутить необходимость и реальность нашей профессии.

В ТЭО были рассмотрены и проанализированы все возможные варианты защиты города, предлагавшиеся ранее. Для подробного сопоставления были выбраны два варианта — «Западный», по трассе близкой к предлагавшейся ранее П. П. Базеном: Горская—о. Котлин—Ломоносов, и «Восточный»: по границе территории существующей городской застройки с ГЭС, или гидроузлом — регулятором расхода на Неве.

По результатам сравнения природных и строительных условий, состава сооружений, объемов и стоимости работ, а главное — надежности был рекомендован «Западный» вариант защиты.

В «Западном» варианте сток Невы за время наводнения аккумулируется в Невской губе со скоростью роста ее уровня не более 3–5 см в час, что для города не опасно, так как продолжительность любого наводнения не превышает суток.

В «Восточном» варианте необходим гидроузел на Неве для заблаговременного прекращения стока реки на время наводнения во избежание затопления города речной водой.

Разработка ТЭО заняла три года, и еще год ушел на его экспертизу Комиссией Госплана СССР, после положительного заключения которой и решения СМ РСФСР исполком Ленгорсовета поручил Ленгидропроекту разработку технического проекта защитного комплекса.

Для этого вместо небольшой группы инженеров судоходного отдела был создан отдел защиты Ленинграда от наводнений, в основном из молодых выпускников Политехнического института 80-х годов.

Отдел возглавил, как уже было сказано выше, Сергей Степанович Агалаков, а его заместителем в то время стала Калерия Александровна Костерина — опытный инженер-проектировщик гидроэлектростанций, шлюзов и других судоходных сооружений. Скажу попутно, безусловный педагогический дар позволил ей стать заботливой наставницей молодых инженеров — выпускников ЛПИ.

В современной инженерной практике авторское право претерпело изменения. Было время, когда архитектурные и технические сооружения несли имя автора проекта: Эйфелева башня в Париже, Шуховская башня в Москве, мост Кулибина, тепловоз Гаккеля...

Но со временем произошли изменения. И хотя, к примеру, в титрах фильма первым идет автор сценария, а лишь потом стоит имя режиссера, осуществившего постановку,

как правило, фильмы помнят по имени режиссера и очень редко — автора сценария. Что-то похожее происходит и в нашем деле.

Кто строил Красноярскую ГЭС? Конечно, Андрей Ефимович Бочкин.

А Братскую ГЭС? — Иван Иванович Наймушин.

Саяно-Шушенскую ГЭС? — Станислав Иванович Садовский...

При этом с трудом вспомнят и вспомнят ли главных инженеров проектов Красноярской ГЭС — Сергея Степановича Агалакова и Николая Васильевича Хлебникова, Братской ГЭС — Владимира Алексеевича Терентьева, Саяно-Шушенской ГЭС — Льва Константиновича Доманского и Александра Ивановича Ефименко.

Речь не идет о «дележе лавров», лишь справедливость требует отдать дань уважения тем, чей замысел, чьи технические и научные идеи нашли практическое воплощение.

Будущие непримиримые противники и критики проекта КЗС едва ли имели хотя бы приблизительное представление о характере и объеме, выполненных за пять лет работ, ставших фундаментом будущей уникальной стройки.

В отделе, численностью около 30 инженеров и техников, работы по проектированию сооружений и инженерных сетей КЗС в течение пяти лет выполняли шесть тематических групп. И почти в каждой из них трудились бывшие политехники.

На некоторых инженерных объектах устанавливаются памятные доски, где поименованы главные участники работ. Есть такая доска на Троицком (Кировском) мосту в нашем городе, видел я имя отца на фасаде Верхне-Свирской ГЭС среди участников строительства, а фамилия Сергея Степановича Агалакова открывает памятный монумент на Красноярской ГЭС.

Кто знает, может быть, когда-нибудь горожане захотят также отдать дань благодарности участникам строительства КЗС, вот почему считаю своим долгом поименовать своих коллег — политехников по Ленгидропроекту (проект КЗС в целом), Политехническому институту (часть научных исследований), конструкторскому бюро Ленгидросталь (затворы водопропускных сооружений и затвор судопропускного сооружения С2), подразделениям заказчика (финансирование, организация и контроль всех работ на КЗС), Институт гидротехники им. Б. Е. Веденеева (исследовательские программы в интересах КЗС).

Также следует не забыть упомянутых в этом очерке проектировщиков ряда объектов КЗС из Ленгипроинжпроекта (автомагистраль по КЗС), ЛенморНИИпроекта (судоходные сооружения с морскими каналами), Центрального конструкторско-технологического бюро морской техники — ЦКТБ МТ «Рубин» (плавающий затвор сооружения С1), организации ООО «Конструктор» (опорная рама и шаровая опора плавучего затвора С1), Специального конструкторско-технологического бюро СКТБ Ленгидросталь (затворы С2 и всех водопропускных сооружений), Ленгипротрансмост (подводный автодорожный тоннель на С1 и подъемный мост на С2), московский институт Гидропроект (наплавные блоки двух водопропускных сооружений).

Естественно, я в первую очередь говорю о проектировщиках и, к сожалению, не знаю всех политехников — строителей КЗС, кроме отдельных руководителей стройки, в частности главного инженера Ленгидроэнергоспецстроя Александра Викторовича Складенко, с которым мы одновременно окончили ГТФ ЛПИ в 1960 году.

Горько сознавать, что тридцатилетний срок строительства не позволил порадоваться его завершению ни Сергею Степановичу Агалакову, ни двум моим заместителям — Виктору Матвеевичу Кузнецову и Владимиру Николаевичу Звереву, ни руководителю группы защитных дамб Ванадю Павловичу Смирнову.

Длительный, затяжной процесс реализации проекта неизбежно вел к ротации руководителей ведущих направлений.

Над проектом водопропускных сооружений работы начала группа под руководством Эдуарда Кузьмича Сухенко и затем Андрея Яковлевича Мирзаева и Александра Григорьевича Чухновского.

Группой судопропускных сооружений руководили Игорь Захарович Фрадкин и Анатолий Прокопьевич Чеплашкин, выпускники Ленинградского института водного транспорта.

Генеральный план и сводный план инженерных сетей разрабатывались под руководством выпускниц Ленинградского инженерно-строительного института Ксении Евгеньевны Узилевской и Веры Петровны Ереминой.

Расчеты прочности и армирования железобетонных конструкций выполнялись группой расчетчиков под руководством Георгия Сергеевича Лавриненко.

Руководить группой Невского гидроузла, Межозерной ГЭС на реке Вуоксе, необходимых для регулирования расхода Невы при наводнениях в «Восточном» варианте защиты (представлявшемся в начале проектирования приоритетным), а затем и разработкой проекта организации эксплуатации КЗС было поручено мне.

Инженерные изыскания условий строительства КЗС на всех стадиях проектирования — от ТЭО до рабочих чертежей — выполнялись изыскательской экспедицией № 19 Ленгидропроекта.

Она располагалась у южного примыкания КЗС в районе поселка Бронка и была оснащена буровыми станками, автотранспортом, плавсредствами и оборудованием для всех видов изысканий.

Экспедиция выполняла гидрологические и экологические изыскания под руководством Владимира Михайловича Садкова и Льва Моисеевича Моносова, инженерно-геологические изыскания возглавлял Анатолий Абрамович Каган, а топографо-геодезические изыскания вели Валентин Николаевич Власенко, Анатолий Иванович Румянцев и Анатолий Иванович Бугаев.

Руководили всеми этими работами начальник экспедиции Михаил Михайлович Манасевич и начальник отдела изысканий Борис Иванович Майшев.

Исследования уплотнения грунтов тела и основания защитных дамб были выполнены Политехническим институтом (ЛПИ) под руководством д. т. н. Петра Леонтьевича Иванова.

Проблемы консолидации слабых грунтов основания южных защитных дамб при их упрочнении вертикальным дренажом изучены на кафедре оснований и фундаментов ЛПИ под руководством д. т. н. Александра Константиновича Бугрова.

Исследования гидравлических режимов на математических моделях выполнены на кафедре гидравлики ЛПИ под руководством д. т. н. Артура Давидовича Гиргидова.

Согласно техническому проекту, в состав основных объектов КЗС входят одиннадцать каменно-земляных защитных дамб, шесть водопропускных и два судопропускных сооружения, расположенных по трассе Горская—о. Котлин—Бронка длиной 25,4 км при средней глубине моря 2,9 м, а также автомагистраль по трассе КЗС.

Трасса автомагистрали на шесть полос движения проходит по гребню защитных дамб с транспортными развязками на берегах Финского залива и о. Котлин, с тоннелем на С1, подъемным мостом на С2 и неразводными мостами на всех водопропускных сооружениях.

Кроме того, в состав КЗС входят здание управления комплексом и ремонтно-эксплуатационная база с площадками хранения аварийного запаса грунтов и оборудования на о. Котлин, а также системы электроснабжения, управления, связи, охраны, безопасности и очистки стоков с автомагистрали.

За счет сметы на строительство КЗС построено новое пожарное депо на о. Котлин и гидрометеорологический полигон на мысе Шепелев на южном берегу Финского залива с дублером нуля Кронштадтского футштока — нуля Балтийской системы высот России.

Не были забыты и строители — за счет сметы КЗС на 49 млн рублей (в ценах 1969 года) строительные и эксплуатационные кадры были обеспечены жилой площадью в Кронштадте (квартал 19-Б), Сестрорецке (Приморское шоссе) и непосредственно в городе. В современных ценах это более десяти двухсотквартирных жилых зданий.

Теперь пора более подробно познакомиться с основными сооружениями комплекса защиты, чтобы иметь о них реальное представление.

Защитные каменно-земляные дамбы Д1—Д11 общей длиной 23,4 км, шириной по гребню 29 м и отметкой верха защитного парапета 7,5 м расположены в Южных и Северных воротах Невской губы.

Остров Котлин соединяет Северный и Южный створ сооружений. В Южном створе между ст. Бронка и о. Котлин находятся четыре дамбы: Д1—Д4. Между ними расположены два водопропускных сооружения В1, В2 и южное судопропускное сооружение С1 на главном фарватере морского канала. В Северном створе от о. Котлин до Горской еще шесть дамб: Д6—Д11. Между ними расположены четыре водопропускных сооружения В3—В6 и одно судопропускное сооружение С2 на северном фарватере. Дамба Д5 расположена на острове Котлин.

Максимальная длина одной дамбы 3,07 км (Д3) и минимальная 1,3 км (Д1). Ширина дамб на уровне уреза воды 100 м.

«Дамба» в представлении обывателей что-то вроде запруды, вроде насыпи, а в реальности?

Насыпь тела дамб у нас выполнена из песка и моренного суглинка, материалов вполне надежных. Крепление дамб от размыва волнами обеспечено из несортированной каменной (гранитной) наброски проектного гранулометрического состава по слою обратного фильтра из песчано-гравийного грунта. На наиболее ответственных участках — примыканиях к водо- и судопропускным сооружениям — использованы железобетонные плиты (около В1—В6) или тетраподы (около С1).

Грунты основания по трассе сооружений защиты не везде одинаковые, что естественно. И слабые грунты основания защитных дамб Д2 и Д3 с влажностью до 60 % укреплены системой вертикальных синтетических дрен.

Дрены пронизывают толщу ленточных глин основания на глубину до 32 метров для отвода межслойных вод на поверхность под нагрузкой от веса дамбы с повышением за счет этого несущей способности грунта. Расстояние между дренами по квадратной сетке — один метр по всей поверхности строящейся дамбы с отметки плюс один метр. Общая длина всех дрен 500 километров.

Ливневые стоки с автомагистрали, проходящей по гребню дамб, сбрасываются в Невскую губу только после их полной очистки на десятках локальных очистных сооружений, расположенных по всей трассе КЗС на низовой берме защитных дамб.

В теле защитных дамб, кроме ливневой канализации, проложены кабели электропитания напряжением 110 и 35 кв, кабели управления и связи КЗС, а также кабели освещения автомагистрали.

Проект и рабочая документация для строительства защитных дамб разрабатывались под руководством упомянутого мной ранее Ванадия Павловича Смирнова, до участия в разработке проекта дамб КЗС 15 лет проработавшего инженером, мастером и началь-

ником гидротехнического цеха на строительстве и эксплуатации гидроэлектростанций Кольского полуострова в системе Колэнерго.

Совместно с Ванадием Павловичем Смирновым конструкции защитных дамб разрабатывали инженеры Донара Наумовна Кацман, Ирина Алиевна Краснова, выпускницы Политеха, и Валентина Терентьевна Насонова, возглавившая группу защитных дамб после В. П. Смирнова в 2002 году.

В проектировании защитных дамб и других сооружений комплекса защиты участвовали и молодые инженеры отдела — выпускники Политехнического института, упомянутые мной в конце этого очерка.

«Будет дамба — городу амба!» — пугал горожан известный своим остроумием поэт. Времени, да и желания познакомиться с тем, что это за штука, пугающая горожан дамба, у борцов с «дамбой», разумеется, не нашлось.

Как можно убедиться, защитные дамбы — достаточно сложные инженерные сооружения в силу ответственных задач, на них возложенных, и построены они с учетом результатов производственных (генподрядчик Ленгидроэнергоспецстрой) и лабораторных (ЛПИ и ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева) исследований.

Укрепление основания, использование моренных суглинков, уплотнение тела и основания дамб, крепление откосов дамб несортированным скальным грунтом и множество других исследований легли в основу принятия проектных решений.

Устойчивость и прочность защитных дамб обеспечена расчетами, выполненными отделом расчетных обоснований института по современным (PLAXIS) программам под руководством к. т. н. Наума Ароновича Вульфовича.

Важнейшим компонентом комплекса защиты являются водопропускные сооружения. Их число и конструкция были рассчитаны в интересах поддержания оптимального гидрологического и экологического режимов в акватории Невской губы и Финского залива, скажем так — в обычном состоянии, вне угрозы наводнения.

Система водопропускных сооружений, их попеременное открытие и закрытие позволяют регулировать невольский сток, держать под наблюдением и ликвидировать так называемые «застойные зоны», иногда возникающие в мелководье Маркизовой лужи.

Водопропускные сооружения расположены в Южных (В1 и В2) и в Северных (В3—В6) воротах Невской губы. Они предназначены также и для сохранения путей миграции рыбы в Невской губе.

При наводнении эти сооружения отсекают Невскую губу от морской акватории. Для этого закрываются 64 сегментных затвора водопропускных пролетов.

Оптимальная суммарная площадь водопропускных отверстий определена расчетами и исследованиями, выполненными Андреем Яковлевичем Мирзаевым.

Количество и расположение водопропускных сооружений по трассе КЗС определены по результатам исследований на гидравлических, электрогидродинамических и математических моделях, выполненных Ленгидропроектом, ЛПИ и ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева.

Водопропускные сооружения — это не «дырки в дамбе». Вот их размеры:

В1 и В6 имеют по 12 водопропускных отверстий шириной 24 м каждое и глубиной на пороге 2,5 м, В3 — 10 отверстий по 24 м каждое и глубиной на пороге 2,5 м, а сооружения В2, В4 и В5 — по 10 отверстий шириной по 24 м и глубиной на пороге 5 м.

Каждое отверстие оборудовано сегментным затвором массой 280—305 тонн, закрываемым при угрозе наводнения. Длина каждого затвора 24 м, ширина 1,5 м и высота 4 м (В1, В3, В6) или 6,5 м (В2, В4, В5).

На всех водопропускных сооружениях со стороны Невской губы расположены пролетные строения неразводных мостов автомагистрали на шесть полос движения.

Подъем и опускание каждого затвора производится двумя гидроподъемниками, работающими от высоконапорной (160 бар) маслонасосной установки на каждом сооружении.

Судопропускные сооружения С1 и С2 предназначены для прохода морских судов и имеют судоходные пролеты шириной соответственно 200 и 110 м с глубиной на пороге 16 и 7 м.

Глубина на пороге С1 в 16 м при осадке современных океанских лайнеров в 10–12 м принята на перспективу и равна минимальной глубине на входе в Балтийское море в районе Ютландского полуострова (Дания).

Для подхода к С1 современных судов водоизмещением до 90 000 тонн и на перспективу с осадкой до 15 м служит Морской канал. Канал, построенный в 2006–2008 годах по проекту КЗС от С1 до морских глубин имеет длину 15,6 км и глубину 16 м. На участке от С1 до Санкт-Петербургского порта проход судов обеспечивается по трассе существующего Морского канала. В районе С1 суда движутся по прямой, так как новая трасса ликвидировала два имевшихся поворота в этом районе.

Стоит напомнить, что до создания в 1878–1885 годах под руководством Николая Ивановича Путилова Морского канала от Кронштадта до Санкт-Петербурга длиной 29,6 км и глубиной 7 м в мелководной Невской губе грузы с морских кораблей перегружались в Кронштадте на плоскодонные суда для доставки в порт Санкт-Петербурга.

В «морской порт» Санкт-Петербурга большие морские суда не заходили!

Глубина на пороге С2 в семь метров принята для прохода судов каботажного плавания типа «река—море» с осадкой менее шести метров.

Пролет сооружения С1 перекрывается плавучим сегментным затвором-батопортом, состоящим из двух створок, опорных рам и шаровых опор, расположенных по сторонам судоходного пролета.

Для выдвигания створок в судоходный пролет используется тягач с электроприводом и зубчатыми колесами, перемещающийся по рельсо-цевочному пути (зубчатым рельсам).

Когда нет угрозы наводнения, створки находятся в сухих доковых камерах, расположенных по сторонам судоходного пролета.

При угрозе наводнения доковые камеры заполняются водой, створки всплывают, открываются сегментные затворы на выходе из доковых камер, створки батопорта тягачами выводятся в судоходный пролет, балластные емкости створок заполняются водой, и створки опускаются на бетонный порог, перекрывая пролет С1.

Все операции выполняются автоматически по команде с Центрального пульта управления (ЦПУ), расположенного в здании управления на о. Котлин.

Характеристики затвора в цифрах. Створка: длина 119,6 м, высота 22 м, ширина 8,3 м. Опорная рама: длина 115,5 м, общая ширина 58,7 м, высота максимальная 7,7 м, минимальная 3,1 м. Шаровая опора: диаметр головки шарнира 1,5 м. Привод затвора: длина рельсового пути 171 м, мощность электродвигателей 420 кВт, скорость движения 0,1 м/с. Общая масса створок, рам, опор и привода всего затвора 9866 тонн.

Пролет сооружения С2 при угрозе наводнения перекрывается плоским коробчатым подъемно-опускным затвором, поднимающимся из ниши на пороге четырьмя гидроподъемниками.

Размеры коробчатой конструкции: длина 117,3 м, ширина 10 м, высота по консолям опирания 13,6 м. Общая масса затвора с гидроподъемниками 3266 тонн, в том числе самого затвора 2550 тонн.

Проектирование сооружений С1 и С2 Ленгорисполкомом в 1987 году было передано институту ЛенморНИИпроект, по документации которого и построены судопропускные сооружения с морскими подходными каналами (главный инженер проекта Гаркавко Александр Афанасьевич).

Проект плавучего затвора С1 (батопорта) выполнен ЦКТБ МТ «Рубин», проектировщиком атомных подводных лодок страны (главный конструктор затвора Чернецов Владимир Александрович).

Проект опорной рамы батопорта с шаровой опорой выполнен ООО «Конструктор» (главный инженер проекта Виктор Константинович Христинич).

Проект плоского коробчатого затвора С2 выполнен СКТБ Ленгидросталь (главный инженер Семен Вульфович Леенсон).

Проекты наплавных блоков двух водопропускных сооружений и их перегона по воде на штатное место выполнены московским институтом Гидропроект (главный инженер проекта Лев Борисович Бернштейн).

Проект автомагистрали на шесть полос движения с транспортными развязками и мостами на водопропускных сооружениях разработан институтом Ленгипроинжпроект (главные инженеры проекта Арон Донович Гутцайт, Амиран Шотович Лежава и Леонид Борисович Локтионов).

Автодорога ныряет под южное судопропускное сооружение С1 в подводный железобетонный тоннель длиной почти два километра с 47 системами безопасности.

Северное судопропускное сооружение оснащено подъемным железобетонным мостом с металлическим пролетом длиной 122,5 м и подмостовым габаритом 16 м, или 24 м в поднятом состоянии.

Проекты тоннеля и моста разработаны институтом Ленгипротрансмост (главный инженер проекта тоннеля Владимир Викторович Стрельцов, моста — Станислав Александрович Шульман).

Технический проект КЗС в 1978 году был рассмотрен Госстроем РСФСР (автомагистраль по КЗС и «Восточный» вариант из ТЭО), Государственным комитетом по науке и технике СССР (технологическая, то есть экологическая, часть), Госстроем СССР (сводное заключение) и утвержден Советом Министров СССР 29.12.1978 года распоряжением № 2847-р.

По замечаниям Госэкспертизы в 1979—1981 годах проект был откорректирован.

Строительство КЗС началось в 1979 году силами Минэнерго СССР с организации строительно-монтажных баз на берегах Невской губы, о. Котлин и освоения карьеров грунтов в Финском заливе и на Карельском перешейке под Выборгом.

Была создана генеральная подрядная организация — Ленгидроэнергоспецстрой Минэнерго СССР во главе с Юрием Константиновичем Севенардом — опытным гидростроителем, ранее руководившим строительством основных сооружений Красноярской ГЭС и Асуанской ГЭС в Египте, построившим в качестве начальника строительства самую крупную в Средней Азии Нурекскую ГЭС на реке Вахш мощностью 3015 Мвт с земляной плотиной высотой 300 м.

В короткие сроки был создан многотысячный коллектив, в состав которого вошли высококвалифицированные строители с двух крупнейших строек Минэнерго СССР — Нурекской ГЭС и Камского автомобильного завода.

К пику работ на КЗС в 1987 году количество автотранспорта составляло 800 единиц, железнодорожных вагонов — 459, бетоновозов — 12, флота — 45, крупной строительной техники (кранов, экскаваторов, бульдозеров и др.) — более 300 единиц. Полный объем работ, подлежащий выполнению на строительстве КЗС по видам работ,

составил: выемки грунта 21,3 млн куб. м, насыпи песка, суглинка, скального крепления и фильтров 42,5 млн куб. м, укладка монолитного железобетона 1,84 млн куб. м, сборного — 0,23 млн куб. м, монтаж металлоконструкций и обоудования 39,8 тыс. тонн, забивка шпунта 96,8 тыс. тонн.

В 1980 году была начата отсыпка защитной дамбы Д11, а в 1981 году был уложен первый бетон в водопропускное сооружение В6.

Сроки окончания строительства КЗС определяли объемы и сложность работ по судопропускному сооружению С1, расположенному около южного берега о. Котлин.

Учитывая это, уже в конце 1984 года был осуществлен сухопутный проезд к месту строительства С1 около о. Котлин по частично построенным сооружениям северного участка КЗС.

При этом для обеспечения проточности были построены два временных автодорожных моста в дамбе Д7 и дамбе Д8, так как строительство водопропускных сооружений В3, В4 и В5 еще продолжалось в котлованах за перемычками.

Мост в районе Д8 над северным судоходным фарватером был построен с воды еще до того, как к нему подошли дамбы, и зрелище стоящего посреди залива моста вызывало большое удивление обитателей северных берегов Финского залива и Невской губы от Лисьего Носа до Зеленогорска.

В 1987 году был введен в эксплуатацию в Северных воротах Невской губы комплекс сооружений, обеспечивающий возможность регулирования проточности, с вводом во временную эксплуатацию затворов всех северных водопропускных сооружений В3, В4, В5 и В6.

В 1984 году была начата отсыпка дамбы Д1 в Южных воротах Невской губы с последующим строительством водопропускных сооружений В1, В2 и защитных дамб Д2 и Д3.

В процессе строительства КЗС осуществлялось уточнение проектных решений по основным, временным сооружениям и технологии работ с новым современным оборудованием, как правило, в результате дискуссий и дополнительных проектных и научно-исследовательских работ.

Так, часть песчаного профиля дамб заменена отсыпкой в воду моренного суглинка, в том числе в зимних условиях, в постоянную полынью (майну), огражденную от ледового поля двумя плавкранами и плавучими бонами.

Дренажное основание южных дамб, сложенного слабыми грунтами, выполнено специальной установкой фирмы «Трэви-Соилмаг» (Италия), позволяющей за 5–7 минут опускать ленточную дренаж в грунт основания на глубину до 32 м.

Для ускорения строительства два первоначально заложенных в проект автотранспортных тоннеля (в пос. Лисий Нос — под железнодорожной веткой к стройбазе КЗС «Горская» и под северным фарватером — в составе сооружения С2) были заменены на надземный путепровод в пос. Лисий Нос и на подъемный автодорожный мост на С2;

С целью сведения к минимуму влияния строительства КЗС на проточность и экологическое состояние акватории Невской губы были построены временные автодорожные мосты в дамбах Д2, Д7 и Д8.

Разборка временных, ограждающих котлованы строительства судопропускных и водопропускных сооружений перемычек и дноуглубление на морской акватории были обеспечены изготовленным в Австрии уникальным плавучим экскаватором с ковшем 6,5 м³, а также саморазгружающимися баржами-шаландами (Германия) и подводными бульдозерами фирмы «Камацу» (Япония).

Для постоянного электроснабжения КЗС применены сухие кабельные линии 110 кв и 35 кв со строительством подстанций на берегах и сооружениях КЗС.

В последние годы строительства подрядчиками была разработана рабочая документация автоматизированной системы управления, связи и обеспечения безопасности объектов КЗС на основе современной электронной техники, в основном фирмы «Сименс».

Водопропускные сооружения В2 и В4 строились, как уже говорилось ранее, наплавным способом.

С целью подтверждения обоснованности компоновки сооружений КЗС по поручению Главгосэкспертизы в 1984 году под контролем заместителя председателя Ленгорисполкома Ивана Андреевича Носикова была построена большая гидравлическая модель Невской губы и реки Невы в масштабе 1:500.

На модели было исследовано влияние комплекса защиты на режимы течений в Невской губе и подтверждена обоснованность принятой в проекте компоновки и пропускной способности сооружений комплекса защиты.

Эта модель площадью около гектара могла быть использована для решения разных градостроительных задач, как это делается в Лондоне, Гамбурге, Венеции и Нидерландах, где мне довелось познакомиться с зарубежными системами защиты от наводнений.

К сожалению, реаниматорам «класса собственников» о будущем страны, об энергетическом и гидротехническом прогрессе думать было некогда. В «лихие» годы модель ликвидировали, здание «приватизировали», и сейчас там на Гражданском проспекте находится еще один очень большой строительный магазин «Максидом». То-то их мало! А уникальная лаборатория уничтожена.

С горечью приходится вспоминать, что набранные в 1980-е годы темпы позволяли закончить строительство КЗС и защитить город от наводнений еще в прошлом веке.

Однако в начале 1990-х годов финансирование строительства почти прекратилось, а началось все с навязанной запоздалой и со всей очевидностью политизированной дискуссии о «спасении города от дамбы».

Подоплека похода против «дамбы», увы, очевидна. Судите сами.

Городу предстояло впервые выбрать своего градоначальника, ему придумали в соответствии с модой звание (как во всеми цивилизованном мире!) — «мэр». Горожанам предстояло решить, кому отдать предпочтение: профессору юридического факультета Ленинградского университета Анатолию Александровичу Собчаку или начальнику строительства сооружений защиты Ленинграда от наводнений Юрию Константиновичу Севенарду.

За плечами у одного преподавательская и научная работа на юридической кафедре и бурная общественная деятельность.

У другого кандидата богатый опыт решения сложнейших народно-хозяйственных задач, руководство многотысячными коллективами на сооружении градообразующих предприятий, какими стали новые ГЭС — Нурекская и Красноярская.

Ленинград — город большой, хозяйство сложное, и здравый смысл подсказывал горожанам очевидный выбор.

Но в избирательную практику входили «новые технологии». Если объяснить горожанам, каким пагубным для города делом занят один из кандидатов, не бывает ему мэром!

К 1990 году на строительстве «дамбы», как для удобства работы с доверчивыми обывателями стали именовать комплекс защитных сооружений, было выполнено больше половины объема запланированных работ.

Стройка была обеспечена карьерами, строительными базами, флотом, специальным железнодорожным и автотранспортом. Коллектив строителей имел опыт возведения Нурекской ГЭС и Камского автозавода и насчитывал около десяти тысяч человек.

Можно было бы даже досрочно завершить строительство КЗС!

Но...

Известно, что любой и каждый разбирается в двух профессиях — в медицине и футболе. Теперь появилась новая тема, где не нужны ни знания, ни дипломы — экология!

«Дешевле завалить золотом все затопляемые подвалы, чем строить это дорогое и опасное сооружение», — писал и говорил писатель с авторитетом.

«Ленинград перестанет из-за дамбы быть морским городом», — писали во все инстанции отставные адмиралы, спасавшие Маркизову лужу, надо думать, для своих военно-морских эволюций.

То, что из города ни в Сестрорецк, ни в Зеленогорск не ходят даже водные трамвайчики и даже у парусных яхт акватория крайне ограничена, адмиралы то ли не знали, то ли знать не хотели. А писатель, инженер-электрик по образованию, не захотел решить задачу для школьника, по которой стоимость комплекса защиты равна двум кубометрам золота. Для его размещения хватит и части одного небольшого подвала, или «завалить» можно разве что две собачьи будки, защищая их рекомендованным писателем способом от наводнений.

Поднялись филологи, зубные врачи, торговые работники, общественники по званию... Люди в своем деле, быть может, и толковые, но совершенно некомпетентные, безответственные в вопросах, требующих элементарной технической грамотности и способности, главным образом, желания понять предмет, о котором крикливо судят.

Объявились даже такие специалисты, что сравнили то ли всю городскую водную систему, то ли только устье Финского залива... с унитазом! Они готовы были «научно» доказать, что наводнения смывают городскую нечисть и «освежают» акваторию Невской губы.

На таком уровне, на уровне унитаза, была предложена «дискуссия»!

И дела им нет до того, что опять же по многолетним наблюдениям зафиксировано ухудшение (!) санитарного состояния акватории Невской губы после наводнений за счет смыва всяческой грязи с прибрежных территорий и возвращения с нагонной волной грязной, уже ушедшей было в море городской воды.

Но сторонникам Собчака все это было неинтересно. «Спасем городской унитаз!» — и баста!

Свободу слова, реальное завоевание демократии, в ощущении безвластия стали путать со свободой безответственного словоговения.

Удивляло не только неумение понять, а полное нежелание понимать.

Памятны телевизионные дебаты между кандидатами на пост мэра Севенардом и Собчаком.

Один излагает объемную программу мероприятий для вывода города из кризисного состояния.

Собчак же обрушивается «на дамбу» — это его козырь!

На лице Севенарда удивление: «Анатолий Александрович, я ездил с вами на сооружения, все объяснял, все рассказывал, ответил на все ваши вопросы, и вы все понимали...»

«Я всегда считал и поныне считаю эту стройку опасной для города, разорительной для казны, бессмысленной!» — небрежным тоном человека, судящего о деле, хорошо ему знакомом, с апломбом возвестил Собчак.

Понимать?

Нельзя! Понимать невыгодно!

Можно выборы проиграть.

Да, горох имеет свойство отлетать от стены, и это бывает очень досадно.

Страна переживала в высшей степени странную ситуацию. Те, кто сделал карьеру в так называемые «застойные времена», порождение этой эпохи, ее болезней, вдруг объявили себя лекарями!

Казалось бы, во главе преобразований должны были оказаться диссиденты, критиковавшие и боровшиеся с системой, однако «новое мышление» демонстрировали старые карьеристы!

Хотелось бы быть подальше от всех этих лукавых игр, только их последствия отразились на жизни каждого и на судьбе уникальной стройки.

А звонко гремевшее пророчество: «Будет дамба — городу амба!» — не сбылось.

Почему?

При разработке технического проекта КЗС С. С. Агалаковым, когда еще и слово-то ЭКОЛОГИЯ знали только специалисты, огромное внимание уделялось вопросам охраны окружающей среды и экологической безопасности защитного комплекса, в том числе и по ходу строительства.

Была предусмотрена и выполнена широкая программа инженерных изысканий и научных исследований гидрологических, гидрохимических, гидробиологических, ихтиологических режимов и санитарно-гигиенического состояния акватории.

Строительство КЗС поставило в повестку дня бесконечно откладывавшееся решение вопроса об ускорении строительства новых очистных сооружений городской канализации.

Выполнение этой программы совместно с анализом изменения динамики и степени очистки сточных вод мегаполиса позволили разработать достоверный прогноз изменения качества воды в системе Ладожское озеро—Нева—Невская губа при наличии и отсутствии КЗС, а также для различных вариантов темпов строительства городских очистных сооружений.

В проекте было доказано, что при проектном количестве, типе и размещении отверстий защитных сооружений КЗС он практически не повлияет на экологическое состояние Невской губы.

С материалами исследований в руках было показано и доказано, что качество воды в Невской губе определяется объемом и качеством очистки сточных вод города с многомиллионным населением и огромным объемом промышленного производства в прежние годы.

Тем не менее общественность занялась нами всерьез, на стройку зачастили инспекции, комиссии и все знающие журналисты.

И неважно, что комиссия Ленинградского научного центра АН СССР под руководством академика Игоря Алексеевича Глебова доходчиво и убедительно разъяснила, что экологическое благополучие Невской губы определяется полнотой и качеством очистки сточных вод Ленинграда, а не КЗС.

Напомню, что в приложении к газете «Вечерний Ленинград» под названием «Дамба. 50 вопросов и ответов» специалисты — ученые, проектировщики КЗС и толковые журналисты — доказательно разъясняли проблемы экологии Невской губы и минимального влияния на нее КЗС.

Не убедили!

И вот уже другая комиссия АН СССР, возглавляемая предводителем «зеленых», пришла к диаметрально противоположному выводу.

Более того, проектировщиков и строителей было предложено отдать под суд! И кто требовал, кто призывал? Отцы «демократии», строители правового общества! Вот-вот, и с языка митинговых оракулов слетит и эхом отзовется в народном гневе до боли знакомое, но на какое-то время подзабытое словцо-приговор — вредители! Мы помнили и «шахтинское» дело, и процесс промпартии, и суды над Туполевым, Королевым, Вавиловым...

Может быть, «вредительствомания» — профессиональная болезнь невежд при власти?

В Политехе была военная кафедра, нас готовили офицерами-артиллеристами, так что артиллерийская тема мне отчасти не чужая. И потому помнится, как накануне войны невежды и карьеристы, занявшие *освободившиеся* места в руководстве оборонной промышленностью, добились снятия с производства 45 и 76-миллиметровых пушек, жизненно необходимых для борьбы с танками.

Их производство было третировано как вредительское. Тогда же было остановлено производство и отправлены на новые, ничего не давшие испытания лучшие в мире на 1940 год наши полевые 152-миллиметровые орудия. Экспертизы подтвердили высокие качества артсистем, а производство этих орудий было уже свернуто.

Наш горький опыт оплачен жизнями, кровью, но почему-то *ходящие во власть* то ли не хотят, то ли не умеют учиться.

Даже в спорте делят спортсменов на «профи» и «любви», а вот в сферах жизненно важных такое деление почему-то не признается.

Мой отец любил и часто вспоминал нашего замечательного историка Василия Осиповича Ключевского: история ничему не учит, а только наказывает за незнание ее уроков.

Все верно, только кого наказывает? Безоружных перед немецкими танками, а не тех, кто лишил их средств борьбы.

Вот и «борцы с дамбой» наказывают налогоплательщиков, вынуждая государство платить 109 миллиардов рублей за строительство защитных сооружений в 2011 году вместо меньше одного миллиарда в ценах 1969 года по проекту

Признаюсь, страха от угроз судом не было, мы как-никак поколение не пуганое, но были злость и отчаяние, хотелось кричать: «Не мешайте работать!»

Незавершенные строительные объекты в морской стихии как раз и несут вред экологическому состоянию акватории. Не приведенные в рабочее положение водопропускные сооружения не могут управлять гидрологией Невской губы. И уже совершенно элементарное — затяжка строительства всегда ведет к его удорожанию. Но что эти аргументы рядом с таким веселым и общедоступным: «Будет дамба — городу амба!»

Еще Лоренс Стерн заметил: когда на философский спор приходит трубоч, он всегда уходит победителем.

Анатолий Александрович Собчак и его команда победили. Возглавивший «борьбу с дамбой» юрист победил и стал первым и последним мэром Ленинграда только на один срок.

Почему-то после окончания этого срока большинство горожан не пожелали больше видеть «отца русской демократии» ни в градоначальниках, ни в роли представителя города в федеральных органах власти, ни даже вместе с блокадниками, возлагающими цветы на Пискаревском кладбище в скорбные памятные дни.

Строительство было остановлено, и тут же грянул пир победителей.

В духе наступивших времен началась при попустительстве местных властей во главе с А. А. Собчаком разворовка карьеров, транспорта, строительно-производственных баз, строительных машин и материалов.

Ю. К. Севенард как начальник строительства обратился в правительство СССР с настоятельным предложением создать авторитетную международную комиссию с приглашением наиболее крупных специалистов в области гидравлики и экологии из Нидерландов, Финляндии, Великобритании, Италии, Дании и США. И предложение было принято! По поручению Председателя Совета Министров СССР Николая Ивановича Рыжкова такая комиссия в начале 1990 года была создана.

Через год работы в декабре 1990 года независимая международная экспертиза однозначно заявила, что сооружение КЗС не наносит вреда окружающей среде, и рекомендовала завершить строительство в кратчайшие сроки по имеющемуся проекту.

Итак, авторитетной международной комиссией была поставлена точка в спекуляциях на экологические темы.

Попытки ошельмовать проект и дискредитировать строительство КЗС обошлись народной казне очень дорого. Казалось бы, надо подсчитать понесенные стройкой чистые финансовые убытки и материальные потери: карьеры, транспорт, строительные базы, подсчитать и назвать ответственных за издержки казны...

Говоря на языке, вошедшем в обиход криминальной революции, «за базар надо отвечать». При нулевой ответственности отвечать было попросту некому.

К немалому нашему удивлению и разочарованию своих сторонников, став наконец-то мэром, Собчак уже ничего не имел против «дамбы». Публично для сохранения лица говорилось: «Мы внесли изменения в проект, и стройку надо продолжать». О том, что «они» внесли в проект, скромно умалчивалось.

Как говорится: бог им судья, можно было бы завершить строительство КЗС.

Но...

Наступил 1993 год — год расстрела из танков Верховного Совета Российской Федерации, год полного уничтожения СССР, год начала тотальной «прихватизации» с передачей за бесценок в ловкие частные руки высокодоходных предприятий промышленности, транспорта, связи, сельскохозяйственных угодий и богатейших природных недр России, год разворовки страны.

Для нас эти «реформы» обернулись ликвидацией генподрядчика КЗС — Ленгидроэнергоспецстроя, сокращению финансирования стройки в 10 и более раз и фактическому прекращению работ на КЗС.

Начались тяжкие годы простоя, но стройка не умирала.

Финансирования едва хватало лишь на защиту недостроенных сооружений от природных воздействий и воров нового пошиба.

Строительные базы были раздроблены и по частям приватизированы, теперь они стали «священной собственностью» и служили своим новым хозяевам.

Проектировщики КЗС в Ленгидропроекте из-за практического отсутствия финансирования были переведены на другие объекты.

Мне было поручено проектирование защиты побережья Дагестана от аномального подъема уровня Каспийского моря.

Отдел рабочего проектирования института (ОРИ) на стройплощадке КЗС был ликвидирован. Он много лет под руководством моего заместителя Василия Григорьевича Михалева занимался разработкой технических условий производства работ, авторским надзором и уточнением рабочей документации.

Вместо десятка сотрудников отдела остался только один человек для контроля состояния недостроенных сооружений.

Остановка строительства в морской акватории привела к частичному разрушению незаконченных креплений защитных дамб и ограждающих котлованы перемычек под действием волновых и ледовых нагрузок. Была исключена возможность регулирования водного режима акватории для улучшения ее экологического состояния.

Годы простоя были использованы заказчиком для многолетних научно-исследовательских работ по плавучему затвору и для корректировки подрядчиками рабочей документации по системам управления, связи и безопасности с их переводом на современную элементную базу.

На недостроенных основных сооружениях КЗС работы ограничивались только ремонтными для их сохранения и защиты от внешних воздействий (волны, течения, ледовые нагрузки и хищения).

Практически завершение строительства КЗС было начато только в 2003 году после утверждения бюджетного кодекса России, передачи функций заказчика КЗС от администрации Санкт-Петербурга Госстрою России, а затем Министерству регионального развития.

А где взять деньги? С «борцов с дамбой» не взыщешь, да они же и хотели «как лучше».

Руководители страны и без наших напоминаний искали выход при пустом бюджете.

О каждом высокодоходном предприятии, перешедшем в частные руки, отцы приватизации сообщали гражданам как о новой победе, только денег в казне почему-то не прибавлялось.

Единственным решением проблемы оказались только кредиты иностранных банков.

Вот они, новые времена: бедные помогают богатым?!

Кредиты-то не бесплатные!

В 2003 году Правительством России было достигнуто соглашение о займе с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), Европейским инвестиционным банком и Северным инвестиционным банком на кредит для частичного финансирования завершения строительства КЗС в размере 325 млн долларов.

Как говорится: «Новые песни придумала жизнь...»

Для финансирования и контроля за строительством и последующей эксплуатацией КЗС Ленгорисполкомом, а затем Госстроем РФ и Министерством регионального развития РФ была создана служба заказчика — дирекция КЗС. Ее в прошлом веке возглавлял талантливый архитектор и эколог Борис Павлович Усанов, а в этом веке — строитель КЗС с 1981 года Владимир Иванович Щекачихин.

Согласно условиям займа с ЕБРР, на конкурсной основе были отобраны Группа реализации проекта для контроля расходования средств займа под руководством ЗАО «Генинжконсалт», а также «Консультант-проектировщик» для уточнения проекта и авторского надзора в составе английской компании «Halcrow Group Ltd» в консорциуме с голландской фирмой «DHV» и норвежской «Norplan».

Понадобился еще и «Консультант-инженер», выполняющий роль технического надзора за строительством, под руководством ЗАО «Генинжконсалт» совместно с ЗАО «Стройпроект» и фирмой «Royal Haskoning» (Нидерланды).

И как же мы раньше-то без них и строили, и жили!

Оплата деятельности новых подразделений стала отдельной строкой в расходовании средств займа.

Начиная с 2003 года возобновилось необходимое для завершения и ввода КЗС финансирование строительства и проектных работ. Была снова начата разработка рабо-

чей документации под руководством вернувшихся ГИПов Ленгидропроекта и ЛенморНИИпроекта при участии теперь и консультанта-проектировщика.

Документация для строительства выдавалась на оставшиеся участки КЗС. В том числе на достройку дамбы ДЗ, котлован второй очереди С1 с ограждающими его перемычками, южную часть автодорожного тоннеля, на дноуглубительные работы по спрямленной трассе Морского канала, на достройку незавершенных дамб, водопропускных сооружений, а также сооружения С2 с автодорожным мостом и на другие объекты.

Оставшиеся для завершения строительства объемы работ были разбиты на девять лотов для выбора подрядчиков.

Почему вдруг возникли подрядчики?

Да потому, что единую организацию, располагавшую техникой, финансами и людскими ресурсами, то есть специалистами, организацию, возглавлявшуюся кандидатом в «мэры» Ю. К. Севенардом, во времена пришедшего во власть А. А. Собчака немедленно ликвидировали.

Заказчиком КЗС управлением «Морзащита» по документации, подготовленной Ленгидропроектом и ЛенморНИИпроектом, были объявлены и проведены тендеры (конкурсы) среди российских и зарубежных организаций на проведение «оставшихся работ». Напомню, к моменту торпедирования стройки они составляли треть от общего объема.

Что значит — завершение?

Лучше всего увидеть это хотя бы на одном конкретном примере.

Строилась дамба ДЗ, ее длина — три километра. Два километра отсыпали и привели в готовность принять морские нагрузки, а километр — вода! Залив. Прошло десять лет. Нам скажут имеющие свое мнение о гидротехнике: «Ну и отсыпьте оставшуюся треть. Два километра отсыпали, сыпьте третий».

Но не колхозную запруду мы строим на речке Мудровке где-нибудь в Касимовском районе Рязанской области.

Мы работаем, по сути дела, в море!

Два километра основания дамбы ДЗ, возведенной на слабых грунтах, были пронизаны тридцатиметровыми ленточными дренами для вывода межслойных вод. Вода постепенно поднималась по этим дренам из нижних слоев и уходила, грунт уплотнялся, обретал надлежащую плотность и прочность, способность принять нагрузки и выдерживать, когда придет час, натиск стихии.

Для вывода этих межслойных вод на поверхность требовалось не менее полутора-двух лет времени. И оно у нас было по проектному плану строительства КЗС.

Но «борцы с дамбой» нам и года не оставили.

Досужие люди могут сказать: «Куда торопиться, ну и подождать год, сколько там надо?» Но сказано же: замедление строительства в морской акватории ведет и к удорожанию, и к ухудшению как раз экологической ситуации в Невской губе. И никто пока не предскажет и не даст гарантий на то, что именно этой осенью или зимой не грянет катастрофическое наводнение.

Как достроить целый километр дамбы ДЗ на слабых грунтах, требующих дренирования?

Очень просто! Нужно со дна залива на этом участке трассы дамбы ДЗ с глубины в этом в восемь метров выбрать со дна залива слабые грунты еще на глубину четыре-пять метров и на их место отсыпать во всех отношениях надежный песок. Объем работы — всего один миллион кубометров.

Кто возьмется?

Самый большой объем дноуглубительных работ по новой трассе Морского канала, более шести миллионов кубометров грунта, взяла на себя, выиграв тендер, голландская

фирма «Boskalis by», располагавшая всем современным необходимым оборудованием, саморазгружающимися баржами, а главное, высокопроизводительными земснарядами, работавшими ранее на защите Нидерландов от наводнений.

Ну что ж, им и карты в руки... И деньги... Снова большие деньги.

Решение об удалении в основании дамбы слабых грунтов и замене их песчаным грунтом, по сути дела, вынужденное.

Да, пришлось идти на крайние меры.

Дорогое удовольствие!

Но наше решение было встречено Госстроем России с пониманием, признано в сложившихся обстоятельствах верным, согласовано и профинансировано.

Голландская фирма «Boskalis by» выполнила эту работу за один летний сезон.

Говорят, жадный платит дважды, а сколько стоит апломб властительных невежд?

Работы по достройке С1 с автодорожным тоннелем взяла на себя наша фирма «Метрострой» (руководитель В. Н. Александров) совместно с ЦКТБ МТ «Рубин» и фирмой «Конструктор».

Право завершить работы по сооружению северного судопропускного объекта (С2 с мостом) получила фирма Трансстрой (руководитель И. Н. Кузнецов).

Электротехнические работы на всех сооружениях КЗС были выполнены Атомстройэкспортом (руководитель А. А. Лапшин).

Строительство водопропускных сооружений В1, В3, В4, В5, В6 было завершено фирмами «СК Стандарт» (руководитель В. В. Новиков) и «ГУССТ № 3 при Спецстрое России» (руководитель Б. А. Фесенко), а достройка защитных дамб Д4–Д11 и строительство здания управления КЗС на о. Котлин выполнены фирмой «Инвестстрой» (руководитель М. К. Иванова).

Работы по достройке сооружений В2 и дамб Д1, Д2 выполнены «Северным управлением строительства» (руководитель Б. А. Годин).

Возобновление работ позволило завершить строительство моста на С2 в ноябре 2006 года и открыть судоходство через С1 по новой трассе Морского канала в октябре 2008 года.

И практически по каждому объекту можно было бы предъявить счет и сравнить деньги, заложенные в проектную стоимость объекта, и те, что пришлось искать и тратить для «завершения» и ввода в строй реанимированных, возрожденных к жизни сооружений.

Одновременно с подготовкой документации для конкурсов разрабатывался проект завершения строительства КЗС с определением объемов и стоимости оставшихся работ для его рассмотрения и согласования Главгосэкспертизой Госстроя России.

И только в 2006 году после очередной экспертизы проекта Правительством России была принята «Программа завершения строительства КЗС», уточненная затем Распоряжением Правительства РФ от 01.12.2008 года № 1784-р. Уточнение проекта завершения строительства КЗС, связанное с новыми нормативными требованиями к безопасности и надежности сооружений и оборудования, продолжалось до конца стройки.

В 2009 году Главгосэкспертизой были рассмотрены и одобрены «Дополнительные проектные решения по обеспечению безопасности и надежности основных сооружений», разработанные Ленгидропроектом.

В 2011 году была выполнена Ленгидропроектом и ЛенморНИИпроектом с участием консультанта «Halcrow Group Ltd» окончательная корректировка проекта и уточнена окончательная сметная стоимость строительства.

ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева составил декларацию безопасности КЗС, а Главгосэкспертизой России были рассмотрены и одобрены эти документы.

Успешным завершением строительства КЗС с вводом защитных сооружений в постоянную эксплуатацию 12 августа 2011 года навсегда обеспечены безопасные от морской стихии условия жизни населения и гостей Санкт-Петербурга, предотвращены огромные материальные ущербы городскому хозяйству, промышленности и торговле, надежно защищены бесценные памятники культуры, морской порт и станции метрополитена.

Завершение строительства кольцевой автодороги вокруг Санкт-Петербурга с участием по сооружениям КЗС разгрузило город от все возрастающего потока транзитного автотранспорта, улучшило экологические условия жизни его населения.

Так как в современных условиях все определяют деньги, должен сообщить, что суммарный ущерб от наводнений, предотвращенных защитными сооружениями за 2011—2019 годы, установленный по методике Политехнического института, больше сметной стоимости строительства КЗС.

Это ли не подтверждение не только высокой социальной, но и экономической эффективности комплекса защиты.

Оглянемся назад.

1966—2011 годы. Сорок пять лет заняла история создания проекта Комплекса защитных сооружений Ленинграда—Санкт-Петербурга от наводнений и его воплощения в реальные сооружения и системы.

Треть этого срока и удорожание стройки стали данью, которую сполна заплатило государство политикам, демагогам и невеждам.

А как же голос общественности, право каждого иметь свое мнение?

Истина ни в науке, ни в технике, ни в строительстве еще никогда не достигалась голосованием. Голосованием лучше всего решать вопросы попроще — идти ли на пляж или в лес за грибами. Даже в судах перевес в голосах не всегда склоняет чашу на весах Фемиды в пользу истины. Вспомним хотя бы прекрасный фильм «Двенадцать разгневанных мужчин».

Истины — не голосуются!

Решение вопроса, где стоять четырехсотметровой башне Газпрома — в центре города или на окраине, опасно было бы решать одним голосованием. Какие голоса и сколько было за строительство этого монстра посреди города, напротив Смольнинского ансамбля.

И что же? Негромкий голос ЮНЕСКО: постройте четырехсотметровую штуковину в городе, славящемся своими ансамблями, и мы вычеркнем вас из мирового наследия.

И все! И голоса убежденных сторонников «башни» посреди города смолкли.

Право на собственное мнение также прекрасная вещь. Но право не может существовать вне обязанности, вне ответственности. Но о какой ответственности может идти речь в истории «борьбы с дамбой»?

Граждан пугали не только «опасностью» сооружения, но и баснословной его стоимостью. Напомню: «Дешевле забить затапливаемые подвалы золотом, чем тратить деньги на это дорогое и опасное сооружение», — уверял писатель из бывших инженеров-электриков.

Для сравнения скажу, что сметная стоимость КЗС в ценах 70—80-х годов была равна стоимости одной подводной лодки! А мы их строили тогда, быть может, не один десяток в год.

Совсем другую цену пришлось заплатить за возобновление и завершение строительства. Сюда же надо приплюсовать ущерб от наводнений, случившихся за время прекращения строительных работ.

Конечно, это не первая и, увы, не последняя победа барабанщиков на философском споре.

Вот и моему отцу, посвятившему жизнь энергетическому строительству, приходилось объяснять людям, далеким от гидротехнической практики, но «имевшим собственное мнение», очевидные для профессионала вещи.

В конце 1953 года он был приглашен к первому секретарю Ленинградского обкома.

Фрол Романович Козлов, недавно занявший этот пост, член Президиума ЦК КПСС, предложил отцу возглавить строительство гидроэлектростанции на Ивановских порогах Невы.

Предложение лестное, но понимание отцом несоразмерности затрат с малой эффективностью низконапорной ГЭС, ее бесперспективность в решении проблемы морских наводнений и отсутствие убедительного проекта вынудили его от заманчивого предложения решительно отказаться.

Но в Смольный вызывали не для того, чтобы выслушивать уроки технической грамоты.

Через месяц отец как управляющий многопрофильным трестом Свирьстрой Минэнерго СССР, строившим несколько объектов и в Ленинграде, был удостоен строгого выговора за перерасход металла в конструкции павильона гидравлической модели Невской губы в Институте гидротехники им. Б. Е. Веденеева.

Ни трест, ни отец к проекту и к конструкции павильона отношения не имели. Но это с точки зрения здравого смысла, а вот с политической, партийной позиции отказ отца не мог остаться безнаказанным.

Инженер-металлург, выпускник Политехнического института 1936 года, поручил найти повод и наказать инженера-энергетика, строителя уникальной подземной ГЭС в Заполярье, выпускника этого же института 1937 года, в первую очередь за непонимание политического значения предполагавшейся стройки!

Почему об этом вспомнил?

Можно быть уверенным, что отец был не единственным собеседником у всемогущего Фрола Романовича, кому тот предлагал возглавить строительство ГЭС на Неве, да еще с защитой от наводнений, понимая их природу, видимо, «по-пушкински».

Город у нас большой, грамотных и опытных инженеров предостаточно.

И если эта затея умерла, не родившись, значит, не нашлось в нашем инженерном сообществе никого, кто бы из тщеславия, или «в порядке партийной дисциплины», или по невежеству пообещал бы члену Политбюро осуществить его затею!

Никого!

А юристам, имеющим свое мнение о гидростроительстве, такую работу не поручишь, это понимал даже Фрол Романович.

Вопрос компетентности неотделим от истории науки, техники и строительства. А решение этого вопроса было сформулировано в любимой отцом басне «Орел и Осел»: «Осел не птица, он не горазд летать...» Мораль басни: «Не суйся в ризы, коль не поп!» — отцу приходилось вспоминать довольно часто после общения со всезнающим городским и партийным руководством, вторгавшимся в сферы, требующие профессиональной грамотности.

Как показал уже немалый житейский опыт, глупых людей, тем более дураков на свете не так уж и много, куда больше людей, берущихся не за свое дело. Вот эта публика и творит беды на любом поприще, в том числе и в политике.

А впереди новые работы. Ученые Политехнического университета ведут работы по защите Санкт-Петербурга еще и от речных зажорных наводнений. Зажоры — это забивка русла реки внутриводным льдом (шугой) в начале зимы в районе Володарского моста с подъемом уровня воды за этой ледяной пробкой и затоплением восточной части города. И хотя ущербы при этом примерно в сто раз меньше, чем от морских наводнений, для их недопущения необходим гидроузел-регулятор в истоке Невы, чтобы расход воды при температурах минус 4—10 градусов был в пределах 1400—2000 куб. м в секунду.

Но историю решения и этой немаловажной для города проблемы уже напишет кто-то другой.

Честь и слава нашей альма-матер, давшей нам не только профессии, необходимые людям и стране, но и давшей нам наставников, которые привили умение добиваться цели, преодолевая самые непредсказуемые препятствия.

Иначе, тяжело подумать, возведенные к 1991 году сооружения пополнили бы пейзаж с заброшенными корпусами заводов, разоренными фермами, брошенными на произвол судьбы фабриками...

Сейчас появилось правило давать в конце фильма титры, почему-то стремительно летящие, где поименно названы все участники создания кинокартины, вплоть до водителей автотранспорта.

Вот и мне хочется, даже считаю своим долгом завершить рассказ о проекте и строительстве сооружений защиты Ленинграда—Санкт-Петербурга от наводнений подбором титров, как дань уважения людям, достойным благодарности не меньше, чем создатели боевика или сериала.

Выпускники Политехнического института, принимавшие участие в проектировании, научных исследованиях и строительстве КЗС, те, кого помню. Год окончания ЛПИ со-трудниками Ленгидропроекта привожу в скобках.

Ленгидропроект: Агалаков С. С. (1937), Алянский А. Л. (1962), Булин А. Г. (1969), Буркова Н. Е. (1978), Виноградова Т. В. (1981), Вульфович Н. А. (1961), Вьюгина О. А. (1973), Гаврилец М. А. (1937), Гончарова В. В. (1978), Григорьев Ю. А. (1952), Доманский Л. К. (1937), Зверев В. Н. (1955), Звонцева М. Ю. (1974), Иванов Г. Н. (1953), Касаткина О. В. (1975), Кацман Д. Н. (1951), Квар-Кузьмина Е. В. (1981), Киселев В. Н. (1976), Козмюк Б. В. (1962), Костерина К. А. (1949), Костерин Н. В. (1978), Климова О. П. (1972), Краснова И. А. (1974), Кузнецов Р. Я. (1953), Кузнецов В. М. (1955), Кузнецова П. А. (2004), Кустов В. В. (1976), Лавриненко Г. С. (1958), Манчинская О. В. (1981), Мельников А. Н. (1977), Михайлов Л. П. (1955), Мирзаев А. Я. (1972), Неровный М. Т. (1962), Оганесян И. В. (1978), Пушной А. М. (1979), Риш Т. С. (2004), Смирнов В. П. (1957), Соловьев А. Н. (1974), Стоцкий А. Д. (1960), Суслопаров В. А. (1959), Танхилевич Ю. В. (1974), Трегерс С. В. (1981), Успенская Т. А. (1978), Фельдман А. В. (1980), Ферингер Б. П. (1930), Шипук Г. Д. (1980), Юркевич Б. Н. (1974), Яковлев Н. Н. (1952).

Дирекция КЗС: Антипенко И. С., Коненкова Б. В., Конищева Б. Б., Кузнецова Т. Н., Лукьянова Н. В., Лесогоров В. Б., Маркаров Б. В., Портнов В. А., Шекачихин В. И.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого: Васильев Ю. С., Бугров А. К., Иванов П. Л., Гиргидов А. Д., Федоров М. П., Щавелев Д. С.

СПКТБ Ленгидросталь: Вьючков Г. П., Дмитриев В. А., Деркач Н. И., Леенсон С. В., Минарская М. А., Переда М., Простак В. Ф.

Ленгидроэнергоспецстрой: Сляренко А. В., Гетнер В. А., Пономарев В. Н.

Остается лишь сказать спасибо судьбе за возможность внести и свою лепту в дело защиты родного города хотя бы от наводнений.

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ЯМ—ЯМБУРГ— КИНГИСЕПП?—ЯМБУРГ!

Страницы истории

Древний Ям был основан в 1364 году, и здесь происходили важные события, оставившие заметный след в истории всей страны. Во время Нарвского похода 1700 года Ям стал первым городом, взятым войсками Петра. В 1703—1704 годах Ямбург был оплотом петровской армии для наступления на Нарву, Эстляндию и Лифляндию. Одновременно он прикрывал собой строившийся Петербург. Для этого в Ямбурге по лично начертанному Петром плану летом 1703 года была сооружена земляная бастионная крепость, включившая в себя каменный четырехбашенный детинец прежней крепости Ямгорода¹.

Принято считать, что Петр приказал переименовать Ям в Ямбург после взятия крепости русскими войсками 14 мая 1703 года, однако до конца сентября 1703 года во всех письмах Петра крепость называлась Ямы. Первое упоминание нового названия Ямбург встречается в письме военачальника Бориса Шереметева 15 августа 1703 года². В 1708 году в Ямбургском уезде у деревни Криворучье произошла битва, которую порой называют «Полтавой на берегу Финского залива». После того поражения шведы больше в Ингерманландию не наведывались.

Нарвское общество древностей преподнесло в дар Петровскому центру Ямбура православный солдатский нательный крест, найденный недавно на берегу реки Наровы. Специалисты датировали его началом XVIII века — стало быть, его вполне мог носить солдат петровской армии.

История Ямбура тесно связана с Петром Великим. Петр бывал в этом городе 18—19 раз, а в Ямбургском уезде еще больше: 20—21 раз. Редкий город русской провинции может гордиться такими цифрами. Сначала Петр бывал здесь по военным делам, затем по промышленным. Петра интересовала работа Ябургских стекольных заводов, продукция которых шла в Петербург. Большинство визитов Петра I в Ямбург было связано с его поездками в Эстляндию, Лифляндию, Западную Европу, а также с посещениями Нарвы — одного из его любимых городов. Петр даже в Москву ездил через Нарву, а значит, и через Ямбург³. Недаром главная площадь приграничной Нарвы зовется

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Аристов Вадим. Ям на грани миров // Санкт-Петербургские ведомости, № 81. 06.05.2013. С. 1.

² Глезеров Сергей. Битва за имя // Санкт-Петербургские ведомости, № 62. 11.04.2016. С. 3.

³ Аристов Вадим. Ям на грани миров // Санкт-Петербургские ведомости, № 81. 06.05.2013. С. 1.

Петровской. А близ города Силламяэ есть местечко Каннука, где, по легенде, Петр посадил липу. У патриотов Ямбурга есть мечта установить в городе, возле земляной крепости, памятник царю-реформатору⁴.

Украшением Ямбурга стал Екатерининский собор. Первоначально он был деревянным и находился рядом с нынешним шоссе, проложенным по валам крепости. После пожара 1760 года на его месте решили возвести каменный собор по проекту известного петербургского зодчего Б. Ф. Растрелли. Однако проект этот осуществлен не был, и с 1762-го по 1782 год строительство велось по проекту А. Ринальди. Собор, возвышающийся ныне в центре Кингисеппа, пятиглавый, крестообразный в плане, с колокольной по западному фасаду. В нижнем ярусе колокольни имеется вход в храм. С юга и запада к колокольне примыкает небольшая паперть.

Екатерининский собор — редкий памятник архитектуры переходного периода от барокко к классицизму, одно из немногих дошедших до нас творений А. Ринальди. Весьма эффектно выглядит декоративное оформление фасадов собора, украшенных спаренными колоннами, пышным многопрофильным карнизом с сильным выносом и аттиком. Нарядные окна собора обрамлены наличниками. Над окнами центрального барабана укреплены головки путти. Пилястры коринфского ордера и лопатки украшают трехъярусную колокольню. Пропорциональность всех объемов собора, гармония вертикальных, устремленных вверх частей, сочность деталей убранства придают ему легкость при общей монументальности⁵.

Отечественная война 1812 года

В 1841 году, когда приближалось сорокалетие Отечественной войны 1812 года, император Николай I заказал своему любимому художнику Францу Крюгеру портрет генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна. Того, о котором поэт Жуковский писал:

Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.

На юбилейной картине показаны и другие герои — бородатый ополченец и офицер конного конвоя при командующем, воевавшие в рядах отдельного первого корпуса русской армии⁶. Позади этого корпуса других войск уже не было, дороги к Петербургу были открыты.

...Фланговый удар, нанесенный авангардом русских войск по шагающему к Петербургу неприятелю, оказался для французов неожиданным. Они были отброшены к деревне Клястицы, к реке Нище, где и заняли позиции. Утром следующего дня (19 июля) русские войска в штыковой атаке овладели правым берегом Нищи. **Ямбургский драгунский полк** отыскал брод через реку и быстро переправился на другую сторону Нищи, захватив с собой конную артиллерию. Все сразу пошло в дело. Французы подожгли единственный мост через реку. Но на горящий мост ворвались гренадеры и штыками опрокинули французов. За ними последовали егеря, гусары, обратившие неприятеля в бегство.

⁴ Аристов Вадим. Ямбург Петра Великого // Санкт-Петербургские ведомости, № 37. 28.02.2019. С. 3.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 05.03.2018. С. 3. Обветшавший к началу XX столетия собор реставрировался под руководством Д. М. Резвого: в ходе реставрации были укреплены конструкции куполов и сводов.

⁶ Сейчас эту картину можно посмотреть в Эрмитаже.

Однако 6 августа французам удалось захватить Полоцк; позиции русских войск были отодвинуты от города. 6 октября началось второе Полоцкое сражение. Маршал Сен-Сир нанес неожиданный удар — бросил на левое крыло русских свою кавалерию. В это время здесь при осмотре позиций оказался Витгенштейн со своим бессменным личным конвоем из **ямбургских драгун**. Окруженный в яростном напоре противника полководец мог погибнуть или попасть в плен французским уланам. По воспоминаниям участника боя, «**ямбуржцы** моментально и дружно сгучились вокруг своего любимого корпусного командира, каждый стремился прикрыть его своей грудью, и все отчаянно рубились с французскими кавалеристами». Сшибли противника подоспевшие гродненские гусары.

К утру следующего дня в ходе яростного боя Полоцк был взят — в город церемониальным маршем вступили войска отдельного 1-го корпуса. Во врученном здесь графу Витгенштейну пакете оказался рескрипт, возводивший его в чин полного генерала. Навстречу отступающим от Полоцка войскам Наполеон направил свой резерв — 9-й корпус ветерана наполеоновских войн маршала Виктора.

19 октября при местечке Чашники маршал Виктор встретился с Витгенштейном (30 тыс. человек) и испытал ярость атаки русских. На следующий день герцог предпочел отступить, оставив затем Витебск с его богатыми запасами продовольствия. В ночь с 15 на 16 ноября авангард корпуса Витгенштейна вслед за войсками Виктора вышел на реку Березину. Здесь **драгуны Ямбургского полка** могли вновь наблюдать творение саперов Наполеона, на этот раз устроивших мосты на реке, по которой сейчас шел предзимний ледоход. Пришлось им стать и ближайшими очевидцами невообразимых ужасов на этой переправе. Конная артиллерия громила остатки корпуса маршала Виктора...

На этом закончилась эпопея обороны Петербурга в 1812 году. Затем для генерала Витгенштейна последовало время заграничного похода со взятием Кёнигсберга и Берлина. В жизни Витгенштейна было много сражений. Но художник Франц Крюгер предпочел для парадного портрета фельдмаршала привнести мотив, напоминающий о втором сражении под Полоцком, — образы петербургского ополченца и **ямбургского драгуна**⁷.

Первая мировая...

В уездных городах — Луге, Гатчине, Выборге, Ямбурге — находились большие воинские гарнизоны, прикрывавшие столицу. С 1892 года в Ямбурге квартировал 146-й пехотный Царицынский полк. Только за первые два месяца Первой мировой войны полк участвовал в 18 кровопролитных боях и понес большие потери. Всего же за время войны полк несколько раз обновил свой состав...⁸ Можно вспомнить Константина Федосеева из 146-го Царицынского полка: всего за четыре первых месяца Великой войны он стал полным георгиевским кавалером. Двое из кингисеппцев — Маврикий Слепнев и Федор Волков — отличились на Первой мировой, а потом стали Героями Советского Союза.

Центральная районная больница Кингисеппа носит имя земского врача Петра Прохорова. В возрасте 62 лет он ушел на Первую мировую в чине полковника медслужбы, был начальником санитарного поезда. (Ямбург, считавшийся в начале XX века одним из беднейших городов Санкт-Петербургской губернии, в то же время имел в своем уезде самую развитую систему здравоохранения.) Во время той войны в Ямбурге открылись лазареты, раненых встречали как героев — с цветами, оркестром и торжественными речами. Для ухода за ранеными в городе организовали краткосрочные курсы се-

⁷ Аспидов Альберт. Спаситель Петербурга // Санкт-Петербургские ведомости, № 213. 02.11.2012. С. 4.

⁸ Глезеров Сергей. Они уходили из Ямбурга // Санкт-Петербургские ведомости, № 217. 19.11.2014. С. 3.

стер милосердия⁹. В Ямбурге активно действовал дамский комитет помощи раненым и больным воинам. В городах проводились благотворительные концерты и спектакли в пользу раненых¹⁰.

В 2014 году Кингисепп стал первым городом в Ленинградской области, в котором появился памятник, посвященный героям Первой мировой войны. Скромный обелиск установили в ограде главного здешнего храма — Екатерининского собора. Как подчеркнул президент Исторического общества Ямбурга — Кингисеппа Вадим Аристов, восстанавливается историческая справедливость. Почти целый век солдаты и офицеры Первой мировой войны, в том числе и ямбуржцы, ушедшие воевать за родину, были практически вычеркнуты из истории. Памятник создавали на общественных началах всем миром. Люди все делали по зову сердца. Хорошо, что и власти помогли.

После открытия памятника состоялась военная реконструкция. Зрители расположились на древних земляных валах бывшей крепости, и вся картина «сражения» была у них как на ладони. Гремели взрывы, трещали пулеметы, огрызались огнем броневтомобили, а русские солдаты, примкнув штыки, шли в атаку... Символично, что реконструкция прошла там, где в прежние времена был сад 146-го пехотного Царицынского полка¹¹.

Гражданская война

Со школьной скамьи несколько поколений совграждан восхищались гениальной мыслью Ильича «о перерастании войны империалистической в войну гражданскую». А между тем, по законам Международного трибунала, развязывание войны — это тягчайшее преступление против человечества, не имеющее срока давности...

16 ноября 2015 года в городе Кингисеппе (бывшем Ямбурге) на старом городском кладбище на одной из стен церкви Скорбященской Божией Матери были установлены мемориальные доски с именами 22 воинов белой Северо-Западной армии, скончавшихся от ран летом 1919 года. Тела солдат и офицеров, погибших на фронте или умерших в полевых лазаретах, доставляли поездом из прифронтной полосы на **ямбургский вокзал**, откуда в сопровождении военного оркестра и духовенства при стечении горожан перевозили на кладбище, где с воинскими почестями предавали земле. В 1920-х годах эти могилы были уничтожены. В церемонии открытия мемориальных досок приняли участие жители города Кингисеппа¹².

Ямбург — Кингисепп

Виктор Эдуардович Кингисепп родился на острове Сааремаа (в то время — Эзель) 12 марта 1888 года на хуторе деда — деревенского кузнеца, рачительного и прижизненного хозяина. Когда малышу был всего год, родители, взяв нехитрые пожитки и карапуза, отправились в город Аренсбург (Курессааре), где глава семьи устроился на работу машинистом. Зарплату он получал такую, что имел возможность оплачивать обучение сына в гимназии.

В юности Виктор примкнул к группировке радикальных эстонских националистов, добивавшихся независимости Эстонии путем террористической деятельности. Вскоре Кингисепп создал свою собственную «боевую группу». Виктор призывал своих сорат-

⁹ Там же.

¹⁰ Евгеньев Сергей. Наша губерния в Первой мировой // Санкт-Петербургские ведомости, 24.09.2014. С. 6.

¹¹ Глезеров Сергей. Они уходили из Ямбурга // Санкт-Петербургские ведомости, № 217. 19.11.2014. С. 3.

¹² Санкт-Петербургские ведомости, 12.06.2019. С. 3.

ников ненавидеть оккупантов (убивать не только мужчин, но и женщин и детей). Под оккупантами понимались, конечно же, прибалтийские немцы и русские. Дома «оккупантов» Кингисепп приказывал сжигать, их семьи истреблялись вне зависимости от пола и возраста.

Средства для «революционной деятельности» добывались при помощи ограблений. Только в 1905–1907 годах на счету Кингисеппа несколько десятков убийств, что не помешало ему поступить в Петербургский университет, на юридический факультет, который Кингисепп окончил в 1917 году. В 1906 году «отряд» Кингисеппа примкнул к РСДРП, с этого времени Кингисепп стал называть себя «большевиком», что никак не поменяло характера его «деятельности»: уголовные преступления остаются таковыми независимо от партийности. В 1907–1914 годах В. Кингисепп на нелегальной партийной работе в Петербурге, Таллине, поддерживал связь с ЦК большевиков, с большевистской фракцией Госдумы. Борьба за независимость Эстонии была забыта: теперь Кингисепп служил идее «мировой революции». В июне 1917 года В. Кингисепп курировал создание Эстонской Красной гвардии, он стал одним из основателей компартии Эстонии¹³.

В марте 1918 года В. Кингисепп приехал в Москву, где по протекции Л. Д. Троцкого был принят на работу в ВЧК и сразу же зарекомендовал себя «энергичным работником»: был одним из следователей по «делу Локкарта», вел расследование по делу о мятеже левых эсеров. Именно при его участии и по вздорным обвинениям был осужден спаситель Балтийского флота Щастный. О степени доверия, которой пользовался Кингисепп, свидетельствует тот факт, что именно ему поручили дело о покушении на Ленину. Главной преступницей была названа Фанни Каплан, и хотя сегодня некоторые исследователи считают, что эта полуслепая женщина не могла попасть даже в слона (не то что в маленького и юркого «вождя мирового пролетариата»), предложенная Кингисеппом версия стала официальной. Очевидцы рассказывали, что Кингисеппу явно доставляло удовольствие приказать Каплан раздеться догола перед расстрелом¹⁴.

В ноябре 1918 года В. Кингисепп был направлен на подпольную работу в Эстонию. Собственно, «работа» эта сводилась к созданию вооруженных террористических групп: они, по мысли пославшего его туда Л. Троцкого, должны были устроить в Таллине восстание, которому «на помощь» пришла бы Красная армия. Кингисепп возглавил подпольную Компартию Эстонии, стал членом Политбюро. Издавал подпольную газету «Коммунист», организовывал нелегальные типографии, но основную часть его деятельности составляли диверсии и саботаж на военных объектах, вооруженные налеты на полицейские участки, банки и госучреждения. В 1920 году размах «деятельности» Кингисеппа стал таким, что он был объявлен в международный розыск: случай по тем временам редкий — тогда, чтобы попасть в международный розыск, нужно было совершить преступления исключительной жестокости и масштабов.

В 1920 году Советская Россия заключила мирный договор с Эстонией и официально признала ее независимость. И это, казалось, поставило крест на мечтах Кингисеппа. На самом деле он не сдался и, работая после Гражданской войны в Коминтерне, по тайным каналам пересылал огромные деньги на тамошнюю прокоммунистическую печать и профсоюзное движение. Время от времени Кингисепп нелегально наведывался на родину и даже завел себе в Таллине гражданскую жену — художницу Алису Леэвалд (до этого он уже был женат два раза).

Поток денег и оружия к Кингисеппу продолжал увеличиваться, а к получаемым им из Москвы заданиям добавились и задания по сбору разведанных: по эстонским зако-

¹³ <http://protivpytok.org/sssrf/antigeroi-karatelnyx-organov-sssrf/kingisepp-v-e>. Дата посещения 10 сентября 2019 года.

¹⁴ Там же.

нам это означало шпионаж и государственную измену. В 1920—1921 годах отряды Кингисеппа совершили множество терактов с сотнями погибших и раненых. Правительство «взялось» за Кингисеппа всерьез. Кингисепп и его «единомышленники» не были «беззащитными гонимыми»: практически всегда оказывали вооруженное сопротивление. 3 мая 1922 года В. Кингисепп с группой боевиков был блокирован военными в одном из частных домов; он пытался уйти, прикрывшись заложниками, но это ему не удалось. Его выдал совсем не рядовой связник, а член ЦК Коммунистической партии Эстонии, бывший рабочий и убийца своего сотоварища рабочего, Иоханнес Линкхорст. Линкхорст перед угрозой смертной казни выдал Кингисеппа, которого потом и арестовали.

В ночь на 4 мая 1922 года В. Э. Кингисепп был казнен по решению военно-полевого суда за государственную измену и терроризм. Вот как это было. Последовала команда: «Приготовиться — пли!» Раздался залп, и Кингисепп рухнул. Фельдфебель охранного батальона Тамм подошел к Кингисеппу и выстрелил ему в голову. Затем труп столкнули в яму, тут же заполнили и заровняли ее. Пару недель позже стало известно, что коммунисты ищут тело Кингисеппа с намерением тайно переправить его через границу в Россию. Чтобы не дать появиться «святому», было решено уничтожить труп Кингисеппа. Уже на следующую ночь к берегу моря в Пирита подъехала машина, из которой перетащили в ожидавшую моторную лодку труп Кингисеппа, замотанный в мешковину. Лодка тут же отошла от берега и взяла курс в открытое море. Между островами Найссааре и Аэгна лодка остановилась, к телу мертвеца прикрепили для тяжести гири и сбросили за борт.

Гибель террориста Кингисеппа обросла легендами. С коммунистической стороны он показан героем, кричащим перед смертью: «Да здравствует Эстонская советская республика!», с противоположной стороны бесосновательно повествуют о том, что Виктор чуть ли не лизал сапоги расстрельной команде и просил пощадить. Объективно ничего этого не было. Расстреляли революционера-террориста буднично, без речей и ползаний на коленях¹⁵. Гибель В. Кингисеппа и разгром его отрядов заставили большевиков отложить переворот в Таллине, первоначально намечавшийся на лето 1922 года. В 1924 году попытка переворота была осуществлена, но неудачно¹⁶.

Узнав о казни, Москва попросила передать тело революционера-террориста для захоронения на Красной площади. Но эстонцы ответили отказом. Тогда-то по предложению Л. Д. Троцкого именем В. Кингисеппа в 1922 году был назван г. Ямбург. Никогда, наверное, не думал эстонский революционер и чекист Виктор Кингисепп, что его именем назовут крепость, основанную еще новгородским боярином Иваном Федоровичем в 1384 году. Ямбургом город на берегу реки Луги назывался более двух веков, а сегодня лишь любители истории знают, кем был Виктор Кингисепп. Кстати, Кингисепп никогда не жил в Ямбурге. Большевики, придя к власти, начали «метить свою территорию». Так, вскоре Гатчина была переименована в Троцк — в честь Лейбы Бронштейна-Троцкого (впоследствии — Красногвардейск). Можно с большой долей уверенности предположить, что если бы троцкиста Кингисеппа не казнили в 1922 году в Эстонии, он не пережил бы сталинских репрессий в СССР¹⁷.

Дабы выразить протест «буржуазной Эстонии», в честь Кингисеппа назвали ближайший к ее границе город Советской России. Его название призвано было служить вечной памятью, вызовом, укором, напоминанием... В дословном переводе с эстонского «кин-гисепп» означает «сапожник» — вот так и «обули» старинный Ямбург...

¹⁵ Гончаров Александр. Товарищ Кингисепп. Забытый террорист из Лифляндии. 28.06.2018. <https://rusorel.info/tovarishh-kingisep-p-zabytyj-terrorist-iz-liflyandii>. Дата посещения 10 сентября 2019 года.

¹⁶ Митюрин Дмитрий // <https://zagadki-istorii.ru/legendy-39.html>. Дата обращения 10 сентября 2019 года.

¹⁷ Дискуссия о Ямбурге // Санкт-Петербургские ведомости, 15.12.2017. С. 5.

Между двумя мировыми войнами

После завершения мирных переговоров между Советской Россией и Эстонией в Тарту в феврале 1920 года граница между государствами прошла в нескольких километрах восточнее Ивангорода в районе деревни Комаровка. Несколько деревень на правом берегу Наровы, населенных ингерманландскими финнами и ижорами, оказались в составе Эстонии. Казнь Виктора Кингисеппа и ликвидация эстонской компартии подарили местному населению 20 лет мирной жизни.

У самой границы с СССР свободно развивалась самобытная культура ингерманландских финнов, выходили газеты на финском языке, работали финские школы, создавались земледельческие кооперативы и кружки, а благосостояние жителей, привыкших к упорному труду, медленно, но верно росло¹⁸. Просветительским обществом, завоевавшим особую популярность среди ингерманландских финнов, стало Ингерманландское общество (Inkerin seura), основанное в деревне Кулла в 1926 году.

Возглавил его молодой общественный деятель Леандер Рейо, вернувшийся после учебы из Финляндии.

Одним из первых шагов стало основание газеты «Sanaseppa» («Мастер слова»), выходящей с 1927-го по 1938 год. Сельскому интеллигенту не давали покоя мысли о тяжелой судьбе большинства ингерманландских финнов, оставшихся в СССР, где в эти годы начиналась коллективизация. А также отнюдь не беспочвенные опасения, что «строители светлого будущего» наведуются и в Эстонию. Поэтому Леандер возглавил местное отделение «Кайтселиит» (добровольное местное ополчение, аналогичное финляндскому шюцкору). В пьесе эстонского писателя Арнольда Ару, посвященной Леандеру Рейо, красочно описывается эпизод, типичный для приграничья тех лет. На советской стороне границы, прошедшей прямо по деревне Кулла, идет первомайская демонстрация. С пением революционных песен она доходит до достаточно хилой изгороди из колючей проволоки, по другую сторону которой в полной форме с винтовками наперевес стоят члены «Кайтселиита» во главе с Леандером Рейо. В лицо коммунистам звучат песни финских белогвардейцев времен гражданской войны в Финляндии 1918 года.

Леандер Рейо устанавливает контакты с ингерманландскими финнами по другую сторону границы, не раз переходит ее, организует доставку литературы и листовок. В 1931 году он пропал без вести в районе границы. Эстонские власти провели расследование, однако не смогли сделать определенных выводов. Предполагали, что Леандера Рейо могли похитить советские спецслужбы. Не исключено, что он сам перешел границу и уже в СССР был арестован или убит. Буквально по «горячим следам» Арнольд Ару написал пьесу, уже в 1934-м переведенную на финский язык и изданную в Финляндии. После исчезновения Рейо активность общества Inkerin seura значительно уменьшилась: нового лидера Ингерманландии не нашлось¹⁹.

Совершенно другим было мировоззрение древнейших жителей этих мест — ижор, живших в деревне Венкуль (Венекюля). Они хранили свой древний язык, песни и обычаи, пришедшие из глубины столетий. И вместе с тем владели русским не хуже, чем языком предков (а молодежь — гораздо лучше). Русский был для них языком высокой культуры — литературы, песни, театра. Несмотря на недовольство эстонских чиновников, община приобретала для школьной библиотеки собрания сочинений Горького, Шолохова, Фадеева и многих других советских писателей. Представители контроли-

¹⁸ Пюккенен Андрей. На правом берегу Наровы // Санкт-Петербургские ведомости, № 213. 02.11.2012. С. 5.

¹⁹ Там же.

рующих инстанций недовольно морщили нос, однако не могли ничего поделать — демократия есть демократия.

Понятия «русское» и «советское» причудливо переплетались в сознании жителей. Этому способствовало и сильное отчуждение в отношении независимой Эстонии. Одной из главных причин было плохое знание эстонского языка, ограничивающее возможность трудоустройства, участия в общественной и политической жизни страны. Своего рода душой села было общество русской культуры «Заря», готовившее театральные постановки, приобретающее книги, поддерживавшее работу хора. Огромным праздником для хора стало участие в фестивале русской песни в 1932 году в Нарве. В нем приняли участие русские коллективы из Финляндии, Эстонии, Латвии. Приветствие участникам прислал живший во Франции Федор Шаляпин. Об этом рассказывает в своей книге воспоминаний «Пласты истории села Венкуль» Борис Йыги (Емельянов), уроженец этого села. 19-летним юношей он был избран секретарем общества «Заря» и отдавал работе в обществе все свободное время. Емельянов вспоминал о том, как ему, начинающему поэту, удалось побеседовать с отдохавшим в Усть-Нарве Игорем Северяниным. Был у селян и свой депутат в эстонском парламенте, русский по национальности, нередко встречавшийся с жителями деревни.

Молодой Борис Йыги увлекается коммунистическими идеями, участвует в подпольном Союзе рабочей молодежи. Однако присоединение Эстонии к СССР летом 1940 года, похоже, вызвало у него горькое разочарование. Он узнает о том, что многие из молодых людей, ушедших в 1930-е годы в СССР в поисках лучшей жизни, сгинули в лагерях, заподозренные в шпионаже.

Автор вспоминает о митингах, которые постоянно шли в августе в разгар уборки урожая. Самый богатый крестьянин деревни, выступавший с трибуны и со слезами на глазах приветствовавший советскую власть, не знал, что через несколько дней все его имущество будет конфисковано. По иронии судьбы Борису Емельянову, назначенному новой властью временным сельским старостой, пришлось самому проводить ликвидацию общества «Заря», которому было отдано столько времени и сил. Он вспоминал и о том, как на школьном дворе сваливали в грузовик книги из школьной библиотеки, многие из которых были запрещены в СССР. Изъятию подлежали даже тома классиков русской литературы, изданные вне СССР²⁰.

Начавшаяся война поставила крест на истории самобытного края. В 1944 году во время оккупации были вывезены в Финляндию ингерманландские финны. После возвращения в СССР им не позволили вернуться в родные места. Лишь десятки наиболее упорных смогли сделать это, когда умер Сталин. (После освобождения от гитлеровцев территория по правому берегу Наровы была передана в состав Ленинградской области.)

Жестокая месть сына

После государственного переворота 1940 года в Эстонию вместе с НКВД прибыл сын Кингисеппа Сергей. Виктор Кингисепп от первого брака имел двух сыновей, один из которых, Сергей Кингисепп (1909—1941), занимал в период 1940—1941 годов должности начальника 3-го особого отдела НКВД Эстонской ССР и заместителя наркома НКВД ЭССР, а также являлся кандидатом в члены ЦК Коммунистической партии Эстонии.

В Таллине Сергей пошел по следам людей, убивших его отца. Хотя предавший Виктора Линкхорст жил теперь под именем Йохана Нымика, это не спасло его от мести. Не исключено, что Сергей Кингисепп казнил Линкхорста своей рукой. Сергей нашел большинство сотрудников полиции безопасности, причастных к смерти своего отца. В мар-

²⁰ Там же.

те 1941 года они были отданы под трибунал и казнены 23 апреля предположительно на участке мызы Шеели.

Конец Сергея был еще более бесславным, чем его отца: он погиб при бегстве из Таллина в Ленинград 29 августа 1941 года, когда торговое судно «Ярвамаа» (Jarvamaa) при обстреле получило прямое попадание. Так покоятся отец и сын, оба на дне Балтийского моря²¹. (По некоторым сведениям, в августе 1941 года С. Кингисепп был неожиданно арестован и через несколько дней расстрелян по приказу Берии. А легенду о его гибели во время бегства из Таллина придумали задним числом, чтобы сын «не бросал тень» на отца.)

Уже в наше время Международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при Президенте Эстонии признала Сергея Кингисеппа одним из непосредственных организаторов арестов, массовых расстрелов и депортаций жителей Эстонии в период с августа 1940 года по август 1941 года. Алиса Лезвальд вышла замуж за бывшего главу Эстляндской трудовой коммуны Яна Анвельта и смогла, в отличие от него, уцелеть в вихре сталинских репрессий. Она умерла в 90-летнем возрасте в уже обретшей второй раз независимость Эстонии. Той Эстонии, для которой Кингисепп был уже не героем, а предателем.

Лихие годы

Все познается в сравнении. И ту же межвоенную эпоху жители Кингисеппского района воспринимали как «лихие годы». Рассказывает Вадим Аристов, президент Исторического общества Ямбурга—Кингисеппа.

— Загадочный эпизод связан со «Вторым Кронштадтом», строившимся на берегу Сойкинского полуострова. Когда в начале 1990-х годов я впервые услышал это понятие от местных жителей, сначала подумал: наверное, путают что-то. Поехал в архивы, нашел документы, часть из которых до меня, похоже, вообще никто не смотрел. Оказалось, правда: с 1934 года в Лужской губе Финского залива строилась самая большая военно-морская база Советского Союза. Военные называли ее Лужской военно-морской базой, базой «Ручьи» или «Кронштадтом-2», а местные жители — «Вторым Кронштадтом». Там должен был появиться город с вероятным названием Комсомольск-на-Балтике. Однако при отступлении в 1941 году базу взорвали, а потом о ней просто постарались забыть. Тему закрыли, и нигде в открытой литературе о ней практически ничего не говорилось²².

1937 год — год «большого террора». Для Кингисеппского района его итогом стал расстрел 539 человек (значительная их часть была колхозниками). Безвинно лишили жизни 141 жителя города Кингисеппа. Жертвами репрессий становились и представители руководства: председатель райисполкома, прокурор округа, начальник штаба погранотряда, 22 председателя колхоза... В Кингисеппе есть «Роща пятисот», посвященная погибшим от белого террора во время Гражданской войны, а вот мемориала, посвященного жертвам сталинских репрессий, до сих пор нет, — подчеркнул Вадим Аристов. — На мой взгляд, он должен стоять на проспекте Карла Маркса рядом со зданием бывшей тюрьмы, откуда арестованных увозили в Ленинград²³.

В годы Великой Отечественной войны Екатерининский собор — одна из старейших построек Ямбурга — был частично разрушен огнем немецкой артиллерии. В 2014 году вышла в свет книга «Ямбургский Екатерининский собор зодчего Антонио Ринальди».

²¹ <https://inosmi.ru/baltic/20110516/169406681.html>. Дата обращения 10 сентября 2019 года.

²² Аристов Вадим. Ям на грани миров // Санкт-Петербургские ведомости, № 81. 06.05.2013. С. 1.

²³ Дискуссия о Ямбурге // Санкт-Петербургские ведомости, 15.12.2017. С. 5.

Ее автор — кингисеппский искусствовед Андрей Белобородов. Как отмечает автор, ему удалось обнаружить и опубликовать уникальные документы советского периода из рассекреченных архивных фондов. Среди них — свидетельства по притеснению прихожан Екатерининского собора в эпоху воинствующего атеизма и секретная переписка по закрытию храма.

На страницах книги можно найти подробности драматической истории битвы за спасение собора, после войны долгое время оставшегося в руинах. Председатель Кингисеппского райисполкома Василий Смирнов предлагал снести руины, а битым кирпичом засыпать расположенную рядом низину. 23 января 1960 года городской исполком приказал «ускорить решение вопроса о сносе или реставрации разрушенного собора в г. Кингисеппе». Через месяц судьба Екатерининского собора обсуждалась уже на заседании исполкома райсовета, который постановил: «Рассмотрев ходатайство исполкома городского Совета депутатов трудящихся о сносе разрушенного собора в г. Кингисеппе, который не представляет ценности для государства, исполком райсовета решает: просить исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся разрешить снести разрушенный собор или переоборудовать его под здание народного историко-краеведческого музея».

Из двух вариантов местные власти склонялись к первому. Ряды общественников, несогласных со сносом собора, возглавил краевед, фронтовик Дмитрий Смольский. Несмотря на давление со стороны райкома партии, он собрал 80 подписей под письмом в защиту собора и отправил его министру культуры СССР Н. А. Михайлову. «Кто вам разрешил писать?» — гневно обрушились на Смольского в райкоме партии. Тем временем в Москве запретили разрушать собор, но пока не пришел ответ, Смольский с товарищами сторожил уже подготовленные к взрыву руины храма. Так собор был спасен. 25 марта 1960 года Леноблисполком вынес предписание, в котором собор признавался памятником; производить в нем какие-либо переделки, а тем более сносить категорически запрещалось²⁴.

В 1967 году ленинградские реставраторы приступили к восстановлению собора в его первоначальном виде. Они полностью восстановили разрушенный купол, завершение колокольни, убранство декора. Работы велись по проекту архитектора В. М. Тихомирова²⁵. В соборе до 1991 года находился Краеведческий музей. Можно упомянуть и о судьбе мемориальной полковой церкви Царицынского полка. Теперь там душевые детской спортшколы и туалеты...²⁶

Вернуть прежнее имя!

Вопрос о возвращении городу его исторического названия обсуждался еще в начале 1990-х годов. Тем более что за примерами тогда далеко не надо было ходить: в сентябре 1991 года Ленинград стал Петербургом, а в марте 1992-го Петрокрепость — Шлиссельбургом. Логично, что и Кингисепп мог стать Ямбургом,

— Задумайтесь: какое отношение имеет Виктор Кингисепп к нашему городу? Никакого. Мало кто уже знает, кем он был, не говоря уже о дате его рождения. Сегодня, когда революция 1917 года оценивается далеко не однозначно, нынешнее название вызывает все больше вопросов. Почему старинный русский город до сих пор носит фамилию эстонского революционера? — выражая мнение многих горожан, гово-

²⁴ http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10307042@SV_Articles. Дата обращения 5 сентября 2019 года.

²⁵ Из книги: Гоголицын Ю. М., Гоголицына Т. М. Памятники архитектуры Ленинградской области. Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1987.

²⁶ Глезеров Сергей. Они уходили из Ямбурга // Санкт-Петербургские ведомости, № 217. 19.11.2014. С. 3.

рит местный краевед Андрей Белобородов, директор Фонда возрождения полковой церкви Св. Георгия Победоносца.

— На романтической волне перестройки, когда по всей стране началось возвращение исторических названий, я решил попробовать сделать то же самое и в Кингисеппе, — рассказал краевед Валерий Тринев. — Два года длилась дискуссия. Наконец в апреле 1993 года состоялся городской референдум, который сторонники Ямбурга, увы, проиграли. На референдуме по вопросу о названии города большинство высказалось за сохранение советского названия. Только 10 % жителей пожелали вернуться к историческому. Одна из причин в том, что в нынешнем Кингисеппе не так много тех, кто может назвать себя коренным ямбуржцем. Значительная часть нынешних жителей города — переселенцы 1960-х годов, участники комсомольскихстроек и их потомки. Для них этот город всегда был Кингисеппом²⁷.

Тем не менее за двадцать с лишним лет, прошедших со времени референдума, вопрос о возвращении городу его исторического названия не ушел в тень. В феврале 2008 года митрополит Ладожский и Петербургский Владимир, посетивший Кингисепп, заявил, что будет молиться за возвращение исторического имени Ямбург. Спустя четыре года фонд поддержки исторических традиций «Возвращение» направил губернатору Ленинградской области Александру Дрозденко обращение с призывом устранить «историческую несправедливость, возникшую в годы советской власти, а именно — бесосновательное уничтожение древнего исторического названия города Ямбурга».

Принципиальную позицию занимает и активно действующее Историческое общество Ямбурга—Кингисеппа.

— Наша работа нацелена на то, чтобы показать значимость дореволюционной истории нашего города, чтобы граждане сами поняли ценность имени «Ямбург», — говорит его руководитель, писатель Вадим Аристов. — При этом мы не собираемся зачеркивать советский период истории нашего города. Он останется связанным с названием Кингисепп, как в истории Петербурга навсегда останется блокада Ленинграда.

Впрочем, немало и тех, кто отстаивает нынешнее наименование, обвиняя оппонентов в «оголтелом антисоветизме», желании «стереть в сознании людей память о великом советском периоде истории». Масла в огонь подлил митинг местных коммунистов у памятника Виктору Кингисеппу, который они провели в 2016 году в день его рождения. Школьники маршировали с красным знаменем, а их наставники рассказывали о героической и достойной подражания личности эстонского коммуниста Виктора Кингисеппа. О том, как он делал революцию в Эстонии, был предан и расстрелян. Ветераны возмущались, что у памятника не было представителей городской администрации, как прежде. И пообещали, что будут по мере своих сил ухаживать за памятником и передадут эту традицию молодому поколению...²⁸

А их «собрат по разуму» — Леонид Полежаев, экс-губернатор Омской области, договорился до того, что «пройдут годы, совершенно по-другому будет оцениваться роль Ленина. И тогда череду в Русской Православной Церкви, возможно, пополнит святейший образ православного Владимира Ульянова»²⁹. В этом нет ничего удивительного. Ведь с 1945 года в течение ряда лет в Западной Германии проводилась денацификация, а Россию до сих пор не «раскоммуниздили»...

Но несмотря на истерию «зюганата», местные краеведы терпеливо восстанавливают утраченное. Так, один из них — Виктор Морозов добивается спасения статуи Скор-

²⁷ Глезеров Сергей. Битва за имя // Санкт-Петербургские ведомости, № 62. 11.04.2016. С. 3.

²⁸ Там же.

²⁹ «Комсомольская правда», № 16 (т), 2019.

блящего ангела, установленной на старом Ямбургском кладбище и предположительно изготовленной мастерами школы Мартоса. Другой краевед Андрей Белобородов и его товарищи бьются за спасение бывшего имения в кингисеппском пригороде Новопятницкое. Оно принадлежало Роткирхам — родственникам Ганнибалов. Это единственное в России место, где похоронены 22 родственника Александра Пушкина. Сегодня усадьба и фамильное кладбище находятся в полуразрушенном состоянии, территория занята воинской частью³⁰.

— Вопрос о переименовании города остается открытым, — считает научный сотрудник местного историко-краеведческого музея Валентина Ищенко. — Остается надеяться, что когда-нибудь, рано или поздно, он все-таки станет Ямбургом. Лично мне нравится это красивое звучное имя, и «бурги» хорошо на слух воспринимаются современным русским человеком. Ямбург — в одном ряду с Петербургом и Шлиссельбургом, Екатеринбург и Оренбургом.

— В настоящее время поставлен вопрос о возвращении городу Тутаеву в Ярославской области его исторического наименования Романов-Борисоглебск. История там схожая: в 1918 году город переименовали в честь красноармейца, погибшего во время подавления антисоветского мятежа в Ярославле, напоминает Андрей Рыжков. — Для тех, кто беспокоится о «стирании» имени Кингисеппа, можно предложить по примеру Тутаева оставить фамилию Кингисеппа в названии района: ярославцы тоже решили район не переименовывать, ограничившись городом³¹. Как говорится, «кесарю — кесарево»...

В 1930-х годах метастазы переименований захватывали все новые и новые города. В 1932 году «всесоюзный староста» Калинин подписал указ о переименовании старинной Твери в Калинин (то есть в честь самого себя). Пермь стала Молотовом (единственный член сталинского Политбюро, пожимавший руку Гитлеру и подписавший «Пакт Молотова—Риббентропа»). То, что столица Таджикистана Душанбе когда-то была Сталинабадом, еще помнят многие. А то, что второй по величине город республики Хорог носил гордое имя Кагановичебад, это как-то подзабылось. В 1930—1940-х годах на карте СССР было более 130 названий, связанных с именем Лазаря Моисеевича Кагановича: Кагановичград, Кагановичебад, Кагановическ; почти все институты транспорта были имени Кагановича — наркома железнодорожного транспорта³².

В июле 1937 года шефа НКВД «кровавого карлика» Николая Ежова наградили орденом Ленина, а в октябре сделали членом Политбюро. Название не одного города меняли на Ежовск. Один из городских районов Семипалатинска назвали Ежовским. В это же время из Семипалатинска в ЦК был направлен документ с предложением переименовать Семипалатинск в Ежовск. Но до этого, к счастью, не дошло: вскоре самого Ежова арестовали.

25 мая 1938 года Президиум Ежовского райсовета Семипалатинска рассмотрел на своем заседании резолюцию районного митинга, состоявшегося 23 мая 1938 года — о переименовании города Семипалатинска в город Ежовск, — и принял решение ходатайствовать перед горсоветом о его утверждении. 29 июня 1938 года горсовет рассмотрел и утвердил решение Ежовского райсовета и отправил в облисполком на рассмотрение³³.

³⁰ Аристов Вадим. Ям на грани миров // Санкт-Петербургские ведомости, № 81. 06.05.2013. С. 1.

³¹ Глезеров Сергей. Битва за имя // Санкт-Петербургские ведомости, № 62. 11.04.2016. С. 3.

³² <https://vk.com/wall-59804430?offset=1600>. Дата посещения 5 сентября 2019 года.

³³ Еременко (Жимарина) Светлана. Городские легенды. «Из истории городских улиц» https://ok.ru/profile/562344678834?st._aid=PLMediaTopicAuthorMain&st.layer.cmd=PopLayerClose&st._forceSetHistory=true. Дата посещения 5 сентября 2019 года.

После расстрела Ежова. Из документов

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о переименовании района города Свердловска. 17.04.1939. О переименовании Ежовского района г. Свердловска в район имени В. М. Молотова: Удовлетворить просьбу Свердловского обкома ВКП(б) о переименовании Ежовского района города Свердловска в район имени В. М. Молотова³⁴.

Город Колдобин чрезвычайно трудно найти на любой географической карте по нескольким причинам. Во-первых, он очень маленький, а во-вторых, его несколько раз переименовывали в Ежовск, Лаврентий Павлович, Ильичевск, снова в Колдобин³⁵.

После Великой Отечественной войны часть «раковых клеток» была удалена. Так, например, в Санкт-Петербурге (до 1991 года — Ленинград) проспект Нахимсона снова стал Владимирским, площадь Моисея Урицкого — Дворцовой, проспект 25 Октября — Невским).

Но «метастазы» остались. В Санкт-Петербурге имеется Кингисеппское шоссе, а в городе Луга — улица Виктора Кингисеппа.

После аншлюса Эстонии маленькую союзную республику, как и Ямбург, «обули». Именем Кингисеппа-сапожника в советское время были названы улицы в Таллине и других городах Эстонии. В 1952—1989 годах Эстонский драматический театр в Таллине носил имя Виктора Кингисеппа (Таллинский государственный академический театр имени В. Кингисеппа). В 1952 году Кингисеппом (эст. Kingissepa) был назван город Курессааре в Эстонской ССР (вернувший свое прежнее имя в 1988 году).

В Советской Эстонии имя этого революционера настолько навязло в зубах, что сами эстонцы говорили: «Наша страна простирается от Кингисеппа до Кингисеппа». Речь шла о переименованных в его честь городах — Курессааре на острове Сааремаа и бывшем Ямбурге, находящемся уже в Ленинградской области. Сегодня советской власти в Эстонии нет, и в чести там другие герои. Уже в 1988—1989 годах имя Кингисеппа с улиц эстонских городов исчезло. Памятник, поставленный ему в Таллине, пришлось убрать еще при советской власти³⁶.

Независимая Эстония ликвидировала «очаги инфекции» еще до распада Советского Союза, но в период «полураспада» «штрих-код» поместил некоторые его города. После кончины «дорогого Леонида Ильича» город Набережные Челны стал Брежневом, Ижевск — Устиновом. В Северном Ледовитом океане на подмогу атомоходу «Ленин» был направлен ледокол «Брежнев» (ныне «Арктика»). В те годы в местном эфире можно было услышать нечто inferнальное: «„Брежнев“! „Брежнев“! ответьте „Ленину“!» На подходе был Юрий Андропов, шеф КГБ, инициатор карательной психиатрии. После его кончины пострадал ни в чем не повинный Рыбинск. В эпоху перестройки бытовал такой фольклор: пассажир спрашивает в железнодорожной кассе билет «до Горбачева». «Так нет такого города!» — «Так я же в предварительной кассе беру!»

В городе на Неве славился красотой подземных вестибюлей **Ленинградский** ордена **Ленина** метрополитен имени **Ленина**. И можно было с площади **Ленина** быстро доехать до **Ленинского** проспекта. Борцы со штрих-кодом на магазинных упаковках отдыхают...

...Для физического здоровья важно качество окружающей нас среды, чистый воздух, не зараженная ядами почва. Для душевного здоровья не менее важна окружающая нас символическая среда. К ней относятся названия улиц и других географических объек-

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1008. Л. 59. Подлинник. Машинопись. Протокол № 1.

³⁵ <https://www.ozon.ru/context/detail/id/139087323>. Дата посещения 5 сентября 2019 года.

³⁶ <http://protivpytok.org/sssр/antigeroi-karatelnyx-organov-sssр/kingisepp-v-e>. Дата посещения 10 сентября 2019 года.

тов (топонимика). Названия эти нужны прежде всего для ориентации, для того, чтобы человек знал, где он. Если он потерян, заблудился — это нарушает его душевное равновесие, мешает ему жить и действовать. Если названия кругом французские, он видит, что он во Франции, если русские — в России, а если советские — то он вроде в СССР, которого давно нет. Это дезориентирует³⁷.

Впрочем, в политической игре играют роль даже малейшие нюансы. Хочешь не хочешь, но все же сложно России отбиваться от происков западных СМИ, если в стране сохраняется память о кровавом террористе, свирепствовавшем в Эстонии. Город Кингисепп как бы говорит, что все готово повториться вновь и вновь. Но чему мы будем учить детей своих: «Вот, деточка, город Кингисепп, он так назван в честь террориста...»?³⁸

...Троцкий, Сталин, Ежов, Молотов, Каганович, Андропов... и в этом ряду до сих пор на Русской земле имя эстонского националиста и троцкиста — Кингисеппа-сапожника. Источился большевистский язык, не отражает он чувств россиян. Ведь думали: «Это будет навсегда», пока не кончилось.

Но имя Кингисеппа за Ямбургом российские власти сохраняют, возможно, чтобы позлить проблемных соседей. Однако времена меняются, и это уже становится анахронизмом. В апреле 2019 года состоялся первый за последние восемь лет официальный визит президента Эстонии в Россию. Последний раз эстонский президент приезжал в Россию в 2011 году. Тогда этот пост занимал Томас Хендрик Ильвес, он участвовал в церемонии освящения церкви Св. Яана (Иоанна) в Петербурге. И вот через восемь лет, 18 апреля 2019 года президент России Владимир Путин на встрече с президентом Эстонии Керсти Кальюлайд заявил, что ситуация, когда между официальными лицами соседних государств нет контактов, не является нормальной. «У нас объективно есть общие интересы, связанные с регионом Балтийского моря. Здесь и вопросы безопасности, и вопросы экологии, вопросы, связанные с транспортом, транзитом», — отметил лидер России. В свою очередь президент Эстонии считает, что пришло время «обновить программу сотрудничества между Европейским союзом и Россией»³⁹.

Однако пора от красивых слов переходить к делу. И символическим шагом в этом направлении было бы возвращение старинному русскому городу его подлинного названия — Ямбург.

³⁷ Черная книга имен, которым не место на карте России. Посев, б/г. С. 3.

³⁸ Гончаров Александр. Товарищ Кингисепп. Забытый террорист из Лифляндии. 28.06.2018. <https://rusorel.info/tovarishh-kingisepp-zabytyj-terrorist-iz-liflyandii>. Дата посещения 10 сентября 2019 года.

³⁹ Москва и Таллин обновляют связи // Санкт-Петербургские ведомости, № 72. 19 апреля 2019 года. С. 1.

К 100-летию Федора Абрамова

Олег ТРУШИН

«ПРАВДА, ПРАВДА И ЕЩЕ РАЗ ПРАВДА»

От опального писателя

до лауреата

Государственной премии СССР¹

«Я ведь написал честную книгу»

В начале июля 1966 года здоровье 46-летнего Федора Абрамова крепко пошатнулось — микроинфаркт. Сказалось многое: загнанность литературным трудом и общественной работой, абсолютное неумение отдыхать, бесчисленное количество бессонных ночей, раздумий над чистым листом бумаги, записными книжками и дневниками и, конечно же, все эти подлые дрязги вокруг его имени за последние несколько лет, доставившие массу страданий, эмоциональных растрат, перенапряжений духовных сил.

По сути, все эти двадцать лет, прошедшие после войны, были для Федора Абрамова не только временем напряженной творческой работы, но и годами, когда на фоне бурных, совсем непростых общественных процессов менялось и его отношение ко многим вещам, порой самым обыденным и невзрачным. А давалось ему это переосмысление очень и очень непросто. Сломать, переломить свое собственное внутреннее убеждение, взглянуть иначе на то, что прежде казалось идеалом и не подлежало оспариванию, ему, в прошлом пареньку из глухой северной деревушки, выросшему под образами, чудом уцелевшему в немыслимой бойне, вернувшемуся с войны коммунистом, искренне верившему всему, о чем говорили с «кумачовых» трибун, требовалось

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах: «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имение». Многие годы постоянный автор национального журнала «Качели» Республики Беларусь. Автор 18 книг. Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального Федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

¹ Глава из готовящейся к публикации книги «Федор Абрамов. Я жил на своей земле». В основу книги положен личный архив писателя, хранящийся в Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург.

немало внутренней глубинной силы, энергии мысли, работы души и сердца, чтобы, переосмыслив, иначе посмотреть на окружающее, перевоспитать, переделать самого себя и с этим выйти к людям в своих литературных творениях. И это тоже не могло пройти бесследно для его здоровья.

Все случилось в Архангельске. В те дни в городе работала конференция, посвященная памятникам культуры Русского Севера. Ее открытие вполне символично и вряд ли случайно состоялось в день великого христианского праздника Ивана Купалы 7 июля, что еще и совпадает с Рождеством Иоанна Крестителя.

Научные работники, профессура от искусства, филологии, известные деятели науки как отечественные, так и зарубежные... Была большая группа ученых из Эрмитажа и Пушкинского Дома, в числе которой был и Дмитрий Лихачев, выступивший на конференции с интересным докладом «Задачи изучения Соловецкого историко-культурного комплекса», ставшим зачином к дальнейшей огромной работе по созданию музея Соловецкого архипелага. В самом же Архангельске в дни работы конференции шла еще и нелегкая работа по созданию музейного комплекса «Малые Корелы», что ныне является одной из визитных карточек столицы Русского Севера.

Абрамов на конференции не держал докладов, но сумел поприсутствовать на многих заседаниях, послушать выступавших и даже побывать на ряде экскурсий, организованных для участников конференции: остров Мудьюнг в Белом море, где в годы Гражданской войны на севере интервентами был создан концентрационный лагерь, деревушка Заостровье с удивительными храмами деревянного зодчества и, конечно же, Соловки — жемчужина земли северной с непростой историей...

«Соловки меня потрясли всем — своим былым величием и тем варварством, которое прокатилось через них за советские годы», — напишет он в письме Людмиле 11 июля.

И тут стоит отметить, что Федор Александрович был одним из тех, кто открыто выступал за сохранение комплекса Соловецкого архипелага и реставрацию расположенных на нем архитектурных памятников, тем самым поддерживая призыв очень ценимого им писателя Юрия Казакова, высказанный в статье-очерке «Соловецкие мечтания», опубликованной в одном из осенних номеров «Литературной газеты» за 1966 год.

А искрой для появления такой абрамовской позиции станет письмо давнего близкого знакомого Федора Александровича — сотрудника Пушкинского института, основателя хранилища древней книги Пушкинского Дома, литературоведа Владимира Ивановича Малышева, которому спустя годы, после кончины последнего, Абрамов посвятит проникновенную по своему лирическому накалу статью «Когда умирает праведник».

26 сентября 1966 года Малышев пишет Абрамову: «Дорогой Федор Александрович! Ты, наверное, читал очень интересную статью Ю. Казакова „Соловецкие мечтания“, напечатанную в „Литгазете“? В ней изложено многое, о чем мы говорили, бродя по острову. Нам тоже казалось, что главное сейчас для них — это срочный ремонт и ремонт. Без этого они скоро совсем погибнут. К этому призывает и Казаков Ю. П. Я послал отклик в „Литгазету“. Послал также Д. С.Лихачев и А. А.Земин. Надо поддержать Казакова и главное дело, за которое он воюет. Напиши, пожалуйста, отклик и пошли. Вот сейчас прямо возьми бумагу и напиши. Я послал (и Лихачев) через А. П. Половникова, пошли тоже через него, но пошли. Всего хорошего».

Но вернемся в тот недобрый вечер 11 июля 1966 года. Первый сильный сердечный приступ заставил сильно поволноваться Абрамова. А затем второй, третий, четвертый...

«Врачи предполагали, что это стенокардия, — сообщил он Людмиле 24 июля, — потом... сомнений больше не было — микроинфаркт».

Шамиль Галимов, давний близкий друг писателя, на квартире которого Абрамов остановился, срочно вызвал неотложку, за которой последовала немедленная госпитализация.

«В общем, дела мои дрянь, — признавался он Людмиле все в том же письме от 24 июля. — Сегодня правда сердце не болит, но кто знает, как оно поведет себя дальше... Первые 11 дней я лежал в областной больнице, а теперь, по просьбе писателей, меня перевели в спецклинику. Ничего хорошего тут нет, но покой и тишина удивительны. И в палате я пока один.

Я уже привык и не скучаю. Посетителей много, я даже устаю от них. Но всех больше обо мне заботится Галя (она сдала госэкзамены) (Галина Михайловна Абрамова, в июле 1966 года — выпускница Архангельского педагогического института. — О. Т.) и семья Шамиля. Без них мне было бы худо».

Для тех, кто близко знал Абрамова, его сердечный недуг не стал неожиданностью. Да и он сам нисколько не удивлялся тому, что с ним случилось. Сердце уже давненько давало о себе знать.

Еще 6 июня 1959 года, будучи в Верколе, Абрамов сообщал в письме Мельникову: «Как ни благотворны родные края для человека, но самочувствие у меня неважнецкое. Вялость, сердце пошаливает и т. д. Отчего это? Переутомился?»

Ведь зрел в самый корень Федор Александрович, понимал, и все равно все последующие семь лет, не жалея себя, — работа, работа и работа, да так, что порой и на сон времени не хватало.

И вот микроинфаркт, в одночасье нарушивший все планы Абрамова. Волей-неволей пришлось отложить поездки в Нарьян-Мар, Печору и самое дорогое — на родину, в Верколу, куда он безудержно рвался. Пришлось забыть и о еще проходившей архангельской конференции.

Когда с Абрамовым случилась беда, Людмила находилась на отдыхе в Крыму, в коктейльском Доме творчества, и о том, что произошло в Архангельске с Федором Александровичем, узнала лишь спустя несколько дней из его же письма от 24 июля: «Я специально не писал тебе, чтобы не разбить твой отдых. Ты ведь очень устала, и тебя надо было пощадить».

И даже раскрыв тайну, он в каждом из своих писем настойчиво советовал ей не приезжать: «Думаю, я иду на поправку, и на этот раз все обойдется. А вот в Ленинграде ты меня обязательно встречай». «Я не одобряю твои планы. Зачем тебе приезжать сюда? Я ведь уже писал тебе (в полной памяти и здравом уме), что у меня все в порядке», — настырничал он в письмах. А когда она все же приехала, то был по-детски безудержно рад.

В начале августа лечение закончилось. Абрамова выписали, и он вместе с Людмилой Владимировной вернулся в Ленинград.

Еще какое-то время пришлось придерживаться строгого режима — больше лежать, и даже первый раз «сесть за стол» Абрамов смог лишь 24 августа, о чем он с радостью сообщил в этот же день в своем письме критику Юрию Буртину, с которым его связывали тесные дружеские отношения.

Дело явно шло на поправку, и вскоре городская квартира уступила место уютной комнатке в комаровском Доме творчества, где в самую пору золотой осени до первой

крепкой листопадной пороши они вместе отдыхали, набираясь сил. На время Абрамову, конечно не без нажима Людмилы Владимировны, все же пришлось изменить свой распорядок дня — больше отдыхать, гулять, и работа за письменным столом стала больше походить на исключение, нежели на закономерность. Что делать? Того требовали обстоятельства, и Абрамов мирился.

Несмотря на случившуюся болезнь, в Комарово Федор Александрович приехал в приподнятом настроении. И было чему радоваться! Роман «Две зимы и три лета», рукопись которого после нашумевших весенних событий отказалась публиковать «Звезда», по всей видимости, приживался в «Новом мире».

Еще в июле, когда Абрамов находился на больничной койке, на его ленинградский адрес пришел толстый конверт из «Нового мира», в котором вместе с письмом и возвращенным для доработки текстом романа был и авторский договор.

А ведь еще четырьмя месяцами ранее Абрамов, не надеясь на публикацию «Двух зим...», огорченно писал в своем дневнике: «В четверг, 17 марта, сдал роман в „Звезду“ и „Советский писатель“. Но радости никакой. И полное безразличие к своему детищу. Так у меня всегда. Книга честная. А напечатают ли? Всего скорее — зарежут...» И совсем уж горькая запись 8 апреля: «Роман в „Звезде“ почти зарезан. Смолян (Александр Семенович Смолян, писатель, в 60-х годах был заведующим отделом прозы в журнале „Звезда“. — О. Т.), наговорив мне кучу всяких лестных слов, посоветовал забрать его («В Ленинграде не пойдет». Я было крепко приуныл. А потом одумался. Пусть они, подлецы, нос вешают. А мне-то что? Я ведь написал честную книгу» («Так что же нам делать? Из дневников, записных книжек...»).

Письмо Смоляна от 19 апреля 1966 года, напечатанное мелким машинописным шрифтом на трех листах, которое Александр Семенович просил «рассматривать... в качестве редакционного заключения», еще раз подтвердило правоту Абрамова: роман в «Звезде» никогда не выйдет.

«На заседании, — говорилось в письме, — во всех выступлениях отмечались достоинства романа, его яркая талантливость и впечатляющая сила. Сердечность, не книжность авторской интонации, прекрасное знание деревни, любовь к ней, боль за ее беды, вера в непобедимое упорство людей крестьянского труда. Как об особенно сильной линии романа и особенно значительной авторской удаче говорили о трудовой колхозной семье Пряслиных».

И тем не менее текст письма был сочно пропитан иным мнением редколлегии, явно принявшей роман в штыки. Указав на «серьезные авторские просчеты», что породили «ощущение безысходного трагизма, которое охватывает при чтении ряда глав», Смолян достаточно кучеряво расписал все то, за что редколлегия удалось попенять автору рукописи.

Так, в образе фронтовика Порохина (впоследствии Абрамов иначе назовет этого героя — Денис Першин. — О. Т.) будет увидена «некоторая нарочитость» в том, что его «учили в Кремле», так как он «демобируется... из личной охраны Сталина», а значит, «не все были настоящими героями и среди фронтовиков».

Достанется и образу Егорши, в котором живет «пустая душонка, карьерист, пройдоха», и Евсею Мошкину, «попу из старообрядцев», которому «именно вера, стойкость веры помогают... сохранить чистоту души и мудрое спокойствие среди неисчислимых бед и гонений, обрушившихся на него».

Не прошли и мимо заболевшей дочки Нетесова: «Стоит ли давать такое близкое повторение ситуации с лебедями, только что использованной Вами в самостоятельном, уже опубликованном рассказе» (имеется в виду «Пролетали лебеди». — О. Т.).

Укажут и на «нарушение естественного течения событий в романе» в «сближении» сцен допроса Мишки Пряслина и разговора Нетесова с дочкой о КГБ, в связи с чем «ощущается уже не столько свободное течение времени в романе, сколько одна мысль, „направляющая руку“ романиста».

Помянули и о том, что в романе «предвзято, с однобоко отрицательной оценкой» показаны все «районщики» и «портфельщики», в неприглядном облике выведены партработники. «Возможно, атмосфера романа стала бы иной, менее мрачной, если бы Вы, — обращался Смолян к Абрамову, — дали в ходе повествования более широкий выход за пределы одной деревни, если бы больше чувствовалась жизнь всей страны, частью которой является Пекашино, и в жизни этой ощущалось бы не только дурное, не только враждебное затерявшемуся в северных лесах Пекашину».

Говорилось в письме и о некотором «переборе» в использовании диалектизмов, областных речений, вступающих иной раз в «противоречие с общерусским литературным языком».

И как издевательство — концовка письма: «Если пожелания редколлегии встретят у Вас понимание, пожалуйста, сообщите нам... какие сроки, как Вы полагаете, понадобятся Вам для доработки».

Редакционное заключение «Звезды» — «возвратить рукопись автору на доработку с учетом высказанных замечаний» — заставило писателя искать новые пути решения вопроса о его публикации.

Отправляя «Две зимы...» в «Новый мир», Абрамов вряд ли был уверен, что роман будет напечатан и там. Уж очень велика была в нем правда колхозной жизни послевоенных лет.

О «Новом мире» Абрамов вспомнил не случайно. По сути, это был отчаянный шаг и, может быть, единственная, по мнению Абрамова, возможность подарить читателям свое новое творение, продолжение «Братьев и сестер», которое ждали. Отвергни Твардовский публикацию романа, и он наверняка надолго бы лег в писательский стол и вряд ли осилил рубеж 70-х годов, когда над творчеством Федора Абрамова вновь сгустились свинцовые тучи критики. А без «Двух зим...» вряд ли бы получились «Пути-перепутья» и вершина пряслинской эпопеи — роман «Дом», завершивший публикацией в 1978 году грандиозную тетралогию, задуманную автором еще в середине 50-х годов.

После «Братьев и сестер» роман «Две зимы и три лета», работа над которым началась 11 июля 1960 года (именно эта дата поставлена писателем на первом листе рукописи), вновь станет откровением Абрамова, где все, от образов до событий, будет рождено самой жизнью.

Впрочем, изначально Федор Абрамов видел свой новый роман отнюдь не в «Звезде», не в «Роман-газете» и даже не в «Новом мире», к которому так тяготел. Он желал, чтобы роман сразу же вышел отдельной книгой в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель», и уже 30 ноября 1964 года, как и положено, заблаговременно сделал заявку на включение ее в план 1966 года с просьбой заключить авторский договор. «События в этой книге, — пишет в заявке Абрамов, — развертываются в первые послевоенные годы. Задача автора — показать в художественных образах и картинах переход нашей деревни от войны к миру, ее трудности и противоречия, связанные с культом личности и войной, и вместе с тем раскрыть те здоровые начала народной жизни, которые, несмотря ни на что, пробивали себе дорогу.

Книга рассчитана на 15 п. л. К настоящему времени написано больше половины. Закончить книгу думаю к октябрю—ноябрю 1965 года».

Действительно ли надеялся Абрамов, что его новый роман может выйти отдельной книгой уже в 1966 году? Неужто он не ощущал всей той нездоровой атмосферы вокруг

себя, когда просил «Советский писатель» заключить с ним авторский договор на издание книги? Или во всем была виновата все та же природная наивность Абрамова, которая частенько выходила ему боком.

Конечно, «Советский писатель» тогда не заключил с писателем никакого договора, вовсе не соизволив написать ответ Абрамову.

Работу над текстом нового романа «Две зимы и три лета», который до осени 1964 года имел рабочее название «И наступил мир...», Федор Абрамов закончил к весне 1966 года, оформив к этому времени окончательный черновой вариант рукописи. Долгие шесть лет нелегкого изнурительного труда над каждой строкой, над каждым образом. В копилке писательского архива сохранились сотни черновых листов с замечаниями, исправлениями, добавками — всем тем, что рождалось во время работы над романом вкупе с огромной исследовательской работой. Да, Абрамов был именно кропотливым исследователем — наверное, сказывалась жилка научного работника. Вырезки из газет того послевоенного периода, личные документы колхозников, облигации денежных займов, всевозможные справки, записки и даже... «Личное дело колхозника М. А. Абрамова», которое Федору Александровичу передали на вечное хранение из архива колхоза, станут неоспоримым подлинным подтверждением событий той эпохи, которая будет описана в романе.

За годы работы над романом «Две зимы...» Федор Абрамов сделал не одну его рукописную рабочую копию. По крайней мере, на настоящий момент известно о четырех рабочих вариантах романа, три из которых хранятся в Пушкинском Доме и один, по всей видимости последний, содержащий самое большое количество авторских правок, в Архангельском литературном музее.

Отчего так много вариантов рукописей романа? Желание автора или прихоть цензоров? Не ошибемся, если скажем — и то и другое. Федор Александрович, с присущей ему долей неуверенности во многих своих начинаниях, в том числе и в литературных, видя в рукописи слабые места, всякий раз, как только садился за стол править, определял для себя все новые и новые огрехи в тексте, которые неплохо было бы доработать. Так день ото дня рукопись «Двух зим...» обростала все новыми и новыми листами дополнений и, наоборот, исключений, вариантами глав, при этом, что вполне естественно, меняя свой объем.

За несколько месяцев до сдачи рукописи в машинопись, в письме от 16 ноября 1965 года Абрамов с явной ноткой усталости сообщал Юрию Буртину, к этому времени уже члену редакционного совета журнала «Новый мир»: «Роман вчерне написал — это верно, но работа над ним по существу начинается... Хочется переписать все заново».

Вот так, даже поставив финальную точку в романе, Абрамов еще несколько месяцев по-прежнему продолжал колдовать над текстом романа, жить им.

И даже вся эта многомесячная работа над рукописью перед отправкой ее в «Звезду» была ничтожно мала по сравнению с той титанической правкой «Двух зим...», которую проделал Абрамов для «Нового мира». По предложению редакции журнала Абрамов должен был не просто «пройтись» по тексту, но и в корне перелопатить его, по сути, переписав роман заново. Более полугодом изнурительного труда — и это после перенесенного микроинфаркта! Обещанная публикация романа в «Новом мире» заставила отложить на потом все другие литературные дела и даже в какой-то степени изолировать себя от общественной писательской жизни.

21 апреля 1967 года секретарь правления Союза писателей РСФСР Михаил Алексеев настойчиво, уже повторно, просил откликнуться Абрамова и принять участие

в совещании за круглым столом, посвященном сельской тематике — «О сельской нови и изображении ее в литературе», которое должно было состояться 4 мая в Большом зале ЦДЛ в Москве. Участие в круглом столе требовало утряски кое-каких формальностей, в первую очередь — бронирование гостиницы на время совещания.

Абрамовская тема, да и отказаться было нельзя. Федор Александрович принял предложение, но заглянул в столицу всего лишь на пару дней. В Ленинграде ждала правка рукописи «Две зимы и три лета».

В абрамовском архиве сохранилось одно очень интересное письмо от сотрудника редакции «Новый мир» И. Виноградова некоему Николаю Степановичу. Письмо, место которому в архиве адресата, никоим образом не должно было оказаться у Абрамова. И тем не менее оно есть.

17 июня 1966 г.

Уважаемый Николай Степанович!

Благодарим Вас за заботу о журнале. С романом, о котором Вы пишете, редакция знакома, в настоящее время автор дорабатывает рукопись, после чего будет решен вопрос о печатании романа в журнале.

С товарищеским приветом,

Член редколлегии по прозе И. Виноградов

По всей видимости, получателем письма являлся верколец Николай Степанович Минин — один из тех, чья подпись стояла под «Открытым письмом земляков...», а также ставший одним из прототипов образа Петра Житова в романе «Братья и сестры».

Вероятнее всего, Минин обратился в «Новый мир» по просьбе самого Абрамова с одной лишь целью — «прощупать» отношение редакции к «Двум зимам...», а полученный ответ потом переслал Федору Александровичу. Для Абрамова же цель такой просьбы была проста — узнать о действительной дальнейшей судьбе романа в «Новом мире». Ведь отвечая рядовому читателю, редакция вряд ли бы слюкавила.

Осилив работу над рукописью к лету 1967 года, фактически переписав роман заново, Федор Александрович собственноручно отвез «Две зимы...» в «Новый мир».

И даже выправив роман, мужественно переломив себя, сократив многие значимые, а отчасти и ключевые моменты в тексте, он по-прежнему мало верил в его публикацию даже в таком виде.

Запись в дневнике 29 июня 1967 года: «Кончил роман и отвез в „Новый мир“. Поначалу радовался: неплохо получилось. Даже многое нравилось самому (редкий случай).

А сейчас снова уныние: Чему радоваться? 99 % за то, что не пойдет.

Цензура свирепствует зверски. Из статей вычеркивают самые нейтральные факты...» (Федор Абрамов. «Так что же нам делать? Из дневников, записных книжек...»).

Потекли дни томительного ожидания, наполненные тревогой безызначности о судьбе рукописи. Примут или вновь вернут на доработку? Думалось всякое. А еще Абрамов хорошо понимал, что его рукопись пришла в «Новый мир» не в лучшее для журнала время.

В 1966 году «Новый мир» за излишний либерализм и отход от линии партии вновь угодил под пресс идеологической проработки, который в конечном итоге в феврале 1970 года все же выдал Твардовского с поста главреда. Твардовскому, чье имя, что вполне естественно, отождествлялось с «Новым миром», припомнят все разом: и собственного «Василия Теркина на том свете», и поэму «За далью — даль», и солженицын-

ского «Один день Ивана Денисовича», и то, что отказался одобрить судебный приговор Синяевскому и Даниэлю, отказавшись поддержать большинство... Все разом, все в кучу! Руководство Союза писателей настойчиво требовало разобраться с «Новым миром», а уговоры председателя правления Союза писателей СССР Константина Федина признать Твардовскому ошибки успехом не увенчались. И за все это как мера предупреждения скорый вывод из состава ЦК и Верховного Совета РСФСР, яростное бичевание в Союзе писателей.

5 января 1967 года Твардовский запишет в своем дневнике, фактически открывая этой записью грозовой для себя самого и «Нового мира» 1967 год: «Гибельной для ж-ла оказалась его популярность дома и за границей — ничего не должно быть такого. — Нет уж!» И уже через три дня: «Я пишу это письмо в связи с моим вынужденным уходом из журнала „Новый мир“, которому я отдал в общей сложности 12 лет жизни...» И почти тут же, словно мысли витязя на распутье: «Передо мной на выбор:

либо „не бросать журнал“, оставаться на месте, зная, что на этом месте нужна лишь моя фамилия (до поры, когда ж-л „перестроится“, перестанет быть тем, чем он был), влачить безрадостное и безнадежное существование в этом качестве;

либо — с болью, с горечью крайней, но с радостью, с сохранением достоинства, рискуя навлечь на себя всевозможные немилости — уходить. Не ясно ли?»²

Мог ли Абрамов при таком раскладе дел надеяться на печать романа в «Новом мире» даже при составленном авторском договоре? Конечно, нет.

И вот тут-то сам по себе напрашивается вопрос: почему Твардовский в такой сложный для журнала период принял решение о публикации абрамовского романа «Две зимы и три лета», в котором, по его же словам, все было «нелегально»? Захотел еще одной черной метки для себя и журнала?

Единогласного мнения на этот счет нет. Можно предположить, что у Твардовского, жутко уставшего от всей закулисной возни вокруг «Нового мира», крепко выиграло чувство собственного достоинства и нежелание мириться с навязываемыми постулатами угодничества и усаживания литературы «в клетку». Но вероятнее всего, ключевую роль в публикации «Двух зим...» сыграли несколько иные причины.

Твардовский, понимая, что его уход с поста главреда в ближайшем будущем уже предрешен и что без него роман вряд ли будет вообще напечатан в «Новом мире», просто пошел напролом, взяв на себя большую долю ответственности за публикацию, несмотря на то, что были серьезные предостережения сотрудников редакции на этот счет. Он подписал «Две зимы и три лета» в печать, предварительно еще задолго проанонсировав его, заключив с Абрамовым авторский договор (еще до доработки текста!), что было также своего рода умелым редакторским ходом.

Но, возможно, это была своеобразная компенсация от Твардовского Абрамову, которого в силу различных обстоятельств на протяжении довольно длительного срока не желал публиковать «Новый мир». Вопрос открыт. Впрочем, ответить на него мог лишь сам Твардовский!

Более двух месяцев Абрамов был в неведении о судьбе рукописи. Думы терзали душу и сердце. И самое главное — прочитает ли роман Твардовский? Как оценит? И даже если прочитает, все одно, надежды на публикацию были мизерные.

По воспоминаниям Людмилы Владимировны, в этот период ожидания весточки из «Нового мира», словно убегая от назойливых дум, Абрамов уехал на север, в Верколу, отчасти тем самым компенсировав этой поездкой несостоявшееся из-за болезни прошлогоднее путешествие.

² Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. II. 1967–1970. М., 2009. С. 10, 11, 13.

17 августа 1967 года в Доме культуры деревни Веркола состоялась встреча земляков с Федором Абрамовым. Для Верколы это было событие!

Небольшой зал деревенского ДК был наглухо забит присутствующими. Кому не хватило места, стояли вдоль стен. Веркольцы, а еще жители Кушкопалы, Ваймуши и Еркино... Все хотели слышать Абрамова.

Федор Александрович еще до того, как прийти в клуб, наблюдал из дома брата Михаила (благо что оконца избы смотрят прямо на ДК), как спешит народ на встречу с ним, торопится. После той шумевшей эпопеи с «Открытым письмом земляков» по поводу повести «Вокруг да около» Абрамов лишь в это лето откликнулся на предложение веркольцев провести читательскую встречу.

Стоя на невысокой сцене за трибуной, всматриваясь в лица земляков, он наверняка думал не только о тех вопросах, что посылались ему из зала, но и о том, поймут ли они его «Две зимы и три лета», они — главные герои его романа.

Абрамов не только рассказал землякам о новом своем детище, но и вместе с Владимиром Левиным — корреспондентом «Литературной России» Архангельского отделения — побывал в районе у Поздняева — первого секретаря горкома — с предложением посодержать в публикации нескольких глав романа «Две зимы и три лета» в «Пинежской правде».

29 августа Твардовский, прочитав роман, ответил Абрамову:

Дорогой Федор Александрович!

Пишу Вам под свежим впечатлением только что прочитанной Вашей рукописи. Всего, конечно, я не скажу в этом письме ни в смысле ее значительнейших достоинств, ни в смысле некоторых недостатков и слабостей, но не могу просто пребывать в молчании впредь до встречи с Вами, которая, полагаю, должна состояться в ближайшее время.

Я давно не читал такой рукописи, чтобы человек несентиментальный мог над нею местами растрогаться до настоящих слез и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении.

Словом, Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет. Впрочем, содержание ее шире этих рамок, — эти годы лишь обнажили и довели до крайности все те, скажем так, несовершенства колхозного хозяйствования, которые были в нем и до войны, и по сей день не полностью изжиты.

Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем братья за перо. Конечно, много в тех нечеловеческих трудностях деревенского бытия, которых Вы касаетесь, можно отнести за счет местных, северных условий, но так же, как нельзя во всем винить одну войну и все ею объяснять, так и «местные условия» не покрывают всего.

Книга населена столькими прекрасными по живости и натуральности своей людьми, судьба которых не может не волновать читателя, — они, эти люди — и старики, и дети, и юноши, и женщины, и редкие мужчины среднего возраста невольно воспринимаются, как его, читателя, деревенская родня, сверстники и друзья, оставшиеся там по многосложным обстоятельствам. Незабываемы картины первого возвращения кормильца Михаила с лесоповальных и лесосплавных работ с гостинцами и подарками оголодавшей и охолодавшей вдовьей семье. Здесь впервые обрисовывается с исключительной сердечностью и нежностью образ Лизы (как-то не хочется называть эту чудную девчущку-девочку Лизкой), который еще развернется потом с необычной, щемящей привлекательностью в картинах проводов ее Михаилом в лес, с обучением по дороге тяжелому, неведичьему искусству управляться с топо-

ром; в ее новогоднем посещении семьи, наконец, в отчаянном ее замужестве «из-за коровы».

Да и не одна Лиза, — я начал с нее, потому что она — истинное открытие художника и человеческое обаяние этого образа просто не с чем сравнивать в нашей сегодняшней литературе. Но я не хочу сказать, что другие образы написаны слабее — «мать» (лучше все-таки в именительном падеже — мать), ребята-близнецы, председательница Анфиса Петровна, «поп» Мошкин, жуликоватый и «прожиточный», но и симпатичный, вопреки, может быть, намерениям автора, Егорша, — не буду всех перечислять, — не статью пишу, — даже на редкость сильно показан первый секретарь райкома, на долю которого в литературе обычно выпадает роль «бога из машины». Замечательно, что этот фанатик «выполнения плана», страшный тем, что он не откуда-нибудь извне, а здешний, знающий труд земляков, «бессердечный бурмистр, окаменевший в инертных понятиях, всецело зависящий от указаний», при ближайшем рассмотрении тоже человек.

Словом, в книге есть то, что делает книгу явлением — образы людей, явившиеся в ней во плоти, которых не спутаешь с образами других книг...

О письме главреда «Нового мира» Абрамов узнает из телеграммы Людмилы, а прочитает его лишь в начале сентября по возвращении из Верколы.

«Я потерял сон, — запишет в своем дневнике Абрамов. — Ночью проснусь и вспоминаю: а меня ведь Твардовский похвалил. И все-таки я проявил твердость — не полетел сломя голову в Ленинград. Нет, я остался в Верколе... А письмо Твардовского хотелось прочитать — нечего скрывать. Очень хотелось, особенно, когда Люся сообщила содержание его по телефону. Я слушал-слушал ее и едва со стула не упал: не ожидал, не ожидал таких похвал от Твардовского. Ведь это же надо: такой книги еще не читал...»

Заседание редакции «Нового мира» по вопросу публикации абрамовских «Двух зим...» состоялось 28 сентября 1967 года.

Для Абрамова, приглашенного тогда на заседание, мнение главреда о романе уже было известно. Но что скажут Дорош, Хитров, Марьямов, Айтматов и другие? Не станут ли они убеждать Твардовского в обратном? Или вновь вернут рукопись на доработку? А вдруг на заседание придет Федин, также состоявший в редсовете?

Наверное, Абрамов был готов к любому повороту событий вокруг романа, даже самому худшему, остро чувствуя напряженную атмосферу вокруг журнала, нагнетаемую недоброжелателями.

Время сохранило нам объемистую папку с материалами того значимого для Федора Абрамова сентябрьского заседания новомирцев, решивших во главе с Твардовским судьбу его «Двух зим...»

В конечном итоге за публикацию романа тогда проголосовали без исключения все члены редсовета. Конечно, были определенные рабочие замечания по тексту, которые надлежало автору устранить в кратчайшие сроки, но тем не менее «Две зимы и три лета» выходили на финишную прямую после долгого нелегкого марафона на пути к читателю.

Спустя три недели после редакционного заседания, 17 октября, на стол Твардовского легли рецензии всех членов редсовета, принимавших участие в разборе нового абрамовского романа. Каждый из рецензентов, определяя плюсы и минусы произведения, по-своему видел новое абрамовское детище. Кто-то был краток и искренен в суждении о романе и, не развозя свои мысли на множестве страниц, довольствовался всего лишь одним листком, а для кого-то нужен был масштаб рецензии, в глубине которой, как в лабиринте, можно было сокрыть свою главную мысль. Не исключено,

что написанию таких развернутых рецензий способствовали и непростая ситуация вокруг «Нового мира», и в какой-то мере нажим Твардовского, очень желавшего опубликовать роман в журнале, который в конце 60-х годов мог вполне прекратить свое существование.

Осторожность ряда рецензентов, не пожелавших ярко подчеркнуть жизненную правоту автора в романе, а порой решивших и вовсе поставить под сомнение истинность реализма «Двух зим...» (!), была не чем иным, как актом самосохранения, возможностью хоть как-то вывести себя из-под удара, который неминуемо должен был наступить «Новый мир» после публикации романа.

Твардовский, желавший как можно скорее поставить точку в редакторской борьбе за судьбу романа, не мог не предвидеть всего того, что действительно могло и наверняка ожидало «Новый мир» после того, как он вновь впустит на свои страницы Федора Абрамова.

И вот они, рецензии, которые долгие годы как память о той битве за роман бережно хранились в абрамовском архиве в особой папке, где рукой самого Федора Александровича было написано: «Обсуждение романа „Две зимы и три лета“ на редколлегии „Нового мира“ 27/IX». Нет смысла цитировать их все, достаточно привести лишь несколько разноплановых, чтобы представить всю палитру тех страстей, что тогда кипели вокруг романа в «Новом мире».

Ефим Дорош: «Роман Федора Абрамова я читал с интересом и волнением, хотя многие страницы его далеки от совершенства, многое еще сыро, недоделано, а кое-что, вероятно, так и останется приблизительной колхозной литературой, не станет истинной реалистической прозой, так как в основании лежит сочинение, а не жизнь. Однако правдивость и искренность этого произведения столь велики, что недостатки его, при всем том, что они вызывают досаду, не могут помешать читать роман, повторяю, со все возрастающим интересом, испытывать волнение, боль, радость, — то есть все то, что вызывает у нас истинное искусство.

На мой взгляд, открытием Абрамова следует считать характер Михаила, этого молодого, из самой жизни выхваченного мужичка современной формации; да и вся семья Пряслиных очень хороша, особенно же Лизка, сестренка Михаила, прелестная, тоже не сочиненная девчонка послевоенных деревенских лет, изображенная такой, какая она есть, без прикрас, в развитии, в росте, с ее, на мой взгляд, трагической судьбой в конце книги. Отличен и Егорша, тоже до сих пор никем не увиденный в деревне, а если кто и видел его, то, не разобравшись, приукрасив, рисовал этого своеобразного колхозно-районного Растиньяка неким передовиком, человеком новой формации и так далее, как это сделал автор очерка о Егорше, журналист районной газеты.

В сущности, семья Пряслиных и семья Егорши — это и есть весь роман, или повесть, или хроника, мне, да и читателю, безразлично. Однако Абрамов, можно предположить, считал, что произведению недостает таких черт и подробностей, какие необходимы, чтобы оно было настоящим колхозным романом, и он внес в него то, что, на мой взгляд, только портит его и, в силу своей сочиненности, улучшению не поддается или почти не поддается, разве что путем изыятий и сокращений...»

Юрий Буртин: «Роман удачен, и его надо печатать. Что, на мой взгляд, могло бы усилить книгу?

1. Более отчетливо и полно следовало бы прорисовать характеры основных персонажей: Михаил, Анфиса, Илья Нетесов, Петр Житов...

2. Хорошо бы также сделать более густой, более осязаемой бытовую атмосферу деревни, уклад ее жизни, строй взаимоотношений односельчан и т. д.

3. ...Сюжетный драматизм мог быть с пользой для книги несколько ослаблен. Сейчас большая часть книги представляет собой нагнетание трагических событий, иные из которых (арест Мошкина, смерть Тимофея и Трофима, болезнь Вали Нетесовой, несчастье с коровой у Пряслиных и др.) носят более или менее случайный характер, и такое нагнетание может вызвать упрёк в искусственности.

4. Есть в книге персонажи не слишком обязательные (таков, к примеру, Лукашин, а также председатель колхоза, сменивший Анфису). Их лучше вовсе исключить».

Довольно цельная, по существу, не раздутая по мелочам оценка романа А. Марьямова.

«Во второй раз (после авторской переработки), — сообщил Марьямов, — прочитал „Две зимы и три лета“ Ф. Абрамова.

При всем обилии художественного ряда претензий, какие возникали при прочтении весьма еще сырой рукописи в прошлом году, — книга мне уже и тогда показалась весьма значительной. Еще лучшее впечатление она оставляет теперь, когда автор работал над ней много и мужественно, пойдя на многие и очень полезные сокращения.

Абсолютно готовых и доведенных до полного совершенства рукописей не бывает. Конечно, можно бы и теперь отыскать немало мест, которые автор мог бы еще улучшить. Порой публицист одолевает художника и предложенные им готовые, разжеванные выводы вытесняют картину естественно развивающихся событий, которая должна была бы сама привести читателя к тем же выводам, делая их тем самым более убедительными и глубокими. Однако, портреты обитателей „пряслинского дома“, характер Варвары Иняхиной, весь рассказ о послевоенной жизни северного села написаны с такой достоверностью, с какой до сих пор это удалось лишь Белову (имеется в виду повесть В. Белова „Привычное дело“, публикация которой прошла в журнале „Север“ и рецензия на которую вскоре была опубликована в „Новом мире“. — О. Т.). И я думаю, что из рукописей, прошедших через нашу редакцию в нынешнем году, роман Абрамова — после Залыгина — является самым значительным.

Не стану здесь говорить о том, что может (и должно) быть сделано при совместной работе автора с редактором. Думаю, что весь объем этой работы требует не более, чем недельный срок.

Сомнений же в необходимости довести эту рукопись до публикации в „Нов. мире“ у меня нет никаких. Она может стать достойным открытием нашего отдела прозы в наступающем году».

Борис Рахманов, отзыв которого заслуживает особого внимания, не участвовал в обсуждении романа 28 сентября, его рецензия как критика была внешним прочтением романа и подготовлена по просьбе Твардовского. «Новый роман Федора Абрамова имеет то счастливое свойство, отличающее далеко не всякое талантливое и правдивое произведение, что, перевернув последнюю страницу, как-то с трудом себе представляешь, что вчера еще этого не читал, а два года назад такого романа вообще не было! Говоря это, я не хочу причислять Абрамова к сонму классиков, отнюдь нет: роман не ровный. Есть в нем страницы и слабые, и лишние. Но, тем не менее, отчетливо видишь: все написанное рвалось из сердца, автору кровно дорога судьба его героев, судьба северной русской деревни, он не мог о ней не написать...

Парадокс заключается в том, что Михаил Пряслин несет на себе черты той заданности, которая могла сделать его лишь механическим выразителем авторских чувств

и мыслей. Да, Михаил написан именно так, программно — все же он самый живой в этом живом романе. Как это вышло — не берусь угадать. Либо у автора имелся в действительности надежный, очень надежный прототип Михаила (Рахманов как в воду глядел! — О. Т.), либо авторское желание создать образ такого парня было настолько страстным, что оно сообщило искусству необходимую силу. Пожалуй, скорее последнее...

Антипод Михаила — Пашка Ставров, первый парень не только на деревне, но всюду, где бы он ни был, чем бы не занялся (Рахманов, вероятнее всего, ошибся, переименовав Егоршу в Пашку, но и нельзя исключать, что Абрамов первоначально хотел дать именно такое имя Суханову-Ставрову и Рахманов давал рецензию на несколько иной вариант романа, однако это лишь предположение, еще одна загадка „Двух зим...“ — О. Т.). Возможно, что он способнее и умнее Михаила, возможно, что просто хитрее, смеклистее, — во всяком случае, находчивость, предприимчивость, самонадеянность органичны для этой одаренной натуры, это все выражения своеобразного динамизма этого деятельного характера. У Пашки несомненно есть обаяние, недаром с его неприятными свойствами, а их у него тоже немало, долго мирится Михаил, натура нравственная и глубокая. Прежде чем окончательно осознать враждебность своим взглядам, принципам, убеждениям, — Пашкиной беспринципности, цинизма, нахальства, он дорожит дружбой с ним, и лишь неожиданное сватовство Пашки к любимой сестре Михаила приводит Мишку в ярость, а затем в отчаяние.

Финал романа Ф. Абрамова — свадьба Лизы и Павла — как раз пример того, как герои романа обрели независимость от добрых желаний автора...

Именно так, внешне как будто традиционно, а на самом деле свежо и по-новому, построено большинство событий романа. Взять хотя бы снятие с поста председательницы колхоза Анфисы Мининой... А сложное переплетение судеб — Михаила, Варвары, Анфисы, Григория — сколько в этом житейских превратностей. Я не вижу здесь авторского произвола, я вижу лишь произвол жизни, которым явно наслаждается автор, а вместе с ним и мы. Автор не допускает нас в душу Варвары, когда она так внезапно предпочитает восемнадцатилетнему Михаилу, с которым так увлеченно крутила любовь, пожилого Григория, отвергнутого Анфисой...

Гибель коровы в какой-то мере способствует роковому замужеству Лизы. Так один материальный факт послужил причиной возникновения целого сложного комплекса, дал развернуться клубку человеческих отношений и переживаний, и в этом опять проявляется художественное мастерство Абрамова и знание им крестьянской жизни.

Я оборвал список персонажей на Пашке Ставрове. Если список продолжить, то надо сказать, что Анфиса и Варвара, крутой секретарь райкома Подрезов и „старый райкомовский коняга“ инструктор Ганичев написаны тоже отлично — что ни человек, то характер. Это же можно сказать и о жене Ильи Нетесова Марии, слабее мне показался сам Нетесов, чуть ли не единственный партиец в деревне. Несколько дежурным ничтожеством, знакомым нам и по жизни, выглядит Першин, на год сменивший Анфису у колхозного кормила...

Правда, гораздо обиднее, что не ярок, не выразителен, не ожил в романе Лукашин, пришедший на место Першина и женившийся на Анфисе. Он вызывает наши симпатии, наше сочувствие...

Сложная фигура Евсея Мошкина как пришла в роман, так и ушла под таинственным флером. Человек он несомненно работающий и добрый, но излишняя „святость“ придает ему некоторую елейность и сладостность...

Но вернусь к центральной фигуре романа... Михаила Пряслина мы застаем в начале романа восемнадцатилетним и расстаемся в конце — с двадцатилетним...

Вот уж кого не упрекнешь в святости... Михаил порывист, прямолинеен, груб, нередко несправедлив и пристрастен. Жизнь словно нарочито ставит перед ним испыта-

ния и преграды. Преодолевая их Михаил закаляет свой дух, свое мужество и мы вместе с ним глубоко и сильно переживаем его немногие срывы, после которых он становится лишь прямее, честнее, — он никогда не прощает себе своих ошибок.

Любопытно, что я еще не успел полюбить семью Пряслиных, а уже где-то на 17-й странице отметил для себя: „Трудная у них жизнь, а все равно вкусно про нее написано. Все освещено дружбой в этой семье; и при этом никакого сусала“...

Вот почему считаю уместным отметить несколько переживов и переборов. Не слишком ли высветлены двойняшки, братья Михаила? Они уже такие праведные. Словно с картины Нестерова! Наверное, автор сам чувствует, поэтому и противопоставил им третьего брата, звереныша и ворюгу Федьку.

Существеннее другое. Это рассуждения Михаила (и вместе с ним автора) о чирьях, появляющихся у него тогда, когда он занимается не крестьянской работой. От крестьянской работы чирьи моментально исчезают... Вся штука в том, что это написано без юмора, патетично...

Показался мне мелодраматичным эпизод: Михаил везет тело умершего в больнице Тимофея через полую воду... Стоит ли вводить Мишку в гамлетизм или что-нибудь в этом роде?

В приезде Лизы домой под Новый год маловато деталей, поэтому эпизод выглядит несколько подстроенным и чувствительным...

Не рановато ли появились «портфельщики» в коммуне 30-х годов? „Портфельщики“ ли ее съели? Не проявляется ли здесь похода, и не очень оправданно в данном случае, раздражение вообще на городских людей в деревне?..

Рецензия затянулась, кончаю, хотя предстоящая редакция романа потребует, возможно, более подробного анализа всех его компонентов, и не потому что он слаб, а потому, что силен и, будучи издан, обязательно привлечет самое пристальное внимание критики и читателей. Талантливая, серьезная и горячая книга».

Добавим, что из всех рецензентов лишь один Рахманов попал в точку, усмотрев в образе Егорши положительного героя «новой формации», созданного автором в противовес колхознику Мишке Пряслину. Образ Егорши Суханова-Ставрова, одного из главных героев «Двух зим...» и последующих двух романов тетралогии, обозначенный в «Братьях и сестрах» лишь легким штрихом в 14-й главе (в доме Ставровых «раньше хоть Егорша голос подавал...»), собирательный. В Егорше Абрамов хотел показать не только человека, умеющего следовать духу времени, искать не только выгоду в жизни, но и человека, умеющего правильно жить, умело распоряжаться собой и своим трудом, что в колхозной коммуне было просто невозможно.

Абрамов, уже хорошо расписав образ Мишки Пряслина в «Братьях и сестрах», осторожно вводит в свое повествование Егоршу, вначале не как антипода и уж никак не плохого персонажа, а просто иного, по сравнению с Мишкой, имеющего свои взгляды на жизнь. Егоршу не понимают колхозники, видя в нем приспособленца. Да и совести у Егорши не меньше, чем у Мишки, только выплескивается она наружу несколько иначе. Уже в 3-й главе говорится о том, что Егорша, пребывая вместе с Михаилом на лесорубных работах, зная о многодетной пряслинской семье, уступил ему свои «промтоварные талоны» для синей байки на штаны Петьке и Гришке. С 4-й главы Егорша — полноправный участник пекашинской саги. «Был Егорша невысок, худошав и гибок, как кошка. Смала Егорша очень походил на робкую, застенчивую девчущку. Бывало, взрослые начнут зубанить — жаром нальются уши, вот-вот, думаешь, огонь перебросятся на волосы — мягкие, трепаные, как ворох ячменной соломы. Но за три года житья в лесу Егорша образовался. Стыда никакого — сам первый похабник стал. Глаз синый в щелку, голову набок, и лучше с ним не связывайся — кого угодно в краску вгонит.

К деду Егорша переехал в сорок втором году, после того как мать задавило деревом на лесозаготовках». Дед было завел «разговор о перемене фамилии, но Егорша заупрямился. Тем не менее, в Пекашино все и в глаза, и за глаза называли его Ставровым. И тогда Егорша схитрил: к отцовской фамилии Суханов стал приписывать фамилию деда.

— Со мной, брат, не шути, — говорил он, довольный своей выдумкой. — У меня, как у барона, двойная фамилия».

Так и пошло: Суханов-Ставров. По-особенному, не как у всех, словно Абрамов уже и этим хотел подчеркнуть неординарность личности своего героя. Егорша — не отрицательный герой, он просто иной, и в этом его притягательность.

Егорша Суханов-Ставров, наделенный Абрамовым особым экономическим мышлением, которое не свойственно никакому-либо другому герою «Двух зим...», родился, и в этом нет ни малейшего сомнения, на фоне повести «Вокруг да около», вобрав в себя многое из того, о чем думал автор, разрабатывая тему справедливого отношения к труженикам села.

Весьма содержательной была и внешняя рецензия сотрудника Пушкинского Дома, доктора филологии Петра Созонтовича Выходцева, ко всему тому возглавлявшего кафедру советской литературы Ленинградского госуниверситета, которой в свое время заведовал и сам Абрамов:

«Прямо скажу: в романе почти нет светлых, радостных картин и судеб... Автор стремится показать не только трудности и недостатки, но и понять ту духовную и физическую силу людей, которая позволяет им переносить эти трудности и невзгоды, надеяться на их преодоление...

Федор Абрамов утверждает мысль о социально-нравственной основе наших людей, умеющих сохранять в самые трудные времена чуткое человеческое сердце, чувство взаимопомощи, моральный облик труженика».

После небольших замечаний по поводу «художественной емкости, масштабности... и рыхлости сюжета» Выходцев указывает, что одним из главных достоинств романа есть «этнографическая среда», в связи с чем «форма, манера изложения вполне отвечает авторскому замыслу и материалу». «Роман Ф. Абрамова „Две зимы и три лета“, — подытоживает автор рецензии, — считаю интересным и значительным произведением о нашей деревне и рекомендую его к печати».

Абрамов принял предложение редсовета еще раз проработать роман, но уже в очень сжатые, короткие сроки.

И вот он, итог многочасового заседания, звучащий как приговор, — протокол с постановлением, подписанный ответственным секретарем редакции М. Хитровым и заверенный новомирской печатью: «Рукопись одобрить. Поручить редакторскую работу Дорошу Е. Я. Запланировать публикацию романа на 1–3 номера 1968 года».

Уже после заседания за успех разрешенного вопроса с романом «Абрамова на коротке, но все же sprysнули в кофейной на Петровке», — запишет Твардовский в своем дневнике спустя два дня после случившегося.

В Ленинград Федор Абрамов вернулся с рукописью, на которой были пометки, сделанные рукой Твардовского. Предстояло еще некоторое время напряженной работы по вымарыванию из романа всего того, на что указали главред и члены редакции. Отстаивать эти моменты было бессмысленно. В противном случае публикации не видать! А резать по живому у Абрамова уже не было сил.

3 октября 1967 года, после возвращения из Москвы, в абрамовском дневнике появится такая запись: «Роман мой в „Новом мире“ одобрили. Но я не верю, что его пропустит цензура. И у А. Т. на этот счет тоже нет настроения. Кто-то из членов редколлегии сказал, что главу о займе зарежут.

— Эх, если бы только главу! Там все нецензурное, — сказал Твардовский. — Взять хотя бы этого Мошкина. Где Вы видели, чтобы положительно изображали сектанта.

Да, надо бы радоваться. Ни кто-нибудь, Твардовский вознес тебя до небес. И что, какую цену имеет по сравнению с ним вся наша критика?»

13 ноября срочная телеграмма из «Нового мира» от Дороша: «Прошу срочно приехать для работы захватите первый экземпляр правкой Твардовского = Дорош».

На следующий день Абрамов вылетел в Москву.

Командировка в Москву затянулась больше чем на две недели. Отбывая в столицу, Абрамов еще не знал, что все эти 16 дней он будет вместе с Дорошем при посредничестве Твардовского «чистить» роман, практически перетряхивая целые главы, меняя текст и даже его концовку. Конечно, будет и немного времени на отдых. И в один и ноябрьских дней Абрамов в сопровождении Дороша первый раз в своей жизни побывает в подмосковном Сергиевом Посаде, тогдашнем Загорске, в знаменитой Троице-Сергиевой лавре. Будут короткие прогулки по Москве, по Замоскворечью. И почти каждое утро Абрамова, идущего в «Новый мир» как на работу, будет встречать бронзовый опекушинский Пушкин. «Боже, какая красота и духовная мощь! — восторженно запишет Абрамов о памятнике. — И печаль, и мудрость, и т. д. Ничего, ничего подобного не знаю в скульптуре. Это Пушкин. Таким я понимаю Пушкина».

За год из «Двух зим...» в общей сложности пришлось удалить почти 40 % текста из всего того объема, что был изначально предложен к публикации «Новому миру».

На возмущение Абрамова о столь сильных сокращениях в романе, высказанное в очередной приезд в редакцию, Твардовский ответил писателю: «Получайте скорее свои 60%! Немедленно, пока не прикрыли эту лавочку».

Твардовский в связи с выходом романа явно нервничал.

С 20 ноября Абрамов, сдав рукопись Дорошу, больше к тексту не прикоснулся. Именно эта дата авторского окончания работы над романом и будет указана в новоявленной публикации «Двух зим...».

1 декабря Федор Александрович запишет в своем дневнике: «Лакшин и Кондратович меня изумили — вырубил все самые острые места (биография Е. Мошкина, заем, причины падения коммуны). В общем, и в „Новом мире“ цензура».

«Благодаря» работе новоявленной цензуры в романе появился довесок — «Вместо эпилога» вовсе не уместный, меняющий ход авторской мысли и по-своему, по-оптимистически завершающий роман. А самое главное, вопреки желанию автора, увязав его имя с Пекашино-Верколой.

В эпилоге, вдруг ни с того ни с сего сам автор становится «героем» романа — пекашинцем и в письме к другу, зазывая его в Пекашино, с гордостью сообщает: «Это ты когда-то, прочитав моих „Братьев и сестер“, поддал мне мысль рассказать про жизнь Пряслиных после войны.

И вот эта книга. Правда, книга намекает всего лишь про две зимы и три лета их послевоенного бытия, и я уже как бы слышу твои нетерпеливые вопросы: а что же дальше? Как сложилась судьба Михаила, Лизы и их младших братьев и сестренки в последующие годы? И вообще — что стало с Пекашиным?

Наберись терпения, дружище. Я хотел бы написать еще не одну книгу о северной деревне, о моем Пекашине...

Ну, а если все же тебе неохота ждать, почему бы тебе самому — сейчас — не съездить на Пинегу? Ведь Пинега не выдуманная земля. Она моя родина. И стоит тебе только добраться до Архангельска, как оттуда рукой подать до районного центра — пятьдесят минут самолетом, а там автобусом, на попутной машине. Через сосновые леса, по заливным лугам, вдоль красавицы-реки с чистой и светлой водой, в которой нет-нет да и взиграет царь-рыба — семга.

Да, перемены на Пинежье большие, и на них стоит посмотреть. Деревня отстроилась. Новые дома. С электричеством, радио, с мебелью (Абрамов словно подтверждал когда-то сообщенное ему веркольцами в „Открытом письме землякам“. — О. Т.). И у Михаила Пряслина, как и у многих пекашинцев, тоже новый дом...»

Эпилог, словно разномастная заплата на однотонной материи, был более чем не к месту, и читатели не могли этого не заметить.

Л. Рахманов в своей статье «Труды и дни семьи Пряслиных», опубликованной в 6-м номере журнала «Москва», так отозвался об эпилоге: «Не стоило Абрамову писать послесловие к своей страстной, горячей книге. Это „Вместо эпилога“ живо напомнило мне последние кадры великолепного фильма „Председатель“, заметно подпорченного таким казенно-оптимистическим сверхфиналом...

Талантливый, правдивый роман в этом не нуждается».

И Абрамову, смирившемуся с этой редакторской «нагрузкой», на этот счет не единожды приходилось оправдываться.

Так, 27 мая 1968 года в письме в Минск писателю и поэту-песеннику Михаилу Ароновичу Гольдману, больше известному под литературным псевдонимом как Михаил Ясень, автору популярных на всю страну песен «Письмо из 45-го», «Майский вальс», «Память сердца» и многих других, Абрамов писал:

Уважаемый Михаил Аронович!

Получил Ваше любезное письмо, в котором Вы так трогательно, так взволнованно отзываетесь о моем романе.

Спасибо! Новую книгу постараюсь написать лучше.

А за эпилог не ругайте. Во-первых, мы, писатели, не всегда столь свободны в своих действиях, как того бы хотелось, а во-вторых, я все же думаю, эпилог полезен. Полезен хотя бы тем, что я в нем объяснился со своими земляками, которых, увы, иногда науськивают на писания.

Я, например, испытал это на себе.

В 1963 году у меня в журнале «Нева» был напечатан очерк-повесть «Вокруг да около» и меня на страницах центральной печати разделили как клеветника и очернителя руками земляков.

Вот так, дорогой Михаил Аронович.

Так что эпилог, я все же думаю, не лишен.

Желаю Вам всего хорошего.

С приветом — Федор Абрамов.

И вот что поразительно, даже в этом, казалось бы, безобидном эпилоге, который, по сути, был навязан Абрамову для «смягчения» текста и от которого должна была быть только одна польза, желающие осудить «Две зимы...», как ни парадоксально, усматривали то, что его наличие «только подчеркнуло силу, с которой писатель придавил героев своего романа исключительными обстоятельствами жизни» (А. Шеляпин. «Серые будни Пекашино»).

Можно только представить, что чувствовал Федор Александрович, читая об эпилоге такие «откровения» критиков, не знающих его истинного происхождения и не желающих зреть в корень относительно его рождения.

Впоследствии эпилог был убран Абрамовым из текста. Таким образом, он просуществовал лишь в новомирском издании «Двух зим...».

Когда публикация романа была окончательно одобрена и в таком урезанном виде, Абрамов все равно не верил в положительный исход дела. Непростая ситуация вокруг «Нового мира», Твардовского, да и его самого заставляла Федора Александровича думать о худшем.

4 января 1968 года, вычитав последние листы присланных гранок романа, Абрамов с нескрываемым волнением за судьбу «Двух зим...» запишет в дневнике: «Сегодня прочитал и отправил верстку романа... Две недели, только две недели отделяют от счастья и несчастья».

Тревога за то, что публикацию романа в конечном итоге все же прикроет цензура, была велика, потому что даже редакция «Нового мира» не могла дать Абрамову полную гарантию того, что роман «не зарежут».

Публикация первых глав в январском номере «Нового мира», который пришел к читателям с явным запозданием, еще больше усилила беспокойство Абрамова за судьбу романа. Тишина со стороны критики, молчание в писательской среде, словно затишье перед грядущей бурей, наводили на грустные мысли.

С 1-го по 5 марта Абрамов участвует в творческой дискуссии на тему «Пути развития советского военного романа», организованной секретариатом правления СП РСФСР и Ленинградской писательской организацией в комаровском Доме творчества. Говорили о многом, но о новом романе Абрамова, что начал печатать «Новый мир», ни Даниил Гранин (к этому моменту уже председатель правления Ленинградской писательской организации), ни участники конференции не проронили ни слова.

Невдолге после конференции, не дождавшись выхода второго номера «Нового мира», Федор Абрамов уезжает на Пинегу. Нетерпение узнать о том, как восприняли роман на родине, сделало свое дело.

«Роман веркольцам читать не давал, — напишет Абрамов в письме Людмиле 19 марта, — а в Карпогорах уже читают. Нравится. Впрочем, если дадут команду, они могут и изменить свое мнение» (Л. Крутикова. «Момент истины»).

Мартовский номер «Нового мира», сданный в набор в конце января, вышел в свет с большим запозданием лишь в середине апреля, заставив Абрамова крепко понервничать. Но теперь все тревоги позади: «3-й номер „Нового мира“ в руках! И так, творческая история романа вступила в свою завершающую фазу. Пресса и — главное — указующий жест сверху».

И вот она, первая недобрая весточка, заставившая задуматься о грядущей буре: «Пинежская правда», дав в нескольких апрельских номерах главы романа, вдруг прекратила их публикацию.

22 мая в 22-м (надо же как совпали цифры!) номере журнала «Огонек» была опубликована статья П. Строкова «Земля и люди», подвергшая разгромной критике роман «Две зимы и три лета».

Аналитическая статья, которая, вероятнее всего, должна была стать своеобразной затравкой для нового бичевания Абрамова (и не только его!), была написана в самых лучших традициях жанра советской критики и представляла собой пространственный ответ на вопрос «из народа».

Вот только от лица народа тут выступил первый секретарь Верховского райкома КПСС Орловской области А. Блынский, который, обратившись в редакцию «Огонька»

с письмом, вначале посетовал на то, что «многие литераторы, пишущие о деревне, почему-то основное внимание уделяют только изображению послевоенных трудностей» и показывают деревню «вне связи с большими событиями, происходящими в стране и мире», а затем попросил редакцию растолковать: «таков ли нынешний сельский житель, каким он выглядит, например, в последних сочинениях В. Тендрякова, В. Белова, Б. Можяева, Ф. Абрамова, В. Лихоносова», и «какова перспектива развития нашей литературы на темы жизни и быта советской деревни». При всем этом Блынский подчеркнул, что «многие герои так называемой „деревенской прозы“ выглядят какими-то чудаками, юродивыми, людьми не от мира сего». Ну и П. Строков, критик, а в прошлом армейский политработник, доходчиво разъяснил первому секретарю райкома.

Досталось всем: и можяевской повести «Из жизни Федора Кузькина», и тендряковской «Кончине», но больше всего автор статьи прошелся по абрамовским «Двум зимам...» — роману посвящена вся центральная часть публикации.

Строков, определив в романе «Две зимы и три лета» идеологический просчет автора в том, что тот «пытается делать какие-то обобщения на основе жизни и быта колхоза, находившегося в очень специфических условиях», при этом нагнетая в романе «одну драматическую картину за другой», усмотрел стойкое нежелание Абрамова писать правду о настоящей деревне, что нарушает принцип социалистического реализма.

Не прошло и месяца, как следом за статьей «Земля и люди» вышла новая статья Строкова «Просчет или заданность?» в газете «Литературная Россия» от 7 июня, теперь уже как противовес в полемике с критиком Александром Михайловым, чья статья «Пролог к новой жизни» была опубликована в этом же номере многотиражки. При чем редакция «Литературной России» не осталась в стороне и дала свой собственный весьма обширный комментарий к полемике двух критиков, определив «Две зимы...» как «талантливый роман Федора Абрамова», но при этом явно поддержав позицию Строкова.

Михайлов, отмечая в статье тесную связь «Двух зим...» с первым абрамовским романом, анализируя жизнь Пекашино после войны, пишет, что «роману Абрамова свидетельские показания не нужны, он искренен и правдив внутри себя, хотя локальная замкнутость действия в деревне Пекашино и ограничивает несколько масштаб повествования».

Строков же, в целом подтверждая слова своего оппонента, выводит несколько иную позицию по этому вопросу: «В общем, Ф. Абрамов умеет зорко видеть и живописать то, что входит в поле его зрения, но, к сожалению, само поле зрения довольно ограничено. И дело, конечно, не в том, что оно не простирается за околицу одной из северных деревень с ее своеобразными условиями, а в том, что не только герои романа, но и сам автор не всегда возвышаются до глубинного понимания причин тех трудностей, которые переживала деревня в первые послевоенные годы».

«Подлая статья, просто политический донос... Впрочем, надо отдать Строкову справедливость: он не такой идиот, как я думал. Во всяком случае, он сказал о моем романе глубже, чем все хвалебщики. Да, Строков понял то, что я, как говорится, протаскивал ползком на брюхе», — отметит Абрамов в своем дневнике 8 июня 1968 года. А уже через пару дней он переступит порог новомирской редакции, держа в руках свою новую повесть «Алька» о непростой судьбе деревенской девушки и ее матери. Впоследствии она будет по-разному воспринята читателями — от острого неприятия до искреннего восхищения, но при всем том она заставляет думать.

Когда через месяц по приглашению Твардовского Абрамов вновь ехал в Москву, он никак не мог предположить, что причиной вызова стала вовсе не «Алька», а то, о чем

он вообще не мог подумать. Но случилось так, что Александр Трифонович сильно приболел, и прибывшему в Москву Абрамову пришлось ехать к главреду «Нового мира» на его дачу в Красную Пахру.

Остановился Абрамов у Трифонова. Юрий Валентинович, узнав о приезде Абрамова, сам пригласил его к себе.

Вообще, Абрамова и Трифонова долгие годы, до самой внезапной кончины Юрия Валентиновича в марте 1981 года, связывали искренние дружественные отношения. Когда у Трифонова в сентябре 1966 года скоропостижно скончалась супруга, Абрамов был одним из первых, кто откликнулся на постигшую писателя беду. Сам же автор знаменитого «Дома на набережной» не единожды гостил у Абрамова в городе на Неве и всегда принимался с радостным гостеприимством.

На второй день со дня приезда Абрамова состоялась его встреча с Твардовским, однако ввиду того, что Твардовский был не в форме, их беседа получилась короткой, но тем не менее оставила глубокий след в душе Федора Александровича.

Речь тогда зашла о Государственной премии.

Для Абрамова решение Твардовского и, разумеется, всей новомирской редакции выставить «Две зимы и три лета» на соискание Государственной премии хоть и было приятным известием, но все же по меньшей степени выглядело авантюрой, заведомо обреченной на провал. Не исключено, что так думал и Александр Трифонович. Но для Твардовского этот шаг был еще и своеобразным жестом неповиновения тем, кто его уже давно гнал из «Нового мира».

Разумеется, что ни в коем случае не стоит сбрасывать со счетов и триумфальное шествие абрамовского романа среди читателей, чьи письма с благодарными откликами заваливали «Новый мир» и самого автора, тем самым еще больше настраивая Твардовского на принятие весьма серьезного решения.

А письма порой были разные. Были и такие, как письмо от 24 июля 1968 года Жманова Я. М., одного из немногих, кто «на удалении» распознал в романном Пекашине пинежскую Верколу: «Читал и радовался за силу и выносливость трудолюбивого народа Севера, удивлялся, что Вы так хорошо сохранили слова и наречия пинежан, когда столько времени не живете в родных местах. Я очень многие слова уже подзабыл, а, прочитав роман, о многом вспомнил. Это же Веркола и их люди, с которыми я работал два года».

И, конечно же, критика и читатели вновь увидели в «Двух зимах...» перекличку с Шолоховым. «„Две зимы и три лета“ — книга о беспощадных годах, великолепное продолжение крупнейших достижений советской прозы, обозначенных именами Бабеля... Сейфулиной и Шолохова, — писала в своей статье „Где-то за Архангельском“ Анна Стронская. — Особенно же близки шолоховские аналогии в связи с проблемой семейной саги: судьбы Пряслиных у Абрамова выполняют ту же функцию в иллюстрации исторических и общественных процессов, которая в „Тихом Доне“ принадлежит мелеховскому клану. Однако в то время как „Тихий Дон“ это роман о гибели, Федор Абрамов довел свое повествование о драматизме крестьянской выносливости до замкнутого 20-м съездом исторического периода».

11 июля 1968 года в возрасте 55 лет в Москве в онкоцентре на Каширке умер Александр Яшин. Присутствовавшая на прощании с поэтом редактор «Мосфильма» Т. Хорева писала Абрамову: «Умер Александр Яковлевич Яшин. Стояла я у его гроба и думала: как мало мы не только делаем, но и говорим друг другу доброго. Вот ушел еще один хороший человек, широкая и щедрая душа...»

Абрамов и Яшин были близки друг другу не только своим творчеством, но и еще тем, что их роднила деревня. В начале 60-х, когда их дружба была очень крепкой, Яшин отозвался о родине Абрамова замечательным стихотворением «Запасаемся светом», пронизанным лирической чистотой и музыкальной напевностью: «Где ветров ералаш / Да суметы по пояс / И, как пригород наш, / За Архангельском — полюс».

Федор Александрович ценил Яшина и как самобытного поэта, и как даровитого прозаика, хотя отношения между ними не всегда были равными и безоблачными, а подчас и вовсе напряженными. «Характер у Яшина, — скажет Абрамов в своем очерке „Семь верст до небес“, — был совсем не идеальный. Да и у меня, прямо скажем, не сахарный. И искры от нас начали сыпаться чуть ли не с первого дня... С ним было не легко — того и гляди, ужалит». Вот и в последние два года между ними пробежала «черная кошка». Не писали друг другу писем, не звонили, а на общих писательских встречах если и виделись, то только для того, чтобы кивнуть друг другу в знак приветствия.

Но когда из письма Александра Михайлова неожиданно узнал, что Яшин безнадежно болен и что даже проведенная третья операция вряд ли исправит ситуацию, то поспешил навестить друга, забыв о прежних распрях. Только вот один ехать не решился. «Страшно было мне, здоровому человеку, вдруг явиться к умирающему другу, пусть и другу в прошлом», — скажет потом Федор Александрович в уже упомянутом очерке.

Так в один из дней своего июльского визита в Москву Абрамов вместе с Михайловым оказался в больнице у Яшина.

Встреча получилась очень тяжелой. «Палата, в которой лежал Яшин, была просторная, вся в солнце, в цветах, и потому особенно тяжело было увидеть его неподвижным, словно распятым на узкой больничной койке, стоявшей посреди палаты. Избегая глядеть на больного... пролепетали какие-то слова приветствия и смущенно присели на краешек табуреток возле дверей. Яшин молчал... Я не помню, как мы прощались с Яшиным. Помню только, что у меня было чувство вины перед ним, чувство вины живого человека перед умирающим, и что мне очень хотелось по русскому обычаю попросить у него прощения».

Это была встреча прощания. Через несколько дней Яшина не стало.

Спустя годы Абрамов напишет о Яшине такие строки: «Сколько в этом человеке было доброты, детской доверчивости, истинного бескорыстия и благородства, русской удали и русского озорства». Что можно к этому добавить?

Но вернемся к «Двум зимам...». Из всех статей (а их было чуть меньше двадцати), опубликованных за пять месяцев, прошедших с момента обнародования «Двух зим...», наиболее значимой, отмеченной Твардовским, была «Живут Пряслины!» Бориса Панкина в «Комсомольской правде» от 14 сентября 1969 года. «...Что касается рецензируемого романа, — говорилось в статье, — здесь все, от главного до мелочей, продиктовано тем суровым временем, которому он посвящен, несет на себе его печать. Тяготы и лишения, выпавшие на долю Пряслиных, всех пекашинцев, не что иное, как частица общенародной ноши, причем их доля еще не самая тяжелая, хотя бы потому, что огненный вал бушевал далеко в стороне. Пекашинцы постоянно ощущают себя в долгу перед страной и не ропщут, принося свои великие жертвы, когда ясно видят их необходимость... Если Абрамов и безжалостен, то не к героям своим, а к нам, читателям, которых он заставляет до конца испытать чашу познания. Но, осушив ее, мы обнаруживаем драгоценный осадок — истинную красоту жизни».

Уже 17 сентября Твардовский, не дозвонившись автору, писал Борису Дмитриевичу из Пахры: «Сразу же ознакомился с Вашей великолепной статьей об Абрамове... Хочу сердечно поблагодарить Вас за доброе, сердечное дело — статью о Пряслиных.

Я так рад за Абрамова, человека — мало сказать талантливому, но честнейшего в своей любви к „истокам“, к людям многострадальной северной деревни, и терпящего всяческие ущемления и недооценку именно в меру этой честности. Авось, теперь его в „Роман-газете“ издадут...»

Но «Роман-газета» упорно не желала печатать роман.

Абрамов по своему простодушию надеялся, что после публикации в «Новом мире» «Двум зимам...» в любом издательстве будет дан зеленый свет. Ошибся!

Его борьба за публикацию романа в «Роман-газете» растянется без малого на два года и будет продолжаться даже после того, как роман в 1969 году выйдет отдельной книгой в «Советском писателе».

Едва получив 3-й номер «Нового мира» с публикацией заключительных глав романа, 24 апреля 1968 года Абрамов пишет письмо завредакцией В. Г. Ильинкову: «Вполне понятно, что мне хотелось бы, чтобы и этот роман — „Две зимы и три лета“ был напечатан в „Роман-газете“. Полагаю, что это будет отвечать и желаниям наших читателей, которые в свое время тепло встретили „Братьев и сестер“. Очень прошу ответить по возможности скорее».

Ответа от Ильинкова не последовало.

10 мая Абрамов вновь отправляет Ильинкову письмо аналогичного содержания, и... вновь тишина.

О молчаливом отказе «Роман-газеты» публиковать «Две зимы...» Абрамов сообщил Твардовскому в один из своих летних приездов в Москву.

Твардовский был возмущен, но в поддержку Абрамова (а ведь мог свободно позвонить Косолапову) не вступился, наверное хорошо понимая безрезультативность такого действия. Но в разговоре Абрамову он скажет: «Все, в том числе я сам, удивляются: как это напечатали? Счастливое стечение обстоятельств. Если бы хоть на десять дней позже, книга не вышла бы... Меня по-прежнему спрашивают: как это произошло? А я и сам не могу понять. Я сам не верил, что это пропустят»³.

И уже в своем дневнике от 16 июля Твардовский отметит: «Отказ Косолапова печатать вещь в „Роман-газете“ („поскольку мнения в критике разошлись“). Боже, разделать бы эту „Роман-газету“, да где, на каких столбцах или страницах, давно уже „НМ“ отказывал себе (и все чаще) в роскоши высказываться по потребностям»⁴.

9 августа 1968 года Федор Абрамов обратился к Георгию Маркову, занимавшему пост секретаря Союза писателей СССР, с жалобой на редакцию издательства «Художественная литература», вычеркнувшую из плана на 1971 год публикацию романа «Две зимы и три лета» в «Роман-газете». Копия жалобы была отправлена директору Гослитиздата «Художественная литература» Косолапову В. А., тому самому, в чьих руках окажется «Новый мир» после вынужденного ухода Твардовского с поста главреда 20 февраля 1970 года.

В жалобе говорилось:

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В 1959 году в «Роман-газете» была напечатана моя книга «Братья и сестры», которая была тепло встречена и нашими читателями, и нашей критикой.

В этом году я опубликовал продолжение «Братьев и сестер» — роман «Две зимы и три лета» /«Новый мир», № 1—3/, который, не буду скромничать, тоже вызвал ог-

³ Дневники Ф. А. Абрамова. Фонд Литературно-мемориального музея Ф. А. Абрамова в Верколе, нвф 227/3.

⁴ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. Т. II. 1967—1970. М., 2009. С. 202—203.

ромный интерес у читателей. Появились и первые положительные отзывы в печати /статья В. Иванова в «Литературной газете», статья А. Михайлова в «Литературной России», статья В. Чалмаева в «Комсомольской правде»/.

И вот, казалось бы, по всем статьям, книгу надо печатать в «Роман-газете».

Однако, В. Ильинков, к которому я обратился с письмом по этому вопросу еще 10 мая, хранит упорное молчание, а А. В. Косолапов, директор Гослитиздата, ответил мне по телефону более чем странно: Ваш роман мы не можем рекомендовать двухмиллионному читателю, так как он, де, вызвал у нашей общественности разно-речивые мнения.

Спрашивается, о какой общественности идет речь? Неужели П. Строчков, автор поносной и вредной статьи в «Огоньке», в которой облыжно разругано все сколько-нибудь стоящее в деревенской литературе, и есть, по мнению т. Косолапова, наша общественность?

Нет, наша общественность именно тот двухмиллионный читатель, о котором так трогательно печется т. Косолапов. И вот именно этот-то двухмиллионный читатель и требует настоятельно, чтобы роман Ф. Абрамова был широко напечатан. Я не буду говорить о многочисленных письмах, которые присылают мне читатели. Но взгляните в библиотеки, в читальни, посмотрите, как читают роман.

Конечно, книга моя не сладенькое чтение на сон грядущий. В нем идет речь о первых послевоенных годах, о том великом подвиге, который совершили наши люди. Не обойдены в книге и трудности. Но неужели надо доказывать, что, умаляя трудности, которые перенес наш народ, мы тем самым и умаляем и подвиг его?

Уважаемый Георгий Мокеевич! Обращаясь с этим письмом, я надеюсь на Вашу помощь. А кроме того, мне хотелось бы, чтобы это письмо стало предметом обсуждения на Секретариате, ибо я полагаю /да простят мне нескромность/, что речь идет не о личной просьбе писателя Абрамова. Речь идет о произведении, на пути которого к читателю кто-то незаслуженно воздвигает барьеры.

И вот ответ из издательства «Художественная литература» от 20 июля 1970 года, спустя больше года с момента первого абрамовского обращения.

Уважаемый Федор Александрович!

Вторично доводим до Вашего сведения, что Ваша книга «Две зимы и три лета» рассмотрена на заседании Редакционного Совета «Роман-газеты» 13 марта 1969 года.

Было принято решение воздержаться от публикации ее в многотиражном массовом издании. Мотивы отказа в свое время были изложены Вам в беседе директором издательства тов. Косолаповым В. А. и лично мною. Поэтому непонятно Ваше обращение с жалобой в секретариат СП СССР, будто бы издательство не поставило Вас в известность о судьбе книги. В. Ильинков.

Лишь спустя годы Федору Абрамову станет известна истинная причина отказа «Роман-газеты» опубликовать «Две зимы...». Не в Ильинкове и не в Косолапове было дело. Единодушно одобренный на общественном совете редакции и даже поставленный в план 1971 года роман не был опубликован в «Роман-газете» благодаря действиям руководителя отдела по работе с издательствами Комитета по печати П. А. Карелина, который тянул и молчаливым отказом не давал согласия ставить роман в номер.

Не только судьба «Двух зим...» в «Роман-газете» разочаровала Абрамова, но и отвергнутая «Новым миром» «Алька» вновь заставила его поволноваться.

Абрамов после удачи с «Двумя зимами...» наверняка ожидал положительного отклика Твардовского на свою новую повесть. То ли сила романа «Двух зим...» по отношению к «Альке» взяла верх, оставив у Твардовского послевкусие слабости повести,

а может быть, и другие обстоятельства внутри редакции или извне (а для «Нового мира» действительно наступали очень непростые времена) заставили отказать Абрамову в ее публикации.

Вот только Твардовский, написав отрицательный отзыв о повести, так и не отправил его Абрамову, переложив это нелегкое дело на плечи отдела прозы. Письмом отвечал М. Хитров:

8 октября 1968 года.

...Я был уверен, что вы уже знаете мнение Александра Трифоновича о повести. Я дал ему ее читать, как только получил от Вас. Он быстро ее прочитал и тут же написал Вам письмо, которое, как теперь выяснилось, пока не отправил, ожидая отзывов членов редколлегии. Прочитали пока не все, но у прочитавших мнение в общем едино: повесть интересна своим материалом, реальностью нынешней жизни, но есть в ней какой-то серьезный просчет общего замысла, идущий очевидно от того, что на сей раз Вы слишком даете волю своему стремлению вершить суд над героями и даже казнить их. Наверное, поэтому и мать, и дочь начинают восприниматься (конечно, против Вашего желания) как однолинейно выписанные персонажи, а то даже и некие злодеи.

В этом сходятся все, в том числе и я. О частностях говорить пока не буду, так как мы решили устроить обсуждение повести, как только она будет нами прочитана. Думаю, что мы сделаем это самое позднее в 20-х числах октября, если Вы сможете в это время приехать.

Обо всем другом писать не буду — лучше поговорить при встрече. Выпускаем седьмую книжку с повестями В. Белова (речь идет о повести Белова «Плотнички рассказы». — О. Т.).

Очень хочется свидеться.

С искренним уважением М. Хитров

Но Абрамов по-прежнему упористо штурмовал «Новый мир».

Уже совсем скоро на редакторский стол Твардовского будет положена законченная в середине 1968 года повесть «Пелагея» и чуть позже «Деревянные кони», рассказы «Материнское сердце», «Из рассказов Олены Даниловны» и автобиографичный «Могилы на крутояре» (в первоначальном варианте «Жизнь и легенда» и «Жизнь в легенде»). И если «Пелагея» опубликуется в журнале еще при Твардовском, то «Деревянные кони», пройдя через редактуру Александра Трифоновича, лягут на новомирские страницы уже после его ухода из журнала.

И все же, несмотря на весьма неприятную ситуацию вокруг журнала в связи с разгорающейся травлей Твардовского, да и всей редакции, Александр Трифонович не отступил от своего решения: «Две зимы и три лета» были выдвинуты на Государственную премию в области литературы за 1969 год.

Вячеслав ВЛАЩЕНКО

«ЗИМНЕЕ УТРО» А. С. ПУШКИНА КАК ЧУДО РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Стихотворение «**Зимнее утро**» было написано Пушкиным **190 лет** тому назад, **3 ноября 1829 года**, в селе Павловском Старицкого уезда Тверской губернии, в имении П. Вульфа¹.

Это одно из самых радостных стихотворений гениального русского поэта, «чудесного явления России» (С. Булгаков), поэта, в художественном слове которого естественно и органично соединяются «детская непосредственность» (В. Непомнящий) и «природная внутренняя свобода» (Г. Федотов), «головокружительный лаконизм» (А. Ахматова) и «неслыханная простота» (Б. Пастернак), удивительная ясность и в то же время «бездна пространства» (Н. Гоголь), таинственная сложность и поразительная смысловая глубина, очевидная для современного читателя-исследователя.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Вячеслав Иванович Влащенко — литературовед, методист. Автор трех книг («Проблема литературной преемственности на уроках внеклассного чтения в старших классах» (Л., 1988), «Уроки литературы в выпускном классе» (в соавторстве с Г. Н. Иониным; СПб., 2009), «Современное прочтение романа М. Ю. Лермонтова „Герой нашего времени“» (СПб., 2014) и более 120 публикаций о русской литературе XIX—XX веков («Московский пушкинист», «Social Sciences», «Вопросы литературы», «Литература в школе», «Русская словесность», «Литература», «Начальная школа» и др. издания). Лауреат премии журнала «Нева» (2018).

¹ 3 ноября, уточняет текстолог Я. Левкович, «Пушкин пишет первые четыре строфы стихотворения <...> а затем через несколько дней вписывает и пятую строфу» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 264).

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И навестим поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

Об этом стихотворении можно сказать словами великого православного мыслителя И. Ильина (1883–1954), размышлявшего об уникальном даре Пушкина: «...эта словесная ткань исключительно легка и гармонична в поэтическом отношении <...> Прекрасна и легка каждая строка и каждая строфа; и каждый образ — «точен» <...> и все пронизано безупречным вкусом и высвечено внутренним огнем <...> все ясно и светло, словно пронизано солнечным лучом...»²

В записях замечательного русского писателя Г. Семенова (1931–1992) мы находим искреннее признание и глубокую благодарность Пушкину, поэту-творцу (слово которого как будто приобрело сакральный характер и наполнилось скрытой силой, позволяющей преображать людей и менять их духовное состояние), и Богу, Творцу необыкновенной красоты земного мира: «...у каждого из нас было это: „Мороз и солнце, день чудесный...“ — было, но не всякий увидел, а стало быть, и не знал, что без этого ничего нет <...> потому что Бог не дал дара чувствовать красоту. <...> Господи! Спасибо за красоту и благодать. Кланяюсь в ножки и благословляю твою прекрасную землю, на которой суждено мне было родиться и жить»³.

В огромной исследовательской литературе о лирике Пушкина можно выделить несколько работ с разбором стихотворения «Зимнее утро».

Ленинградский поэт **Вс. Рождественский** (1895–1977) в своей книге «Читая Пушкина», обращенной прежде всего к широкому читателю и к школьникам, дает развернутый и простой комментарий к осмыслению **художественных особенностей** всех пяти строф стихотворения: искусное использование четырехстопного ямба и чередования женской и мужской рифмы на примере первой строфы, приема противопоставления во второй и третьей строфах, смены зрительных слуховыми образами в четвертой и использование «сложного эпитета» в пятой строфе⁴.

Известный филолог **Н. Шанский** (1922–2005) предлагает **лингвистический комментарий** «Зимнего утра» и объясняет точный, по его мнению, смысл отдельных слов и образов стихотворения: «открой сомкнуты негой взоры», «Аврора», «звезда», «вечор», «мгла», «лежанка», «запречь»⁵.

Крупнейший российский литературовед **Л. Гинзбург** (1902–1990), обращаясь к «Зимнему утру», пишет о «многообразном использовании» Пушкиным разных **художественных стилей**: в первой строфе выражены «батушковские, анакреонтические ценности», во второй — в изображении романтического пейзажа «Батушкова сменяет Жуковский (особенно балладный)», в четвертой — «строится прозаическое пространство с предметными, зримыми атрибутами», использована «фламандщина», в пятой строфе появляется «эмоциональный тон высокой элегии», вызванный «прощанием с любимой осенью», и происходит выход в «завершающую экзистенциальную тему» произведения, «бросившую на него обратный свет»⁶.

По мнению историка литературы **Г. Фридендера** (1915–1995), в этом и других «зимних» стихотворениях («Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы») и фрагментах

² Ильин И. А. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997. С. 223.

³ Семенов Г. Убегающий от печали // Новый мир. 1996. № 9. С. 141, 156.

⁴ Рождественский В. А. Читая Пушкина. Л., 1962. С. 163–166.

⁵ Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990. С. 279–287.

⁶ Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 28–29.

из «Евгения Онегина» Пушкин «вступает в своеобразное **соревнование с Вяземским**», автором стихотворения «Первый снег» (1817), «добиваясь более широкого и разностороннего изображения картин зимней природы и зимней жизни, взятых с разных точек зрения и освещенных жизненным опытом, вкусами и интересами людей разных поколений и неодинакового жизненного опыта»⁷.

Фольклорист из Волгограда **Д. Медриш** (1926–2011), анализируя поэтику стихотворения Пушкина, обнаруживает в нем проявление **фольклорной традиции** на разных уровнях текста: построения фразы («лексические повторы характерны для народно-песенной поэтики»), художественной детали («В русском фольклоре огонь в печи — символ радости...»), композиции и сюжетной ситуации («Все стихотворение „Зимнее утро“ — монолог, точнее — односторонний диалог, столь характерный именно для русской лирической песни <...> завершается стихотворение картиной предполагаемой поездки в одних санях с милой — ситуация, характерная для народной лирической песни, прежде всего — обрядовой») ⁸.

Современный пушкинист **О. Муравьева** полностью разделяет позицию Д. Медриша и подтверждает, что «характер стихотворения во многом определяют лежащие в подтексте фольклорные представления и образы», что «постоянная переключка поэтического текста со свадебной обрядовой лирикой наверняка не является намеренной»⁹.

Но все эти работы, по сути, являются не столько анализом, сколько разнообразным **комментарием** к тексту произведения — лингвистическим, стиховедческим, стилистическим, тематическим. Обращаясь к содержанию стихотворения, исследователи очень просто определяют его главную тему: это «обращение, призыв, приглашение на прогулку по сверкающим, зимним снегам» (Вс. Рождественский); это «непосредственная и безыскусственная зарисовка чувств и мыслей поэта, вызванных красотой и прелестью зимнего утра в деревне» (Н. Шанский); это «стихотворение, в котором особенно ярко выражено праздничное восприятие русской зимы» (О. Муравьева), стихотворение, в котором «мы слышим томление по счастью» (Е. Маймин)¹⁰ или «предчувствие счастья» (Д. Медриш).

В пушкиноведении на сегодняшний день практически нет проблемных статей о духовном, высшем смысле «Зимнего утра», нет его разных интерпретаций. И это связано, видимо, с тем, что очень точно отметил русский философ С. Франк (1877–1950): «Поверхностное отношение к духовному миру Пушкина отчасти определено самой формой его поэзии. Она так законченно прекрасна, что эстетически приковывает к себе, пленяет сознание читателя и — странным образом — отвлекает внимание от глубины и значительности выражаемого ею духовного содержания <...> где есть истинная красота — там всегда есть духовное величие, духовная значительность»¹¹.

Если при чтении «Зимнего утра» мы поднимемся над желанием просто восхищаться «без мысли музыкой стихов, четкостью и красочностью образов» и увидим нравствен-

⁷ Фриденлер Г. М. Поэтический диалог Пушкина с П. А. Вяземским // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. С. 169.

⁸ Медриш Д. Н. Томление по счастью. Фольклорная традиция в пушкинской лирике («Зимнее утро») // Московский пушкинист. Вып. X. М., 2002. С. 56–65.

⁹ Муравьева О. С. Зимнее утро // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Е–К. СПб., 2012. С. 190–191.

¹⁰ Е. Маймин (1921–1997), сравнивая «Зимнее утро» с «Зимней дорогой» (1826), заключает: «И здесь тоже основная тема — тема душевного покоя, тихих радостей жизни. И здесь мы тоже слышим то пушкинское «томление по счастью», о котором писала Анна Ахматова» (Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1982. С. 137). Уточним, что Ахматова писала о том, как в поэзии и прозе «глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью», и о «до сих пор не уловленных комплексах Пушкина: боязни счастья, то есть потери его» (Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 2002. С. 124, 127).

¹¹ Франк С. Л. Светлая печаль // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. СПб., 1998. С. 107.

но-духовную проблему, то решение этой проблемы и позволит нам «видеть эти глубины подо льдом и познавать мудрость Пушкина сквозь ослепительное сверкание его красоты»¹², позволит осмыслить поэтическую идею, сокрытую в глубине художественных образов этого «пейзажного» стихотворения, идею, как и всегда у Пушкина, рождающуюся вместе со стихами в минуты творческого вдохновения, в момент их создания. Как справедливо замечает Н. Гей, и от простого читателя, и от исследователя Пушкина тоже требуется **вдохновение**: «Вхождение в пределы художественного мира немислимо без вдохновения. Без акта вдохновения не проникнуть в реальность онтологической природы искусства, реально ему присущую»¹³.

В конце первой главы «Евгения Онегина» Пушкин дает очень емкое, точное и «по существу строго научное» (Д. Благой) определение поэзии: **«союз волшебных звуков, чувств и дум»**. Стихи Пушкина в вершинных его произведениях и представляют собой гармоническое триединство *«звуков дивных»* («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824), *«сладких звуков»* («Поэт», 1827), *«чувств добрых»* («Памятник», 1936) и глубоких, мудрых *«дум»*: *«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»* («Элегия», 1830).

«Зимнее утро» Пушкина **звучит** и как эмоциональное, взволнованное обращение к *«красавице»* с «приглашением на прогулку» (Вс. Рождественский), и как «радостный гимн красоте зимней природы» (О. Муравьева), и отчасти как «народная лирическая песня» (Д. Медриш), и как **чудесная музыка**, обещающая счастье каждому читателю, музыка, в которой «каждый звук, каждая нота полны жизни и движения»¹⁴.

Чувство радости, ликования, любви поэта к *«красавице»*, которая сравнивается со *«звездой севера»*¹⁵, «поэтическое чувство» (Вл. Соловьев) счастья и гармонии доминирует в этом стихотворении, а источником этой ликующей радости является прежде всего **красота** и зимней природы, и *«друга прелестного»*, *«друга милого»*¹⁶. И усиливается это впечатление самим звучанием стиха, его ритмом, создаваемым четырехстопным ямбом¹⁷, его «подъемной мажорной интонацией» (Д. Благой), звукописью и композицией, его стремительным полетом, приобщающим слово к музыке. С нашей точки зрения, все же не «томление по счастью», как, например, в стихотворениях «На холмах Грузии...» (1829), «Я вас любил...» (1829), «Элегия» (1830)¹⁸, а переживание как будто уже реально осуществившегося **счастья**, реальное воплощение **мечты** о счастье отражено в «Зимнем утре».

¹² Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 2017. С. 11.

¹³ Гей Н. К. «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» (О гении пушкинского вдохновения) // Пушкин в XXI веке. М., 2006. С. 76.

¹⁴ Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 98.

¹⁵ Как считает В. Сомов, этот образ «может означать ровность любовных отношений персонажей, красоту, скромность и постоянство одного лирического персонажа, неизменность чувственного влечения другого» (Сомов В. П. Словарь иносказаний Пушкина. М., 2009. С. 88). По мнению Н. Шанского, «слово звезда (севера) обозначает здесь самую достойную женщину (Петербурга)» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 284).

¹⁶ «Поэтический огонь, рождающийся от встречи с красотой, вскрывает не только то, где лежит источник творческой энергии в человеке, но вводит нас в тайну преображения человека» (Зеньковский В. В., прот. Пушкин // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. М., 1998. С. 339).

¹⁷ «Конечно, не одним только размером определяется музыкальный характер поэтического произведения <...> Но стихотворный размер всегда является первичной основой, той канвой, на которую ложатся все дальнейшие звуковые узоры» (Рождественский Вс. А. Указ. соч. С. 40–41).

¹⁸ Может быть, именно это чувство является одним из главных импульсов творческого вдохновения Пушкина в Болдинскую осень. Ср.: «Пушкин всеми силами души стремился жениться на Наталии Гончаровой, и это стремление, задержанное внешними обстоятельствами, сублимировалось в небывало могучем творческом порыве осени 1830 года» (Баевский В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М., 2011. С. 82).

Уже в первом же стихе — «Мороз и солнце; день чудесный!» — выражена кульминация **радости** от красоты, творческого вдохновения, счастья, свободы, упоения жизнью, чувства гармонии со всем миром и самим собой¹⁹. Это та всеобъемлющая радость, глубинную сущность которой так определил И. Ильин: «...радость есть духовное состояние; она ликует творческим ликованием; она сияет Божьими лучами. И настоящее искусство есть именно такая радость. <...> Оно есть истинное пение из глубины; оно — дитя целомудренного вдохновения; оно есть выношенное в духе видение»²⁰.

А во второй строфе радости зимнего утра неожиданно противопоставлена глубокая **печаль**²¹ вчерашнего вечера, печаль, которая в последующих строфах стихотворения, кажется, очень легко побеждается «радостью бытия»²², одухотворяющей человеческое и поднимающей его к горнему свету.

В стихотворении четырьмя строфами радости противостоит одна строфа печали. Не случайно писатель В. Одоевский (1804—1869) назвал Пушкина «солнцем нашей поэзии», а философ Д. Мережковский (1865—1941) в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1909), сравнивая Пушкина и Лермонтова, дал яркое образное определение: «Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии»²³.

А теперь можно кратко сформулировать основные **проблемные** и как будто «детские» **вопросы** нашего исследования. Какова главная причина печали лирических героев стихотворения? Почему утренняя радость так легко побеждает вечернюю печаль? Кем «красавица» приходится поэту, каков характер их отношений? Есть ли тайна в этом стихотворении?

Возможное объяснение вчерашней **печали** только плохим настроением «красавицы», вызванным всего лишь непогодой, вьюгой, будет слишком уж простым, не раскрывающим ощущаемую многими читателями глубину художественного образа в поэзии Пушкина. Размышляя о традиционном восприятии зимы в русском фольклоре, А. Афанасьев (1826—1871) отмечает, что «опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы — рышущими по полям бесами»²⁴. Вьюга для лирических героев стихотворения — это не просто разбушевавшаяся природная стихия, но и реальная угроза людям со стороны нечистой силы²⁵, о чем Пушкин рассказал в «Бесах» (1830)²⁶. А в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» (1830) речь идет о вла-

¹⁹ «В первой строке — три фразовых ударения, во второй — всего одно, и это делает начальную строку несравненно более «громкой», ритмически энергичной» (Осипов Б. «Зимнее утро»: взгляд лингвиста на стереотипы оценки стихотворного ритма // Пушкинский альманах. Вып. 1. Омск, 1998. С. 84).

²⁰ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М., 1996. С. 53—54.

²¹ Современный исследователь делает аргументированное обобщение: «В поэзии первых трех десятилетий XIX в. изображение зимы подчиняется двум тенденциям: с одной стороны, это время года символизирует увядание, тоску, смерть, с другой — зима сопрягается с любовными переживаниями, чувством радости и восхищения, становясь периодом эмоционального подъема, восторга, творческого вдохновения» (Шохина Е. В. Ситуация поэтического вдохновения в зимней лирике поэтов пушкинской поры // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 106).

²² «Сумеречная линия <...> сквозит в поэзии Пушкина на протяжении всей его жизни. Но линия эта хоть и постоянная, но не сплошная, а пунктирная. С ней живо контрастирует масса произведений <...> с непревзойденной до сих пор силой выражающих то, что называется радостью бытия <...> нет в России поэта, равного Пушкину по силе передачи радости бытия» (Ломинадзе С. Пушкин — поэт обыкновенного человека // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 134, 136).

²³ Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 379.

²⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 38.

²⁵ «Снежный бурян, связываемый с представлениями о нечистой силе, во время свадьбы сулит ссоры, зlobу в будущих семейных отношениях, метель — плохую жизнь молодым» (Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 86).

²⁶ Текстолог В. Сандомирская предположила, что первый набросок «Бесов» «мог быть сделан в краткое пребывание Пушкина в Старицком уезде Тверской губернии (Малинники, Павловское, Берново) в середине октября — начале ноября 1829 г.» (Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—

сти в годы юности над душой поэта двух бесов, которым противопоставлен образ «Величавой Жены» иконы Божьей Матери «Знамение», находящейся в Знаменской церкви в Царском Селе²⁷. По словам В. Лепяхина, «все стихотворение есть покаяние за юношеские измены Жене, Лик Которой был запечатлен на чудотворной иконе»²⁸.

Мотивы вьюги и печали появляются еще раньше и в других «зимних» стихотворениях Пушкина, созданных в 1825–1826 годах, но, в отличие от «Зимнего утра», написанных четырехстопным хореем: «Зимний вечер» («*Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя / <...> Наша ветхая лачужка / И печальна и темна*») и «Зимняя дорога» («*Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна, / На печальные поляны / Льет печально свет она*»).

Поэтому можно говорить о выраженной **печали** в «Зимнем утра» не только «*красавицы*», но и **поэта**. Эта печаль их объединяет и отражает глубину их чувств, родство их душ, гармонию их взаимоотношений и любви. Эта печаль, непосредственно связанная с вьюгой, может иметь разные истоки. С глубокой печалью Пушкин может вспоминать некоторые свои произведения, написанные тогда, когда им владели греховные страсти, когда «бес молодости нередко водил его пером <...> и это скоро стало предметом скорбного раздумья для Пушкина, ложась камнем на его совесть»²⁹: «*Когда на память мне невольно / Придет внушенный ими стих, / Я содрогаюсь, сердцу больно. / Мне стыдно идиолов моих*» («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824).

Печаль поэта может быть вызвана и памятью о бытовой, суетной, «ничтожной жизни», подобной «*хладному сну*»³⁰, о чем мы читаем в стихотворении «Поэт» («*И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он*»), написанном в 1827 году; может быть вызвана и памятью о недавно пережитом **духовном кризисе**, отраженном в таких стихотворениях 1828 года, как «Дар напрасный, дар случайный...», «Анчар», «Воспоминание»³¹:

В бездействии ночном горят во мне
Змеи сердечной угрызенья <...>
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Но в поэзии Пушкина, как пишет С. Франк, «нравственное страдание — муки совести — ведет дальше к радости и успокоению нравственного очищения, духовного катарсиса (тема возрождения, очищения от страстей и заблуждений, духовного преображения)»³².

1833 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. С. 164). Другой исследователь уточняет: «...наиболее вероятная дата — 14–15 октября» (Сурат И. З. Жизнь и лира. О Пушкине: статьи. М., 1995. С. 31).

²⁷ Подробнее см.: Гришунин А. Л. Царскосельская икона Божией Матери «Знамение» и стихотворение «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 4. СПб., 1994. С. 2–14.

²⁸ Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 144.

²⁹ Архим. Константин (Зайцев). Чудо русской истории. М., 2007. С. 349.

³⁰ Позднее, в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы...» (1830), Пушкин использует образ «*мышья беготня*» как метафору обыденной жизни.

³¹ «Пройденный путь осознается как путь греха, начинается поиск новых жизненных начал, и важнейшим среди них оказывается любовь, но любовь, совершенно по-новому понятая» (Сурат И. З. Указ. соч. С. 11).

³² Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. С. 88.

И все-таки главной причиной самой глубокой печали человека, видимо, является **смерть** как «крайнее физическое зло» (Вл. Соловьев) в этом мире. В нашем восприятии именно **смерть**³³ в образе вьюги является героям стихотворения с напоминанием им о неизбежном трагическом конце любой человеческой жизни³⁴. Наш мир так устроен: все рождается и все умирает, все живое обречено на физическое исчезновение, и с этим необходимо смириться, это надо принять как закон жизни³⁵. Об угрозе смерти говорят и конкретные образы второй строфы: «мутное небо», «мгла носилась»³⁶, «тучи мрачные», «луна <...> желтела». И ночь, и зима, если мы вспомним русскую фольклорную традицию, у читателя часто ассоциируются именно со смертью.

В народных представлениях, согласно этнолингвистическому словарю, «солнце — небесное светило, источник дневного света, тепла и жизни <...> противопоставлено луне, ассоциирующейся с областью смерти»³⁷. И в стихотворении Пушкина «Зимнее утро» радости и солнцу в первой строфе противопоставлены печаль и луна — во второй.

А «злится» вьюга-смерть, может быть, от бессилия духовно сломить и физически уничтожить героев стихотворения, подобно тому как часто злятся люди в конкретной ситуации от бессилия достичь какой-то определенной цели.

Но естественная для человека мысль о смерти, о неизбежности и неотвратимости конца земной жизни вызывает у «красавицы» и поэта не отчаяние, тоску и ужас³⁸ (как, например, во многих стихотворениях Лермонтова и Тютчева), а всего лишь «печаль», которая с наступлением солнечного утра уступает место ликующей радости. Что же дает лирическим героям жизненную силу для того, чтобы противостоять угрозе смерти и радоваться солнцу и красоте зимней природы, радоваться самой жизни?

Ответ, казалось бы, очевиден: это **любовь**, взаимная, радостная, счастливая любовь. Но кто такая красавица, можно ли и нужно ли ее образ соотносить с конкретным лицом в жизни Пушкина, с его биографией?

Автор данной статьи в годы работы учителем в школе и методистом в педагогическом университете неоднократно проверял восприятие «Зимнего утра» школьниками разных классов: в младших классах дети, бессознательно чувствуя «легкое дыхание» и чистое «сияние» поэтического текста, бессознательно воспринимая чувство поэта как **любовь-нежность**, а не страсть, лирическую героиню нередко называли даже няней и вспоминали стихотворение «Зимний вечер («мой друг»; «добрая подружка»), в средних и старших классах называли подружкой, любовницей. Трактовка образа «красавицы» как просто подружки-любовницы неизбежно разрушает чистоту взаимоотношений лирических героев, которые для читателя соотносятся с первоначальной чистотой

³³ С. Ломинадзе (1926–2007) отмечает, что «мысль о смерти неизбежной, с различными производными этой неизбежности, буквально пронизывает пушкинскую поэзию, хотя далеко не всегда выступает на авансцену...» (Ломинадзе С. Указ. соч. С. 131).

³⁴ Напр., в стих. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) «выражено напряженное, отчетливое сознание всецелой власти смерти над жизнью. <...> Церковь молится о даровании „памяти смертной“ как блага, необходимого для духовной умудренности. Именно эту память смертную отчетливо выражает здесь Пушкин. Он видит всю человеческую жизнь осененной темным крылом неизбежной смерти» (Франк С. Л. Светлая печаль. С. 113).

³⁵ «У Пушкина всегда была память о смерти <...> В его зрелой философской лирике смерть принимается спокойно и просто — как естественное прекращение жизни тела» (Сурат И. «Да приступлю ко смерти смело...». О гибели Пушкина // Московский пушкинист. Вып. VI. М., 1999. С. 71, 72).

³⁶ Комментарий лингвиста: слово «мгла» использовано поэтом в значении «густой снег, скрывающий в тумане, как своеобразная завеса, все окружающее» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 285).

³⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 101.

³⁸ В 1823 году, касаясь темы смерти в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...», Пушкин признается: «Ничтожество меня за гробом ожидает... / Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь...»

и белизной утреннего снега, ибо внебрачные любовные отношения с христианской точки зрения являются опасным для души человека грехом — блудом, прелюбодеянием.

Литературовед А. Чичерин (1900—1989) видит в лирической героине стихотворения «совершенно условную поэтическую красавицу, которая грустила в непогоду и должна воспрянуть в лучах зимнего солнца»³⁹. В статье Д. Медриша красавица ассоциируется с образом невесты из лирической обрядовой песни. Другие исследователи соотносят ее с Марией Борисовой, осиротевшей дочерью старичьего помещика, жившей в доме П. Вульфа, девушкой, о которой Пушкин в письме Алексею Вульфу из Малинников от 27 октября 1828 года писал: «При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться»⁴⁰.

Пушкинист Л. Аринштейн утверждает, что «Зимнее утро» связано с Анной Николаевной Вульф (1799—1857)⁴¹, старшей дочерью Прасковьи Александровны Осиповой (1781—1859): «Роман Пушкина с Анной Вульф начался еще в период Михайловской ссылки. Анна так никогда и не вышла замуж и еще много лет оставалась, пожалуй, самой преданной Пушкину женщиной. Он знал это и приезжал к ней в трудную минуту залечивать свои душевные раны. Так было осенью 1828 г. после разрыва с Анной Олениной. Так было и теперь, осенью 1829 г., когда Пушкин получил фактический отказ на его предложение Наталье Николаевне. В Малинниках он застал Анну одну (ее сестры гостили в Старице, а мать П. А. Осипова была в Тригорском). Они провели вместе три недели. Ранняя морозная зима добавила романтизма их встрече, создав настроение, столь гениально переданное в написанных тогда Пушкиным двух стихотворениях, которые разделяет одна ночь»⁴².

И Г. Седова предполагает, что «Зимнее утро» «обращено» именно к Анне Вульф⁴³. Но надо отметить, что Пушкин познакомился с ней еще летом 1817 года и любовные отношения у них, как установили биографы, возникли осенью 1824 года, а уже в начале 1825 года произошло охлаждение чувства со стороны поэта, что и было выражено им в одном из незаконченных стихотворений⁴⁴:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны
И самой красоте семнадцать лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре <...>
Я счастья тебе желаю всей душою...

Значительно раньше Я. Левкович предложила следующий **биографический комментарий** к истории создания стихотворения: «Два стихотворения — „Зима. Что делать нам в деревне?“ и „Зимнее утро“, которые сам Пушкин датировал в тетради 2 и 3 ноя-

³⁹ Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина. М., 1974. С. 320.

⁴⁰ См.: Соколова В. Н., Цветков Д. А. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде // Пушкинские чтения на Верхневолжье. Калинин, 1972. Сб. 1. С. 71—72.

⁴¹ Еще несколько лет тому назад С. Фомичев утверждал: «...никто из комментаторов не пытался определить героиню стихотворения „Зимнее утро“, написанного осенью 1829 г. в тверском имении П. И. Вульфа. Пейзаж, воссозданный в стихотворении, как общепризнанно, точно рисует окрестности села Павловского. Однако нельзя вообразить, что в это время в одной комнате с молодым поэтом проживала некая женщина, о которой идет речь...» (Фомичев С. А. Служенье муз. О лирике Пушкина. СПб., 2001. С. 127).

⁴² Аринштейн Л. М. Косая мадонна и резвая мышь: Рассказы о Пушкине. М., 2017. С. 134.

⁴³ Седова Г. М. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2012. С. 127.

⁴⁴ Подробнее см.: Кибальник С. А. Пушкин: Лики и «Отраженья». Статьи, очерки и заметки. СПб., 2014. С. 97—98.

бря, связаны со старицкими впечатлениями. <...> „2 ноября“ и „Зимнее утро“ соответствуют реальным впечатлениям от двух зимних дней. 2 ноября утренняя пороша переходит во вьюгу („Вот вечер: вьюга воеет“), а утром 3 ноября вьюга уже становится воспоминанием о вчерашнем дне („Вечер, ты помнишь, вьюга злилась“). От этих стихов веет бодростью, душевной просветленностью, жизнеутверждающим духом»⁴⁵.

И другой исследователь увидел в «Зимнем утре» естественное продолжение предыдущего стихотворения: «Два „зимних“ стихотворения, написанные в Павловском, находятся в сложном внутреннем единстве. Второе как бы продолжает первое, подхватив его концовку: „Как дева русская свежа в пыли снегов!“ Кажется, что это к ней, белокурой красавице <...> обращены такие прозрачные, звенящие чистым серебряным колокольцем строфы „Зимнего утра“»⁴⁶.

С нашей точки зрения, конкретные жизненные впечатления и факты послужили только толчком, первоначальным импульсом к созданию этого стихотворения. Анна Ахматова, в значительной степени продолжающая традиции Пушкина в русской поэзии XX века, образно и очень точно раскрывает общий закон поэтического творчества: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Биографический комментарий, отражающий очевидный, непосредственно воспринимаемый и поверхностный смысл текста, не приближает нас к раскрытию **тайны** стихотворения на его глубинном уровне, на котором воплощена подлинная душевная и духовная жизнь поэта и происходит «преображение жизни в поэзию» (Вл. Соловьев). Напомним глубокое суждение С. Франка: «Дух и мысль Пушкина находят в его поэзии и в его поэтических суждениях такую наивно-непосредственную, простодушную, непритязательную форму, которая легко скользит по нашему сознанию и лишь с трудом проникает вглубь. Это связано с глубоко национальным характером русского гения. Муза Пушкина — не только муза его поэзии, но и „муза“ его мысли и духовной жизни — есть настоящая русская муза: ее истинная духовная глубина, ее великая и серьезная жизненная мудрость проникнута той простотой, безыскусственностью, непосредственностью, которая образует невыразимое своеобразие русского духа»⁴⁷.

Еще **вчера** в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» Пушкин как будто еще «грешным языком», «празднословным и лукавым», писал:

Куда как весело! вот вечер: вьюга воеет;
Свеча темно горит. Стесняясь, сердце ноет;
По капле медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу. Глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...

Еще **вчера**, как и в предшествующие дни, были скука и тоска («Тоска! Так день за днем идет в уединенье!»), которые, правда, иногда сменялись кратковременным весельем: «Но если под вечер в печальное селенье <...> / Приедет издали в кибитке иль возке / нежданная семья: старушка, две девицы / (Две белокурые, две стройные сестрицы) — /

⁴⁵ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина П Д № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 246, 263.

⁴⁶ Пьянов А. С. Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае. М., 1979. С. 241—242.

⁴⁷ Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // Франк С. Л. Этюды о Пушкине. С. 58—59.

Как оживляется глухая сторона!»⁴⁸ Но это как будто **языческие** радость и веселье, связанные с «игровым донжуанством» (И. Сураг) и «ветренными речами», с опоэтизированными греховными страстями.

Сегодня же произошло чудо преображения. В состоянии творческого вдохновения Пушкин преображает действительность и в новом поэтическом тексте создает **идеальную** картину **христианской** любви, радости, гармонии и счастья. Стихотворение «Зимнее утро» как творческое событие, как вдохновенное воплощение мечты имеет своим истоком не просто отдельный жизненный факт, пребывание в Малинниках и в Павловском⁴⁹, но судьбоносное жизненное событие, определившее дальнейший ход его жизни, — это встреча с Натальей Николаевной Гончаровой, «ослепительная и пленительная красота» (М. Гофман) которой его поразила. По словам религиозного философа и богослова В. Зеньковского (1881—1962), «в красоте для Пушкина была „святыня“, перед которой он склонялся в „благоговении“ <...> красота была для него откровением святыни»⁵⁰.

Подобное потрясение через несколько лет Пушкин отразил в «Красавице» (1832), стихотворении о божественной природе красоты: «*Но встретясь с ней, смущенный, ты / Вдруг остановишься невольно, / Благоговевя богомольно / Пред святыней красоты*».

А еще раньше о преображающем воздействии красоты Пушкин рассказал в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...» (1825), но тогда между идеальным образом в стихах («*гений чистой красоты*») и земным носителем внешней красоты существовала огромная пропасть («*вавилонской блудницей*» назвал поэт Анну Керн в письме к Алексею Вульф от 7 мая 1826 года). Теперь же в реальном облике Натальи Гончаровой, доброй, кроткой, религиозной, Пушкин увидел узнаваемые черты Мадонны⁵¹ и на иконе «Знамение», символизирующей христианское мировоззрение и веру⁵², и на картине, о которой 30 июля 1830 года Пушкин из Петербурга писал невесте в Москву, писал по-французски: «Я утешаюсь тем, что провожу целые часы перед белокурой Мадонной, которая похожа на Вас, как две капли воды»⁵³. Стихотворение «Мадонна» (1830) заканчивается так: «*Исполнились мои желанья. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, / Чистейшей прелести чистейший образец*». Как отмечает современный исследователь, «Мадонна становится идеалом супружеской любви. Мечту поэта всегда видеть перед собою полотно Рафаэля <...> Творец исполняет иначе, „ниспосылая“ ему в образе Мадонны будущую супругу Наталью Гончарову»⁵⁴.

Учитывая наблюдение выдающегося филолога С. Аверинцева (1937—2004), что «византийская церковная поэзия уподобляет Деву Марию „звезде, являющей солнце“

⁴⁸ По предположению Л. Краваль, в реальности это сестры Вульф — Евпраксия и сводная сестра Алина. См.: Краваль Л. А. Пушкин и Евпраксия Вульф // Московский пушкинист. Вып. II. М., 1996.

⁴⁹ «Шесть раз Пушкин гостил в Тверской губернии: осенью 1828, в январе, весной и осенью 1829, весной 1830 и в августе 1833 года. <...> В Малинниках и Павловском он создал около двадцати художественных произведений» (Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край. Калинин, 1985. С. 7, 15).

⁵⁰ Зеньковский В. В., прот. Указ. соч. С. 339.

⁵¹ «Вид Натальи Николаевны вызывал ассоциации с изображением Богоматери <...> Когда Пушкин увидел ее впервые в белом платье с золотым обручем на голове — эти знаки чистоты и святости могли закрепить ассоциацию и способствовать восприятию будущей жены как Мадонны. <...> В дальнейшем Пушкин часто называет жену Мадонной — в письмах к ней, в разговорах с друзьями» (Сураг И. З. Жизнь и лира. С. 11—12).

⁵² «...В лице Натальи Николаевны был найден искомый лик, потому что есть разительное сходство портрета молодой Гончаровой с иконой Богоматери „Знаменья“ Царскосельской» (Касаткина Т. Что считать событием биографии? История любви к Мадонне: Пушкин, Достоевский, Блок // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 53).

⁵³ «Белокурая Мадонна» — это старинная копия «Мадонны» Рафаэля, выставленная для продажи в витрине книжного магазина И. Сленина на Невском проспекте.

⁵⁴ Иваницкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М., 2016. С. 97.

(„Акафист Богородице“, VI или VII в.)»⁵⁵, и учитывая пояснение И. Сурат о том, что смешение Мадонны и Венеры «проявляется в живописи Ренессанса, в частности у Боттичелли», что «„Мадонны“ Рафаэля с их чертами чувственной любви — в русле этой традиции», которая «повлияла на Пушкина»⁵⁶, заметим, что «звезда» в стихотворении «Зимнее утро» приобретает глубокий символический смысл, органично соединяя утреннюю звезду Венеру, богиню любви и Мадонну.

В нашем целостном и ценностном восприятии стихотворения «*красавица*»⁵⁷ является **женой** поэта, «хранительницей домашнего очага, источником и предметом любви» (В. Непомнящий), семейной любви — новой, чистой, безгрешной, освященной венчанием в церкви и несхожей с прежними неутолимыми страстями и увлечениями. «Интуиция целого» (А. Михайлов) нам подсказывает, что идея дома как малой церкви, идея **святости семьи и дома** оказывается спасительной для поэта и главной, ключевой в этом стихотворении, ибо подлинная встреча и подлинная любовь, освященная венчанием, является чистой, непорочной, святой, является одним из путей к небу. Кажется, только человек, создавший свой дом и нашедший счастье в семье и благодаря этому освободившийся от власти греховных страстей, способен так победительно противостоять вьюге-смерти⁵⁸ и нечистой силе, «*бесам разным*», способен на такую радость и восторг от красоты божественной природы, на такое чувство гармонии со всем миром и глубокого душевного покоя.

Еще П. Анненков (1813—1887), один из первых пушкинистов, заметил, что «Зимнее утро» проникнуто «поэзией домашнего очага и северной природы»⁵⁹. Отдельные детали «дома как образа семейного уюта и гармонического порядка» (А. Афанасьев) появляются во второй и четвертой строфах: «*окно*», «*комната*», «*печь*»⁶⁰, «*лежанка*»⁶¹. Само слово «дом» неоднократно появлялось в черновых вариантах стихотворения: «*Сияет озаренный светом / Наш дом*»; «*Сияет озаренный блеском / Наш дом*»; «*Наш дом блестит янтарным блеском*...»⁶²

Подобно тому как «*под голубыми небесами*» вся земля (поля, леса, речка) освещена солнцем⁶³, как «*вся комната янтарным блеском / Озарена*», как «обыденный вид деревенской комнаты с топящейся печью озарен особенным солнечным и поэтическим светом»⁶⁴, так любовь и семья озарены Божественным светом, «светом истины», освящены венчанием в церкви.

⁵⁵ Аверинцев С. С. Собр. соч. София — Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 286.

⁵⁶ Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 72.

⁵⁷ Как замечает А. Чичерин, «образ героини этих стихов несколько не похож на провинциальных блондинок из стихотворения „Зима. Что делать нам в деревне?“» (Чичерин А. Указ. соч. С. 320).

⁵⁸ Петербургский литературовед С. Кибальник утверждает, что у Пушкина «трактовка темы смерти входит <...> в диалектику смены возрастов в человеческой жизни», что в лицейский период дается «уныло-элегическая интерпретация темы смерти», в петербургский — «эпикурейская», в одесский период — «любовно-элегическая», а в стихотворении «Дорожные жалобы» (1830) «полному смертельных опасностей и неутному бытию путешественника противопоставлен идеал Дома» (Кибальник С. А. Смерть у А. С. Пушкина как поэтическая и религиозная тема // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 157, 170).

⁵⁹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 208.

⁶⁰ В соответствии с традиционными славянскими представлениями печь является одним из сакральных центров дома и «воплощает собою идею дома в аспекте его полноты и благополучия» (Топоров В. Н. Печь // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 310).

⁶¹ «...Лежанка — невысокий уступ у русской печки, на котором, греясь, отдыхали или спали» (Шанский Н. М. Указ. соч. С. 286).

⁶² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 2. М., 1949. С. 769.

⁶³ «Солнце именуют святым, божьим и праведным <...> У всех славян солнечный свет, как и само солнце, считается благом: где солнце светит, туда Бог смотрит» (Славянские древности. С. 104).

⁶⁴ Чичерин А. О стиле пушкинской лирики. С. 319.

Литературоведы, сторонники историко-биографического подхода в изучении лирики Пушкина, могут возразить: в 1829 году Пушкин еще не был женат. И действительно, как предполагают многие пушкинисты, поэт впервые увидел шестнадцатилетнюю красавицу Наталью Гончарову в конце декабря 1828 года⁶⁵, в самый канун Рождества⁶⁶; 30 апреля 1829 года Пушкин делает предложение, но получает уклончивый ответ («надо подождать и посмотреть», «дочь еще слишком молода») и уже 1 мая уезжает на Кавказ, откуда возвращается в Москву в конце сентября; 6 апреля (в Пасху) 1830 года сватается вторично, и родители любимой дают согласие, 6 мая было объявлено о помолвке, и только 18 февраля 1831 года в Москве, в церкви Вознесения Господня Пушкин обвенчался с Натальей Николаевной⁶⁷.

Казалось бы, эти факты неопровержимо противоречат предложенной трактовке стихотворения, но все-таки можно предположить, что Наталья Николаевна в стихах раньше, чем в жизни, становится женой поэта и «*другом милым*». Пушкин в воображении, в мечтах представил и в стихах выразил то радостное переживание семейного счастья, которое позже осуществилось в жизни. Как пишет Н. Гей, «идеальное под пером Пушкина не претендует на реальность, а становится ею»⁶⁸. Наше предположение может быть подкреплено очень важным обобщением В. Непомнящего: «Привыкли думать, лирика Пушкина — „отражение“ действительности: сначала было в „биографии“, потом „отразилось“ в поэзии. Но ведь это заблуждение <...> Для того чтобы „милый предмет“ был воплощен в стихах, ему вовсе необязательно наличествовать в действительности, он может быть поэтом воображен, музой „оживлен“ — и так начать существовать, а мы думаем, что он есть на самом деле...»⁶⁹

Известный в середине XX века чтец А. Шварц (1896—1954), считая, что главная мысль стихотворения «Зимнее утро» состоит в утверждении: «Жизнь прелестна», — рассматривал отношения лирических героев как неопределенные: «Он влюблен в нее. Она заметно холодновата»⁷⁰. Это мнение петербургский методист В. Маранцман (1932—2007), автор многих учебников и пособий для средней школы, развивает в целую концепцию: «разночувствие» поэта и «красавицы» рождает «внутренний конфликт стихотворения, в котором звучит борение между зимним оцепенением и желанием полноты жизни. Контрасты строф открывают напряжение этого конфликта. <...> Чувство лирического героя диссонирует с этой неполнотой жизни, которая заметна и в сонной „красавице“, и в беззвучном покое зимы, и в милом, но замкнутом уюте комнаты. „Приятно думать у лежанки“ — это „нега“, а не восторг. И потому возникает желание оставить мирный уют комнаты и отдаться движению, простору»⁷¹.

В нашем восприятии «разночувствие» поэта и спящей (а не сонной) «красавицы», которая как будто является органической частью заснувшей зимней природы, волшебного царства сна, не приводит ни к какому конфликту и не разрушает удивитель-

⁶⁵ По мнению И. Сурат, «наиболее вероятная дата этой встречи — 23 декабря» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 10).

⁶⁶ В книге В. Старка (1945—2014), посвященной 175-летию со дня свадьбы Пушкина и Натальи Гончаровой, мы читаем: «В самом конце декабря 1828 г. на одном из детских балов, которые ежегодно давал на Рождество для своих учеников и учениц танцмейстер Петр Андреевич Иогель, Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову» (Старк В. П. Жизнь с поэтом: Наталья Николаевна Пушкина. В 2 т. СПб., 2006. Т. 1. С. 190).

⁶⁷ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Т. III. 1829—1832. Сост. Н. А. Тархова. М., 1999.

⁶⁸ Гей Н. К. Указ. соч. С. 82.

⁶⁹ Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1998. С. 201.

⁷⁰ Шварц А. В лаборатории чтеца. М., 1968. С. 111.

⁷¹ Маранцман В. Г. Изучение творчества А. С. Пушкина в школе. В 2 ч. Ч. 1. М., 1999. С. 89.

ной гармонии, царящей в художественном мире стихотворения. Необыкновенная красота «друга прелестного» и природного мира сливаются для поэта в одно гармоничное целое. Зима как особое состояние русской природы находится в полной гармонии с «русской душой» не только Татьяны Лариной в «Евгении Онегине», но и лирической героини «Зимнего утра».

А сон «красавицы» имеет особое, символическое значение. Подобно тому как король в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» своей любовью воскрешает царевну, что «можно рассматривать как аллюзию на евангельский эпизод о пробуждении Христом девицы — дочери начальника»⁷² (См.: Мф. 9: 23—25; Мк. 5: 38—43), так поэт в стихотворении «Зимнее утро» своим призывом («Пора, красавица, проснись...»), своим словом творца, своей любовью стремится пробудить «красавицу», которая, как и зимняя природа, пребывает как будто в волшебном сне. Но в отличие от естественного временного «сна» природы, **духовный сон** человека, согласно Новому Завету, грозит гибелью его душе, является необходимым условием торжества зла.

«Красавица», как будто заколдованная, усыпленная морозом, но сохраняющая целомудренную чистоту, пока еще остается «холодной» и «равнодушной» (ср.: «И равнодушная природа / Красною вечною сиять»)⁷³. Поэт видит в ее красоте отражение лика Мадонны и стремится пробудить в ней «духовную жажду», чтобы природное преобразилось в духовное⁷⁴; и проснуться для «красавицы» — это значит самой увидеть в поэте отражение лика Божьего, оценить в нем божественный творческий дар. А залогом этого пробуждения и преобразования души «красавицы» является любовь поэта, его надежда, его вера, его вдохновенное слово.

Подобно тому как **Христос (Солнце)**⁷⁵ приходит на Землю, чтобы пробудить каждого человека-язычника от духовного сна к Вечной жизни и спасти его душу, так поэт своим словом должен пробудить спящую при свете **луны** «красавицу», чтобы ее преображенная душа, подобно **звезде**, осветила ночной мир. Подобно тому как зимним утром чудесным образом преобразилась природа, так возможно и чудесное преобразование души человека⁷⁶.

Особое значение в стихотворении Пушкина имеет образ **окна**, которым заканчивается вторая строфа и о символическом смысле которого в мифологии так пишет филолог В. Топоров (1928—2005): «Окно-око связано с другим оком — солнцем. Они соприродны и единосущны как носители света <...> Образ девицы у окна симметричен образу солнца, светящего в окно, откуда и уравнение: девица-солнце (ср. в загадке о солнце: Красная девушка в окошко глядит) <...> Окно становится символом глубочайшего чувства»⁷⁷.

⁷² Иванов В. В. О евангельском смысле метафоры сна в оде А. С. Пушкина «Пророк» и романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Вып. 3. Петрозаводск, 2001. С. 349.

⁷³ Напомним, что Пушкин в своих письмах отмечал спокойное, почти равнодушное отношение к нему и к его стихам со стороны юной Натальи Гончаровой в 1829 году. И. Сурат пишет: «Пушкин приезжает с Кавказа в Москву около 19 сентября 1829 г. и сразу едет к своей будущей невесте, но встречает холодность, рассеянность и безразличие со стороны Надежды Николаевны» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 19).

⁷⁴ Как отмечает современный петербургский исследователь, «восприятие духовное всегда возводит мысль поэта от земной красоты к мысли о Боге» (Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. С. 113).

⁷⁵ Солнце — традиционное в христианстве наименование Христа.

⁷⁶ В письме к жене 21 августа 1833 г. Пушкин напишет: «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица».

⁷⁷ Топоров В. Н. Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1. М., 2014. С. 568, 571.

Если в раннем стихотворении «Окно» (1816) страстная дева «темною порою, / Когда пустынная луна / Текла туманною стезею», через окно «боязливо» впускает в дом к себе желанного любовника, то в «Зимнем утре» мы видим замещение фольклорного (языческого) образа «девицы у окна»⁷⁸ христианским образом поэта-солнца. Не печь, в понимании язычников являющаяся центром избы и мира, но именно окно, подобное иконе и как будто выполняющее в избе функцию красного угла, обращенного на восток, откуда восходит солнце⁷⁹, оказывается ключевым образом стихотворения⁸⁰. Христианский образ окна соединяет в гармоническое целое микрокосм дома и семьи с макрокосмом природы, России, Божьего мира.

Современный философ Ю. Лисица (составитель и комментатор первого в России собрания сочинений И. Ильина) цитирует «Зимнее утро» («Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит...») и продолжает: «Здесь красота явлена нам: божественные небеса, потому что в них совпадает действительная реальность и божественная символика, дневной снежный покров <...> и свет солнца — источника жизни, тепла, ласки — божественного светила (всех религий), и блеск снега, который без произнесения поэтом лишних слов — бел, чист и великолепен, как само Божество»⁸¹.

Зима у Пушкина описывается в таких сияющих, солнечных красках, что создается впечатление, как будто в образе снега представлен небесный рай, перенесенный на землю и воплощенный самой природой⁸². Как отметил В. Зеньковский, «Пушкину принадлежит великая заслуга раскрытия того, что эстетическое восприятие мира влечет к „соседству Бога“»⁸³. Райское волшебство зимы, виды блистающих снежных ковров, великолепия застывшей природы не сковывает поэта, не погружает его в сон, но, напротив, создает повышенную жажду деятельной жизни и желание «*предаться бегу нетерпеливого коня*». Зима для Пушкина, выражающего русское мироощущение, означает красоту и сияние мира.

Особое значение имеет последняя строфа стихотворения, заканчивающегося мотивом **пути**, движения⁸⁴. Если в «Телеге жизни» (1823) впервые жизнь у Пушкина обобщается в образе дороги, с пейзажем и бытовыми деталями, если в «Зимней дороге»

⁷⁸ В черновиках Пушкина был и такой вариант: «печально ты сидела / Глядя задумчиво в окно» (III, 2, 768).

⁷⁹ «Святые Отцы употребляли слово „икона“ в более широком смысле, чем тот, к которому мы ныне привыкли. Весь мир, сотворенный Богом, они понимали как икону Божию, как произведение совершенного Художника. <...> Возможности использования понятия „икона“ по отношению к православным явлениям исключительно, а может быть, и неограниченно широки: все — икона, все — иконично» (Лепяхин В. В. Икона и иконичность. СПб., 2002. С. 3–4); «Икона — как богословие Святой Православной Церкви в красках, как образ Первообраза, как окно в Царство Божие...» (Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 7).

⁸⁰ Окно уподобляется иконе и в стихотворении А. Ахматовой «Молюсь оконному лучу...» (1909), где происходит чудесное преобразование комнаты в «храм» («Но в этой храмине пустой...»), а в душе лирической героини чувство невыносимой боли («сердце пополам») вытесняется радостью открытия «в вечерней тишине» божественной красоты простого, обыденного и вещного мира. Подобное значение имеет образ окна и в стихотворении С. Есенина «В хате» (1915), где выражена идея святости дома, «храма-избы» («На дворе обедню стройную / Запевают петухи»).

⁸¹ Русский колокол. 2013. № 3 (12). С. 10.

⁸² Есенин в 1914 году напишет: «Если крикнет рать святая: / „Кинь ты Русь, живи в раю!“ / Я скажу: „Не надо рая, / Дайте родину мою“».

⁸³ Зеньковский В. Указ соч. С. 343.

⁸⁴ Начиная с «Предчувствия» (1828), утверждает И. Сурат, «тема пути и дома становится одной из главных лирических тем и стягивает к себе важнейшую для 1828–1830 гг. проблематику» (Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 77).

(1826) изображен путь в никуда, а в «Дорожных жалобах» (1829) жизненная дорога предстает тоскливо-бесприютной и желанным окончанием дороги становится родной дом («О деревне, о невесте / На досуге помышлять»), если в «Бесах» (1829—1830) зимняя «нечисть», заноса дорогу, заманивает путника в гибельный мир, то в «Зимнем утре» мы видим спасительный для поэта путь «под голубыми небесами», путь к природе как духовно-исторической «почве» и к родовому дому как «милому берегу», «милому пределу», родному «уголку земли», символизирующему Россию в целом.

Если во многих стихотворениях 1828—1830 годов одной из ключевых является оппозиция пути и дома и прошла жизнь осознается как путь греховный, «широкий путь», грозящий духовной гибелью, то в «Зимнем утре» эта оппозиция снимается и мотив **пути**, мотив нового жизненного пути, естественно связан с идеей **дома** и **семьи**, и этот «узкий путь» освещен солнечным светом, освящен венчанием в церкви и символизирует духовное восхождение. Радость движения («бег нетерпеливого коня»⁸⁵) есть то, что объединяет в стихотворении «красавицу» и поэта, зимнюю природу и Россию в одно гармоническое целое.

«Зимнее утро» символизирует близкое начало новой, семейной жизни поэта, совершившего, по словам И. Ильина, «свой духовно-жизненный путь <...> от юношеского многолюбия — к культуре семейного очага»⁸⁶, и глубоко знаменательно то, что реальное венчание поэта с Натальей Николаевной произойдет именно зимой. У Пушкина не просто изменилось «бракоощущение» (Вл. Ходасевич) и «мироощущение» (С. Ломинадзе), но и появилось глубоко продуманное понимание необходимости православного домостроительства семьи, о чем, по сути, так говорит В. Непомнящий: «Дом для Пушкина — ценность важнейшая, коренная, бытийственная. Дом — жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом — очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, „медленные труды“. Дом — традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом — „родное пепелище“ — основа „самостоянья“, человечности человека, „залог величия его“, осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия»⁸⁷.

«И берег, милый для меня», которым заканчивается «Зимнее утро», — это, конечно же, **Михайловское**⁸⁸, о котором в 1835 году Пушкин напишет: «Вновь я посетил / Тот уголок земли, где я провел / Изгнанником два года незаметных...», а в одном из вариантов стихотворения появятся слова: «Поэзия как ангел утешитель / Спасла меня, и я воскрес душой»; куда Пушкин вместе с «другом милым» так и не доехали, что осталось для него неосуществимой мечтой: «Давно завидная мечтается мне доля — / Давно, усталый раб, задумал я побег / В обитель»⁸⁹ дальнюю трудов и чистых нег». К незаконченному стихотворению «Пора, мой друг, пора...» (1834) Пушкин пишет следующий план его

⁸⁵ Вспомним слова Гоголя: «И какой же русский не любит быстрой езды?..» А в финале первого тома «Мертвых душ» появляется образ Руси как птицы-тройки, которая несется, «вся вдохновенная Богом», появляется образ Руси как «Божьего чуда».

⁸⁶ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Ильин И. А. Т. 6. Кн. 2. С. 50.

⁸⁷ Непомнящий В. С. Указ. соч. С. 192—193.

⁸⁸ «Село Михайловское и его окрестности представляют собой на карте русского северо-запада важнейшее историко-географическое окно. Здесь проходила граница между среневековыми Литвой и Москвой — в ней было открыто это окно» (Балдин А. Н. Притяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М., 2009. С. 349).

⁸⁹ «Это слово обозначает особый тип домоустройства, в котором порядок земной жизни строго подчинен Божественным заповедям» (Радомская Т. И. Обретение Отечества: Русская словесность первой половины XIX века. М., 2004. С. 140).

продолжения: «Юность не имеет нужды at home; зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он домой. О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» (III, 2, 941).

В реальной жизни поэтической мечте Пушкина об «обители» не дано было осуществиться⁹⁰, и, может быть, бессознательное предчувствие этого выражено в «легкой грусти» (Ю. Чумаков) в последней строфе «Зимнего утра», но «это только усиливает ликующий, мажорный тон стихотворения»⁹¹.

И. Сурат в своей содержательной работе «Жил на свете рыцарь бедный...» анализирует «Легенду» (1829—1830) в контексте лирики 1828—1830 годов, чтобы определить, какое место занимает это стихотворение в духовной биографии Пушкина, и приходит к выводу, что пути «блужданий и заблуждений», пути, который «сопровождается чувством тоски, уныния, страха», предчувствия беды и близкой смерти («Предчувствие», «Дар напрасный, дар случайный...», «Дорожные жалобы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Бесы», «Элегия» и др.), пути, связанном с чувством собственной вины и раскаяния («Воспоминание»), противопоставлен в «Легенде» «небесный», праведный путь спасения, путь «жертвенной, девственной, по-своему религиозной любви», в реальной жизни недоступный для самого поэта⁹². Но исследователь в своей концепции не учитывает, не замечает, даже не упоминает стихотворение «Зимнее утро», в котором воплощена мечта поэта о спасительном **земном пути** — пути создания своей семьи, своего дома, пути чудесного восстановления утраченной детской гармонии с божественным миром, когда место матери занимает **жена**, «красавица», в определенной степени ставшая земным воплощением Мадонны. И в этом раскрывается мудрая зрелость поэта и человека, которому для внутренней гармонии — гармонии духовного, душевного и телесного начал — необходимы истинная вера в Бога («Пророк», 1826) и семья (жена, дети), истинная, христианская любовь. Как отмечает В. Непомнящий, «природа высших истин такова, что они суть простые истины»⁹³.

В нашем восприятии «Зимнее утро», подобное чистому роднику, в котором не иссякает живая вода, — это **чудо русской поэзии**, это стихотворение, которое помогает каждому читателю почувствовать **радость** и осознать жизнь как Божий дар; это чудо красоты и творческого вдохновения, чудо рождения волшебной музыки слов, чувства удивления, радости и счастья, поэтических чувств, пробуждающих «думы» о высшем и таинственном смысле и собственной земной жизни, и бытия России, и бытия всего человечества, всего мироздания.

Без реального переживания этого чуда, без осознанного понимания того, что каждый миг нашей жизни может стать чудом, открывающим нам земную и небесную красоту, человеку, обреченному на неизбежную физическую смерть, грозит тоскливое и безнадежное понимание полной бессмыслицы своего существования («...и всех нас гроб, зевая, ждет»). Память об этой чудесной радости «зимнего утра» поможет человеку пережить, преодолеть, победить, казалось бы, невыносимую боль отчаяния, когда в его жизни наступает период «ночи» с ее неизбежными «вьюгами» и «бурями» и кажется, что навсегда уходят вера, надежда, любовь, а жизнь воспринимается как обреченный путь в вечную темноту.

⁹⁰ В книге В. Кунина мы читаем о том, что после гибели Пушкина Наталья Николаевна «почти два года прожила в деревне — Полотняном Заводе.< ...> Потом она возвратилась в Петербург. Растила детей. Заботилась о средствах к жизни. Поехала — впервые — в Михайловское. Поставила памятник на могиле Пушкина. Долго еще не выходила замуж» (Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 455).

⁹¹ Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 331.

⁹² Сурат И. З. Жизнь и лира. С. 5—115.

⁹³ Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. С. 121.

В стихотворении «Зимнее утро», открывшем поэзию семейной любви, вместе с образом домашнего очага и русским зимним пейзажем, вместе с образом бескрайних российских просторов входит тема **родины**⁹⁴, **России**⁹⁵, одна из ключевых тем в творчестве Пушкина, поэта, из уст которого, по словам И. Ильина, «раздался и был пропет Богу от лица России **гимн радости** сквозь все страдания <...> гимн победы над хаосом»⁹⁶.

В нашем восприятии «Зимнее утро» — это призыв к пробуждению и преображению, это обращение поэта не только к «*красавице*», но и к каждому современному читателю, ибо трагический XX век воспринимается сегодня как страшный сон России и русского народа, ибо и сегодня «губительно прогрессирует наука разрушения <...> разрушается христианский дух, губительно прогрессирует апостасия»⁹⁷, ибо воскресение великой России зависит от духовного преображения каждого человека и спасительно и благодатно для человека и для России только мировоззрение, проникнутое религиозным смыслом бытия. Существовая в «большом времени», именно таким смыслом для нас сегодня наполняются образы пушкинского стихотворения.

«Зимнее утро» — это как будто поэтическая молитва русского поэта⁹⁸, художественное слово которого, рожденное в минуты истинного вдохновения, приобретает символический⁹⁹, почти сакральный смысл и оказывается подобным призывам святого апостола Павла в послании к Ефессянам: «**Потому сказано: „встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос“**» (Еф. 5: 14) — и в первом послании к Фессалоникийцам: «**Всегда радуйтесь**» (1 Фес. 5: 16)¹⁰⁰.

⁹⁴ «...В зимнем пейзаже Пушкин видел нечто специфически русское, и чувство природы тесно сливалось для него в данном случае с чувством родины» (Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 64).

⁹⁵ Наше прочтение стихотворения «Зимнее утро» органично вписывается в общую трактовку «зимнего» цикла Пушкина, предложенную еще в давней работе В. Непомнящего: «На протяжении нескольких лет стихийно складывался лирический цикл, в котором сюжетную роль играла тема дороги, чаще всего зимней; тема, идущая от метафорического „путника запоздалого“ в „Зимнем вечере“ (1825) до „Дорожных жалоб“ (1830), от „Зимней дороги“ (1826) до „Зимнего утра“ (1829) — и всегда связанная с темой конечной цели: дома — прибежища, очага и оплота, — с темой покоя. Непременна здесь тема женщины, хранительницы этого очага, источника и предмета любви. И неременен образ родины, ее природы, ее песен, поэзии и прозы ее жизни» (Непомнящий В. К творческой эволюции Пушкина в 30-е годы // Вопросы литературы. 1973. № 11. С. 129–130).

⁹⁶ Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина. С. 69.

⁹⁷ Архим. Константин (Зайцев). Указ. соч. С. 337.

⁹⁸ «Его художественным актом была молитва; его молитвой была поэзия; а поэзия его была на грани подлинного совершенства» (Ильин И. А. Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры. С. 238).

⁹⁹ «Истинная поэзия — а, стало быть, поэзия Пушкина — всегда символична. <...> чем она проще и менее притязательна, чем более наивно она описывает самое простое, эмпирическую действительность и личный душевный опыт поэта — тем более эффективна невыразимая магия искусства, превращающая простые, общеизвестные явления в символы глубочайших новых откровений, и тем полнее и убедительнее символический смысл поэтического творения. Такого рода неумышленный, гениально-наивный символизм присущ поэзии Пушкина...» (Франк С. Л. О задачах познания Пушкина. С. 78).

¹⁰⁰ Для современного человека смысл этой христианской радости раскрыл сербский святой преподобный Иустин (Попович; 1894–1979): «Всегда радуйтесь, поскольку зло, смерть, грех, диавол и ад побеждены. А когда все это побеждено, есть ли что-нибудь в этом мире, что может уничтожить нашу радость? Вы — совершенные господа этой вечной радости до тех пор, пока добровольно не предадитесь греху, страсти и смерти <...> Всегда радуйтесь, поскольку вы сильнее смерти, ада, зла, греха и диавола» (Архим. Иустин (Попович). Толкование на 1-е послание к фессалоникийцам святого апостола Павла. М., 2000. С. 157–158).

Алексей ПАНОГРАФ

ДОРОГА В ДИВНЫЙ АД

На фоне красочных декораций, воспроизводящих первозданную красоту горных ландшафтов Грузии и колорит быта конца девятнадцатого века, перед зрителями предстает юный семинарист, хорошо знающий предмет, но не верящий в церковные догматы. Он же — почтительный, но холодно-отстраненный по отношению к матери сын.

Страница переворачивается — и вот он уже Сосо, лидер молодежной преступной группировки. Ее методы — грабеж и насилие. Ее цели — деньги. Сверхзадача и идеалы — революция. Сосо Джугашвили — мозг, он придумывает и направляет преданных ему друзей на преступления. Как и положено, у будущего тирана, юного Сосо, есть свой «комплекс Наполеона» — гнойное воспаление локтевого сустава и последовавшая сухорукость, ограничивающая его физические возможности.

Новый спектакль Валерия Фокина «Рождение Сталина», поставленный на сцене Александринского театра, абсолютно лишен политической окраски. Bravo! Казалось бы, как в спектакле с таким названием и поднимающем самую политизированную тему двадцатого века остаться вне политики. Но ни ярые сталинисты, ни антисталинисты не прицепят этот спектакль на свое древко. Ни революция, ни контрреволюция не возьмут его своим манифестом. Этот спектакль о другом.

Спектакль о пути во власть. Актеру Александринского театра Владимиру Кошевому отлично удастся передать трансформацию своего героя. Семинарист — лидер в молодежной тусовке — вожак стаи — глава банды — жесткий, не доверяющий никому и не имеющий ничего святого одинокий вождь, бросающий вызов Богу: «Чем я хуже тебя? Я тоже могу менять свои решения».

И чтобы почувствовать себя богоравным, молодой Джугашвили разыгрывает библейский сюжет об Аврааме и его сыне Исааке, в котором Бог сначала потребовал от Авраама принести в жертву своего сына, но в последний момент остановил занесенную с ножом руку отца. Сосо приказывает своим соратникам Давиду и Камо выкрасть сына Бархатова, промышленника, который сочувствует революционным идеям и помогает материально банде Сосо. Но Джугашвили этого мало. Ему надо полностью разорить его и морально уничтожить.

В этой, безусловно, сильной сцене спектакля режиссер играет на грани допустимого. На сцене появляется мальчик лет десяти с мешком, надетым на голову, которого Давид и Камо ведут к перекинутой через ветку дерева петле. И вот он, богоравный Сосо, в последний момент останавливает казнь.

Формально он поступил так же, как Бог, но если Авраам после несостоявшегося жертвоприношения стал сильнее духом, укрепив свою веру, то помилование Джугашвили не

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Нева», «Аврора» и «Литература» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

сделало никого сильнее и лучше. Не только Бархатов раздавлен. Соратники Сосо Давид и Камо, уже, по сути, накинувшие петлю на шею мальчика и внутри себя перешагнувшие определенную границу добра и зла, были унижены тем, что их моральная жертва оказалась обесценена лидером.

Главный посыл спектакля — то, что дорога к власти — это всегда путь по головам, бестрепетное перешагивание через своих соратников, хруст костей под коваными сапогами и череда преступлений. И не только тех, которые предусмотрены Уголовным кодексом, но преступлений против совести и общечеловеческих ценностей. Преступлений против устоев и традиций, которые были впитаны с молоком матери. Раз революция, то сломать. И сломать все, до основания, а потом... А потом — победителей не судят.

Власть и стремление к ней неизбежно коверкают человека, иссушает его душу и лишает близких людей. В этом спектакль «Рождение Сталина» переключается с американским сериалом «Карточный домик». Там главный герой, прекрасно сыгранный Кевин Спейси, совершает последовательно все мыслимые и немыслимые преступления на своем пути к креслу президента США. Он демонстрирует полное отсутствие каких бы то ни было сдерживающих мотивов в душе героя, способных остановить его неумную гордыню, и ощущение вседозволенности ради своей цели. Не говоря о том, что попутно он предаст всех своих верных соратников, он переступает и через жену, единственного человека, которого любит. В качестве символических преступлений герой Кевина Спейси опрокидывает распятие в церкви и мочится на могилу своего отца. Молодой Сосо тоже с легкостью нарушает моральные устои. Герой Владимира Кошевого предлагает своему другу помочиться на икону.

Интересная находка режиссера — внутренние монологи героя передаются голосом из-за кулис. И актер на сцене как бы слушает себя — не проговаривает тексты, а проживает их. Зритель с помощью визуального ряда может ощутить отношение героя к своим собственным рассуждениям.

Естественно Сосо на своем пути к порождению Сталина предаст и предаст, а в итоге и предаст смерти всех своих соратников. Сначала Фокин делает очень сильную сцену, в которой Джугашвили приводит свою банду на казнь их друга Сандро, которого он же и отправил на виселицу. Все члены его банды напряженно вглядываются в смертельное представление и по-разному комментируют казнь, а сам Сосо стоит боком и нарочито смотрит в сторону.

Позже по его приказу главный палач банды Камо, сыгранный актером Иваном Ефремовым, убивает отца Ольги, преданной сторонницы революции и соратницы Сосо. Ее роль исполняет молодая актриса театра Анна Блинова. После похорон на могиле отца Ольги Сосо овладевает ей, одновременно глумясь и над своим другом Давидом (актер Николай Белин), который искренне любит девушку. Опять герой, рвущийся во власть, одним выстрелом в упор расстреливает двух зайцев — и любовь, и дружбу, которые не совместимы с его целью.

После описанных выше сцен читатель может удивленно сказать: «Ну как же, это же антисталинистский спектакль!» Но в том-то и дело, что и режиссер, и актер умело создают такой образ Сосо, который не вызывает отвращения у зрителя, а даже, наоборот, они заставляют сопереживать ему. Кстати сказать, как и герою Кевина Спейси в «Карточном домике».

И невольно начинаешь задумываться: «Почему? Какого черта я не встаю со своего места и не покидаю зрительный зал посреди спектакля? Зачем слежу за этой чередой преступлений и мерзостей?» Нельзя сказать, что Владимир Кошевой создает образ обаятельного мерзавца — этакого подлеца, скрывающегося под маской милашки. И уж

тем более не ассоциируется он с благородным разбойником Робинот Гудом. А может быть, самоидентификация зрителя с молодым Джугашвили происходит потому, что больше там некому сопереживать? Может быть, потому, что на сцене мы не видим ни одного персонажа, способного противостоять Сосо. Зло, не встречающее сопротивления, крепнет и набирается сил с каждой новой безнаказанной подлостью.

Но нет! Кончилась безнаказанность. Он попадает в тюрьму и оказывается слабее такого испытания, на которое он с легкостью отправлял своих друзей. Избитый, явно испытывая не только физические мучения, он ложится на нары, чтобы, кажется, умереть. Но окончательно умирает только бывший семинарист Джугашвили, порождая тирана Сталина.

Символами стоят обнаженные «друзья» и бывшие соратники Джугашвили у изголовья кушетки, с которой поднимается для финальной сцены рожденный из Сосо Сталин, уже прошедший весь свой путь во власть и во власти. Они голые, но спасибо Валерию Фокину, который не стал делать из этой сцены «клубничку» и не раздел актеров полностью, но при этом сумел передать, насколько безжалостно раздавил и обнажил их на пути к власти Сосо.

Финал. Сосо, уже прошедший по головам соратников уверенной поступью, и Сталин, дошедший этот путь до конца. Диалог-монолог абсолютно одинокого человека, взобравшегося на самую вершину пирамиды власти, которому не с кем говорить, кроме самого себя. Полное одиночество — неотвратимая плата за всю полноту приобретенной власти.

В самом конце на сцене поднимается огромная скульптура вождя, но... Фокин опускает ее снова вниз, так и не подняв до конца... символизируя пиррову победу героя.

Поэтому я никогда не хожу на выборы. Ведь отдавая свой голос, я выдаю человеку билет на дорогу в дивный сад власти, которая вымощена костями и черепами. Об этом и спектакль, который, на мой взгляд, очень сильно, ярко и образно показывает эту самую дорогу от Сосо к Сталину, взявшую свое начало среди красивых горных ландшафтов в небольшом грузинском селении Гори...

* * *

Дорога в ад, пленительный и дивный, лежит не только на пути к власти. Но и... Об этом спектакль режиссера Театра на Васильевском Владимира Туманова по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» в сценической композиции Георгия Товстоногова.

Сильнее любви к власти только власть любви, в смысле, что так же можно очутиться в пленительном аду. У актера Арсения Мыщыка очень подходящий для роли князя Мышкина типаж. Но ведь этого не достаточно. Однако здесь актерское мастерство выше всяких похвал. Сразу, с первых минут действия безоговорочно соглашаешься, что перед тобой именно тот самый князь Мышкин, которого представлял себе, читая роман Достоевского. Это и юродивый, и умнейший юноша, и пылкий влюбленный, и нервный субъект с добрым сердцем и со слабым характером, с детскими, широко раскрытыми глазами, с наличием силы, но отсутствием воли. И одновременно другой, непохожий на талантливо созданные образы такими предшественниками, как Юрий Яковлев и Евгений Миронов.

Вообще, спектакль смотрится очень легко, без напряжения, несмотря на высокий драматический накал произведения. Декораций минимум: арочные дверные проемы, стулья, стол. Но этот минимум реквизита стоит на сцене вовсе не для мебели. Актеры постоянно обыгрывают их. Переставляя, роняя и поднимая стулья, исчезая и появляясь в дверных проемах. Стулья в середине спектакля расставляют по кругу, и это на-

поминает детскую игру в недостающий стул. И в этом есть символ, что кто-то лишний. Потому что в любовной интриге, закрученной Достоевским, кто-то всегда третий лишний: Мышкин или Рогожин? Настасья Филипповна или Аглая? Ганя или Мышкин? Тоцкий или Епанчин? Жена Тоцкого или Настасья Филипповна? Кто в очередной сцене окажется без стула и выйдет из игры?

Для меня в образе Настасьи Филипповны, созданном Екатериной Зориной, не хватило демонической силы. Экцентричности — да, красоты — да, взбалмошности — да, экстравагантности — да, но того, что из самых разных мужчин делает крыс, послушно пляшущих под ее дудочку, той силы, которая поражает волю и предоставляет ей безграничную власть над попавшим в сети любви к ней, я не увидел.

Удачна работа и художника-постановщика Елены Дмитраковой и художника по костюмам Стефании Граурогкайте. Сцена противостояния Аглаи и Настасьи Филипповны решена с этой точки зрения великолепно и по-новому. Здесь две равноправные и равносильные волчицы. Они хоть и разные по жизни, положению в обществе и характеру, но в борьбе за любовь — обе волчицы, и это подчеркивается их нарядом. Обе женщины в ярко-красных, даже алых, платьях — и между ними Мышкин в костюмчике мышастого цвета. Красный цвет — символ власти. Такой яркий, бьющий по глазам красный символизирует абсолютную власть чувства над волей героя. В спектакле «Рождение Сталина» символом власти становится огромная фигура идола, которая поднимается и заслоняет всю сцену, а в спектакле «Идиот» символом власти любви становится красный цвет, который не заполняет, а только затмевает всю сцену. Затмевает ее для героя, оказавшегося в сетях безумной любви.

Вроде бы Театр на Васильевском не входит в топ санкт-петербургских театров и имя Владимира Туманова не на слуху, но спектакль «Идиот» — явная и уже не первая удача режиссера. В спектакле много действующих лиц. Каждый второстепенный персонаж четко выписан и колоритен. У каждого есть свои примочки и приемчики, делающие его персонажа уникальным. Михаилу Николаеву удалось создать запоминающийся яркий образ Фердыщенко. Конечно, сатирическую роль сыграть легче, чем трагическую, она, по сути, более эффектна. Но здесь важна грань — не переборщить, не пересолить — и Михаил Николаев справляется с этим, сумев и вызывать смех в зале, и не скатиться до пошлости.

После уже многих постановок, после фильма Пырьева 1958 года с молодым, еще неизвестным актером Юрием Яковлевым в роли Мышкина, после многосерийного фильма Бортко с блестящим актерским составом — Евгением Мироновым, Владимиром Машковым, Олегом Басилашвили — казалось бы, трудно по-новому пересказать бессмертный роман, но Туманову это удастся. Начиная с мелких деталей и сценических находок. Например, при совершенно аскетическом и минималистическом реквизите на сцене в начале спектакля в доме Епанчиных на столе стоит миска с сушками. И каждый персонаж с помощью сушек, которые они разламывают и едят, показывает свой характер и темперамент. Мышкин неловко и робко раскалывает на части сушку — она рассыпается у него в руках. И сразу становится ясно — он здесь еще новичок, не знающий петербургских правил и порядков. Ганечка, наоборот, молодецкато разбивает на части сушку за сушкой, показывая, что он здесь хоть и всего лишь генеральский секретарь, но хозяин положения. Но чуть позже только по тому, как он много и остервенело ест эти сушки, можно понять, что все это не более чем рисовка, а на самом деле в его королевстве все совсем неладно. Сам генерал разламывает сушку с уверенным достоинством. Его дочери каждая по-своему, но одинаково сжимая в кулаке, разламывая сушки, показывают, с одной стороны — мы здешние, мы в теме, а с другой стороны — мы кокетничаем с новым немного смешным гостем, князем Мышкиным. Такой вот простень-

кий реквизит — сушки, а сколько удовольствия для зрителей, да и актеры слегка могут подкрепиться.

Дорога в дивный сад власти, как изначально кажется главному герою спектакля «Рождение Сталина», в итоге приводит его к одиночеству, кровавым мальчикам в глазах и превращению в идола, которого разрушило время.

Дорога в дивный сад любви и ее власти приводит трех главных героев «Идиота» к катастрофе. Итог — одна мертвая, другой почти сошедший с ума убийца, третий из номинального идиота становится реальным.

Конечно, в романе Достоевского два главных героя — это князь Мышкин и Рогожин. Оба сильно любят, но понимают и проявляют любовь совершенно по-разному. Для Рогожина — это море, которое надо переплыть во что бы то ни стало, гора, на которую надо вскарабкаться, жар-птица, которую надо поймать. Но он даже не совсем представляет себе, что делать дальше, когда он переплывет море, заберется на гору, поймает жар-птицу, и ведь она была у него в руках, и не один раз. Для него любовь — это демонстрация собственной силы и мощи. Для князя Мышкина любовь — это восторг и всепрощение, для него — это проявление слабости.

В спектакле главным персонажем в идее о власти любви становится Настасья Филипповна. Это она властвует над любовью Рогожина и Мышкина. Но... не властна со владать со своей. Почему? То ли потому что один из влюбленных чересчур силен, а другой слишком слаб? С одним ей не хватает тонкости и кротости, а с другим силы и удалости. Поэтому и мечется между ними? Вот бы их соединить да замешать в один коктейль. А может, просто Настасья Филипповна не умеет любить? А умеет только властвовать? Не умеет любить мужчин, потому что в ранней юности ей нанес душевную травму Тоцкий? Или потому что она прежде всего не умеет любить себя? Она считает себя нехорошей и падшей и не может увидеть в себе то светлое, что видит князь Мышкин в ней?

Спектакль не дает однозначных ответов, он задает эти вопросы, чтобы зритель еще долго после спектакля размышлял над ними. Но дает подсказку, что когда нет любви у самого, а есть только власть над любовью других, то финал обречен быть трагическим.

В этих двух спектаклях режиссеры выводят на сцену детей, в большей степени в качестве символов. Был вроде когда-то закон о том, чтобы не использовать образы детей в рекламе товаров, не предназначенных непосредственно для детей. Да, дети всегда трогательны, всегда вызывают умиление и расположение. Мне кажется, в спектакле «Идиот» можно было бы обойтись без этого. Лично мне образ девочки, бегающей по сцене, ничего не добавил.

Два совершенно разных спектакля. Разные эпохи, разные цели и разные мотивы у героев. По-разному решено оформление сцены и декорации. Разные приемы сценического движения и сценической речи. Но есть одна главенствующая идея, объединяющая их. Власть без любви — зло. А абсолютная власть без любви — абсолютное зло и для властителя, и для окружающих его людей.

Людмила БЕЗРУКОВА

ТЕАТР ПО ИМЕНИ АЛИСА

Если в мире все бессмысленно, — сказала Алиса, —
что мешает выдумать какой-нибудь смысл?

Льюис Кэрролл

Для петербуржцев (ленинградцев) лучше актрисы, чем Алиса Фрейндлих, нет. В 1960-е годы она пришла в Театр им. Ленсовета по приглашению главного режиссера Игоря Владимирова. И театр обрел постепенно такую славу, какую в те годы знал только БДТ, возглавляемый Георгием Товстоноговым.

Подробности перехода молодой актрисы из Театра им. Комиссаржевской в Театр им. Ленсовета обсуждались театрами не один месяц. И это при том, что ее карьера только начиналась, она едва успела заявить о себе. Правда, знаменитостью был ее отец — Бруно Фрейндлих, известный актер, да и мужчина видный, под два метра ростом. И обыватели, судача о семейственности в искусстве, сравнивали отца с дочерью. Пусть ростом явно не в отца (153 см), зато талантом точно не уступала. Практиковаться начала еще в раннем детстве. Нередко, сидя рядом с Бруно Артуровичем в те часы, когда он «упражнялся» перед зеркалом, вживаясь в очередной образ, четырехлетняя девочка увлеченно повторяла за ним «ухмылки-ухватки» и «выразительные позы». Уже народной артисткой СССР она признается в одном из редких интервью: «Никогда никакой другой профессии, кроме как актерской, я для себя не видела».

В «Комиссаржевке» начинающая актриса была востребована, без работы не сидела. Однако доставались ей, как правило, роли либо подростков, либо, по образному выражению самой Фрейндлих, «упавшие со стола примы — Эммы Поповой». То есть те, от которых Эмма Анатольевна по каким-то причинам отказалась. Что, конечно, страивало, но и закаляло Алису. «Я страшно переживала, до слез, что не могла сыграть то, о чем мечтала, — говорила Фрейндлих. — Теперь понимаю, что все к лучшему. Чтобы быть мастером, надо много пережить».

Обратили на нее внимание зрители после двух спектаклей Владимирова, в которых она сыграла. Тот, будучи приглашенным режиссером, поставил в конце 1950-х в театре на Итальянской улице два очень симпатичных спектакля, долго державшихся в репертуаре, — «Время любить» и «Случайные встречи». О двадцатичетырехлетней Алисе заговорили. На нее «стали ходить».

Заметил ее и Николай Акимов, в те годы худрук Театра комедии. Николай Павлович — режиссер, художник, сценограф, был знаменит тем, что имел особый нюх на таланты. Актер, случалось, в полной мере еще не раскрылся, а Акимов уже точно знал:

Людмила Николаевна Безрукова — журналист. Окончила Институт физкультуры им. П. Ф. Лесгафта и факультет журналистики СПбГУ. Автор книг «Рецепты красоты Эдиты Пьехи», «Золотые имена петербургского спорта», «Пьедестал», «У ангелов в плену» и др.

будет ИГРАТЬ! Так случилось когда-то с Лидией Сухаревской, ставшей благодаря Акимову лицом не только Театра сатиры и комедии (так он назывался до Великой Отечественной войны), но и всего театрального Ленинграда, а потом и СССР.

О Фрейндлих он, конечно, не мог не слышать. И когда увидел ее у зеркала в служебном фойе своего театра после генерального прогона новой постановки, подошел. Вот как вспоминала ту первую встречу Нина Аловерт, театральный критик и фотограф, оказавшаяся тогда рядом с Алисой Бруновной: «Он подошел к ней, и, поцеловав руку, сказал: „Какая актриса пришла к нам на спектакль! Может быть, Вы и играть в наш театр перейдете?“» («Вы» произнесено было почтительно, несомненно, с большой буквы.) «Фрейндлих, — цитирую далее Аловерт, — подняла на Акимова свои огромные глаза и что-то смущенно прошептала...»

Что именно — так и осталось тайной. Сама Алиса Бруновна никогда об этом не говорила. По крайней мере, публично. Вполне возможно, что и не помнила, посчитав внимание к ней Акимова не более чем вежливостью хозяина.

Она, может быть, и перешла бы в Театр комедии, где служил тогда некий молодой человек, с которым, как говорили, ее связывали романтические отношения... Но что бы там играла? И стала бы той актрисой, которую мы все любим, — интересной как в комедии, так и в мюзикле, драме, философской притче?

Однако Владимиров опередил.

* * *

В 1950-е Игорь Петрович ставил спектакли не только в Театре Комиссаржевской, но и в Театре им. Ленинского комсомола (нынешний «Балтийский дом»). И у Товстоногова на Фонтанке. К началу следующего десятилетия был уже состоявшимся мастером, его имя хорошо знали театралы. Получив предложение возглавить труппу на Владимирском проспекте, осиротевшую после снятия в 1949 году с должности Н. П. Акимова и медленно, но верно тускневшую (режиссеры там надолго не задерживались), Владимиров принял его без долгих колебаний. Вполне созрел к тому времени для создания СВОЕГО театра.

Фрейндлих появилась там через два года после него. Раньше не смогла из-за болезни и последовавшей длительной реабилитации. Но то, что она непременно будет работать с ним, Игорь Владимиров знал с первых дней своего пребывания в Театре им. Ленсовета. Знала и она.

— Еще тогда, на Итальянской, во время «Случайных встреч», у нас возникло взаимное творческое влечение, — рассказывала она. — Или личное... Я не знаю. Эта такая гремучая и прекрасная смесь, и что здесь превалирует...

— Вы к тому времени уже любили его?

— Да. Страстно! Но тайно ото всех. И от моего первого мужа, однокурсника Володи Карасева, и от самого Игоря Петровича, конечно... Он был необыкновенным! Большой выдумщик. Любил пошалить на сцене. Привнес в свои спектакли музыку — величайшее, я считаю, из искусств. Тут у нас случилось полное совпадение. Иначе я бы не пошла к нему. А он бы не позвал меня. Сразу нашел для меня роль в «Первом встречном», там что-то надо было спеть. А потом «Пигмалион». Он разглядел что-то во мне. Разглядел меня саму. И я счастлива. У каждого из нас был свой интерес: ему нужна была актриса, которая бы помогла наполнить зал, мне — режиссер, который бы обеспечил интересными ролями. И необыкновенное понимание друг друга. Необыкновенная степень проникновения друг в друга — в профессии, в личном... Премьеры следовали одна за другой, и довольно удачные. Спасибо ему. Увидел во мне некоторые способности и делал все, чтобы развивать их, причем в разных направлениях. Играла

я в этом театре очень много — по 20 спектаклей в месяц. Знаете, у меня в Театральном институте был замечательный педагог Борис Зон. Он воспитал множество очень успешных актеров и режиссеров. У него был один такой особый курс — актерско-режиссерский. Среди его учеников — Лев Додин, Давид Карасик, Александр Белинский. Так вот если Зон теоретически вводил в профессию, то Владимиров стал моим практическим учителем. Кстати, первый курс в институте Игорь Петрович прошел у Зона, позже перейдя к Меркурьеву. Так что у нас даже педагог был один! Мы исповедовали одно театральное кредо. Поэтому нам легко было вместе. Он строил театр радостный, веселый. Добрый. Для него, как и для меня, важно было, чтобы в том организме, которым становится спектакль, обязательно присутствовала душа, вызывающая в зрительном зале эмоции, переживания.

— То есть, выполняя установку режиссера, ломать свою актерскую природу вам и вашим коллегам не приходилось?

— Нет, Игорь Петрович никого не «ломал». Его театр был рассчитан на молодость, музыку и шальную энергию исполнителей. Собирал труппу он очень тщательно. Искал актеров, обладающих музыкальностью. У нас было много спектаклей, насыщенных музыкой: «Левша», «Укрощение строптивой», «Люди и страсти», «Трехгрошовая опера» и т. д. Это все привнес в Театр им. Ленсовета Владимиров. Все это очень мне близко, так как выросла в музыкальной семье. Папа, пока был молод, тоже пел. Его сестра, моя тетушка, окончила консерваторию, стала профессиональной певицей. Поющей была и бабушка по отцовской линии. Мне петь всегда нравилось и как актрисе с юности хотелось развиваться именно в данном направлении. Может быть, это и стало той силой, которая притянула нас.

Что он не любил, так это переносить на свою сцену готовый мюзикл. Как-то Алиса Бруновна попросила его поставить «Оливера» британца Лайонела Барта по книге Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Раз попросила, два, три, была весьма настойчива. Ответил, что для него мюзикл — это прежде всего совместное творение режиссера и композитора. Взять готовый — значит заимствовать чью-то идею. И вместо «Оливера» поставил «Дульсинею Тобосскую», сделав из исторической комедии Володина музыкальный спектакль. Музыку специально для него написал Геннадий Гладков. Аншлаги не спадали несколько лет. Зритель ногами голосовал за такие постановки. Владимиров даже обвиняли в том, что он работает «на кассу». Но разве это плохо? Сейчас вот все пытаются работать на нее, но далеко не у всех получается...

В 1980-х, во время моего первого интервью с Игорем Петровичем, он подтвердил, что «положил глаз» на Фрейндлих-дочь еще со времен «Комиссаржевки». «Сложилось с ней как-то сразу, понимали друг друга во время репетиций с полуслова», — говорил так, будто происходило все вчера — с радостным удивлением и нескрываемым воодушевлением.

Встречалась я с ним в канун зимней Олимпиады-84 в Сараево. Готовя публикацию о перспективах советской сборной на тех играх, предложила на редакционной планке в качестве эксперта Владимирову. Редактор, помню, удивился: он же не спортсмен, а театральный режиссер и актер! «Да, но еще и страстный болельщик», — возразила я. Редко пропускал матчи главной футбольной команды города — «Зенита» и баскетбольного «Спартака» времен Владимира Кондрашина. Сам Владимиров на мое предложение о спортивном интервью согласился сразу.

Как нередко случается в общении с людьми талантливыми, многогранными, тема беседы одной олимпиадой не ограничилась. Много говорили об искусстве, по словам Владимирову, «во многом категорически напоминающем спортивные состязания».

К тому времени он и Фрейндлих вместе уже не работали. В восемьдесят третьем она «перешла Фонтанку» (как озаглавили тогда сенсационную новость городские га-

зеты), отделяющую Театр им. Ленсовета от БДТ, уйдя к Товстоногову. Незадолго до этого распался их семейный союз. Игорь Петрович не смирился ни с первым, ни со вторым. Во всем, ЧТО и КАК говорил он, чувствовалась горечь. При этом я не услышала от него ни одного резкого слова в адрес Фрейндлих. И Алиса Бруновна о нем всегда отзывалась только с благодарностью и любовью. «Он до сих пор самый дорогой для меня человек», — не раз говорила спустя много лет после расставания.

Будучи не только примой Игоря Владимировича, но и его женой, Фрейндлих никаких преимуществ перед другими при распределении ролей не получала. Да, он нередко брал к постановкам те пьесы, где была какая-то роль для нее. Но потому, что сыграть так, как ему виделось, могла только она. Бывали случаи, когда она отказывалась, а бывало, что и выпрашивала себе роль. Например, Малыша в «Малыше и Карлсоне». Владимирович не хотел давать, так как спектакль утренний, детский, а у нее большая занятость вечерами. Но Фрейндлих все-таки сыграла премьеру вместе с Анатолием Равиновичем (Карлсоном). И много лет спектакль в их исполнении не сходил со сцены.

Что разрешалось и даже приветствовалось, по крайней мере в первые годы работы в Ленсовета, так это творческие споры. Другое дело, что окончательное решение всегда принимал режиссер-постановщик. Актриса вспоминала, как очень не хотела играть Дашу в «Хождении по мукам». «Не моя роль, — говорила она мне через много лет после того, как „Хождение“ сняли с репертуара. — Тем не менее пришлось. Мы недолго его играли. Спектакль получился неудачный. Такое случается, надо быть к этому готовым. Игорь Петрович сам согласился с этим. Он прислушивался к моему и моих коллег мнению. Актерское чутье не отказывало ему. Актером, как и режиссером, он был замечательным».

* * *

Они вместе строили СВОЙ театр. Перейдя к Владимировичу на Владимирский проспект, Алиса быстро стала там примой. Уже к середине 1960-х на ней держался практически весь репертуар стремительно набиравшего популярность театрального коллектива. Те, кому повезло видеть ее работы тех лет, помнили их долго.

Я помню все. Начиная с самого первого для меня в Театре им. Ленсовета в 1974 году спектакля по пьесе популярного советского драматурга Алексея Арбузова «Мой бедный Марат». В нем всего три персонажа: Марат (актер Д. Барков), Лика (А. Фрейндлих) и Леонидик (Л. Дьячков). Поставленный в 1965 году, он шел к тому времени уже девятый год при постоянных аншлагах, привлекая в первую очередь игрой Фрейндлих.

Потом были «Дульсинея Тобосская», «Люди и страсти», «Варшавская мелодия», «Пятый десяток», «Укрощение строптивой», «Вишневый сад», «Нечаянный свидетель»... Сюжетно некоторые из них со временем подзабылись, но впечатление оставили неизгладимое.

Как и сама Алиса. Сколь близкая, почти родная в свете рампы, столь и далекая вне сцены.

Актеров часто ассоциируют с их героями. По тому, что и как они играют, пытаются угадать их судьбу, додумывая характер, бытовые детали. Фрейндлих не стала исключением. Чем ярче были ее роли, тем больше «узнавали» о ней зрители. А когда засверкала на киноэкране (это случилось не сразу), рассказы о ней стали ходить одна другой круче. Подыграли и критики. Одна из московских газет опубликовала статью, автор которой недвусмысленно дал понять читателю, что Ленинградский театр им. Ленсовета создал и «держит» вместе с собранной им труппой не Игорь Владимирович, а Алиса Фрейндлих. О чем красноречиво гласил заголовок, набранный крупным шрифтом: «Театр одной актрисы».

Ее, как она признавалась, публикация не порадовала. Несмотря на «звездность», актриса всегда оставалась самокритичной. Признавалась, что способствовала тому придуманная ею вместе с Игорем Петровичем «специальная молитва». Текст ее озвучивать не стала, а я не настаивала. Любая молитва — таинство для «внутреннего пользования».

А вот Игоря Петровича статья довела до бешенства. Не творческая ревность, а, скорей всего, обида клокотала в душе Владимирова. Хотя, конечно, и самолюбие было задето. А Товстоногов, Гончаров, Любимов, Охлопков, другие режиссеры-лидеры тех лет неужели спокойно восприняли бы подобное? Согласились бы «на роль второго плана» в театре, который сами построили?

— Мы тогда едва не разошлись с ним, — вспоминала она во время нашей беседы с возмущением. — Такой удар под дых! Как будто не он создал и вел восхитительный театральный корабль. Он меня и любил, и творчески ценил, а тут вдруг такая обидная недооценка его труда. И наши отношения немного забуксовали...

Но вряд ли эта статья, написанная критиком, вероятно, в пылу эмоций, под впечатлением ошеломляющих гастролей питерцев в столице, стала причиной развода Фрейндлих и Владимирова — творческого и семейного. Причина, как всегда в подобных случаях, была не одна...

* * *

Пересмотрев на Владимирском проспекте все спектакли с участием любимой актрисы, прочитав о ней все, что удалось найти в газетах и журналах, я загорелась желанием познакомиться с ней лично. Тема для интервью родилась сразу, и не одна. Что-то подсказал Игорь Петрович во время очередной нашей встречи, поведав о домашних «карточных битвах»: любит, мол, жена «расписать пульку». Что-то Бруно Артурович. А также зять Сергей Тарасов — он был дружен с тещей. Даже после того, как распался семейный союз Тарасова с Варварой Владимировой, Алиса Бруновна продолжала общаться с ним. Как личную трагедию восприняла весть о его гибели осенью 2009 года в подорванном террористами «Невском экспрессе». На звонки журналистов, ждавших от нее «хоть какого-то комментария», отвечала с тяжелым вздохом: «Ну что тут комментировать, ребята? У меня — траур».

Тем для беседы было много. В расчете на то, что, как минимум, одна «зацепит» актрису, и она согласится встретиться. Но на все мои звонки с предложениями она отвечала со свойственной ей деликатностью, однако твердо: «Очень занята, извините!»

Ждать встречи пришлось без малого двадцать лет.

В марте 2012 года Россия готовилась к очередным президентским выборам. Кандидатов, как всегда в постсоветские годы, хватало. А с ними и разного рода акций, митингов, выступлений на радио, ТВ. У каждого кандидата были свой предвыборный штаб и своя группа поддержки. Штаб действующего на тот момент премьер-министра РФ Владимира Путина возглавил кинорежиссер Станислав Говорухин, а в группу поддержки вошло немало известных деятелей искусства, в том числе театрального. В частности, Олег Табаков, Евгений Миронов, Геннадий Хазанов, Чулпан Хаматова, Алиса Фрейндлих, что вызвало болезненную реакцию у части электората, которая взялась упрекать мастеров сцены чуть ли не во всех смертных грехах. Хотя почему у них не может быть собственного выбора? Своего видения будущего страны? Личных симпатий, наконец?

В один из дней мне позвонили из центральной (московской) редакции с просьбой «как можно быстрее встретиться с Фрейндлих» и задать ей несколько вопросов о грядущих выборах. Объяснять, что актриса не дает интервью, что у нее жесткий график репетиций, спектаклей, съемок, редакционному начальству бесполезно. Ты либо выполняешь задание, либо...

В общем, ничего не оставалось, как набрать номер Алисы Бруновны. Добрых полчаса мы убеждали друг друга: одна — в острой необходимости, другая — в невозможности этого интервью. Наконец она сдалась: «Через два дня вернусь из Москвы, и если успею... У меня тем вечером спектакль...» А в дни спектаклей (это знают и ее близкие, и в театре) актриса большую часть времени посвящает подготовке к выходу на сцену. Ничто не должно отвлекать ее.

Ясно, что я не вписывалась в заведенный профессиональный распорядок. И, конечно, понимала это. Понимала и она, что не может оставаться в стороне от сложившейся вокруг деятелей культуры ситуации. Дело ведь доходило до того, что во Всемирной паутине стали появляться призывы не ходить на спектакли и кинофильмы с участием тех, кто слишком лоялен, на их взгляд, к власти.

Мой профессиональный долг и ее гражданский сошлись.

Встретились мы в ее квартире на улице Рубинштейна. Дом этот хорошо известен петербуржцам. Во-первых, старинный, постройки 1880 года. Во-вторых, помимо архитектурной, имеет немалую историческую и культурную ценность: на рубеже XIX—XX веков в нем размещалась редакция журнала «Северный вестник», с которым сотрудничали Николай Лесков, Лев Толстой, Максим Горький. А в-третьих...

...Дело было зимой 2004 года, юбилейного для Алисы Фрейндлих. В середине декабря, будучи в Петербурге, президент России Владимир Путин решил лично поздравить ее с «круглой» датой. Самой «виновнице торжества» о визите высокого гостя сообщили чуть ли не в последний момент, что не помешало ей вместе с Варей успеть накрыть стол.

Первые несколько минут общения проходили под прицелом камер федеральных телеканалов. К вечеру вся страна знала, что «всероссийская королева» (этот титул она получила после фильма «Д'Артаньян и три мушкетера»), народная артистка СССР, лауреат государственных премий живет в культурной столице в доме с отваливающейся входной дверью, загаженной лестницей и сомнительными граффити на стенах.

Этого, конечно, не мог не заметить президент. Своими впечатлениями он поделился с Алисой Бруновной. Добавив к сказанному: «Я приглашал с собой Валентину Ивановну Матвиенко, но она сказала, что ей надо переодеться... Наверное, ей просто стыдно было идти по вашей лестнице...» Через несколько дней стены дома на Рубинштейна, 11 были вычищены и покрашены как внутри, так и снаружи, лестничные пролеты укреплены, входная дверь заменена, врезан новый кодовый замок.

На первое мое интервью с Алисой Фрейндлих в марте 2012-го ушло немногим более получаса. Вопросов было заготовлено больше, чем я задала, но злоупотреблять доверием актрисы не хотелось. Хотелось, чтобы первая встреча не стала последней.

Помня оброненную как-то Фрейндлих фразу о том, что человек она не публичный и нет у нее «общественного темперамента», я выразила удивление ее участием в предвыборной «группе поддержки». Выслушав вопрос, она после короткой паузы ответила негромко и без намека на пафос:

— Я считаю, что каждый человек вправе самостоятельно решать, кого ему поддерживать. И иметь достаточно такта, чтобы корректно обсуждать свои политические пристрастия с другими. Мне предлагали стать доверенным лицом кандидата, но я отказалась, будучи сильно занятым человеком. А главное, не хочу быть «почетной фикцией». Уж если быть в предвыборном штабе, то надо действовать. Мне всегда было совестно где-то просто присутствовать. Так вот, кто бы ни победил на президентских выборах, первое, что надо сделать, — это обратить внимание на духовность и нравственность общества в целом и каждого конкретного человека в отдельности. И другая важнейшая из проблем — падает профессионализм. Огромное

количество людей занимаются не своим делом. Все — от сантехника до чиновника. Так же и у нас в актерском цехе. Хотя тут труднее быть непрофессионалом, зритель сразу начинает «голосовать ногами». А в других областях можно сымитировать с помощью коллег, знакомств. Это пугает.

Я доживаю свой век. И не за себя пекусь. За детей, внуков. За следующее поколение россиян. Мне за мою долгую жизнь хватило разных потрясений. И одного сейчас хочу: чтобы их стало как можно меньше. А всякие режимные перемены, прежде всего во власти, могут их повлечь. Конечно, проблем в сегодняшней России — уйма! При всем отсутствии у меня общественного темперамента я все их отчетливо вижу. Это — первая причина моего, если так можно сказать, «вхождения в политику». Вторая: Владимира Путина упрекают в том, что он слишком долго пребывает у власти. Ерунда. Ну, посудите сами, что такое 10—12 лет в сравнении с 70-летней историей советского разрушения — как внешнего, в целом, в стране, так и нашего внутреннего? Слишком мало, чтобы все встало на свои места. Нужно, чтобы сменилось одно, два, даже три поколения, дабы вытравить из себя метастазы. Вспомните библейского Моисея, который 40 лет водил евреев по пустыне. Для чего? А вот как раз для этого — чтобы вытравить из себя раба. Так что срок пребывания Путина в Кремле небольшой. А тенденция его работы мне кажется убедительной. То, что по дороге теряются какие-то крупные зерна, конечно, печально. И нужно ступить на новый виток нашего развития с ощущением, что не все сделано. И хорошенько подумать о том, как взрачевать наше не совсем здоровое общество.

— Вы как-то сказали, что ваша трибуна — это сцена.

— Да. Если есть возможность высказаться в роли, я ее не упускаю. Другое дело, что сейчас нет актуальных пьес. Режиссеры ставят в основном классику. Если режиссер умный, он пытается найти рифму с сегодняшним днем, совпасть со временем. А не очень умный начинает переодевать актеров якобы в сегодняшнее модное, выпускать их на сцену на мотоциклах. Может быть, потому, что не верит в то, что зрители уловят нужную рифму? Это примитивный ход. Исчезновение сегодня драматургов (не имею в виду тех, кто пишет про бытовые неурядицы, разную чернуху) привело к тому, что на сцене, в кино не происходит по-настоящему интересного разговора. Получается замкнутый круг: нет культуры — нет нравственности, экономики...

* * *

Дефицит талантливых, умных театральных режиссеров сопряжен с дефицитом интересных драматургов. Фрейдлих не единственная, кому уже лет двадцать, если не больше, играть, в общем, нечего. Возрастных ролей хронически не хватает. Предлагаемые роли зачастую весьма незатейливы. Представить подобное в пору ее работы в Ленсовета, в БДТ невозможно. «Для того чтобы в театре появлялись хорошие пьесы, должен быть Завлит — именно так, с большой буквы! — уверена Алиса Бруновна. — Вот у Товстоногова была Дина Шварц. Редчайшее совпадение дарований! Не каждому театру так везет. И не каждый режиссер будет столь тщательно искать достойного партнера, как Георгий Александрович».

С Диной Морисовной, ставшей легендарной еще при жизни (многих знаменитых отечественных драматургов второй половины XX века открыла именно она), познакомил меня в 1990-е Кирилл Лавров. После смерти Георгия Товстоногова труппа выбрала его своим художественным руководителем. Он дружил со Шварц. Оба безгранично любили театр как таковой и свой в частности. Все делали для того, чтобы осиротевший БДТ оставался столь же популярным у публики, каким был при Гоге. Дина, уже в серьезных годах, с пошатнувшимся здоровьем, невысокая, худенькая, с вечной папиросой в руках, была все так же озабочена поиском текста. Без усталости, невзирая на возраст, бегала к потенциальным авторам, выцарапывая у них ту или иную пьесу, по-

казавшуюся ей стоящей и на которой, случилось, еще и чернила-то не просохли. Как и прежде, дневала и ночевала в театре, работая с рукописями.

Зайдя в кабинет Кирилла Юрьевича, где мы вычитывали с ним его интервью для нашей газеты, и увидев разбросанные по столу бумаги с неким напечатанным текстом, Шварц мгновенно произнесла короткое «О!» и через пару секунд уже держала в руках один из листов. Поняв, что это «не пьеса», вздохнула с плохо скрываемым разочарованием.

Есть ли нынче такие заведующие литературной частью? Где, в каком театре?..

Алиса Фрейндлих ушла к Товстоногову в восемьдесят третьем в возрасте сорока девяти лет. А в мае 1989-го великий Гога умер. «Досталась мне лишь малая толика счастья — работать с Георгием Александровичем! — признавалась она мне во время уже большого, не «на бегу» интервью. — Мы сделали с ним только три роли: в спектаклях „На дне“, „Киноповесть с одним антрактом“ и „Последний пылко влюбленный“».

Рассказала, как Георгий Александрович проверял ее «на звездность». Ввел в эпизод в спектакле «Смерть Тарелкина». А чтобы Фрейндлих не было обидно, на этот же эпизод взял Людмилу Макарову. Но, впрочем, довольно скоро смилостивился. Сказал: «Ну что мы будем стрелять из пушек по воробьям? Люся и Алиса, вы свободны».

Поинтересовалась у нее: не обиделись?

— То, что это была проверка, я узнала много позже, — ответила с улыбкой. — А тогда с удовольствием репетировала свой эпизодик. Там была роскошная музыка, много движения, пластики. Нет, я не обижалась, наоборот, веселилась. Мне было интересно.

Через несколько лет после первой встречи я вновь пришла к Алисе Бруновне на улицу Рубинштейна, в уже знакомую гостиную, где на стенах висят ее живописные портреты кисти современных художников.

Пока я устраивалась на небольшом кожаном диванчике, хозяйка собирала разбросанные на журнальном столике исписанные листы бумаги. Пояснила:

— Пытаюсь адаптировать к сцене книгу Ромена Гари «Обещание на рассвете». Пьес для моего возраста практически нет, приходится самой искать для себя роль.

— Очень люблю Гари, — подхватила я, — читала почти все его произведения. А кого вы хотите сыграть в «Обещании»?

Посмотрела на меня с удивлением: если любите автора, читали этот роман, должны знать.

— Ах да, мать главного героя! — доходит до меня.

— Верно. Но пока не понимаю, как это можно поставить...

— Тут нужно найти, мне кажется, некий «ход», — взялась я советовать. — Может быть, помните, в советские годы, кажется, в 1960-х во МХАТе поставили спектакль по пьесе, в основе которой переписка Бернарда Шоу с его возлюбленной актрисой Патрик Кэмпбелл. Всего два исполнителя — Ангелина Степанова и...

— Анатолий Кторов, — подсказывает Алиса, как будто только вчера смотрела эту постановку. — Спектакль назывался «Милый лжец».

— Точно! В нем практически все действие сводилось к тому, что актеры стояли на сцене каждый за своей небольшой кафедрой и зачитывали перед зрителями письма героев друг другу. Просто стояли и читали. Но как «держала» зал эта постановка!

Она соглашается:

— Да, была в ней какая-то магия. Но там и пьеса очень хорошая. А инсценировку романа Гари мне приходится делать самой. Что для меня мучительно. Каждый должен, считаю, заниматься своим делом. Я не драматург, моя профессия — не писать, а выходить на сцену и играть. И в Театре имени Ленсовета у Владимирова, и в БДТ у Товстоногова каждый занимался своим делом. Режиссер обычно транслировал идею, ак-

теры работали над ролью, сценографы над декорациями, костюмеры над костюмами и т. д. Тогда не было такой странной истории, как теперь, когда все собираются вместе и начинают что-то писать, коллективно сочиняя, например, диалоги для своих сценических героев.

Тут мне бы плавно перейти к интервью, тему которого мы оговорили с ней накануне, — юбилей Игоря Владимировича, главного мужчины ее жизни. Он родился в январе 1919 года. Она в декабре 1934-го. Разница в возрасте — 15 лет. Их встреча в 1950-х стала для обоих судьбоносной. Не случайно, отмечая на протяжении двух десятков лет под разными предлогами мои (и не только) просьбы о встрече, предложение вспомнить Владимировича Алиса Бруновна приняла сразу. Без всяких «некогда», «как-нибудь в другой раз».

...За шестьдесят с лишним лет на подмостках ей не надоели ни репетиции, как правило, многочасовые, утомительные, требующие сил как физических, так и моральных, ни роли и выступления. Объясняет это просто: когда работаешь над интересной ролью, то надоест не может. Выпустив спектакль, продолжает искать для своей героини новые грани, свежие эмоции, то есть «внедряться в роль», доводить ее до ума. Такие спектакли, по ее словам, по хорошей, как правило, мудрой пьесе вызревают постепенно и делаются много лучше, чем были поначалу.

Известна история со знаменитыми актерами МХАТа (того, старого еще МХАТа, что помнил Станиславского, чтит его заветы) Михаилом Яншиным, Ольгой Андровской, Виктором Станицыным, Марком Прудкиным, Алексеем Грибовым. В 1973 году специально для них режиссер Олег Ефремов поставил спектакль «Соло для часов с боем» по пьесе Освальда Заградника. Все исполнители были преклонных лет, большую часть времени проводили в больницах. Откуда их на спектакль и привозили. По свидетельствам современников, которые видели «Соло» «вживую», выходя на сцену, не очень здоровые актеры буквально преображались, молодели на глазах. Действительно сцена лечит?

Спросила об этом у Алисы Фрейндлих. Ответила без тени сомнений: «Да, это правда. Знаю по себе. После спектакля, отыграв „на полную катушку“, уходишь со сцены, конечно, усталым, даже разбитым. Но едешь в театр, выходишь на сцену с энтузиазмом, полный желания играть. И это очень укрепляет как душу, так и тело!»

* * *

Театралы знают: на сцене во время спектакля никогда ничего случайного не бывает. Если висит, например, ружье, значит, рано или поздно оно выстрелит. В моей долгоиграющей пьесе под названием «взять интервью у знаменитой актрисы» роль ружья «сыграл» кожаный пуфик из гостиной.

На него, поближе ко мне, Алиса Фрейндлих пересела из уютного кресла, заметив, что я периодически привстаю со своего места, чтобы проверить уровень записи в диктофоне. Его я положила рядом с ней, на другом конце круглого журнального столика. И мне было не очень удобно, и ее отвлекало. Тем более отнеслась она к нашему разговору очень серьезно. Впрочем, иначе Алиса Бруновна вообще никогда ничего не делает. Если тема (пьесы ли, песни, сценария, интервью) ей интересна, целиком отдается. Не интересна — не берется.

Без малого два часа просидела Алиса на пуфике, не вставая. Когда же интервью закончилось, встать получилось не сразу. Я к тому моменту уже направилась в прихожую. Услышав за спиной почти страдальческое «Ох!», обернулась. Держась одной рукой за поясницу, другой за столик, Фрейндлих, приподнявшись, пыталась распрямиться. По ее лицу скользнула ироничная улыбка: «Вот дожила!»

— Это потому, что вы долго сидели без опоры, — успокоила я, как могла, любимую актрису. — Вот если бы регулярно делали упражнения....

— А я делаю, каждый день! — слышу в ответ то, что меньше всего ожидала от нее услышать.

Не растеряв с возрастом ни стройности, ни подвижности, она все же всегда была далека от спорта, физкультуры. С ранних лет главным ее увлечением в жизни стало искусство. Даже спортивным болельщиком себя не считает, хотя время от времени и смотрит футбольные матчи. Возможно, как дань памяти Игорю Владимирову, в счастливом браке с которым прожила пятнадцать лет. Как-то по просьбе телевизионщиков по-своему прокомментировала безликую игру сборной России на чемпионате Европы: «Что же они все время проигрывают, жалко ребят, такие все славные».

Мы вышли в прихожую. Одеваясь, я не удержалась, чтобы не спросить у хозяйки, какие именно упражнения входят в ее ежедневную программу. Она охотно перечислила: наклоны, повороты, махи, растяжка. Наклон тут же, в прихожей, и выполнила, без проблем дотянувшись пальцами рук до пола. Спрашиваю про приседания. Оказалось, не делает. Объясняю, как они важны. Не случайно знаменитый хирург Федор Углов, проживший 104 года, а в 90 еще оперировавший, ежедневно выполнял до ста и более приседаний почти до последних дней.

Алиса Бруновна заинтересовалась. Показываю, благо еще не успела надеть пальто. Она тут же взялась повторить. И легко повторила несколько раз. Получилось у нее очень артистично.

К 100-ЛЕТИЮ ФЕДОРА АБРАМОВА

Елена ГАЛИМОВА

ПОЛНОТА РУССКОЙ ЖИЗНИ

Столетие со дня рождения писателя, художника, композитора неизбежно побуждает к осмыслению того, что же осталось от этого творца потомкам, чем интересно, важно, актуально его наследие новым поколениям. И если ответ на этот вопрос вызывает затруднение, то вряд ли юбилейные славословия, сколь бы щедрыми они ни были, привлекут внимание читателя, зрителя, слушателя к погружающемуся в забвение имени...

Федору Абрамову, несмотря на неуклюжие попытки некоторых критиков объявить его безнадежно соцреалистическим и устаревшим, забвение, казалось бы, не грозит: об этом, в частности, свидетельствует интерес к его творчеству кино- и театральными режиссерами. Но в то же время интерес этот зачастую кажется обращенным далеко не к самому главному из того, что оставил нам Абрамов.

Что же видится главным? Нет, не острота социальной проблематики, которая так привлекает прежде всего тех, кто никак не может перестать сводить счеты с советским периодом истории нашей страны; и не глубина и точность психологической разработки характеров; и даже не безусловная, бескомпромиссная правдивость изображения жизненных обстоятельств и человеческих судеб, делающая прозу Абрамова ценнейшим свидетельством того, что было с нами в XX веке. Главным видится то, что творчество Федора Абрамова выявляет саму суть русской национальной жизни, показывает, каковы ее основания и ее ценности.

Елена Шамильевна Галимова — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Автор монографий «Книга о Шергине» (1986), «Художественный мир Юрия Казакова» (1992), «Поэтика повествования русской прозы XX века» (2002), «Земля и небо Бориса Шергина» (2008), «Поэзия Архангельского Севера XX–XXI веков» (2013), «Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы» (2013) и свыше 150 литературно-критических и литературоведческих статей. Почетный работник высшего профессионального образования. Живет и работает в Архангельске.

О том, что это именно так, свидетельствует эпопейная природа тетралогии «Братья и сестры» и неоконченного романа «Чистая книга».

Так ли уж важен этот разговор — о жанре главных произведений Федора Абрамова? Какая разница, что написал прозаик, — эпопею, роман, повесть?

Думаю, что важен, потому что это напрямую связано с осмыслением места Федора Абрамова в литературном процессе второй половины XX века и с сегодняшним восприятием его литературного наследия.

Известно, что эпопея — героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей, — жанр древний. В XX веке, как и в XXI, произведения в жанре классической героической эпопеи появиться не могут. Можно говорить лишь об отдельных чертах, признаках эпопеи, об эпопейности тех или иных жанровых форм. При этом произведения, в которых отмечают эпопейное начало (или которые относят к жанру романа-эпопеи), получают особый статус, привлекают особое внимание, занимают особое место в национальной литературе. Почему — думаю, это станет понятно из разговора о прозе Абрамова.

Размышляя о чертах эпопейности в произведениях Федора Абрамова, мы будем иметь в виду те признаки эпопеи, которые, видоизменяясь, могут жить и в эпических произведениях новой и новейшей литературы.

Что это за черты?

Во-первых, эпопейный характер изображаемых событий, их масштабность и героика. Далеко не всякие события могут стать основой эпопеи, лишь важнейшие, переломные, судьбоносные для народа, нации, общества. Великая Отечественная война — время действия первого романа тетралогии «Братья и сестры» — как событие, безусловно, эпопейна. Именно в такой ситуации, как писал Георгий Гачев, государство оказывается «в зависимости от народа, его свободной воли», перед угрозой смерти, «перед которой обычно встает лишь смертный индивид, а государство ее избегает, тщеславясь перед лицом подданных своим бессмертием». Во время такой страшной войны, какой была Вторая мировая, угроза смерти нависает и над государством, и тогда оно «идет на поклон, обращаясь с воззванием к народу и называет своих членов уже не „граждане“ и не „подданные“, а „дорогие соотечественники“, „братья и сестры“».

«Тогда, — пишет Гачев, — перед лицом смерти... демонстрируется зависимость государства от народа, политической жизни — от трудовой, общества — от природы». Но и народ в этой ситуации «смертельной войны» видит, «что речь идет о его жизни и смерти, о том, быть ему свободным или впасть в порабощение», и что в этой ситуации государство, «при всех своих неполадках... все же дает ему возможность организоваться в целое и противостоять силе» организованного врага, государства-агрессора.

Именно это мы видим и в первом романе о судьбах жителей Пекашина, и во всей тетралогии (в ретроспективных обращениях к опыту войны).

Можно сказать, что именно такое единство народа и государства было для Федора Абрамова чаемым, представлялось ему тем социальным организмом, который был наиболее жизнеспособен.

Вероятно, это важнейшая, определяющая черта мировоззрения Абрамова: он был и выразителем народной, крестьянской правды, и государственным деятелем. Характерно, что Ю. И. Дюжев, отмечая, что «художественная литература была для Ф. Абрамова государственным делом», не объясняет эту его писательскую позицию исключительно приверженностью коммунистической, советской идеологии, а подчеркивает, что «он на новом витке истории продолжал традиции литературы Северной Руси, в которой „на главном плане стоит не забава, не молодечества, а сила созидания государства или сила

религиозная». При этом с одной стороны — государственность, а с другой — народность Федора Абрамова литературовед соотносит с позициями двух его великих земляков: «Идею утверждения могущества России, жизнеспособности и нравственных сил народа Ф. Абрамов перенял от выросшего на Севере сына крестьянина Холмогорского уезда Архангельской губернии М. В. Ломоносова, а яростную защиту униженных и оскорбленных — от сосланного в декабре 1667 г. в Пустозерск... протопопа Аввакума».

В своей тетралогии Федор Абрамов пытался объединить народную и государственную позиции, народную и государственную точку зрения, народную и государственную правду. Если в произведении отражается только одна точка зрения — или народная, или государственная (которые практически никогда не совпадают, но в какие-то периоды истории могут в той или иной мере сближаться) — и нет их «сшибки», взаимодействия (и противодействия), то эпопейного масштаба показа жизни не будет. Эпопейность — всегда всеохватность. На мой взгляд, эпопейное начало во многом потому и постольку ощутимо в «Братьях и сестрах» (как и в «Тихом Доне» Михаила Шолохова), поскольку и Шолохов, и Абрамов верили в то, что советское государство — это, при всех искажениях и отступлениях, по сути своей — народное государство.

Как гражданин Федор Абрамов продолжал верить (вероятно, не без усиливающихся с годами сомнений, но во всяком случае — продолжал надеяться), что советская власть — на самом деле есть власть народа, что народ действительно призван быть хозяином на своей земле и в своей стране, что можно исправить, улучшить ситуацию и на селе, и в целом в стране, если только каждый человек будет мыслить и поступать как гражданин.

А как художник он показывал — не мог не показать, ибо сам был частью крестьянского народа, — как от года к году, от десятилетия к десятилетию все дальше расходятся интересы отдельного человека и устремления властей. И самое страшное — происходит распад самого крестьянского мира, отчуждение крестьянина от земли, разрушение дома, семьи... По сути дела, в «Доме», как и в «Прощании с Матерой» Валентина Распутина, показано — и по-своему не менее символично и провидчески — постепенное разрушение всего космоса русской крестьянской жизни.

Безусловно, важнейший признак эпопейного начала, без которого оно попросту невозможно, — это народность. Народность заложена в природе художественного метода писателя-эпика, и как эстетическая категория определяет принципы его творчества и основы его мировоззрения.

Народность вмещает в себя не только типологию художественного мышления художника, но и выбор им сюжета произведения, трактовку тех событий, которые легли в основу его творения, особенности поэтики повествования, языка. Народность означает эстетический принцип, в основе которого лежит подход к воспроизведению действительности и отбору материала, аналогичный тому, что Гегель назвал «природой особенной цели», считая, что «она осуществляется в рамках субстанционального национального целостного бытия».

О Федоре Абрамове можно с полным основанием сказать то, что Палиевский, размышляя о «Тихом Доне», сказал о Шолохове: «...народность была у него не предметом описания, но существом натуры». Если этого нет — эпопейное мирозерцание не передать.

Поэтому нет оснований говорить об эпопейной природе, например, романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». В этом произведении есть государство, есть события, касающиеся всей страны, — война, есть судьбы отдельных людей, семей, их взаимоотношения, но нет народного начала, нет народа как единства в его настоящем и историческом прошлом, нет того, что В. К. Сигов назвал «мистической связью с единым национальным целым».

Федор Абрамов в «Братьях и сестрах», как и Михаил Шолохов в «Тихом Доне», в своем видении мира выражают веками накапливавшийся духовный опыт народа. Это проявляется, в частности, и в способе организации эпического повествования. Федор Абрамов отмечал: «Мой эстетический принцип — это максимальное слияние со своим героем». Известно, что Александр Твардовский упрекал Абрамова в том, что голос автора-повествователя в его романах сливается с голосами героев, что автор нигде не «поднимается» над ними. Твардовскому не хватало «авторской речи, его суждений, сопоставлений, его, авторского, уровня мышления, наконец, его авторского языка». Но, на мой взгляд, такое слияние голосов автора и героев в единый «хор», невыделенность, необособленность авторской позиции — важнейшее свидетельство эпопейности «Братьев и сестер». Ибо в эпопее «я» становится «каждым» и посредством него входит в общее.

Можно сказать, что расхождение народного и государственного начал в жизни страны, их несовпадение стало и конфликтом «крестьянской эпопеи» Абрамова, и внутренним конфликтом самого писателя. А их чаемое слияние — это его утопический, не достижимый ни при каком государственном строе идеал.

Потому наиболее трагичны, точнее — наиболее страшны последние, а не первые книги тетралогии. И не случайно герои Абрамова говорят о том, что «никогда у них... не было столько счастья и радости, как в те далекие незабываемые дни», в военные «страшные времена». «Вспоминали, охали, обливались горячей слезой, но и дивились. Дивились себе, свои силам, дивились той праведной и святой жизни, которой они тогда жили». И секретарь райкома Новожилов, словно вторя Лизе Пряслиной и другим пекашинцам, говорил: «И такая совесть в народе пробудилась — душа у каждого насквозь просвечивает... Понимаешь, братья и сестры...» А в сытые, благополучные семидесятые годы словно сама жизнь, ее душа вытекала по капле из Пекашина.

Это же отмечают исследователи и в романе-эпопее Льва Толстого «Война и мир»: «Создалась парадоксальная ситуация: связи между людьми укреплялись при очевидной внешней опасности и ослабевали, растворяясь в суетности малых дел, война стимулировала развитие у людей лучших их качеств. Оказывалось в итоге, что на войне они жили по законам мира, а в мире — по законам войны» (В. А. Беглов).

Таким образом, эпическое начало тетралогии обусловлено не только ситуацией войны, из которой выходит победителем как советская армия, так и весь народ (и в этом отношении очень важно, что Абрамов показывает войну не на поле боя, а в тыловой деревне), но и другим не менее (если не более) страшным, хотя и не столь явным, не столь заметным переворотом: разрушением уклада быта, устоев и традиций русской деревни, разрывом связи крестьянина с землей, семьей, родом, атомизацией личностей.

Среди других эпопейных признаков тетралогии Абрамова можно назвать и черты эпического героя, явно ощутимые в Михаиле Пряслине. Это раннее сиротство, раннее же возмужание (богатырство), ответственность за семью и за всю крестьянскую общину, неразрывная связь с землей (только в деревне, только в крестьянской работе он осуществляется), невозможность уехать из Пекашина (Егорша Ставров-Суханов вполне может оставить и родную деревню, и семью, а Михаил, подобно Антею, только в неразрывной связи с землей черпает свою силу; если его оторвать от земли — погибнет). Одних только конкретных социально-психологических характеристик Михаила оказывается недостаточно для осмысления его роли и места в «крестьянской эпопее» Абрамова. Это именно эпопейный герой, который, хотя и не участвует в битвах, по сути, в годы войны на своих плечах выносит тяготы всего крестьянского мира. Это такой герой, в котором, по словам Гегеля, воплотилась нация.

Эпопейная природа «Чистой книги» тоже обусловлена и эпохой (революция, Гражданская война), и сущностью главной героини — Махоньки.

Все недоумения и споры по поводу того, что именно эта нищая старушка-сказительница стала главной героиней итогового произведения Абрамова, снимаются, если осмыслить ее именно как героиню эпопеи.

Предметом эпопеи, как отмечает М. М. Бахтин, служит национальное эпическое прошлое, а ее источником — национальное предание. Знание именно о таком эпическом прошлом несет в себе Махонька, как пишет о ней Абрамов, — «человек, который жил и сейчас, и в прошлом. Единственный в своем роде человек. Маленькая, с вехоть сама, старушонка несла в себе историю со времен Киевской Руси. И как несла! Темрюковна, Илья Муромец, Китай-город — все это было для нее живым. Соединение в одном человеке прошлого (в живых лицах) и настоящего делало ее, конечно, особенной. Она может перебраться на другие миры. Она несет в себе весь земной мир. В ней, в этой маленькой старушонке, уплотнена вся Россия. Ее история».

Героиня «Чистой книги» — образно говоря, Гомер русской жизни. Удивительно точно найденная героиня, с помощью которой можно передать главное, к чему стремится эпопея, — целостность национального мира, ту целостность, в которой Гегель видел почву и условия рождения эпопеи.

Революция и Гражданская война, безусловно, — это в высшей степени эпопейные события, поскольку в ситуациях непримиримых столкновений, призванных привести к изменению форм национальной жизни, можно говорить об эпическом состоянии мира. И то, что Марьюшка-Махонька воплощает собой всеобъемлющее, все приемлющее начало, объединяющее настоящее и прошлое, мир взрослых и мир детей, святость, праведность и скоморошество («как пчела мед собирала») делает ее словно бы не только героиней, но и «автором» «Чистой книги», замысел которой, несомненно, имел эпопейную природу. И. А. Ильин писал: «У каждого народа есть в душе таинственная, подпочвенная глубина — последний источник его творчества и его духовности. Это глубина таинственна и по происхождению своему, и по содержанию. Обычно люди не замечают ее — они просто живут ею, так, как если бы она была незримым для них воздухом их дыхания или неосозаемым, внутренне излучающимся из них светом их жизни». Эта таинственная глубина воплощена у Абрамова в образе Махоньки — мифологическом, символическом, архетипическом.

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания говорить о том, что и тетралогия «Братья и сестры», и «Чистая книга» Федора Абрамова — произведения с отчетливо выраженным эпическим началом, определяющим в них главное: это книги не о судьбах отдельных людей и семей, не о жизни одной северной деревни, не о том или ином периоде русской истории (при том, что все это в них есть, конечно), а о том, что есть сама субстанция русской национальной жизни, каковы ее основания и ее идеалы.

Одним из признаков (совсем не научных, но убедительных) того, что «Братья и сестры» — эпопейное произведение, служит то общее впечатление, которое остается у читателя, закрывшего книгу. При всем драматизме и трагизме событий и судеб, о которых рассказывает эта книга, остается — поверх всех других чувств — ощущение света и спокойной, тихой радости. Потому что «Братья и сестры» — о всей полноте русской жизни, крестьянской по своей изначальной сути, жизни, которая при всех ее тяготах, часто — невысказанных, все же невыразимо прекрасна, до краев полна и осмысленна.

Такие книги занимают особое место в национальном сознании и живут долго.

Игорь ШУМЕЙКО

ИБСЕН, ФЕМИНИЗМ И КУКЛЫ С НИЗКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В 1879 году вышла в мир пьеса Генрика Ибсена «Кукольный дом» («Современники восприняли драму как манифест феминизма» — Wikipedia).

Рискуя обидеть просвещенного читателя, все ж напомним содержание.

Нора, жена Торвальда, тайно заняла денег, чтоб отвезти его, больного туберкулезом, в Италию, исцелила. Сказала, что деньги одолжил ее отец, а муж по-прежнему зовет Нору «моя мотовка, куколка». Кrogстад, у которого Нора заняла деньги, лишен Торвальдом места в банке и, угрожая разоблачением, требует от Норы повлиять на мужа. Нора просит за Кrogстада — безуспешно. Тот ее разоблачает. Торвальд разгневан, называет жену преступницей, которой он не доверит воспитание детей. Позже Кrogстад возвращает расписку Норы, Торвальд счастлив: «Нора, ты (опять) моя куколка», но... Нора уходит, оставляя его и трех детей: «Я была твоей куколкой-женой, у папы была куколкой-дочкой. Но я человек! Не буду больше слушать других. Я сама...»

Манифестуальность, феминистичность пьесы Ибсена подтверждают и сегодняшние диссертации, рефераты (теснятся в Инете), и долгий ряд продолжений, написанных «в свете актуальных задач феминизма».

У англичанина Уолтера Безанта Торвальд спился, дети выросли. Дочь влюбилась в сына Кrogстада, не желающего их брака. Ее брат подделывает вексель. Кrogстад шантажирует (опять!), требуя, чтоб девушка отказалась от брака, спасая брата. Она кончает жизнь самоубийством.

Американская версия Эдны Ченей с самого старта зияет оппортунистическим хеппи-эндом: став сестрой милосердия, Нора спасает Торвальда во время эпидемии холеры, супруги воссоединяются.

Датчанин Эрнст Бруун Ольсен, пьеса «Куда ушла Нора» (1967 г.) — уже революционная ситуация (верхи/низы, не могут/не хотят). Нора среди воров и проституток. Торвальд пытается ее вернуть, но данные представители люмпен-пролетариата оказываются достойней лицемера-банкира мужа...

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Автор двенадцати книг, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

Ну а работа 1977 года знаменитой Эльфриды Елинек — чисто «Как нам реорганизовать кукольный дом?». Мою аллюзию подкрепляет и то, что лауреат Нобелевской премии 2004 года по литературе Елинек более 20 лет (до 1991-го) была членом Коммунистической партии Австрии — правда! Дух захватывает представить, как в составе делегации братской компартии она могла побывать в Москве на двадцать каком-нибудь съезде КПСС. Слушая отчетный доклад товарища Брежнева, задумывать свою знаменитую «Пианистку»... Это, впрочем, фантазии в отличие от вполне реальной и успешной драмы Елинек «Что случилось после того, как Нора бросила своего мужа, или Опора общества». Действие вписано в обстановку Германии периода нарастания фашизма, атмосфера как в «Кабаре» Боба Фосса, то есть волнительная и увлекательная.

Итого: ибсеновская Нора, решительно уйдя из кукольного дома, стала символом, лицом мирового феминизма. Ну как Тина Канделаки — рекламное лицо Oriflame. И какая-то дьявольская ирония возвращает Нору на круг: не хотела, чтоб тобой играли отец и муж, — теперь тобою играют глобальные политические и социальные игроки.

Продолжением этой насильной игры мне увиделся бизнес-проект Дмитрия Александрова: летом 2019-го он открыл в Петербурге «досуговый центр Dolls Hotel с первым легальным борделем с секс-куклами». Совпадения названий пьесы и «заведения» никто не заметил. А ведь попадись сия въедливая статья в руки наследников Ибсена — может возникнуть даже вопрос о роялти: эдакий подарок к 140-летию Норы. Да, женщинам невежливо напоминать о возрасте, но ведь Нора не стареет как гордый символ феминизма. Как «работницы» в кукольном доме Александрова.

Он их называет «артистки». Журналисты ломались в его Dolls Hotel, в некоторых (из десятка с лишним) статьях намекали на успешный тест-драйв. Отрывки из нескольких интервью:

В чем отличие вашего сервиса от настоящего борделя?

— Это легально и безопасно. У секс-работников огромный процент венерических заболеваний. Опрошенные нами люди считают: пользование нашим сервисом — не измена.

Есть мнение, что заведения с секс-куклами повысят уровень насилия над женщинами.

— Статистика Европы, где много таких центров, показывает: секс с куклами, наоборот, снижает уровень насилия. Если у человека есть зависимость, пусть он сделает это на кукле. После каждого сеанса кукла час обрабатывается специальными химическими средствами, запатентованными Lumi Dolls. Наши специалисты прошли курс обучения по обработке кукол в Испании.

Почему вы называете их актрисами?

— Они играют разные роли. Официанток, стюардесс, девочек гоу-гоу. Через пару лет рынок секс-роботов вырастет до \$50 млрд (Дмитрий показывает ролик Lumi Dolls: андроид на видео выглядит, ведет себя почти как человек). Dolls Hotel собирается приобрести одну такую. Примерная стоимость: \$20 000. В отеле 30 кукол, пять доступны в номерах, остальные работают «на выезде». Их доставляют на дом или на мероприятия. Пока есть шесть образов на выбор: от Исильель с эльфийскими ушами до Лолиты...

Впрочем, первые вести о куклотерапии доходили к нам еще в СССР, еще в рубриках «Их нравы» или «Безумный мир»: в Японии-де эксплуатация настолько морально истощает рабочих, что придумали средство разгрузки, в специальной комнате — куклы с лицом начальника, которых можно бить. Заходит работник, лупит «шефа» пару минут, сбросил пар — и снова к конвейеру или в контору.

Наверно, и те манекены-начальники тоже были секс-куклами в каком-то переносном смысле... а для некоторых особо разозленных или изощренных японских работников, возможно, и в прямом (видеокамер в комнатах вроде не было)...

Много пишут о позитиве: куклы помогают людям, стесняющимся своего тела, с различными затруднениями или фантазиями (интересно бы поразмышлять: где одно переходит в другое), джаст релакс... Феминистки говорят о снятии куклами части давления на женщин, нагрузки на проституток.

Профессор Марина Адшаде (Ванкуверская школа экономики), книга «Секс-робот: социальные и этические последствия»: «Машина может уменьшить объем требований, выставляемых партнерам. Непросто найти того, кто одновременно будет хорошей матерью и сможет удовлетворять все сексуальные потребности. Робот может взять на себя эту функцию, подменяя в определенных случаях партнера».

Феминистки в отношении к проституции не едины. Леда Гарина, куратор проекта «Ребра Евы»: «Либеральное крыло считает: легализация — это хорошо. Но, как это свойственно большинству либеральных активистов, они не очень хорошо разбираются в экономике и последствиях применения различных законов. Аболиционистки считают проституцию современной формой рабства».

Я расспросил об этом известнейшую нашу феминистку Марию Арбатову, ее ответ вышел еще более радикальным:

— В проституции, сексуальных услугах за вознаграждение задействовано одинаковое количество женщин и мужчин, но патриархальное общество намеренно делает вид, что секс продают только женщины. Совершеннолетние люди обоих полов идут в проституцию добровольно, решая определенные психологические проблемы, что давным-давно описано психологической наукой. Вопрос высвобождения женщин и мужчин из добровольно выбранной профессии не имеет смысла...

Тут мне показалось, у Марии звучала определенная гордость: «не связывайте феминизм и проституцию, это удел обоих полов!» Спорить об *одинаковом количестве задействованных*, раскатывать статистические рулоны мне показалось невежливо, глупо, да и интересовало меня больше вторжение технических новинок в «древнейшую профессию» и в 140-летние бастионы феминизма:

Мария! Какие новые формы/методы унижения дискриминации женщин вы видите сегодня в мире, в России? Открытый недавно в Питере бордель с секс-куклами — это облегчение/высвобождение хотя бы части женщин? Или некое «виртуальное унижение», современное оскорбление образа?

Мария Арбатова:

— Новых форм и методов дискриминации женщин не существует, все они стары как мир, потихоньку уходят в прошлое. Наверняка существуют люди, предпочитающие живым сексуальным партнерам кукол, но секс-индустрия давно решила этот вопрос, продавая в интим-магазинах надувных мужчин и женщин, так что никакой революции публичные дома с куклами не совершили.

Возможно, я тут не лучший собеседник, ибо по «делу Вайнштейна» Мария мне ответила определенно:

— Попытка подчеркивать минусы компании «MeToo» означает только желание ее обесценить. Компания чрезвычайно важна для понимания того, что такое границы и частное пространство человека.

А я-то, получается, «подчеркивал»! В нескольких статьях юмористически обыгрывал «вспоминание приставаний» через 30 и более лет. Да и за статью «Сам себе сутенер» на главном сайте «За феминизм» меня, в общем... пожурили. Но своим эссе о питейском «Кукольном доме-2» (так, выстраивая генеалогию от Ибсена до Александрова, невольно заденешь и другие интеллектуальные «проекты») я хотел привлечь внимание к более долгой истории. Ведь и Нора из «Кукольного дома-1» — знамя, «исходник» феминизма — имела свою предшественницу, уже «совсем живую». Прототипом стала Лаура Петерсон, практически «крестная дочь» или ученица Ибсена: приняла его совет заняться литературой, под влиянием его книг став писательницей. Они подружились, и когда в 1873 году Лаура вышла замуж за адъютанта Виктора Килера, с ней и произошла та самая история. Со всеми деталями: туберкулез мужа, желание помочь, тайный заем, излечившийся муж потребовал развод, забрал детей, потом раскаялся...

Жалость к несчастной Лауре, гнев на вопиющую несправедливость продиктовали Ибсену его «Кукольный дом». Потом феминистки, ведомые изначально столь же праведным гневом, сделали Нору своим символом. Потом политические обременения подхватили, унесли «куколку» от живых страданий одной женщины, Лауры, к страданиям миллионов, эксплуатируемых домашним трудом, проституцией. Век поточных технологий отреагировал массово-поточно: вот вам «Кукольный дом-2», заткнитесь и займитесь... делом.

Механистично? Ненатурально? Но жизнь с отцеженными и удаленными страданиями не так же искусственна? В Книге Иова сказано «... но человек рожден на страдание, чтоб как искры устремляться вверх». Правда, в другой книге («Бытие») сказано: «в поте лица своего будешь есть хлеб свой». Но поскольку Бог почти во всех религиях милостив, человек этой механизация, машинерия веками нащупывала границы: как можно смягчить приговор, слегка обойти его, не вызвав новых кар. Но... показавшееся на горизонте полное освобождение от «пота», роботизация, уже пугает: «Куда девать миллиарды тружеников?»

Механизация в интимной сфере стала продолжением той издревле тянущейся игры: обойдем и другое проклятие, насчет неизбежных страданий (страдания любви, «в муках рожать»). Обойдем и... исчезнем?

Завершая, еще раз глянул справку Wikipedia:

«В России пьеса „Кукольный дом“ ставилась: Театр Мейерхольда, в 1923 — Театр МГСПС (ныне Театр имени Моссовета); в 1935 — Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина, режиссер Б. А. Бабочкин».

Долго пытался вообразить «манифест феминизма» в постановке и с участием Бориса Бабочкина — Чапая. Не сумел. Хотя Анка — Нюра была бы прекрасным продолжением политики феминизма — «другими средствами» (пулемет «максим»)... Но вспомнив галерею продолжателей Ибсена, включая саму Елинек, представил версию в духе XXI века, когда андройды достигнут обещанной неотличимости от человека.

Лишенная семьи и детей Нора уходит в публичный дом. Правда, это уже было у Ольсена (пьеса «Куда ушла Нора», см. выше), но дом этот... вы уже догадываетесь: фирмы Dolls Hotel. Крышуют его — дань нашей «чернухе», — соперничая, терминаторы и роботы. Страдающий одиночеством муж Торвальд заходит: «А можно всех посмотреть?», выбирает, и... опять семейная сцена («Правильно я забрал у тебя детей!»). И Нора опять уходит — из «Кукольного дома-2». Куда-нибудь в «Приглашение на казнь» Набокова или к Алисе в Зазеркалье.

Петер Баум: Окопные стихи: Сборник стихотворений.**Пер. с немец. Е. Лукина. — СПб., 2019.**

Петер Баум (1869–1916) — немецкий поэт и прозаик, в юности мечтал стать священником-евангелистом. После неудачных попыток — по требованию отца — заняться предпринимательством поступил в Берлинский университет, где слушал лекции блестящего литературоведа Эриха Шмидта, познавал историю германской литературы и философии, писал стихи и прозу. В мастерской своей старшей сестры познакомился с Питером Хилле — писателем натуралистической школы — и бесповоротно решил заняться литературным трудом. Он посещал собрания Ассоциации художников и анархо-коммунистическое «Новое сообщество», где горячо спорили о путях нового искусства свободные художники и политические диссиденты. Сблизился с экспрессионистами, в первую очередь с Гервартом Вальденом — основателем журнала «Штурм», ставшего ведущим изданием немецкого экспрессионизма. Среди авторов этого журнала были Кнут Гамсун и Генрих Манн, Сельма Лагерлёф и Эльза Ласкер-Шулер, там же публиковались стихи П. Баума. Творческие планы прервала Первая мировая война. Петер Баум под влиянием патриотического порыва ушел добровольцем на фронт. «Германия — милая мать великой земли, / И в сердце твоём материнском так много любви! / Но ныне тебя на страдания мы обрекли: / Под градом стоишь ты, родная, в крови — / Со всех концов света враги и тебя облекли». Поэт-эстет попал на Восточный фронт в должности санитаря, «оказался извергнут из жизни свободной / В самое пекло войны — в жерло огненной бури». «Мы рыли окоп, где деревья стояли. / Шальные снаряды вокруг танцевали, / Являя красивый саперский прием: / Взрыв — темная яма — густой чернозем. / Над нами весеннее солнце светило. / Оно неплохую судьбу мне сулило: / Сияли деревья, как будто в раю. / Руками я голову стиснул свою». Утонченный поэт-эстет среди жестких реалий окопной войны: «У нас внизу лишь тьма, и горе, и беда. / У нас внизу лишь смерть да черная земля, / Да скорбный стук лопат о мерзлые края»; «Кровавый хлам: когда мы пробирались через чужой окоп, / Мы видели врагов — их лица были искромсаны вдребь». Когда-то, восхищаясь евангельской чистотой творений поэта, Г. Вальден называл своего молодого друга «религиозным отроком». И написанные в окопах, под смертоносным огнем, стихи также наполнены религиозными мотивами и нотами светлой любви и печали. «Сияют звезды. Покидаем пост. / И тут меня возносит на помост / Блаженство духа. Стелется покров. / Горят святые свечи среди миров». «Все белым снегом вьюга замела, / Мария в белом платье низошла. / Дитя Ее на крест вознесено, / Вокруг в полях белеет полотно. / На белом стержне белый ковш повис. / Источники над бездной пролились. / Мария влажный взор бросает вниз». Обжигаясь на привале горячей балладой, поэт вспоминал свой сладкий детский сон — Рождество, мерцание мирных свеч и колокольный звон; музыку из окон кофейен, беззаботный смех порхающих красавиц, среди которых была и та, что желаннее прочих. Присутствует ли антивоенный пафос в стихах Баума? Несомненно. Пришло ли прозрение? Пожалуй, хотя желание защитить отчий дом не пропало. «Они нам наврали, что битва без битвы случится. / Откуда ряды черепов, что пробиты насквозь? / А битва все длится и длится, / И с каждым снарядом, который по небу промчится, / Умножится горестный список несчастий и слез». «Так отправляли смерть мы каждый день с тобой. / Повелевали из стволов чужой судьбой, / Творили матерям страдания с лихвой. / Когда-нибудь домой вернемся, друг, / И будем горевать, прозрев однажды вдруг, / Что

всё живое жаждали убить вокруг». Петер Баум погиб в июне 1916 года. 5 июня осколками шального снаряда поразили его в голову, когда неподалеку от передовой он рыл могилы для погибших солдат. На следующий день он скончался. Это случилось в небольшом латвийском городке Кекава на берегу Даугавы. Незадолго до гибели П. Баум сочинил пророческие стихи о железном Молохе войны: «Где волки бежали сквозь снежную ночь, / Внезапно нагрязнул неистовый холод, / Завыл дикий ветер и бешеный голод, / И стали снаряды сугробы толочь. / Ощерился ярый железный оскал: / Он крови и плоти моей возжелал. / Нам рано бежать, что ты, ночь, ни пророчь, / На гибельный зов через снежную ночь, / Где выстрел поставит последнюю точ...» Получив печальную весть, Г. Вальден собрал фронтовые стихи своего друга и выпустил их отдельной книгой под названием «Окопные стихи». Творчество Петера Баума широко известно в Германии. В России его произведения впервые опубликовал петербургский поэт и переводчик Евгений Лукин. Сначала в уникальной антологии мировой поэзии «Книга павших», изданной к 100-летию начала Первой мировой войны. В ней представлены фронтовые стихи погибших поэтов из 13 стран мира — 31 автор. Публиковались подборки стихов Баума и в журнале «Нева». Сборник «Окопные стихи» в России публикуется впервые, приурочен его выход к 150-летию юбилею поэта. Сборник билингвистический, в нем помещены и оригинальные тексты на немецком языке. В предисловии к антологии «Книга павших» Е. Лукин отметил, что представленные им авторы «были солдатами разных враждебных государств и творили на разных языках, но в их стихах, вопреки всякой ненависти и злобе, вопреки всякой ярости и озверению, звучал один всепобеждающий мотив — мотив любви». Всепобеждающий мотив любви явственно звучит и в поэзии П. Баума.

315. Рассказы писателей Санкт-Петербурга. СПб.: Союз писателей СПб., Петрополис, 2018 — 292 с.

Наверное, неудивительно, что в повестях и рассказах петербургских писателей одним из главных героев непосредственно или опосредованно является Санкт-Петербург. Величаво-холодный, отрешенно-беспощадный, когда-то пошатнувшийся рассудок пушкинского Евгения, как у А. Гиневского в рассказе «Мост, пролетка и Нева». С распаханной и засеянной картечью, залитой кровью Петровской площадью и в то же время радостной суетой у Гостиного двора, как у Б. Голлера в повести о восстании 1825 года («Петербургские флейты»). Он такой разный, город на Неве. Вот так увидел его Валерий Поляков с борта катера, врывающегося в мещанскую, ремесленную часть Петербурга: «трехэтажные пыльные домики с кургузыми колоннами, трогательные и жалкие в наивных попытках походить на дворцы. ...Ампирный домик с острым „скворечником“ наверху, с круглым чердачным окошком, ржавым балкончиком на фасаде. Над низкой сырой аркой — полуисчезнувший символ ушедшей эпохи „Осоавиахим“. ... Звезда с тремя концами (два отвалились), под ней скрещены винтовка и пропеллер, и вьется каменная лента с буквами „Крепи обо.. ну С...Р“» («Вид Петербурга с воды»). Свой, застывший Питер есть у А. Мелихова: «На углу Девятой „Рыба“ прежняя. Но пивного ларька уж нет. Для вас нет. А для меня двое работяг по-прежнему прихлебывают пиво... Для меня на месте и невидимая „Кондитерская“, где неутомимая машинка вынимает из кипящего жира бронзовые кольца пышек, награждавшие сластолюбцев пивной отрыжкой. Над пышечной на унылом брандмауэре и сейчас стынет огромный плакат — крохотные пингвины прохаживаются вокруг прозрачной бутылки „Smirnoff“». А вот таким город был в день 1 мая 1946 года: «В трамвае было много народу. Много его было и на тротуарах, на самих улицах. Люди с шариками, раскидаями, трещотками. Подвыпившие, веселые. В самом вагоне слышна была гармошка. В окно было видно, как

то там, то тут окружали гармониста, пели, плясали. Особенно, конечно, бросались в глаза военные. Чаще одетые по-летнему, в одних гимнастерках, с блестящими орденами и медалями. Штатские смотрели в их улыбающиеся лица с горячей признательностью: приближалась годовщина Победы» (А. Гиневский. «Куинджи и хлеб сорок шестого»). Но город — это и люди с их радостями и горестями, с надеждами и разочарованиями. Жесткое послевкусие испытывают после декабрьского «стояния» на площади мятежники, царь, его домочадцы, старые генералы и свидетели-обыватели. Будущий наследник страдает из-за того, что ему пришлось провести скучный день со взрослыми, рвота раздирает вернувшегося с площади великого князя Михаила Павловича, решительность обретает сестра своих братьев Елена Раевская. Неистребима у петербургских писателей и память о трагических днях блокады. Пронзительны блокадные рассказы Е. Асмус, П. Пигаревского, С. Кулешовой, О. Солода. Е. Асмус, «Кролик»: на кобальтово-синем «мейсеновском» фарфоровом блюде — морковный пудинг из крахмала с добавлением одной чахлой морковинки, сваренной и истертой в мелкую крупу, на другом блюде — горка сваренной гречи, и как сюрприз — жаркое из кошки, есть которое не может хозяин дома. Блокадный Новый год. Читатель сможет вспомнить и советский период, где быт ленинградской коммуналки имел свой неповторимый дух и был полон неожиданных поворотов судьбы, а посиделки на кухне в хрущевке или за столом в коммуналке являлись привычным душевным делом, почти ритуалом. Можно побывать с Е. Лукиным на его счастливом месте встреч с Учителями и поэтами: в Герценовском педагогическом университете, а точнее, в его главном здании — бывшем дворце графа Кирилла Разумовского. Там, на третьем этаже располагалась редакция газеты «Советский учитель», сотрудником которой он стал еще студентом. Или побывать с А. Гиневским в филармонии в те времена, когда билет туда стоил чуть дороже, чем в кино или в баню. А можно прикоснуться и к современности, легендам и реалиям наших дней в рассказах Н. Кузнецовой, С. Мосовой, К. Грозной. Петербург — это и город, где неразрывны таинственные связи между прошлым и настоящим. В предвоенные годы тринадцатилетний подросток заслушивается блатными песнями в исполнении соседки по коммунальной квартире. Она же, отсидевшая свое Сонька-проститутка, знакомит его со стихами поэтов Серебряного века, и случайно выясняется, что известный советский политический и военный деятель Иван Газа с «дружками-революционерами» были заведующими заведения, где она «работала», и регулярно поставляли туда «конфискованную» у буржуев еду и выпивку (С. Арно. «Здорово, Ванька Газ!»). А в рассказе В. Заренкова «Старый дом» чемоданчик с драгоценностями, переданный одиннадцатилетнему мальчугану преследуемым милиционерами бывшим владельцем дома, помог выжить в блокаду мальчику и его матери, а уже в наше время — спасти, отремонтировать пришедший в упадок когда-то роскошный дом. Петербург — это и фантазийный город. Только здесь, наверное, после встречи в коридоре с соседом-алкоголиком можно познать тайную жизнь теней, начало которой дал ученик Филонова, когда-то перешедший в нарисованную тень на картине учителя. Только здесь можно стать свидетелем того, как в Эрмитаже прозрачный ангел старается освободить из плена вечности свою подругу, ангела и натурщицу художника эпохи Возрождения, оказавшуюся в плену от того, что рука художника дрогнула из-за окрика ревнивой супруги (П. Алексеев. «Тени», «Ошибка художника, или Ангел на полотне»). И не покажется удивительным, что «неподалеку от трассы „Скандинавия“, там, где смешанный сосново-елово-березовый лес бьется в смертельной схватке со знаменитыми питерскими болотами, там, где культурная столица России наступает своим новостройками и на болота, и на смешанный сосново-елово-березовый лес, живет-поживает наша потомственная питерская баба-яга». В трехэтажной избушке с мужем Илюшей, настоящим богатырем, чьи предки из тех коренных питерцев, которые сами из Мурома (И. Мясникова. «Баба

Яга и Союз нечистой силы»). Рассказы и повести 28 писателей-членов Союза писателей Санкт-Петербурга: документальные, исторические, детективные, фантастические, реалистические, юмористические, это классическая проза, призванная сохранить Петербург, каким он был и каким есть сегодня.

Семен Ласкин. Одиночество контактного человека. Дневники 1953–1998 годов. Составитель, автор пояснительного текста и примечаний А. Ласкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 520 с.: ил.

Около пятидесяти лет петербургский прозаик, драматург и сценарист Семен Ласкин (1930–2005) вел дневник. Как прозаик, воспринимая окружающее через диалоги, подробно фиксировал беседы, мнения, оценки, реплики собеседников. Записывал то, что слышал сам или от кого-то во время прогулок по родному городу, по Комарово, в поездках в разные города СССР и за границу, на вечерах в Доме писателя и в гостях у художников. Среди собеседников были Битов, Чаковский, Нагибин, Распутин, Сошнора, Смоктуновский. Некоторые встречи не имели продолжения, но остались запечатленными: с А. Ахматовой, И. Эренбургом, В. Кавериним. Сквозные герои дневника и постоянные собеседники Ласкина — ключевые фигуры послевоенной советской культуры: В. Аксенов, Г. Гор, И. Авербах, Д. Гранин. Впервые В. Аксенов упомянут в 1956 году среди студентов Первого медицинского института (там учились оба будущих писателя), желавших попасть на флот на практику. С каждой новой записью фигура Аксенова укрупняется, становится совсем крупной, расцвет дружбы — 1960-е годы. В 1959 году на военных сборах в Таллине С. Ласкин подружился с будущим кинорежиссером И. Авербахом, оба только что окончили Первый мед и имели звание младших лейтенантов запаса. Удивлявший не только позой и жестами, но и поступками И. Авербах предстает как наставник, обожающий учить; у писателя с поучающим режиссером отношения складывались не просто. Старшим товарищем для Ласкина являлся Д. Гранин, «общественник», занимавший важные посты в писательской иерархии, уверенный в себе и по-советски осторожный, никогда не допускавший безапелляционных утверждений. Ласкин записывал все разговоры с ним, так же как и с Г. Гором, писателем, который «вывел в люди» С. Ласкина, написав в 1967 году предисловие к первой книге. Гор, самый близкий Ласкину человек, привил своему младшему другу любовь к философии и к живописи, «ставил ему зрение», объясняя, как надо смотреть картины и чем отличается подлинное от неподлинного. Вместе они ходили на выставки и в мастерские. С. Ласкин неожиданно для себя стал коллекционером и знатоком живописи. Он много писал о художниках XX века, по сути, открыл для широкой публики забытые имена мастеров русского авангарда: В. Ермолаевой, Л. Гальперина, В. Калужнина, К. Кордобовского. Ему принадлежит и открытие «наивного» художника Н. Макарова, о котором он рассказал в документальной повести. Рассказы о дружбе с петербургскими художниками А. Самохваловым, П. Кондратьевым, Р. Фрумаком, И. Зисманом составляют отдельный сюжет записей. С. Ласкин избегал должностей, но возглавил выставочную комиссию Союза писателей, организовывал выставки в Доме писателей, где Красная гостиная превратилась в салон не приласканных, а отверженных. Пожар в Доме писателей пресек эти выставки. В дневнике отражены и переживания, и раздумья его автора: о границах творческой свободы («пишешь, не оглаживаясь на опасность, на невозможность напечатать — получается хорошо, а с оглядкой — трусливо, плохо»), о власти, о зависимости, в том числе о страхе «броситься» в литературу и лишиться твердого дохода семью. Автор размышляет о литературе классической и современной, о своих творческих замыслах. У этой книги непривычная для дневников структура, нелинейная. Ее составитель, сын писателя, историк и прозаик Александр Ласкин собрал по отдель-

ным главам все, что связано с именами Аксенова, Авербаха, Гора, Градина, отдельные главы посвящены художникам, в одну главу объединил все, что касается самого автора, его огорчений и радостей. Каждая глава начинается предисловием, в котором объясняется тот или иной поворот жизни отца, проясняется подтекст дневниковых записей: общественный фон, события, настроения, эпизоды и ситуации, их вызвавшие, «ключи» к взаимоотношениям автора и близких ему лиц. Уникальные психологические портреты своих знакомых и в дневниковых записях С. Ласкина, и в очерках А. Ласкина, который и сам был свидетелем и участником многих историй. Двадцать четыре тетради — своего рода хроника жизни советской творческой интеллигенции на протяжении нескольких культурных эпох — от «оттепели» и до постсоветского времени. В дневниках излагалась не официальная версия событий, а частная, независимая. Дневники включили в себя множество лиц, событий, разговоров. И хотя их автор редко давал оценку времени, но дух времени и времен, надежды, страхи и разочарования переживаемых эпох присутствуют, а в беседах со старшими товарищами и с заходами на территорию боевых 20-х годов и мрачных 30-х. Драма поколения на примере Г. Гора (1907–1981), которому пришлось отказаться от собственного лица и из товарища по исканиям Хармса, Вагинова, Добычина стать рядовым советским писателем. Даже в оттепельные 60-е годы страхи преследовали его: «времена „казнят“ — это конец тридцатых, „исключат из Союза“ — годы Постановления о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, „по Би-би-си передавали“ — эпоха Синявского и Солженицына». Сомнения, радости, впечатления ленинградско-петербургского литератора на протяжении сорока лет жизни образовали сюжет личный и исторический.

Екатерина Рождественская. Жили-были, ели-пили. Семейные истории.

М.: Э, 2018. — 432 с.: ил.

Книга Екатерины Рождественской, дочери известного поэта-шестидесятника Роберта Рождественского, — своеобразное сочетание воспоминаний и кулинарной книги. Здесь и истории семьи Рождественских, и детские воспоминания, путешествия и происшествия, родительские письма и стихи Р. Рождественского, и яркие портреты многочисленных родных, друзей и знакомых, личностей известных. Самые близкие друзья семьи — И. Кобзон и Л. Рошаль, Е. Урбанский, высокий фактурный красавец, открытый, щедрый, удивительно похожий на Маяковского. А еще М. Магомаев, павлинистый Е. Евтушенко, приземленный В. Аксенов, В. Высоцкий, В. Луговской, да практически все знаменитые певцы, композиторы, артисты послевоенной советской эпохи. Ничего необычного: «папа всех их любил, писал им песни». Менялись адреса: подвальная шестиметровая комнатенка в коммуналке на Воровского, куда принесли новорожденных — мать Е. Рождественской, ее саму; двухкомнатная хрущевка на Кутузовском проспекте, Калининский проспект, улица Горького. И всегда дом наполняли гости. «И родителям, и гостям чуть за тридцать, посиделки до утра, едкий дым столбом от „Беломора“ и прочей гадости, выпивается содержимое одних бутылок, им на смену достаются новые, в духовке сидят пирожки, на столе стоят закуски — чем богаты, поскольку количество гостей иногда зашкаливало, но главное — звучат стихи и песни, и спорят, спорят, до первого утреннего троллейбуса. ...В одну из таких ночей я не выдержала. Гости попались новые, не знающие удержу, громко поющие и топающие в такт». И маленькая девочка, не могущая заснуть в соседней комнате, «встала, открыла дверь в ад и спокойным ангельским голоском произнесла: „Все вы говны!“» Дом Рождественских был всегда открыт для гостей, что в Москве, что в Переделкине, шумные компании собирались вокруг них и в Коктебеле, и в Юрмале. И всех кормили, готовили всегда в расчете на значительное количество домочадцев и гостей, а собиралось иногда

до шестидесяти человек. Учитывали пристрастия гостей. К приходу Кобзона — жареную картошку на сале со вбитым туда яйцом, так, как делала его мама, плов, которым часто кормили в детстве, когда он жил в эвакуации в Узбекистане, мясные котлеты. Л. Рошалю варили его любимое блюдо — гречневую кашу с жареным луком. Гостям из советских республик помимо традиционных семейных блюд готовили что-то привычное для них, но с русским акцентом. Для Рождественского не существовало понятия национальности, главное, что это друг. «Для человека национальность / и не заслуга, / и не вина. / Если в стране / утверждают иначе, / значит, / несчастна эта страна!» Для иностранных гостей из стран, где побывали родители, составлялось особое русское меню, на закуску — оливье. Самым повседневным блюдом, которое съедалось каждый день, были жаренные в муке кильки. Рецептов не счесть: фаршированная рыба, пельмени по-рождественски, блюда из настурции, кофе из семян желтой кувшинки. Благодаря приправам, травкам, специям самые обычные блюда превращались в произведения искусства. Фактически эта книга — кулинарная энциклопедия традиционных и старинных семейных рецептов. Искусной кулинаркой была прабабушка Е. Рождественской. По преданию, ей пришлось сбежать из Астрахани от влюбленного губернатора, очарованного ее баклажанной икрой (рецепт приводится). В Саратове она открыла что-то вроде трактира, неплохо зарабатывала. Ее дочь, любимейшая бабушка автора, танцовщица в Театре оперетты, готовила так, что на ее стряпню в 70-х годах XX века съезжалась вся Москва. Свои рецепты были и у бабушки по отцу, происходившей из старинной сибирской старообрядческой семьи. Рецепты в наше время практически невозможные, вряд ли кто станет томить сазана на печке на самом холодном огне целые сутки. «Нет у нас сейчас столько времени. Да и нам уже не хочется. Лучше филе, рыбные палочки. Или крабовые». Расцвет кулинарного творчества самой Екатерины пришелся на «голодные» 90-е годы: перестройка, однообразие, очереди, скудость на прилавках, целыми днями охота за продуктами. В общем, особенности советской национальной еды и ее добычи: рынки, рестораны, продуктовые заказы. Реалии нашего советского быта, о которых рассказано с юмором и без ужасов о «жизни при коммунистах». Эта книга — и семейная хроника, ведущая отсчет с конца XIX века. Бабушки, прадеды, один из которых, обойщик, оформлял интерьеры Эрмитажа, другой — маляр, отделывал Ливадийский дворец в Крыму. На большой любви, на взаимном уважении, на терпении строились отношения родителей. «Все идет из детства», отсюда — и добрая, позитивно «заряженная» книга, хотя и трагичного в жизни было немало. Е. Рождественская, переводчик, дизайнер, известна как автор «Частной коллекции» фотопортретов российских знаменитостей в костюмах и интерьерах с картин великих художников прошлого. Одной из первых моделей стала Л. Гурченко, ей, учителю и другу, посвящена отдельная глава. «А про семейные рецепты теперь вы всё знаете, все они тут, в этой книжке! И книжка эта — настоящая сборная солянка, где помимо рецептов вся наша семейная жизнь: бабушки-прабабушки, работа и быт, друзья и родственники, путешествия и прогулки, дети и внуки. И специи. А соль и перец сами добавьте по вкусу».

Денис Ляпин. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018. — 336 с.

Реформы, интриги в верхах, народные волнения, сложная внутренняя политика в России. Смутное время, по мнению Дениса Ляпина, породило две тенденции. С одной стороны, за время отсутствия сильной власти государственные дела стали восприниматься в народном сознании как общее, «земское» дело, требующее вмешательства «мира» и после Смуты. С другой стороны, в Смуту усилилась роль амбициозной русской аристократии, в умах и настроениях московской элиты возникла идея ограниче-

ния царской власти. При молодом монархе Михаиле при дворе утвердились «сильные люди», влиятельные представители правящей аристократии. Равновесие между двумя тенденциями достигалось гибкой внутренней политикой. Коронация Алексея Михайловича нарушила равновесие: в Кремле началась борьба аристократии за власть и влияние на царя. Старая аристократия, оттесняемая на второй план (Черкасские, Шереметевы, Романовы), выступила против новых лиц в окружении царя, группы преданных ему лиц во главе с Б. Морозовым. В середине XVII века две эти тенденции — «народная» и «аристократическая» — столкнулись между собой. Автор опровергает каноны советской историографии, во всем искавшей «классовые противоречия» и рассматривающей XVII век как эпоху обострения классовой борьбы, игнорируя политические схватки в верхах. В делах давно минувших дней он видит попытку вмешательства народа в государственные дела с целью поддержать государя против влиятельной аристократии. Именно ситуация в Кремле в 1645—1650 годах порождала в народном сознании идею о «злых боярах», стремящихся ограничить власть благочестивого царя. Волнения начались с московского мятежа в начале июня 1648 года, ошибочно названного «Соляным бунтом». К 1648 году соляной налог был отменен. В июне 1648 года недовольное новой жесткой финансовой политикой население стало съезжаться в Москву в расчете лично передать царю Челобитную «мира». В ней «дети церкви христовой, холопы и сироты», «плача кровавыми слезами», просили государя не доверять придворному окружению, оберегать православие и «вершить праведный суд», поскольку «сам Бог вручает государям царский меч» для «наказания злодеев». В то же время русские люди клялись служить царю и защищать его интересы, предлагая свои меры по борьбе с «беззаконием». А именно: «повелеть всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить, а на их место брать справедливых людей, которые бы за свой суд и службу пред Богом и перед твоим царским величеством отвечать могли». А дальше пошла в ход политтехнология XVII века: Я. Черкасский и Н. Романов науськивали народ против Б. Морозова, царю пришлось пожертвовать жизнью некоторых сподвижников, но удалось укрыть Б. Морозова, а впоследствии и вернуть в Москву. Взаимоисключающие слухи, что в Москве с разрешения царя неправедных «бояр и приказных людей посекали», что бояре захватили власть, а царь не может править страной, проникли в провинцию. Мятежники в поисках справедливости стали брать власть в свои руки. Воевод избивали, отстраняли, арестовывали, учреждали собственные органы управления, учиняли грабежи, последнее вызывало недовольство «мира». В 1650 году волнения охватили Псков и Новгород, жители которых были возмущены вывозом русского хлеба в Швецию, давнему врагу московского царя. Народ восстал против «изменников» воевод. О договоре, по которому православное население Швеции, бежавшее целыми семьями в Россию, назад не выдавалось, а за невыдачу людей Москва платила деньгами и хлебом, собранным во Пскове, оповещено «миру» не было. К мятежным городам направили московское войско, но дело кончилось примирением. Центральная власть старалась не применять жестоких репрессивных мер против бунтовщиков, лишь за убийства несколько человек были казнены. Впервые все волнения рассматриваются в комплексе, подробно, с яркими деталями. Автор констатирует, что мятежники никогда не выступали против царя, считая главным злом царское окружение — бояр и чиновников. Подробно изложены все перипетии придворной борьбы, в ходе которой царь, переигрывая старую аристократию, завоевывал самостоятельность. Одним из итогов стало «Уложение», свод законов, составленный в угоду царю и отражавший реалии своего времени. Подробно и о том, как утверждался авторитет Алексея Михайловича и на мировой арене, как формировалась новая идеология. Многочисленные ходоки из Украины, где началась война запорожских казаков под руководством Б. Хмельницкого против Речи Посполитой, православные церковные иерархи со всех концов света приезжали в Москву

с просьбами об освобождении Украины от еретиков-поляков, а Константинополя и Иерусалима — от мусульман. Идею особой миссии православного российского царства, защитника всех православных, продвигал и патриарх Никон. Эта идея потребовала и унификации обрядов Русской и Греческой церквей, где как более старые за образец были взяты греческие. Наблюдательные иностранцы озаботились тем, что «царь увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что, наверное, захочет пойти по его стопам». Симпатии царя к фигуре Ивана Грозного (а образ Грозного в произведениях, доступных Алексею Михайловичу, отрицательным не был) автор расценивает также как свидетельство о новых самодержавных тенденциях, зародившихся в 1645—1650 годах. В это время было напечатано рекордное количество книг, главным образом идеологического содержания. Успехи царя в борьбе с оппозицией и на войне с врагами православия сопровождались новым изложением истории. Так появилась «Летопись о многих мятежах», новый взгляд на ближайшее прошлое, которое понималось как череда народных волнений и политической нестабильности, начавшихся в конце правления Ивана Грозного и закончившихся с укреплением власти нового самодержца Алексея Михайловича в 1650-е годы. И именно тогда в официальной литературе у Алексея Михайловича появляется эпитет «тишайший», связанный якобы с кротким и добродушным характером царя. Но эпитет означал совершенно противоположное — умение навести порядок и «тишину» в стране, твердой рукой прекратить мятежи и беспорядки. Социально-политическую борьбу середины XVII века автор расценивает как важный этап на пути формирования самодержавной системы управления в России. В приложении приводятся допросы, доносы, донесения послов и прочие потрясающие документы эпохи.

Альбер Шамдор. Саладин: благородный герой ислама.

Пер. с франц. Е. Кулешова. СПб.: Евразия, 2018. — 348 с.

Саладин (1138—1193) — едва ли не самый известный и почитаемый персонаж мусульманского мира. Он появился на исторической сцене в возрасте 26 лет в критический момент для Ближнего Востока, когда там за владычество боролись мусульмане и пришлые христиане-крестоносцы из Западной Европы. «Я начал с того, что сопровождал моего дядю. Он завоевал Египет и потом умер. И тогда Аллах дал мне в руки власть, которую я совсем не ожидал». Мелкий курдский военачальник Саладин стал правителем Египта, Ирака, Хиджаза, Сирии, Курдистана, Йемена, Палестины, Ливии, объединив под своей властью раздробленный до того времени исламский Ближний Восток. Он начал войну против крестоносцев и отбил у них священный город Иерусалим. В строгом документальном исследовании восстанавливается ход исторических событий: битвы, походы, осады, победы и поражения противоборствующих сторон — христиан и мусульман, исламских правителей между собой. А также заговоры, интриги, распри в обоих станах. Саладин предстает как успешный военачальник, дипломат, строитель, религиозный философ. Сухие факты преобразуются в красочные сцены, выпукло обрисовываются характеры, действия колоритных личностей далекого прошлого и их мотивы. Короли Иерусалимского королевства, среди них — прокаженный король-малолетка Бодуэн IV, которого выносили на поле боя на носилках, строптивые бароны, боровшиеся за трон Иерусалима: Рено да Шатильон, достойнейший противник Саладина Конрад Монферратский. И предводители Третьего крестового похода: коварные Ричард Львиное Сердце и Филипп Август, злополучный Фридрих Барбаросса, великий византийский интриган Исаак Ангел. Есть даже строптивые красавицы, рушащие политические планы своих высокопоставленных родственников. Автор поэтичен, когда живописует древние города (Дамаск, Мосул, Хама, Алеппо) и неприступные крепости.

«На этой величественной сирийской земле, под этим необыкновенно чистым небом, где столько цивилизаций сменили одна другую, оставляя после себя только воспоминания о своих мертвых городах и исчезнувших народах, воинствующее христианство оставило свой след». Суровые уроки истории: исчезнувшие цветущие города, как, например, Тир, когда-то богатый торговый центр, а ныне маленький городок. Французский историк Альбер Шамдор выступает не только как биограф, но и как философ, размышляющий о том, что такое идеальный мусульманин и каковы идеальные христиане. Он идеализирует причины Первого крестового похода, в результате которого в 1071 году на Ближнем Востоке появились Иерусалимское королевство, христианские государства и крепости крестоносцев. По его мнению, этот поход был вызван религиозным энтузиазмом масс, возмущенных приказом египетского владыки Хакима уничтожить храм Гроба Господня, разровнять холм Голгофы, сжечь реликвии. Автор идеализирует «либеральный» режим правления в христианских государствах и рыцарских орденах тех лет. Но признает, что со времен Первого крестового похода атмосфера поменялась — проявилась неизменная низость человеческой природы. Католический историк восхищается мусульманским стратегом и испытывает стыд за своих предков, чьи поведение и образ жизни находились в вопиющем противоречии с христианскими идеалами. Историки тех лет, хронисты, поэты, пилигримы оставили массу свидетельств, доказывающих нравственное превосходство мусульманского завоевателя над своими противниками — крестоносцами средневековой Европы. Так, захватив Иерусалим, Саладин разрешил христианам, желающим уехать в Европу, беспрепятственно выйти из города и погрузиться на генуэзские корабли. Но генуэзцы, для которых маленький тюк с пряностями был важнее единоверца, отказывались принимать беженцев бесплатно, и Саладин оплатил проезд из своей казны. А Ричард Львиное Сердце, захватив Акру, приказал донага раздеть и истребить три тысячи безоружных мусульман, а тела их бросить в колодец. Примеров вероломства одних и благородства другого не счесть. Саладин пользовался необыкновенным авторитетом и уважением не только у своих подданных, но и у самых непримиримых врагов — крестоносцев. Беспощадная борьба между двумя мирами, по мнению автора, начнется с неблаговидного поступка Рено де Шатильона, захватившего в мирное время торговый караван, проходивший по владениям Саладина. Так Шатильон готовился нанести по исламу смертельный удар, овладеть Меккой, осквернить могилу Пророка в Медине, сжечь Каабу. Все силы мусульманской империи будут объединены ради священной войны, и это явится прелюдией к будущим войнам между исламом и Западом. Саладин стал легендой еще при жизни, а его безвременную кончину оплакивало все население. «Истинный герой ислама умер в крайней простоте, оставив после себя сорок семь динаров и одну золотую тирскую монету. Его семья вынуждена была одолжить денег, чтобы покрыть расходы на его погребение, и кади Ал-Фадил подарил им парадные одеяния и саван». И по сей день на Востоке Саладин почитаем как один из главных героев ислама, защитник веры, праведник и святой. Он был кумиром Саддама Хусейна. Не забывает его и современная массовая культура, он — герой фильмов и компьютерных игр. Книга А. Шамбора вышла в 1959 году, но до сих пор представляет интерес, вводя в проблематику противостояния пограничных конфессиональных культур, весьма актуальную и сегодня.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ОБИТЕЛИ АФОНА

Часть 5

КСЕНОФОНТ

Постройки Ксенофонта монастыря выходят прямо к морю. Согласно преданию, он был основан в X веке преподобным Ксенофонтом, упоминаемым в житии св. Афанасия Афонского. До падения Византии обитель процветала, затем пришла в упадок. В эту эпоху Россия помогала возрождению Ксенофонта, о чем пишет архимандрит Порфирий (Успенский): «В 1584 году Мешенин вручил игумену сей обители Антонию и 50 братьям 200 рублей и 38 скитникам 8 рублей. В октябре месяце 1605 года, при Борисе Годунове, явился на рубеж России архимандрит Ксенофский Иаков с грамотой к сему царю в чаянии милостыни. Он был пропущен в Москву и 24 июня 1606 года представлялся государю, которому и поднес часть мощей св. великомученика Димитрия, но что и что получил от него, это не известно. В 1625 году был в Москве строитель Ксенофа Авксентий, и он же в конце 1630 года приехал в город Путивль, но оттуда отослан был назад, потому что многая царская казна в 1626 году сгорела во время московского пожара»¹.

В конце XVIII века возрождению обители способствовал игумен Паисий: при нем Ксенофонт первым из афонских обителей вернулся к общежительному (киновийному) уставу от прежнего идиоритмического, при котором каждый насельник имел свой собственный распорядок дня. Величественный собор в честь св. Георгия Победоносца, самый крупный из греческих на Афоне, был сооружен в 1809–1819 годах. В его убранстве выделяется мраморный иконостас с русской живописью, сооруженный на средства какой-то русской жертвовательницы². Правый придел, посвященный св. Димитрию Солунскому, — самая древняя часть обители. В соборе хранятся две прекрасные мозаичные иконы — св. Георгия Победоносца и св. Димитрия Солунского³.

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1858 г.): «Кладбищная церковь вне Ксенофа, но близко, построена в 1817 году. Под ней находится костовница. А тут, кроме монашеских костей и черепов, складены и св. образа болгарского и русского письма»⁴.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 898–899.

² Смоленский Н. П. В стране святых настроений. СПб., 1906. С. 316.

³ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 158.

⁴ Порфирий (Успенский), архимандрит. Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861, и описание скитов афонских. М., 1880. С. 44.

25 октября 1995 года в Москву был привезен список Иверской иконы Божией Матери, созданный иконописцем **Ксенофонтова монастыря** иеромонахом Лукой специально для восстановленной Иверской часовни у Воскресенских ворот Красной площади⁵.

НА ПУТИ В КСИРОПОТАМ

Из записок князя Михаила Волконского (1859 г.)

Когда дневной жар стал уменьшаться, мы отправились из Руссика в ближайший монастырь Ксиропотам. Мне назначили от монастыря в спутники двух монахов; один из них почтенный старец, бывший богатый с.-петербургский купец, отец Серафим, другой кончивший курс в Вятской семинарии, отец Азарий, хорошо знающий греческий язык и человек весьма образованный. Привели мулов с высокими седлами: на них очень покойно, особливо по горным дорогам, которые на Афонской Горе еще хуже, чем в Палестине; а в некоторых местах, особливо около вершины Афона, даже так опасны, что нельзя ехать верхом.

По пути мы посетили келью отца Серафима; это красивый отдельный домик с навесами над галереей, обвитыми виноградом; в домике небольшая церковь, очень красивая; кругом сад и виноградники. Таковы почти все кельи на Афонской Горе; они на монастырской земле и принадлежат только пожизненно тому, кто купил или построил, а после поступают в монастырскую собственность со всем устройством, и опять продаются желающему с условием не только поддерживать, но и улучшать заведенное.

Отец Серафим живет большей частью в монастыре в полном общежитии; но так как он имел капитал, на который многое устроил в монастыре, то и теперь позволяют ему употреблять деньги, которые присылают его родные братья, с.-петербургские купцы, на устройство садов и виноградников. Во время работ живет он в отдельной келье.

Разработка земли для садов и виноградников около Руссика стоит трудов невероятных: должно ломать и собирать камни, чтобы очистить почву и сделать ее удобной для обработки; после того проводится вода, в которой на Афонской горе нет недостатка, и устраивается поливка для дерев, кроме винограда⁶.

КСИРОПОТАМ

Живописная обитель расположена над тихим заливом, где устроен главный порт Афона — Дафни. Основание монастыря произошло, вероятно, в конце X века; его первым настоятелем стал инок Павел Ксиропотамский, получивший свое прозвание по месту предыдущего обитания⁷. Греческая подпись «русского» монаха Кириака стоит под одним из актов монастыря Ксиропотам 1081 года⁸.

В первые века своего существования обитель, будучи посвященной празднику Сорока мучеников Севастийских, титуловалась монастырем Сорока святых.

С 30-х годов XVI века в русских рукописях встречаются краткие афонские агиографические повести, с именем старца Герасима Святогорца в заглавии, о *преп. Павле Ксиропотамском* и о безымянном старце, жившем в лесу⁹. С рубежа XV—XVI веков известно о связях славянских монастырей Св. горы с православным населением польско-литовских земель. В Супрасльском монастыре (где, вероятно, со времени основания оби-

⁵ Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 166.

⁶ [Волконский М. Д.] Записки паломника. 1859 г. СПб., 1860. С. 310—311.

⁷ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 154.

⁸ Actes de Xeropotamou. № 6. P. 64.

⁹ Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI—XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 150.

тели жили монахи с Афона, по всей вероятности, сербы) в 1546 году со Св. горы была принесена историко-полюемическая *Повесть о Ксиропотамском монастыре*¹⁰.

В средние века Ксиропотам превратился в один из самых богатых монастырей на Афоне и поныне остается владельцем обширных лесных угодий. Как и другие святогорские обители, он неоднократно страдал от пожаров, но вновь отстраивался. «В 1584 году Мешенин вручил игумену сего монастыря Йоилу и 70 братьям 100 рублей и 41 старцу в скитах 11 рублей, — пишет о. Порфирий (Успенский). — В начале царствования Феодора Ивановича отпущены были из Москвы через Смоленск два ксиропотамских старца; но с чем? Из дел не видно»¹¹.

Собор реконструирован и расписан фресками в XVIII веке; среди его святынь — самая большая в мире часть Животворящего Креста Господня¹².

Из записок Д. В. Дашкова (1820 г.)

Мы бросили якорь в открытом заливе, среди подводных камней: убежище, опасное для судов в осенние и зимние бури! Над головами у нас белелись стены обители *Ксиропотамской*; мы вышли на песчаный берег и сели в рыбацкой хижине, ожидая монастырских лошаков для перевозки чемоданов. Корабль должен был оставаться в сей пристани до нашего возвращения.

Дорога вверх самая трудная; я задыхался и едва мог идти за караваном. У ворот обители нас встретил игумен и повел, по обычаю, прямо в церковь, где братия собиралась к вечерне. Тут в первый раз, с самого выезда из Одессы, увидел я красивый храм, большие колокола и все благолепие наших обрядов. Напрасно выхваляют терпимость турецкого правительства: гораздо справедливее назвать ее невозможностью истребить целый народ, который гнушается отступничеством и в рабстве готов погибнуть за веру. Христианское богослужение стеснено везде, где живут мусульмане; везде видны обрушающиеся церкви, и малая починка вменяется в тяжкую вину грекам, если они ценой золота не купили снисхождения. Не грамоты Омара, Мурада и Могаммеда, не благоразумная политика султанов, но корыстолюбие Порты и областных правителей спасло от разорения святыя места в Иерусалиме и монастыри афонские¹³.

Кир Бронников (1821 г.): «Монастырь Ксиропотам имеет много строений и считается в числе первых святогорских монастырей. Церковь велика и красива; трапеза и келлии в лучшем виде; есть у них и столярная и кузница. Жаль только, что братия не могут служить примером страннолюбия. Неласковость их не от того ли происходит, что монастырь стоит при самой выгодной пристани и при большой дороге? Сверх того, как корабли находят здесь убежище от ветру, так и выгрузки товаров бывает по удобности более, нежели во всех святогорских монастырях; следственно часто у них бывающие посетители им уже и наскучили. Братии в нем до двух сот человек, общежития не имеют; утварь церковную и части святых мощей не рассудили нам показывать, отговариваясь тем, будто бы, по причине опасности, далеко хранятся оные»¹⁴.

Схимонах Селевкий (1844 г.): «На воздвижение Животворящего Креста Господня взял я благословение у старца, и пошел в Ксиропотам, на храмовый их праздник. Торжество здесь было велие. Бдение продолжалось до 14-ти часов; а после вынесли св. Крест и мощи, и освящали воду перед церковью, где устроена мраморная водосвятильница,

¹⁰ Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI—XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 153.

¹¹ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 899.

¹² Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 154—155.

¹³ Дашков Д. В. Афонская Гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году // Северные цветы, 1825. С. 120—121.

¹⁴ Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 206—207.

выдолбленная в камне, вроде чаши. Потом началась обедня; служил митрополит Григорий и до сорока иеромонахов. Обедня продолжалась часа три, и как великолепно служили!»¹⁵

В начале XX века Ксиропотаму принадлежали русские келейные обители пророка Илии и Успенская¹⁶.

Протоиерей Владимир Гуляев (1890 г.): «Мы ходили пешком в греческий монастырь Ксиропотам и келию пантелеимоновского архидиакона Лукиана, служившего когда-то иеродиаконом при посольских церквях Рима и Константинополя. И келлия, и Ксиропотам находятся от Пантелеимоновского монастыря в расстоянии одного часа ходьбы. Келлия о. Лукиана очень обширна, проста, без роскоши, но с удобствами. При ней находится очень порядочный фруктовый сад. В келлии несколько (4–5) комнат, одна из них занята живописной мастерской. О. Лукиан живописец, самоучка, пишет иконы и картины. Работы его очень красивы. Живет он с другим монахом, молодым, который учится у него живописи»¹⁷.

КУТЛУМУШ

Кутлумушский (Котлумушский) монастырь стоит в живописной ложбине в непосредственной близости от афонской столицы Кареи: поэтому он, единственный из всех двадцати монастырей, не имеет в ней своего представительства — конака. Полагают, что обитель устроил в XIII веке некий турок по имени Кутлумуш, в крещении Константин.

Митрополит Арсений (Стадницкий) (1883 г.): «От Кареи на ¼ часа к югу находится монастырь греческий Котлумуш, куда мы теперь и отправились пешком. Котлумуш — турецкое слово (испорченное от *куртурмуш*) по-русски означает «освобожденный». Полагают, что он так назван вследствие чудесного избавления от разгрома варваров, разорявших другие монастыри»¹⁸.

Епископ Порфирий (Успенский) (1846 г.): «Нашему Барскому в 1744 году рассказывали, что во время царствования турецкого обновляема была вся обитель (Кутлумушская) и, что, когда воздвигалась средняя глава над соборным храмом, она многократно расседалась и разрушалась, может быть, и оттого, что храм основан на многоводном месте. Зодчий многократно исправлял эту главу, и утвердив ее окончательно, от радости возопил турецким языком, *Куртурмуш*, т. е. *освободился*. С той поры и вся обитель прозывалась, сперва Куртурмуш, а потом от небрежения и простоты людской — *Котлумуш*. Забавно! Такое толкование походит на производство названия Москвы от *моста* и от крика лягушек под мостом, *ква <...>*»

В 1848 году „Журнал министерства народного просвещения“ напечатал мое „Описание афонских монастырей в 1845–6 годах“. В этой статье я высказал вот что. „Монастырь Кутлумушский, *по всей вероятности*, основан Константином, сыном Аседдина, из турецкой фамилии Кутлумушей, родственной сельджукским султанам. Мать сего Константина Анна была христианка. Она умерла в 1268 году. По смерти ее, сын Аседдина принял православную веру в Константинополе с именем Константина, при Андронике Старшем, который воцарился в 1283 году; и он-то, не успев сделаться султаном в Икони, *вероятно*, ушел на Афон, и там основал монастырь, носящий имя преподобного Кутлумуша. Это случилось, конечно, ранее смерти Андроника Старшего; следовательно, ранее 1325–1326 года“ <...> Повторяю, что Афонский монастырь Кут-

¹⁵ Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 193.

¹⁶ Романенко Е. В., Турилов А. А. Русско-афонские связи в XI–XVII вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 157.

¹⁷ Гуляев Владимир, прот. В Иерусалим и на Афон. Путевые заметки. СПб., 1892. С. 87–88.

¹⁸ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник паломника на Афон. М., 2014. С. 146–147.

лumuш основан был иноком, пришедшим на Св. Гору из фессалийского села Кутлумуш, и потому носившим прозвище родного села его»¹⁹.

После разгрома, учиненного в XIV веке разбойниками-каталонцами, обитель вновь отстроилась с помощью правителей придунайских княжеств, так как здесь обосновалось много румын²⁰. В 1584 году посол Ивана Грозного Иван Мешенин вручил игумену Кутлумушской обители Илариону и 80 братьям 100 рублей, а в скитах ее 42 человекам 14 рублей. В ноябре 1629 года патриарху Филарету Никитичу представлялся кутлумушский келарь Роман и поднес ему деревянный резной крест с 12 праздниками и мощи св. великомученика Пантелеимона, но что получил от него, неизвестно²¹.

Соборный храм в честь Преображения Господня (XVI в.) богато украшен. Четыре мраморных столба поддерживают главный купол храма; пол мраморный. При храме придел во имя Акафистной иконы Божией Матери. Здесь находится Акафистная икона Богоматери, на которой вокруг Богородицы изображены все пророки, предвозвестившие о Ней, и весь акафист в лицах. Кроме соборной церкви, в зданиях монастыря находятся небольшие церковки: 1) Трех Святителей; 2) Св. Николая чудотворца; 3) Свв. бессребреников Космы и Дамиана и 4) Св. мученика Трифона²².

Епископ Порфирий (Успенский) (1846 г.): «В кладбищной церкви, построенной в 1777 году подле Кутлумуша, местная икона Спасителя написана в феврале 1749 года московским греком Георгием. Кисть Московская!»²³

В 1870 году игумен Гуслицкого монастыря иеромонах Парфений писал о том, что «19-го декабря сгорел царский монастырь Котломуш, и большая келья печерских чудотворцев, где жили иконописцы, принадлежащая Русику»²⁴. А в 1883 году этот монастырь посетил будущий митрополит Арсений (Стадницкий); вот его впечатления об увиденном: «В настоящее время его полуразрушающиеся здания свидетельствуют о бедности монастыря <...> Нас встретил один из эпитропов монастыря о. Харитон, очень представительный инок. О монастыре говорил, что он несколько раз подвергался пожарам и что он очень беден вследствие отсутствия поклонников и благодетелей (впрочем — это обычная жалоба у греческих иноков). Здесь соборный храм во имя Преображения Господня. Стенная живопись довольно древняя, как это видно из надписи над главной дверью, ведущей из притвора в храм — 7048 (1540); но представляется еще довольно светлой»²⁵.

Вспоминает известный церковный искусствовед Д. Айналов (1896 г.): «Отдохнув в прохладе Андреевского скита, которая известна всему Афону, я перебрался в Кутлумушский монастырь, находящийся вблизи Кареи <...> Из бесед с молодым монахом, недавно возвратившимся из России с мощами, узнал, что сбор денег в русских городах, был очень хороший, причем наибольшее количество их собрано в некоторых городах средних и южных губерний»²⁶.

Вспоминает паломник С. Германов (1912 г.): «С удовольствием приняли мы приглашение о. настоятеля посетить его келью. Встреча была радушная, сопровождаемая всевозможными восточными церемониями и угощениями. Игумен Кутлумушский по-

¹⁹ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Отд. 2. 1846 г. М., 1880. С. 234–236.

²⁰ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 153–154.

²¹ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 901.

²² П. Н. Б. С. Святая гора Афон. Краткий очерк Афона и его монастырей. М., 1900. С. 82–83.

²³ Порфирий (Успенский), епископ. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. 2. Отд. 2. 1846 г. М., 1880. С. 195.

²⁴ Парфений, иеромонах. Вторичное мое странствие во святой град Иерусалим и во святую Гору Афонскую в 1870–1871 гг. // Душеполезное чтение, 1872. Ч. II. С. 78.

²⁵ Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник паломника на Афон. М., 2014. С. 147–148.

²⁶ Айналов Д. По Афону // СППО, 1906. Т. XVII. Вып. 4. С. 652.

сещал Россию по сборам на нужды обители и сохранил прекрасные воспоминания о добросердечии и отзывчивости русских людей»²⁷.

ВЕЛИКАЯ ЛАВРА СВ. АФАНАСИЯ

Обитель, главная в афонской иерархии и самая большая, была основана в 963 году преподобным Афанасием Афонским и позднее освящена в его честь. С первых лет своего существования она находилась под покровительством византийских императоров (Никифор Фока, личный друг св. Афанасия, предполагал принять здесь постриг). Расцвет монастыря был прерван опустошительными пиратскими набегами и турецким игом, во время которого иноков поддерживали русские цари. В конце XVIII века начинается возрождение обители. Территория лавры обнесена могучими крепостными стенами²⁸.

Лавра издавна получала пожертвования из России. В 1515 году в Москве побывали старец Мелетий из Великой лавры и духовник Ватопедского монастыря Нифонт. Они возвратились на Афон с послом великого князя Василием Копылом. Из Москвы посланы были туда камчатные ризы и пелены к иконам Благовещения и св. Афанасия и чара серебряная. В 1584 году посланник царя Иоанна Грозного, в бытность свою на Афоне, раздал царской милостыни в помин души царевича Ивана в Великую лавру Афанасия Афонского 350 рублей. В 1625 году отпущено было ей деньгами и соболями на 180 рублей²⁹.

«В 1633 году лаврскому архимандриту Гавриилу отпущены были деньги и соболи счетом на 130 рублей, — пишет архимандрит Порфирий (Успенский). — В 1641 году явился в Путивль лаврский архимандрит Иосиф с братиею для испрошения милостыни в Москве. Но путивльскому воеводе велено было выдать ему из местных доходов государево жалованье, примеряясь к прежним дачам, и отпустить его назад. В 1658 году царь Алексей Михайлович пожаловал лаврскому архимандриту Игнатию хрисовул, в котором повелел ему и другим, кто по нем будет, приезжать в Москву за милостыней в каждый четвертый год. В 1695 году цари Иоанн и Петр Алексеевичи новым хрисовулом своим повелели лавриотам приезжать в Москву за милостыней также в каждый четвертый год»³⁰.

Указом Синода в 1742 году была введена единообразная дача милостыни афонским монастырям: Московская синодальная контора обязывалась выдавать Великой лавре по 35 рублей в год³¹.

Д. В. Дашков (1820 г.): «Со времен царя Алексея Михайловича Лавра получает от России небольшую пенсию (150 рублей), по примеру Ивира, св. Пантелеимона и других»³².

Василий Григорович-Барский (1744 г.): «Лавра, якоже и прочие монастыри, от милотины, юже собирает на различных странах, нарочно посылаючи иноков, вси свои доходи и расходи имеет <...> Аще бо не бы рассилахуся по милостинях, но вси собраны быша, истребили быша обитель в мало время, яко ни зерну яствы не обрестися. Име-

²⁷ Германов С. На Афон и Святую Землю. Часть 1. На Афон. М., 1912. С. 448.

²⁸ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 151

²⁹ Порфирий (Успенский), архимандрит. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году. Киев, 1877. С. 302.

³⁰ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 894.

³¹ Кочетов Д. Б. Русско-афонские связи в XVIII—XIX вв. // Православная Энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 159.

³² Дашков Д. В. Афонская Гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году // Северные цветы, 1825. С. 149.

яму благодать оную от древних царей и святогорцы, юже имеют нине российсти иноцы, и в инных христианских странах»³³.

Это были не только денежные пожертвования; в лавру из России посылались и иконы, о чем пишет все тот же В. Григорович-Барский: «Вся церковь, на столпах и на стенах окрест, различными, ветхими же и новими греческими и российскими иконами украшенна, от ных же суть сии достойнейшии назнаменования, яко от царских лиц и княжеских, и инных великоименных дарованы»³⁴. В начале XX века церковный искусствовед Н. П. Кондаков отметил: «Икона Спаса Эммануила в Лавре — 29 и 25 см — русско-го письма XVII века. Оклад ее наведен финифтью русской работы»³⁵.

Мощи св. Афанасия покоятся в соборном храме, посвященном его имени. Кроме соборного храма, в лавре находятся восемнадцать малых церквей и приделов. Недалеко от лавры находится так называемая обыденная церковь, созданная св. Афанасием в честь свв. бесребреников Козьмы и Дамиана³⁶.

Русские паломники издавна посещали Великую лавру. Одним из них был иеромонах Аникита (в мире князь С. А. Ширинский-Шихматов), побывавший в этой обители в 1835 году. Сведения, приводимые о. Аникитой о Великой лавре, довольно краткие. «Утром 21-го июня прибыл в Лавру и сподобился повергнуться пред ракой великого угодника Божия и помолиться ему, прочитав всю службу на греческом языке, — пишет о. Аникита, — потом приложился к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, и посетил за монастырем малую обыденную церковь, построенную угодником Божиим и приложился к святым мощам»³⁷.

Из записок Владимира Давыдова (1835 г.)

Старшины монастыря пришли к нам с приветствием, и предложили нам приложиться к мощам, хранящимся в монастыре <...> Потом показали мне богатейшее Евангелие на русском языке, подаренное монастырю государыней Екатериной II, и греческое Евангелие, подаренное Петром I³⁸. <...> Я попросил монахов провести меня в их библиотеку. В книгохранилище я увидел много печатных классических авторов, особенно на греческом языке, а также *Летопись всемирную преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского*, от начала миробытия до Рождества Христова сочиненную. (Рукопись русская, 1758 года, на бумаге, в лист). Пять книг попросил я старшин монастырских уступить мне. Они отказали сперва наотрез, но на следующий день пришли в мое жилище и объявили торжественно, от имени всех братий, что книги уступаются мне, в память пребывания моего в Лавре, и что мне предлагают оставить им памятник на возобновление развалившегося киоска, пожертвованием суммы. По получении потребной суммы, книги были мне выданы³⁹.

Из записок архимандрита Порфирия (Успенского) (1845 г.)

Деревянный иконостас, закрывающий мраморный *дистилон*, и такие же иконостасы в других лаврских церквах устроены уже в 1770—80 годах. Весьма сожалею об этой деревянной замене мраморной древности. Теперь приходишь в церковь на

³³ Второе посещение святой Афонской горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное. М., 2004. С. 65.

³⁴ Там же. С. 22.

³⁵ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 135.

³⁶ Путеводитель по святой Афонской Горе. Изд. 5. М., 1888, С. 166—170.

³⁷ Жмакин Василий, свящ. Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834—1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май—июнь, С. 530.

³⁸ Давыдов Владимир. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. Ч. II. СПб., 1840. С. 144.

³⁹ Там же. С. 154.

тайную вечерю, и не видишь ни св. трапезы (престола), ни совершителей величайшего таинства. Но откуда это деревянное нововведение? Разумеется, от нас. Афонцы частенько бывали в Москве, видали там великолепные иконостасы в несколько ярусов, позлащенные и уставленные множеством образов в серебряных окладах, и давай подражать нам⁴⁰. <...>

Церковнославянское Евангелие из России такой громадной величины, что два иеродиакона едва выносят его в минуты малого выхода четыре раза в год⁴¹.

<...> Из литийного притвора соборной церкви входят направо в придел свяителя Христова Николая. Никольский придел очень хорош. В иконостасе достопримечательны две старые, местные иконы Сына Божия и Его Пречистой Матери. Ширина первой иконы пять четвертей, а высота почти вдвое. На фоне ее у главы Спасителя крупно написано: *Иисус Христос, Сын Божий* (греч.) А на прекрасном венце, вычеканенном из серебра с золотыми мелкотравчатыми цветочками и голубой эмалью читается надпись: *содействием и иждивением Анфима иеромонаха. 1680 г.* (греч.) <...> Таких икон немало я видел в России. В Афоноиверском монастыре есть подобная ей, московского письма. Посему можно полагать, что она около 1680 года написана была в Москве наилучшим придворным живописцем, и оттуда привезена в Лавру⁴².

Русское влияние прослеживалось в лавре и вне храма; об этом писал еще один церковный искусствовед — Д. Айналов (1896 г.): «В архондарике на стенах простые русские картинки в красках: Божия Матерь с Младенцем, Гора Афон с зелеными горами и множеством монастырей, коронавание императора Александра II»⁴³.

Из записок иеросхимонаха Сергия (Веснина) (Святогорца) (1846 г.)

Среди обыкновенных для меня предметов на лаврском празднике, представьте мое удивление, когда я увидел в портике Лавры, при сторожевой келье, вывешенные напоказ и на продажу русские лапти!.. Это, признаюсь, редкость необыкновенная в своем роде для греков, не имеющих и понятия о нашей крестьянской обуви. При виде лаптей я невольно остановился и со стороны начал наблюдать за греками, на которых появление русской обуви производило самое комическое впечатление. Каждый, из входящих в Лавру и выходящих из нее греков, останавливался перед лаптями, осматривал их со всех сторон и, не понимая, что это за вещь, с изумлением спрашивал портаря: «*ти ине авто* (что это)»? И когда портарь объяснял любопытствующим, что такое лапти, греки более и внимательнее рассматривали нашу северную обувь; смеялись, дивились, и не могли налюбоваться ею. Между тем портарь то надевал лапти на ноги себе и оставался в них несколько времени на диво проходящих, то снимал и вешал их в числе своей продажной мелочи. Долго стоял я, наблюдая таким образом за греками, и признаюсь, меня занимали не столько лапти, невиданная здесь вещь и редкая, как самые греки, детски любовавшиеся на них. Лапти сплетены на Св. Горе одним из русских собственно для греков, на показ им образца нашей крестьянской обуви⁴⁴.

А. Н. Муравьев (1849 г.): «Мы поспешили поклониться, в боковом приделе сорока мучеников, гробу св. Афанасия, и я вспомнил, что праздник отшельника аввы Афонского совпадает в один день с нашим родным праздником аввы Радонежского 5 июля: мысль о настоятеле лавры Сергиевой неотлучна была от меня в лавре Афанасиевой»⁴⁵.

⁴⁰ Порфирий (Успенский), архимандрит. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году. Киев, 1877. С. 194.

⁴¹ Там же. С. 202.

⁴² Там же. С. 203.

⁴³ Айналов Д. По Афону // СППО, 1906. Т. XVII. Вып. 4. С. 643.

⁴⁴ Письма Святогорца о святой Горе Афонской. Изд. 8-е. М., 1895. С. 274—275.

⁴⁵ Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849-1850 годах. Ч. 1. СПб., 1851. С. 122.

Священник Иоанн Рыжановский (1867 г.): «В Лавре славятся за святость жизни: 1) Пахомий преподобномученик, уроженец русский; 2) Константин, иеромонах русский, состоявший при миссии в Константинополе. Как Пахомий, так и Константин пострадали в XVIII веке от турок»⁴⁶.

Из записок Алексея Смирнова (1886 г.)

Часа в три пополудни приехали мы в Лавру св. Афанасия. В самых воротах мы встретили партию русских поклонников, в сопровождении монаха Пантелеимонова монастыря. В холстинковых рубахах, в лаптях, с котомками за плечами и с посохами в руках, они собирались обойти весь Афон. Были тут и седые старики, и молодые парни, и даже дети. Среди поклонников я узнал своих парходных спутников.

— Ну, что? не устаешь ты? спросил я белоголового парнишку, храбро шагавшего среди больших рядом с отцом. За него отвечал отец, низко поклонившийся мне, как старому знакомому.

— Ничего, он еще лучше других ходит. Ведь мы идем, идем, да и отдохнем, у нас тоже старички есть.

— Что же, нравится тебе на Афоне?

— Святое место. Теперь вот тоже ровно и не по земле ходишь...

— Не собираешься ли остаться здесь?

— Мы-то?.. Нет нельзя; у нас дома земля... Тут святым жить, нашему брату не годится: поглядел и то слава Тебе, Христе, Тут и зимы не бывает...

Он улыбнулся, изумляясь как можно жить без зимы.

Я заговорил с его товарищами, стал спрашивать из каких кто губерний, и оказалось, что тут собрался народ с самых противоположных концов России: был даже один из Иркутской губернии. Простясь с нами, вся гурьба стала выходить в ворота, оборачиваясь при выходе, снимая шапки и творя крестное знамение⁴⁷.

Семен Григорьев Кушин⁴⁸ (1891 г.): «В Лавре, по милости преподобного Афанасия, сподобился я недостойный, при возложении на себя деревянного креста на железном кольце, который по преданию, во время земной жизни, преподобный носил на себе, получить совершенное исцеление от сильного колотья в левом боку, которое в течение 12 дней не давало мне свободы в ходьбе и даже без боли улыбнуться. Колотье в боку получил я в Средиземном море 1 июня, когда пароход шел из Яффы в Смирну»⁴⁹.

И. З. Черкасов (1889 г.): «В Лавре вы увидите древнюю трапезу, имеющую вид четырехконечного креста — 10 сажен длины и 7 ширины. Во всю длину ее расположены двадцать четыре стола, иссеченных из самого лучшего мрамора; в самом углублении пятый стол игуменский; но эта трапеза остается теперь в запустении, потому что иноки Лавры, по штатной жизни и по своему полноправию, трапезуют всякий у себя, по кельям»⁵⁰.

Н. П. Смоленский (1906 г.): «Когда я проходил мимо великолепной трапезной лавры св. Афанасия, русский монах, который был со мной, глядя на эту трапезную, заплакал: „такая красивая... и вот пустая стоит... не обедают... бросили“... И его настроение было понятно. Привязанность к киновиюскому строю, духовной общине, которой живут русские монахи, так сильна, что этот отказ от общей трапезы в монастыре Лавры кажется русскому положительно кощунством, преступлением. Так как киновиюская жизнь пре-

⁴⁶ Описание путешествия священника Подольской епархии Иоанна Рыжановского в Иерусалим, его окрестности и на Св. Гору Афон 1867 года // Подольские епархиальные ведомости, 1868, № 23. С. 777–778.

⁴⁷ Смирнов Алексей. Две недели на Святой Горе. М., 1887. С. 52–53.

⁴⁸ Впоследствии — Московского Знаменского монастыря иеродиакон Серапион.

⁴⁹ Душеполезное чтение, 1899, апрель. С. 626.

⁵⁰ Черкасов И. З. Глас с Востока о святых местах Афона и Иерусалима. Ч. 1. Киев, 1895. С. 106.

дохраняет от многих дефектов монашеской жизни, особенно на Афоне, то и мы согласны, что можно бы заплакать, проходя мимо трапезы в Лавре св. Афанасия. Но понятна психология грека, который от этой трапезы отрекся. Тогда ведь *было бы слишком хорошо*. В этой трапезе обед становился бы более вкусен. Нельзя идти в строгости дальше сравнительно с тем же русским Пантелеимоновским монастырем, где в известные дни едят только раз в день, и щи обязательно должны быть холодны. А все-таки в трапезной хорошо и тепло, и светло, и греки сочли это за измену монашескому принципу»⁵¹.

* * *

Настоятель Великой лавры архимандрит Филипп попросил русского художника и иконописца Анатолия Устиновича Морозова написать русский образ преп. Афанасия Афонского и привезти его на празднование тысячелетия со времени основания обители, которое отмечалось 5 июля 2000 года, в день памяти святого.

Из афонского дневника Л. У. Морозова (1999–2000): «Один из трудников Пантелеимонова монастыря посоветовал мне разыскать в Лавре о. Афанасия, русского инока, келейника настоятеля архим. Филиппа. Поэтому я сразу справился о нем. Его позвали, и он вскоре подошел ко мне. Разговорились. Узнав, что я иконописец, о. Афанасий очень обрадовался и сказал, что игумен давно хочет, чтобы у раки с мощами основателя Великой Лавры преп. Афанасия Афонского, наряду с иконами греческого письма, был и образ, написанный русским мастером. Не однажды он просил об этом паломников, посещавших Великую Лавру. Многие обещали, но пока никто его просьбу так и не исполнил. Несмотря на мое смущение, о. Афанасий отвел меня к игумену, в коем я тотчас узнал старца, встреченного мною у источника. Видя мою неловкость, он завел непринужденную беседу, затем упомянул грядущий юбилей — тысячелетие со времени преставления преп. Афанасия, и, между прочим, осведомился, не возьмусь ли я создать его образ. Я дерзновенно согласился. После беседы (переводчиком был о. Афанасий) архим. Филипп испытующе посмотрел на меня. Я выдержал его взгляд и заверил, что слово свое сдержу»⁵².

Анатолий Устинович выполнил обещание и через год привез икону — ростовой образ преп. Афанасия, чем весьма обрадовал игумена Филиппа. В день праздника она участвовала сначала в большом крестном ходе, а затем в торжественном богослужении, длившемся 16 часов, после чего была торжественно помещена на раке с мощами святого, которые находятся под спудом. Там икона пребывает и по сей день.

Из афонского дневника иконописца: «...получив разрешение на посещение Афона..., сразу же отправился в Великую Лавру, чтобы успеть ко дню памяти святого. Разыскал отца Афанасия. Он поначалу не узнал меня, но когда я напомнил ему о своем годичной давности обещании написать образ основателя первой святогорской обители, взволнованно вскричал: „Привез?“ Я спокойно ответил: „Привез“. „Покажи“ — нетерпеливо потребовал он. Я достал икону, поставил ее у стены. Отец Афанасий долго смотрел на нее, потом, не сказав ни слова о своем впечатлении, коротко сказал: „Пошли“. Мы направились к настоятельским покоем. У входа он велел мне подождать, а сам вошел внутрь. Вскоре он появился в дверях и жестом пригласил меня следовать за ним.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я очутился в просторной полутемной из-за припущенных жалюзи комнате. В глубине я увидел архимандрита Филиппа. Он сидел в кресле и вновь, как и в прошлую встречу, приветствовал меня: „Путник...“.

⁵¹ Смоленский Н. П. В стране святых настроений. СПб., 1906. С. 322.

⁵² «Краткое повествование, чем разнствует Святая Гора Афон от нашего Соловецкого монастыря, и чем разнствуют монастыри Святой Горы от обители Соловецкой» иеродиакона Чудова монастыря Дамаскина (сконч. 1705 г.). Приложение. Из афонского дневника иконописца Анатолия Морозова (1998–1999). М., 2015. С. 81.

Я подошел к нему, испросил благословения, и, держа икону в руках, с трепетом, затаив дыхание, следил за выражением его лица. Что-то он скажет? Игумен несколько минут, показавшихся мне вечностью, неотрывно глядел на лик, затем встал на колени и поцеловал руку и край одежды преподобного. Подозвав отца Афанасия, он тихо произнес что-то по-гречески, и тот вышел, но вскоре вернулся с двумя бокалами и со старой, необычной бочкообразной формы бутылкой, покрытой толстым, в палец толщиной слоем пыли. Видимо, не одно десятилетие пролежала она в винном погребе. Признаться, ни разу в жизни не пил я такого вкусного и ароматного вина. После угощения архимандрит Филипп преподнес мне в дар список чудотворной иконы Божией Матери „Кукузелиссы“. Мы расцеловались и простились до следующего дня.

А следующий день был незабываемым. На тысячелетний юбилей Великой Лавры съехались многие иерархи и Элладской, и других Православных Церквей. Для участия в торжествах пришли иноки из всех афонских обителей. Светские власти Греции также прислали своих представителей. Праздник собрал огромное число паломников из разных стран. Богослужение, длившееся с раннего утра и до позднего вечера, началось и закончилось крестным ходом с иконами преподобного Афанасия и молебном у раки с его мощами. Мне не верилось, но образ святого, созданный мной, несли первым.

После литании была большая трапеза, на которую, несмотря на мое стеснение, вместе с высоким духовенством и важными гостями меня пригласил сам игумен Филипп, показав на место недалеко от себя. Так я и сидел, простой русский богомолец, в старенькой ковбойке и вельветовых джинсах, среди видных церковных и государственных деятелей. Остаток ночи провел, беседуя с отцом Афанасием, а на рассвете отправился в монастырь вмч. Пантелеимона, получив прощальное благословение наместника Лавры, архимандрита Филиппа. „Эвлогите, патер“, — сказал я, целуя его руку. „О Кириос⁵³, путник“, — ответил он⁵⁴.

Из записок монаха Варлаама (2001 г.)

В архондарике монастыря Симона-Петра я познакомился с Андреем, паломником из Москвы. Андрей мне рассказал, что в Лавре подвизается русский монах Афанасий, и посоветовал с ним встретиться. Но первое время пребывания в обители мне было не до этого: одежда моя вся промокла, было холодно, а келья, где меня поместили, не отапливалась. Когда удалось согреться, я пошел в храм на вечернюю службу. И во дворе на греческое: «Христос Анестис!», послышалось русское — «Воистину Воскресе!». Я подошел к отвечавшему — темноволосому иноку средних лет. Это и был русский монах Афанасий. После службы и вечерней трапезы мы уединились и провели долгое время в беседе. Так я узнал его историю.

Несколько лет назад о. Афанасий, тогда еще Евгений, пешком двинулся из Владивостока в Иерусалим. Такой путь к Богу выпал на его долю. Шел по шпалам, укрываясь от дождя и снега кусками полиэтилена. Рассказывал, что в Бурятии местные жители, прослышав о нем, посчитали его за знахаря. И досаждали с требованиями чудес и исцелений. Прошел и через это. Осенью попал на Кавказ, где зимовал в пещере, ожидая визы в Иерусалим. Путь его был долог. Позже я показывал его фотографии в Косовских монастырях, в Рыльском в Болгарии, в Петербурге на подворье Оптиной пустыни — и его везде узнавали: это же Евгений. «Отец Афанасий — поправлял я, и добавлял — в честь Афанасия Афонского».

Евгений пришел на Святую Гору и поселился в пустынной келии во внутренней Каруле, куда можно попасть, спускаясь по цепи над бушующим морем. Визу он конечно просрочил, и жил нелегально, молясь и восстанавливая ветхую келию. Но полиция вычислила его и «обложила». Пришлось сдаваться. И такое возможно на

⁵³ То есть «Благословите, отче» — «Господь да благословит», вопрошание и ответное благословение (букв. «Господь») — формула, закрепленная греческой церковной традицией.

⁵⁴ Там же. С. 82–83.

православном Афоне. Стражи порядка отвели его к игумену Лавры архим. Филиппосу, власть которого распространялась на южную часть Афона, включая и Карулю. Ему предстояло решить судьбу русского Евгения. Настоятель оставил его в Лавре, принял в братию и позднее постриг в монахи⁵⁵.

Из записок Михаила Талалая (2003 г.)

Слава о. Афанасия на Афоне распространилась быстро — несмотря на то, что укрылся он в самом уединенном уголке — в местности Каруля, той самой, что обрывается под святогорским шпилем в море и где отшельники передвигаются с помощью веревок и цепей. Одна из странных особенностей Афона — быстрое распространение новостей, и это без радио и телефонов, не говоря уж об электронной почте, официально здесь запрещенной Кинотом. Местное население как будто связано невидимой информационной сетью, и важные события, происходящие, скажем, на Каруле, быстро становятся достоянием гласности на другом конце полуострова.

Об о. Афанасии мне поведали в Пантелеимоновом монастыре. Пришел он, будучи еще Женей, в Грецию странником — как будто бы пешком из родного Владивостока. Шел в Святую Землю, но не дошел, так как свернул на Афон. Документов нет. Когда-нибудь попадетесь астиномам, и те его моментально выдворят. Где выход? Пантелеимоновцы считали, что один: идти в русский монастырь и проситься на послушание. Но Женя, по ведомым одному ему причинам, в Пантелеимонов монастырь идти не хотел. Это, кажется, огорчало монахов — казалось, что владивостокский странник предпочитал быть изгнанным, нежели просить кров в родном «Пантелеимоне».

Прошло года два, и в одно из летних посещений Святой Горы я оказался в Лавре на *панигире*, престольном празднике. Такого большого скопления народа на Афоне я прежде никогда не видел. В архондарик, за койкой, даже не было смысла обращаться — люди раскладывали свои паломнические принадлежности прямо в монастырском дворе. Кипели огромные котлы с рыбой. Один монах, окруженный зеваками, почти полдня выкладывал коливо-мозаику, с изображением св. Афанасия, которую на следующий день должны были раздать богомольцам. Другой, чернявый молодой монах напористого вида, постоянно снова между двором и трапезной. Что-то неуловимое во взгляде или походке выдавало в нем земляка.

Традиционное святогорское начало: «Благословите, отец» — «Бог благословит». Лаврский инок оказался тем самым Женей-карулиотом, за которым охотилась афонская полиция. Беседовать, однако, было невозможно — слишком много предстояло хлопот, и мы договорились пообщаться на следующий день. Всю ночь шла праздничная служба, закончившаяся пиром. Огромная трапезная, конечно, не вмещала всех пришедших, и их запускали в три очереди. Потом люди отдыхали, пытаюсь найти в греческий летний полдень тенистый уголок. Затем мы встретились с о. Афанасием.

Да, действительно, пешком шел из Владивостока. Да, нелегально пересек афонскую границу (и не ее одну). Да, полиция ловила и поймала. Потом же началось нечто необычное. Нелегал исповедал перед астиномами желание стать монахом. Афон — страна особенная, и полицейские тут уважают подобные стремления. Нарушителя всевозможных земных правил отвели по его просьбе в Лавру, игумен коей уже знал о русском отшельнике. Отважный юноша приглянулся настоятелю, и тот взял его под свою опеку, а по прошествии срока послушания принял в лаврскую братию. Имя новому иноку дали со значением — честь основателя Лавры.

<...> Мы смотрели в другую сторону — в бездонное элладское небо. «Где-то там радуется, — после долгой паузы сказал инок, — убажаемый нынче нами преподобный Афанасий, он же мой новый покровитель, спасший меня и от полиции, и от мира». Я поздравил бывшего сибиряка с именинами — первыми в его монашеской жизни⁵⁶.

⁵⁵ Варлаам, монах. Зима на Афоне. СПб., 2001. С. 24–25.

⁵⁶ Талалай Михаил. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 119–121.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НЕВА» ЗА 2019 ГОД

Проза

- Азнаурян О. Кафе на бывшей Крепостной улице. *Рассказ*. IV, 122.
- Андреев И. Прожигатели жизни. Городские зарисовки. *Рассказы*. I, 206.
- Арно С. Двери. Два рассказа о счастье. Мертвые сами знают, отчего мертвы. *Рассказы*. V, 6.
- Арукенова О. Наурыз. *Рассказ*. XI, 141.
- Асманов А. Полторамерон, или Любовь в среднем классе. *Повесть*. VIII, 47.
- Ахматов А. «Попугайчик». *Рассказ*. VIII, 111.
- Бимаев А. О красоте. О лошадях. *Рассказы*. VII, 152.
- Бочков В. Певчие птицы Латгалии. *Рассказ*. II, 140.
- Бушуева М. Повстанец. *Роман*. II, 71.
- Быкова И. Поиск метра. *Повесть*. XII, 8.
- Волкова С. Коробка с зефиром. *Повесть*. VIII, 8.
- Вялков П. Критий. Корона Британской империи. «Прощай, диктатор!». Графская развалина, или Новая Пиковая дама. *Рассказы*. III, 137.
- Гаммер Е. Голоса пустыни. *Роман ассоциаций*. VI, 47.
- Дзугаев Б. Ахмет Ахметыч отошел. *Рассказ*. I, 198.
- Ермаков О. Восхождение в Сибирь. *Рассказ*. VI, 7.
- Жданов А. Всадник, имеющий меру. *Повесть*. X, 126.
- Заньковский А. Черная Калитва. *Поэма в прозе*. I, 28.
- Зоткин И. Цветок Мандрагоры. *Новогодняя сказка для взрослых со счастливым концом*. VI, 140.
- Ибраева Ф. Похоронили, как Шеварднадзе. Бред собачий, или Гонка за паспортом. *Рассказы*. III, 113.
- Игнатъев А. Письма из Америки. *Роман-травелог*. VII, 37.
- Исакжанов Д. Орехи. Тайное кино. Доказательство существования. Та сторона. Дни творчества. Семена. Тонкие материи. Маска. *Рассказы*. X, 86.
- Кантор В. Выживание. *Новелла*. IV, 7. Не пускайте зло в свой дом. *Новелла*. VIII, 95.
- Ким Ю. Камни, бездушные. *Рассказ*. X, 71.
- Ковалев В. Ураган «Лолита». *Повесть*. XI, 90.
- Колесников А. Новая искренность. Маленькая любовь. Белгород—Харьков. *Рассказы*. VII, 180.
- Константинов И. Четвертак. Смерть Евы Крамер. Федерико Альварес. *Рассказы*. VII, 7.
- Крюкова Е. Хоспис. *Роман*. III, 9.
- Куберский И. Будни Локаса. *Рассказы*. III, 166.
- Куприянов С. Генеральша. *Повесть*. V, 35.
- Лагутин Д. Гнездо. Чудо. *Рассказы*. IX, 142.
- Ласкин А. Белые вороны, черные овцы. *Повесть-воспоминание*. X, 7.
- Линник З. Час дворника. Третья сторона апельсина. *Рассказы*. XII, 70.
- Макоша О. Маленькие люди. *Повесть*. VIII, 119.
- Мамонтов Е. Тринадцать окон. *Повесть*. VI, 27.
- Мелентьева А. Моя дача в степи. *Документальная повесть*. IX, 81.
- Мелихов А. Тризна. *Повесть*. IX, 6.
- Мендыбаев А. Греческий бриз. Чиновничьи забавы. *Рассказы*. XII, 94.
- Моисеева И. Принц большой крови. *Исторические картинки*. IV, 79.
- Мощицкий И. Под знаком Шумейкеров—Леви. *Записки сентиментального афериста*. II, 9.
- Небыков А. Битвоин. Ждана. Огни Непала. *Рассказы*. I, 54.
- Нехаев А. Кафе «Поезд». *Рассказ*. XII, 80.
- Никитин А. Вкус (Из цикла «Человек по частям»). Взгляд (Из цикла «Человек по частям»). Парень, который улыбался. *Рассказы*. VII, 165.
- Новиков А. Книжные люди. Свадьба у банкира. Сто одна кляуза. Миша-пистолетик. Веселые вечера. *Рассказы*. IV, 61.
- Орлов В. Евразия. *Повесть*. IV, 29.
- Пальшина М. Поколение бесконечности. *Роман*. I, 78.
- Панограф А. И лишь безумец... *Рассказ*. VIII, 29.
- Першин М. Тактовая частота. *Рассказ*. III, 177.
- Ратников А. Человек апокалипсиса. *Рассказ*. I, 187.
- Редисов Р. Рейс. *Рассказ*. I, 7.
- Рыбин А. Tinder. *Рассказ*. VII, 141.
- Рябов О. Толик Земляной. Арифметика. *Рассказы*. IX, 127.
- Седов Г. Читая Тэффи. *Повесть*. XI, 7.
- Селин А. Слоноферма. Потерянное чувство. Батя. *Рассказы*. I, 173.
- Смирнов С. Заметки о Кронштадте. Заклепки. На Галерной. *Рассказы*. VIII, 150.
- Соловьева М. Ночная дорога на Южную Каролину. *Рассказ*. IX, 101.
- Стригин М. Бензол. *Рассказ*. IX, 60.
- Тарасов Д. Господин Яновский. Ряженные, или Паровая машина Джеймса Уатта. *Рассказы*. XII, 34.
- Тютюнник Н. Шиповник. *Рассказ*. IX, 153.
- Честнейшин А. О друге. В пустоте. *Рассказы*. X, 110.
- Юдин А. Взрыв мозга. Паразит. Легкий способ. *Рассказы*. V, 21.

Поэзия

Алейников В. V, 153.	Каминский Е. III, 107.
Амчиславский А. IX, 138.	Комаров К. I, 73.
Андреева О. IX, 78.	Котляров И. II, 160.
Буевич Е. XI, 3.	Кравченко Н. XII, 30.
Вацаев О. X, 83.	Матвеева М. III, 3.
Введенский С. VII, 3.	Мнацаканян С. VIII, 40.
Габриэль А. X, 3.	Мошников О. XI, 87.
Гагаринов И. IV, 3.	Немировский С. XII, 3.
Газизова Л. II, 137.	Нечаев А. VI, 3.
Година Н. V, 3.	Окенчиц Н. XII, 77.
Городницкий А. II, 65.	Пеньков В. VI, 43.
Грантс Я. IV, 24.	Переяслов Н. V, 32.
Гущин А. III, 132.	Пикалова Ю. IX, 56.
Домбровский С. I, 182.	Попов Е. IX, 3.
Дьяконов Е. I, 195.	Синельников М. IX, 98.
Дягилев М. I, 3; VII, 162.	Скобло В. IV, 58.
Емельянова Н. XI, 135.	Слепухин С. II, 155.
Затонская М. I, 168.	Степанов Е. II, 3.
Зингер Г. I, 48.	Суханова В. VIII, 108.
Зиновьев Д. VIII, 3.	Хохлов В. VII, 137.
Зубарева В. Разговор по душам. V, 149.	Шацков А. VI, 22.
Истомина И. X, 123.	Эрастов Е. IX, 120.
Кадыров С. V, 18.	Япишин Р. I, 24.

Вселенная детства

Агентова Ю. Девчонка по имени Родина. Рассказ. XI, 151.	Михеева Л. Болтун. Рассказ. II, 172.
Аграчева Ю. Когда я была маленькая. Рассказ. XII, 105.	Моисеева И. Повесть о коммунизме и любви. IX, 157.
Батюк Г. Планида. Про ерунду. Михайловский замок. Окраины. Рассказы. X, 148.	Сатпаева Н. Нет фотографии. Новогодний снег. Рассказы. IV, 128.
Иванов Ю. Мое блокадное детство. II, 163.	Умарова А. Клавиши Падам. Рассказ. VII, 188.

Публицистика

Архимандрит Августин (Никитин). Ям—Ямбург—Кингисепп?—Ямбург! XII, 151.	та. I, 210. Почему существует Нечто, а не Ничто? VII, 195.
Бачинин В. Анти-Ницше: идея «смерти» Бога как продукт троллинг-стратегии. Статья первая. Кто вы, профессор Ницше? IV, 146; Статья вторая. Философско-авантюрный метароман. VI, 175; Статья третья. Ницше — человек андеграунда. IX, 173; Статья четвертая. Катастрофическое существование в условиях «смерти» Бога. X, 163; Статья пятая. Контрапункт теодицеи и теоморта. XI, 176.	Дудченко В. Ирак: пустыня, танки, люди... II, 187.
Беркович Е. Альберт Эйнштейн в кино и в жизни. Нужно ли жертвовать исторической правдой ради художественности? V, 157.	Ефимов И. Новые «евфимизмы». IV, 136.
Винничук А. Россия между локальным и общегосударственным. Критика исторического опыта. I, 210.	Краснухина Е. Национализм нации и национализм национальности. III, 189.
	Кураев М. Солженицын сегодня и завтра. II, 177.
	Продается усадьба. Недорого! IX, 164.
	Кураев С. Укротители наводнений. XII, 122.
	Малинов А. «Непорешенный вопрос». VIII, 161.
	Марава Л. Здесь с Небесами напрямую говорят. VI, 168.
	Мелихов А. Языки объединяющие и разъединяющие. VIII, 183.
	Фрумкин К. Государство будущего. Послесловие А. Мелихова. XI, 163.

Критика и эссеистика

- Амусин М. Войнич — Достоевский: сходство несходного. V, 205.
- Влащенко В. Современное прочтение поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри». VIII, 189. «Зимнее утро» А. С. Пушкина как чудо русской поэзии. XII, 189.
- Всеволодова А. Рассуждение о том, какие вымыслы к переписыванию истории бывают употребляемы. XI, 195.
- Зайнуллина Г. Программирующая мощь казанского текста (*Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина*). III, 208.
- Калмыкова В. «СДРКРЧ», или Еще раз об эллинистической природе русского языка. X, 198.
- Капустин Д. Антон Чехов: и снова Ницца, а вместо Африки — Италия (1900—1901). IV, 156.
- Кибальник С. Анти-Неврозов. О том, как Н. Н. Страхов оклеветал Ф. М. Достоевского и почему эта клевета будет жить вечно. X, 176.
- Маркелов Н. «Ужасный край чудес!..». *По следам кавказских путешествий А. С. Пушкина*. V, 175.
- Мелихов А. Поймали птичку голосистую... III, 196.
- Новикова-Строганова А. Духовные пути русского слова: *Художественное воплощение христианской антропологии в «апокрифическом рассказе о Гоголе» «Путимец»*. IV, 170.
- Сидоров М. Судьба сверхчеловека (*К 175-летию со дня рождения Ф. Ницше и 90-летию братьев Стругацких*). VI, 187.
- Трушин О. «Тихий Дон» Русского Севера. IX, 180. «Правда, правда и еще раз правда». *От опального писателя до лауреата Государственной премии СССР*. XII, 165.
- Ястребенецкий Г. Забытые сюжеты. XI, 186.

Переводы

- Баум П. Я любовался светом всех людей небесным. *Предисловие и перевод с немецкого Евгения Лукина*. VIII, 156.

Круглый стол

- Российский Лафонтен. К 250-летию со дня рождения И. А. Крылова.** *Участники:* Д. Драгунский, В. Елистратов, В. Калмыкова, К. Комаров, А. Ласкин, А. Ломтев, А. Новиков, А. Пурин, Е. Степанов, В. Харченко, Ю. Щербинина. *Материалы Круглого стола подготовили А. Мелихов и Н. Гранцева.* II, 194.
- «Всё, что есть у меня, — мой язык».** *Участники:* А. Арьев, Б. Бартфельд, О. Глушкин, Д. Драгунский, В. Елистратов, В. Зубарева, В. Калмыкова, Е. Крюкова, А. Ласкин, Е. Невзглядова, А. Пурин, А. Семкин, М. Стригин. *Материалы Круглого стола подготовили А. Мелихов и Н. Гранцева.* IV, 182.

Театротека

- Алифанов О. Первый Шекспир — Шекспир, второй — Рабле, а третьему не бывать. VIII, 208.
- Безрукова Л. Театр по имени Алиса. XII, 211.
- Гранцева Н. Роквием по Гамлету. V, 220. Оптимизация драматургов? XI, 214.
- Зиновьева Е. Не мемуары Владимира Рецептера. II, 207. Век восемнадцатый — далекий, близкий? IV, 197. Российское общество в зеркале классической драматургии. IX, 218.
- Малышкина О. Театр русского Эзопа. VI, 208. Рука Всевышнего в судьбе Нестора Кукольника. X, 208.
- Паннограф А. Театр слезам не верит. IV, 202. Дорога в дивный ад. XII, 206.
- Ратников А. Люди из Подольска. II, 212. С любимыми драматургами не расставайтесь. III, 220. Смерть Джугашвили. V, 217.
- Харченко В. На подступах к театру, или Инстинкт перевоплощения. III, 224.

Петербургский книговик

- Абарникова Н. Почему отравилась Маруся. VII, 223.
- Алифанов О. Торжество негодяев в романе «Анна Каренина». X, 219.
- Амусин М. Исигуро: концептуальный художник зыбкого мира. IX, 228.
- Большакова А. Нет, жить и побеждать! II, 222. Без прозорливости — никак. VI, 223.
- Бояшов И. Возвращение к Эдипу. II, 226.
- Бушуева М. Инверсия судьбы. VIII, 222.
- Быкова И. «Скифы» Блока в период «холодной войны». XI, 220.
- Галимова Е. Полнота русской жизни. XII, 221.
- Гвелесиани Н. Причина поражения социализма в СССР названа М. Горьким. III, 232.
- Гордеевцева Ж. Путеводитель по счастью. VII, 215.
- Гранцева Н. Шекспир и проблемы кинологии. IV, 215.
- Жеребчук Б. Между домом и дорогой. VIII, 231.
- Зиновьева Е. Виктору Конецкому посвящается. VI, 216.
- Иванова И. Город, которого нет. VII, 232.
- Капленкова В. Негативный позитив, или Вдохновение страшным. VII, 218.
- Кибальник (Кибальнич) С. Школа Достоевского. III, 229. «Мы неслись в одной карете...». *Памяти Карена Степаняна*. V, 226.
- Климова Ю. Оглянуться и искренне поблагодарить. VII, 220.
- Книжный остров. *Публикации Елены Зиновьевой*. I, 231; II, 229; III, 238; IV, 227; VI, 231; VII, 234; VIII, 237; IX, 239; X, 231; XI, 233; XII, 230.
- Козлова Л. Преодолевая травму. VII, 225.
- Колисниченко Д. Повесть «Собачье сердце»: карикатура на интеллигенцию. X, 228.
- Кормилицын С. Последний романтик, или Не тот самый Мюнхгаузен. V, 235.
- Крючкова Ю. Красота не измеряется килограммами. VII, 230.
- Кулагина М. Названы поименно. V, 241.
- Матвеева Е. Не хлебом единым... VII, 227.
- Мелихов А. Марафонец. II, 216.
- Минаков С. «Помашу я рукой тебе издали...». IV, 209. Владимир Богомолов и его моменты истины. IX, 224.
- Немировский С. Разновидность Боевого Искусства. XI, 224.
- Попов Е. От темно-синего до безоружно-зеленого к пустоте? VII, 203.
- Соснина Е. О монтаньярах, большом кинжале и об искусстве умирать, или Два сюжета о роковой дуэли М. Ю. Лермонтова. I, 219.
- Харченко В. Устройство стиха. II, 224. «Остается бежать — так как прежде — / Остается упасть на бегу». V, 232. «Китайское путешествие» Ольги Седаковой. VI, 229. Человек рассуждающий... VIII, 215.
- Чайковская И. Вернуть имена. VI, 225.
- Шангареев И. Башкирская стрела Иоганна Вольфганга Гёте. I, 227.
- Шумейко И. Трудности перевоза. VIII, 225. Ибсен, феминизм и куклы с низкой социальной ответственностью. XII, 226.
- Югов А. Вижас мизерия, или Полевое бессилие. VII, 209.

Пилигрим

- Архимандрит Августин (Никитин). На Иордан. *Часть 4*. I, 238; *Часть 5*. II, 237; *Часть 6*. III, 245; *Часть 7*. IV, 237; *Часть 8*. V, 245; *Часть 9*. VI, 237; *Часть 10*. VII, 244. Обители Афона. *Часть 1*. VIII, 244; *Часть 2*. IX, 243; *Часть 3*. X, 240; *Часть 4*. XI, 240; *Часть 5*. XII, 239.

Contents

Prose and Poetry

- Sasha Nemirovsky.** Poems • 3
Inna Bykova. Meter Search. *Story* • 8
Natalia Kravchenko. Poems • 30
Dmitry Tarasov. Mr. Yanovsky. Mummies, or James Watt Steam Engine. *Short Stories* • 34
Zlata Linnik. Janitor Hour. The Third Side of the Orange. *Short Stories* • 70
Natalya Okenchits. Poems • 77
Alexander Nekhaev. Cafe „Train“. *Short Story* • 80
Alexander Mendybaev. Short Stories • 94

Universe of Childhood

- Yudit Agracheva.** When I Was Little. *Short Story* • 105

Publicistic Writings

- Sergey Kuraev.** Flood Tamers • 122
Archimandrite Augustine (Nikitin). Yam—Yamburg—Kingisepp?—Yamburg! • 151

Criticism and Essays

- To the 100th Anniversary of Fedor Abramov. **Oleg Trushin.** „Truth, Truth and Once Again Truth.“ *From the Disgraced Writer to the USSR State Prize Laureate* • 165
Vyacheslav Vlashchenko. „Winter Morning“ by A. S. Pushkin as a Miracle of Russian Poetry • 189

Theatroteka

- Alexey Panograph.** The Road to Marvelous Hell • 206
Lyudmila Bezrukova. Theater Named Alice • 211

Petersburg Bookman

- To the 100th Anniversary of Fedor Abramov.** *Elena Galimova.* The Fullness of Russian Life. **Territory of Memory.** *Igor Shumeyko.* Ibsen, Feminism and Dolls with Low Social Responsibility. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 221

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Monasteries of Mount Athos. *Part 5* • 239
Contents of „Neva“ for 2019 • 251

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

*Проект «Моя эпоха с видом на Неву»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 25.11.2019. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 720
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СтР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28